

**ТРЕТЬИ ТЕОРЕТИКО-
ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ**

ИМЕНИ ПРОФЕССОРА

Н.А. ПЬЯНОВА

г. ИРКУТСК - 2021 г.

**ТРЕТЬИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ
ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА**

Материалы конференций

Иркутск, 5, 20 и 26 ноября 2021 года

УДК (321:340)
ББК Х01.л0

Редакционная коллегия

И.А. Арзуманов, д-р культурологии, канд. филос. наук, доц.;
С. А. Комаров, д-р юрид. наук, проф.;
И. А. Кузьмин, канд. юрид. наук, доц. (науч. ред.);
М. Ю. Спири́н, канд. юрид. наук, доц. (отв. ред. и сост.);
А. В. Степанов, магистр религиоведения;
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц.

Третьи международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова: материалы конференций 5, 20 и 26 ноября 2021 г. / отв. ред. и сост. М. Ю. Спири́н; [науч. ред. С. А. Комаров, И. А. Кузьмин]. – Иркутск: Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2022. – 427 с.

Представлены результаты исследований актуальных проблем государственно-правовой действительности, а также философских, исторических, этноконфессиональных, религиоведческих и иных специальных аспектов взаимодействия государства и права с общественными институтами.

Материалы сборника представляют интерес для всех, кто занимается изучением проблем современного государства, общества и права, специальным аспектам их взаимодействия. Сформулированные положения могут быть использованы при изучении и преподавании философии, теории государства и права, конституционного права, социологии, религиоведения, теологии, культурологии и других гуманитарных дисциплин в высших и средних специальных учебных заведениях.

*Сборник издан при поддержке проекта
«Байкальский этнорелигиозный дискуссионный клуб
«Время говорить!» (куратор проекта А.В. Степанов)*

ISBN 978-5-86247-155-7

© Авторы
© Межрегиональная
ассоциация теоретиков
государства и права, 2022

**МАТЕРИАЛЫ ТРЕТЬИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ЧТЕНИЙ
ИМЕНИ ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА**

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	6
Раздел I. Проблемы организации и осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности	7
Деревскова В. М. Профессиональные и нравственные требования к прокурорам после проведения судебной реформы 1864 г. в России.....	7
Джура В. В. Судебное руководство в аспекте содействия и доверия суда.....	17
Киримова Е. А. Нравственные начала деятельности нотариата.....	22
Кузьмин И. А. О перспективах исследования системы юридической ответственности.....	30
Малышева И. В. Трансформация моральных оснований права в условиях информационного общества.....	34
Мерзлякова И. С. Внесудебное урегулирование споров в рамках семейных правоотношений.....	42
Мухамеджанова Л. А., Ермоченко К. П., Ивентьев С. И. Роль правовой и нравственной культуры в воспитании и образовании молодежи.....	48
Ракитина Е. В., Доржиева А. Б. Условия и порядок регистрации брака с лицами, осужденными к лишению свободы.....	60
Романенко Н. С. Роль нравственных начал, закрепленная в принципах уголовно-процессуальной деятельности следователя как одной из форм юридического процесса.....	66
Спирин М. Ю. Источник права: проблема оснований и методик определения.....	73
Чигринский Н. С. Государственно-правовое регулирование в Восточной Европе в период изменения систем.....	80
Раздел II. Религиозные основания социального регулирования	87
Арзуманов И. А. Иудейская община в Иркутске в контексте межкультурной коммуникации.....	87
Асадуллина Г. Р., Гончаренко К. Д., Ивентьев С. И. Религиозный терроризм как составляющая экстремизма.....	98
Бардаков А. В. Деятельность церкви в сферах культуры и образования: опыт взаимодействия и перспективы развития (на материале Красноярского края).....	110
Беломыцев А. А. Репеция современной музыки поклонения в общинах российских протестантов.....	120

Дроботушенко Е. В. Влияние изменений в законодательстве о религии Российской империи начала XX века на религиозные процессы в Забайкалье..	126
Дячук М. И. Особенности межэтнической медиации.....	134
Жуков А. В., Младенов В. И. Специфика религиозных и нерелигиозных угроз социальной безопасности со стороны религиозных объединений на территории РФ.....	145
Зобнин В. С. Влияние религиозного фактора на развитие конфедеративно-интегративных структур публичной власти.....	154
Камедина Л. В. Православная культура в вузе: формы работы со студентами...	162
Коноплёв Н. С. Религия начинается с образно-иллюзорного отражения мира..	170
Ли Пин, Юйшин М. А. Трехречье: религиозная и культурная жизнь эмигрантов в Хулунбуире (20 – 40 годы XX века).....	182
Руденок Р. О. Религиозная этика в обществе потребления с позиции плоских онтологий.....	188
Сенюшкина Т. А. Религиозное мировоззрение как фактор формирования российской правовой культуры.....	194
Степанов А. В., Индуцкая О. И. Церковное древлехранительство как образец социального партнерства церкви и государства на примере Иркутской области.....	199
Федоров М. А. Религиоведение о протестантизме: тенденции и перспективы...	209
Раздел III. Проблемы государственно-правовой действительности глазами молодежи.....	218
Брылева Т. В. Эффективность мониторинга социальных сетей при реализации правопорядка: теоретико-правовой аспект.....	218
Виноградова Ю. Д. Понятие коррупции и ее социальные предпосылки.....	226
Гашкова Е. Н. Правовые последствия усыновления (удочерения) российских детей иностранными гражданами, права и обязанности усыновителей, правовой статус усыновленных детей.....	233
Егорова Е. Е. Содержание понятия «демократия» в политико-правовой мысли современности и эпохи Античности.....	243
Кузнецников А. А. Рекурсивная парадигма в исследованиях цифровой трансформации права.....	251
Лещевская Д. М. Личные неимущественные права и обязанности супругов.....	257
Негамутзянова А. С. QR-код в механизме противодействия короновирусной инфекции.....	263
Носырев Р. В. Юридическая природа и назначение актов судебного толкования правовых актов.....	271
Пронина В. В. Право, мораль и этика в условиях цифровых технологий: проблемы и пути их решения.....	279
Рожков А. О. Правовое регулирование религиозных организаций в Беларуси: наличные проблемы и перспективы.....	287
Терентьева Д. П., Пьянкова А. А. Право и экономическая деятельность.....	295

Толмачева Я. Д. Особенности конституционно-правового статуса прокуратуры РФ: история и современность.....	299
Тользак А. Е., Чугун Д. А. К вопросу о проблемах правового регулирования отношений в сфере охраны прав на здоровье граждан.....	308
Фомичева А. Ю. Взаимодействие органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с общественными организациями и объединениями в отношении детей, находящихся с осужденными матерями в исправительных учреждениях.....	319
Шарыпов К. А. Роль органов прокуратуры РФ в координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с киберпреступностью.....	329
Раздел IV. Идеологические основы правового регулирования: взгляд молодого ученого.....	336
Вершинина М. К. Право и мораль: пути достижения гармонии.....	336
Воробьева Е. Ю. Категория «моральный вред» через призму философии права.....	342
Драгун О. В. Взгляды мыслителей и современное видение вопроса о соотношении права и морали.....	350
Егоров В. О. Проблема соотношения морали и права в современном обществе.....	356
Зубакина М. В., Болдохонова Е. Н. Социальные ценности и функции права.....	363
Колобынина Е. А. Мораль в контексте современного права.....	369
Кряжевских Кс. А. Мораль и ее значение для правового регулирования.....	377
Кужлев К. И. Соотношение морали и права в современной аналитической традиции юриспруденции.....	382
Макарова Ю. А. Вероисповедальная политика Российского государства в период с 1865 по 1905 годы.....	391
Осадчая Е. В. Соотношение права и морали как центральный вопрос философии права.....	401
Смоликов Д. Д. О необходимости изучения теории субъекта для религиоведения.....	409
Тилигузова А. А. Проблемы противодействия коррупции в сфере образования.....	414
Шуплецов Н. С. Потребность государства в товарах, работах и услугах с позиции аксиологии права.....	420

Вступительное слово

Уважаемые читатели! Вашему вниманию предлагается сборник научных статей участников научных мероприятий, проведенных под эгидой Третьих международных теоретико-правовых чтений имени профессора Н. А. Пьянова в ноябре 2021 года: Международной научно-практической конференции «Нравственные начала государственно-правового регулирования» (05 ноября 2021 г.), Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Право и мораль в современном мире» (20 ноября 2021 г.), Международной научно-практической конференции «Этноконфессиональные институты, государства и общество: исторические политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия» (26 ноября 2021 г.).

Память о большом Человеке, Учителе и выдающемся Теоретике государства и права из Восточной Сибири – профессоре Николае Андреевиче Пьянове остается сильным сплачивающим началом для академической, профессиональной и студенческой общественности, представленной в Чтениях авторами из Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Китайской Народной Республики.

Широта междисциплинарной тематики и научных интересов поражает, охватывая собой многочисленные грани гуманитарной проблематики о «материи» и «духе» во всем разнообразии их авторских интерпретаций. Для более удобного использования, все материалы сборника рассредоточены на четыре раздела, первые два из которых включают работы «взрослых» исследователей, а оставшиеся – результаты научных изысканий студентов вузов. Качественной разносторонней проработке подверглись проблемы организации и осуществления правотворческой и правпорименительной деятельности, религиозные основания социального регулирования, проблемы государственно-правовой действительности глазами молодежи и идеологические основы правового регулирования с позиции молодых ученых.

Оргкомитет Третьих теоретико-правовых чтений выражает искреннюю благодарность Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права в лице профессора Сергея Александровича Комарова и куратору Байкальского этнорелигиозного дискуссионного клуба «Время говорить!» Андрею Васильевичу Степанову, благодаря деятельности и поддержке которых, настоящий проект продолжает жить и развиваться.

С уважением и надеждой на сотрудничество,
Оргкомитет Третьих теоретико-правовых чтений
имени профессора Николая Андреевича Пьянова

Раздел I.
Проблемы организации и осуществления
правотворческой и правоприменительной
деятельности

Деревскова Валентина Михайловна
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ПРАВСТВЕННЫЕ
ТРЕБОВАНИЯ К ПРОКУРОРАМ ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г. В РОССИИ
DOI: 10.47905/z3525-5910-4543-d

Аннотация. Нормативными правовыми актами, принятыми в ходе проведения судебной реформы 1864 г. регламентировался не только порядок деятельности реорганизованной прокуратуры, но и устанавливались требования к лицам, замещающим прокурорские должности.

Автором анализируется нормативное закрепление требований, а также приводятся примеры их реализации на основе различных источников, в том числе и архивных.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., прокурор, профессиональные требования к прокурорам, нравственные требования к прокурорам.

Derevskova Valentina Mikhailovna
PhD in Law, associate professor
Irkutsk law institute affiliated
to the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russia

PROFESSIONAL AND MORAL REQUIREMENTS FOR PROSECUTORS AFTER THE JUDICIAL REFORM OF 1864 IN RUSSIA

Abstract. The normative legal acts adopted in the course of the judicial reform of 1864 regulated not only the procedure for the activities of the reorganized prosecutor's office, but also the requirements for persons holding prosecutorial positions.

The author analyzes the normative consolidation of requirements, and also provides examples of their implementation based on various sources, including archival ones.

Key words: judicial reform of 1864, prosecutor, professional requirements for prosecutors, moral requirements for prosecutors.

В ходе проведения судебной реформы 1864 г. была реорганизована прокуратура. Третий раздел «Учреждения судебных установлений» (далее – УСУ) содержал нормы, касающиеся прокурорского надзора. Структура пореформенной прокуратуры выглядела следующим образом. Возглавлял прокуратуру генерал-прокурор он же министр юстиции, далее при Кассационных департаментах Правительствующего Сената прокурорский надзор осуществляли обер-прокуроры и их товарищи, при судебных палатах – прокурор палаты и его товарищи, при окружных судах – прокурор суда и его товарищи. Из товарищей прокурора окружного суда один находился при суде, а другие товарищи в городах округа суда (ст. 124–127 УСУ). «Судебная прокуратура» хотя и состояла при судах, но являлась самостоятельной системой.

В ходе судебной реформы 1864 г. территория империи была разделена на судебные округа, которые не совпадали с административно-территориальным делением. Как правило окружной суд, например, в европейской России учреждался на несколько уездов и в губернии могло быть несколько окружных

судов, однако окружной суд как правило в Сибири включал в себя территорию губернии: Томский окружной суд – Томскую губернию, но могли быть и определенные отступления, так Иркутский окружной суд включал все округа Иркутской губернии, а также районы Олекминской и Витимской золотопромышленных систем, последние территориально входили в Якутскую область. Судебная палата учреждалась на несколько губерний. Правильность организации прокуратуры с точки зрения несовпадения с административно-территориальным делением заключалась в том, что это придавало этому органу самостоятельности и независимости. В случае конфликта прокуратура могла отстаивать собственную позицию. Так попытки Приамурского генерал-губернатора С. М. Духовскому подчинить прокуроров не увенчались успехом, поскольку прокурор Иркутской судебной палаты А. А. Кобылин занял принципиальную позицию. Административная и судебно-прокурорская власть территориально не совпадали: округ Иркутской судебной палаты в момент конфликта включала в себя Западную и Восточную Сибирь и Дальний Восток, в то время как Приамурское генерал-губернаторство включало только территорию Дальнего Востока [5, с. 4].

В ст. 129 УСУ предусматривалась централизованная и иерархичная система, нижестоящие подчинялись вышестоящим и действовали под их руководством. Вышестоящие прокуроры давали нижестоящим предписания, а те должны были подавать вышестоящим представления. Равные по должности прокуроры между собой взаимодействовали подачей сообщений (ст. 197 УСУ). При том, что законом предусматривалась строго централизованная система взаимодействия, тем не менее в ст. 130 УСУ подчеркивалось, что, осуществляя свои полномочия при рассмотрении дел в судах прокуроры действуют, руководствуясь своими внутренним убеждением и законом, а не указаниям вышестоящих.

Единство прокуратуры как государственного органа реализовывалась в ст. 131 УСУ как возможность в рассмотрении гражданских и уголовных дел заменять одно должностное лицо на другое. Протест на приговор суда мог быть принесен не только товарищем прокурора, выступавшим по делу, но и прокурором

окружного суда и даже прокурором судебной палаты. Неделимость прокуратуры понималась в том смысле, что право протеста принадлежало лишь по вопросам, по которым требования выступавшего в суде прокурора были отклонены и не принесение протеста в срок одним из прокуроров лишало в целом прокуратуру право опротестовывать приговор. Вышестоящий прокурор не мог снять протест, принесенный нижестоящим прокурором, он мог лишь заявить суду, рассматривавшему дело по протесту, о своем несогласии с протестом при даче заключения по делу (ст. 532, 858, 865 Устава уголовного судопроизводства).

Не допускались к замещению должностей чинов прокурорского надзора иностранные поданные, состоящие под судом или следствием, отбывающие наказания, уволенные со службы по суду, исключенные из сословных обществ, несостоятельные должники и находящиеся под опекою за расточительность (ст. 200–201 УСУ). Прокурорами могли стать лица, достигшие 25-летнего возраста, с высшим юридическим образованием или доказавшие свои познания по судебной части. На должности чинов прокурорского надзора могли быть назначены лица, занимавшиеся судебной практикой: на должность товарища прокурора окружного суда – не менее четырех лет, прокурора окружного суда и товарища прокурора судебной палаты – не менее шести лет, прокурора судебной палаты – не менее восьми лет, на должность обер-прокурора – не менее двенадцати лет. Профессиональные навыки и необходимый четырехгодичный стаж можно было приобрести стажировкой кандидатом на судебные должности при прокуратуре окружного суда или прокуратуре судебной палаты, в качестве судебного следователя окружного суда, а также адвокатской практикой. Так прокурор Иркутской судебной палаты с 1898 г. по 1902 г. С. Г. Коваленский окончил Императорское Училище правоведения и начинал свою карьеру с 1879 г. кандидатом на судебные должности при прокуратуре Санкт-Петербургского окружного суда, затем Харьковской и Тифлисской судебных палат. В 1880 г. был помощником следователя в г. Тифлисе, с 1883 г. товарищем прокурора Бакинского окружного суда, с 1889 г. товарищем прокурора Санкт-Петербургского окружного суда и далее занимал прокурорские должности став

прокурором Иркутской судебной палаты, а затем прокурором Тифлисской судебной палаты [1, с. 172–173].

Чины прокурорского надзора в соответствии со ст. 246 УСУ не могли занимать другой должности как по судебному, так и по другим ведомствам, а также общественную службу. Законодателем это объяснялось тем, что, получая жалование на разных должностях будет существовать зависимость [11, с. 170–171], т.е. будет нарушаться принцип независимости. Однако прямого запрета заниматься коммерческой деятельностью не содержалось. В ст. 135 УСУ указывалось, что «предметы занятий, коим вверен прокурорский надзор, ограничиваются делами судебного ведомства». Аргументация неприятия запрещающей нормы при обсуждении проекта заключалась в том, что «если прокурор увлечется коммерческими делами в ущерб своим прямым служебным обязанностям, то общественное мнение заклеймит их позором, а правительство не станет их терпеть на службе». По мнению министра юстиции Н.В. Муравьева другая деятельность, кроме прокурорской, не поощрялась правительством [9, с. 400–401].

Младшие чины прокуратуры (товарищи прокурора) назначались и увольнялись министром юстиции, высшие (остальные), по представлению последнего, – царем (ст. 202, 210, 219–222 УСУ). При назначении на должность начальством запрашивать характеристики с предыдущих мест работы, в которых указывались не только сведения о служебной деятельности, но и профессиональные и моральные качества. Так при назначении на должность товарища прокурора Иркутской судебной палаты в 1897 г. А. В. Витте с предыдущего места работы ему дали следующую характеристику: «Наделен прекрасными способностями, трудолюбием и преданностью службе, познания его оказались не вполне достаточны, но можем надеяться, что при его способностях он скоро восполнит эти недостатки. В нравственном отношении безупречен» [1, с. 161].

Ст. 245 УСУ предусматривалось перемещение лиц прокурорского надзора без согласия лица, поскольку на прокуроров в отличие от судей не распространялся принцип несменяемости. Переводы должностных лиц были обусловлены несколькими причинами: 1. Перевод из других местностей связан в первую очередь с необходимостью привлечения специалистов, в

отдаленные территории, например, в Сибирь, при этом основным стимулом служило повышение по службе. Например, прокурор А. А. Кобылин, который до своего назначения в 1896 г. на должность прокурора Иркутской судебной палаты был председателем Вологодского окружного суда, а в 1898 г. будет переведен на должность прокурора Саратовской судебной палаты.

2. Проведение политики перемещения наиболее опытных, обладающих организаторскими способностями людей. Примером может служить биография А. В. Лихачева, который перед тем как его назначили в 1899 г. товарищем прокурора Иркутской судебной палаты, имел опыт прокурорской работы и участия в различных международных конгрессах, посвященных пенитенциарному праву и участия в комиссии под председательством сенатора, доктора права Н. С. Таганцева по составлению проекта нового уголовного уложения. Когда решался вопрос о его назначении, было отмечено, что колоссальный опыт и выслуги перед отечеством позволяют возложить надежды на то, что он справится с высокой нагрузкой и иными сложностями, возникающими у прокурорских работников в Сибири [7, с. 161–162].

3. Перемещение должностных лиц как повышение или понижение по службе. Как повышение по службе можно рассматривать перевод из восточной в западную часть Сибири, из отдаленных участков в центральные, с должности товарища прокурора окружного суда на должность прокурора окружного суда или товарища прокурора судебной палаты и далее либо из чинов прокурорского надзора на должности судей.

4. Перевод мог быть связан с субъективными факторами: невозможность нахождения в Сибири из-за сурового климата самого лица, его близких, как в случае с товарищем прокурора Иркутского окружного суда Л. И. Гречиным или перемещение товарища прокурора Читинского окружного суда А. Н. Бауха товарищем прокурора Иркутского окружного суда, из более сурового климата в менее суровый, поскольку проживал совместно с престарелой матерью [3, л. 4]. Товарищ прокурора Владивостокского окружного суда А. Н. Александров был вынужден просить перевода, когда его служебная деятельность привела к конфликту с городским обществом. Александров раскрыл злоупотребление членов биржевого комитета, которые проиграли деньги комитета в карты. После того как участники аферы поняли, что не смогут склонить

товарища прокурора к должностному преступлению, началась его травля (жалобы, угрозы, публичные скандалы). Александров довел дело до конца, завоевав себе безупречную репутацию и уважение коллег. Прокурор Иркутской судебной палаты высоко оценил деятельность своего подчиненного и оказал ему поддержку. В 1911 г. Александров получил назначение на должность товарища прокурора Полтавского окружного суда [6, с. 101–102]. Хотя были случаи, когда прокуроры пытались уклониться от переезда в более отдаленные территории, объясняя это состоянием своего здоровья или своих близких [6, с. 104].

После принятия Манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего политические свободы поданным, в том числе участие в политической жизни страны через различные собрания, общества и политические партии, встал вопрос о возможности государственных служащих участвовать в подобного рода объединениях. Согласно решению общего собрания Первого и Кассационных департаментов Сената от 9 октября 1906 г. судьям не рекомендовалось «примыкать к преследующим политические цели обществам и союзам, а также к политическим партиям в качестве членов оных». Несколько позже, Циркуляр «О воспрещении лицам прокурорского надзора принимать участие в союзах и обществах, преследующих политические цели» № 59579 от 22 декабря 1905 г. установил соблюдение этой нормы обязательным для всех служащих Министерства юстиции [8, с. 20]. Законодателем впервые декларировалась деполитизация отечественной прокуратуры. Однако эти ограничения были сняты после Февральской революции 1917 г. Так товарищ прокурора Читинского окружного суда И. И. Бельденинов (с 1913 г. занимал должность товарища прокурора Читинского окружного суда, в 1917 г. должность товарища прокурора Иркутского окружного суда, в 1919 г. должность мирового судьи 9 участка Иркутского окружного суда, с августа по октябрь 1919 г. исполнял обязанности товарища прокурора Иркутской судебной палаты) первоначально придерживался социал-демократических взглядов, в 1912 г. перешел в партию народной свободы (кадетов), начал свою общественную деятельность с 3 марта 1917 г., но начальством ему было запрещено чтение лекций, участие в концертах, спектаклях и т.д. После Февральской революции вступил в комитет общественных организаций

Верхоленска как председатель партии кадетов, в апреле 1917 г. был избран делегатом на съезд партии [1, с. 158].

Работа лиц прокурорского надзора, сопряженная с выполнением своих служебных обязанностей, в том числе и надзорной деятельностью была связана с попытками дискредитировать отдельных лиц. В 1914 г. прокурора Иркутского окружного суда А. Е. Левберга обвиняли в использовании служебного положения. В 1915 г. на имя министра юстиции поступила анонимная жалоба на действия Левберга, в которой говорилось о том, что «Все грабительские дела в Иркутске пропадают благодаря прокуратуре, которая при крупных делах берет взятки и известную долю несет Левбергу». Была проведена проверка, в результате факты, изложенные в письме, не подтвердилось [7, с. 163]. Проверки подлежали и сведения, касающиеся поведения в быту. Г. Ф. Фусс, товарищ прокурора Иркутской Судебной палаты отдыхал на пароходе вместе со своей женой в 1904 г. Когда на судне началась драка, он стал пытаться рязнять лиц, которые вступили в конфликт. Через месяц на имя министра юстиции пришла жалоба, содержащая в себе сведения о том, что он злоупотреблял спиртными напитками во время отдыха и вел себя неподобающе. Во время проведения служебной проверки он был отстранен от должности, однако выяснилось, что жалоба была подана с целью дискредитировать товарища прокурора в широких кругах [7, с. 163]. Но были и другие примеры, так в 1902 г. на имя министра юстиции поступила жалоба от Худяковой, в которой она обвиняла товарища прокурора Красноярского окружного суда И. А. Каминского в отказе обеспечивать дочь, которая родилась вне брака. Прокурором Иркутской окружной палаты было поручено прокурору Красноярского окружного суда проверить указанные факты. Последний в представлении докладывал, что указанные факты подтвердились [4, л. 85]. При этом необходимо отметить, что эти обстоятельства не помешали дальнейшей службе Каминского, который переехал в Иркутск заняв должность юрисконсульта, а с 1910 по 1917 гг. исполнял обязанности прокурора Читинского окружного суда [1, с. 169]. В другом случае товарищ прокурора Томского окружного суда М. Н. Войтенков за неблагоприятные поступки, не относящиеся к службе, был переведен сначала на должность мирового судьи Красноярского

окружного суда, а затем еще дальше на восток, в один из самых отдаленных участков Читинского окружного суда [2, с. 79].

Дисциплинарная ответственность прокуроров предусматривалась ст. 266 УСУ. Лица прокурорского надзора подлежали дисциплинарному взысканию по усмотрению министра юстиции, но только после получения объяснений. Но обер-прокуроры Кассационных департаментов Сената могли подвергаться только предостережениям, товарищи обер-прокурора, прокуроры судебных палат, товарищи прокуроров судебных палат и прокуроры окружных судов только предостережениям, замечаниям и выговорам без внесения в послужной список (п. 1–3 ст. 262 УСУ). Необходимо отметить, что составители Уставов поясняли, что прокуроры судебных палат и их товарищи, прокуроры окружных судов не могут подвергаться аресту в качестве дисциплинарного наказания и перемещения с вышестоящей должности на нижестоящую должность, поскольку в первом случае может быть нанесен ущерб интересам службы, т.к. подвергнутый взысканию не сможет осуществлять свои обязанности, а во втором случае это будет оскорблять самолюбие служащего и не будет достигнута цель дисциплинарного исправления. Пункты 1–3 ст. 262 УСУ распространялись и на товарищей прокуроров окружного суда, но вычет из жалованья, арест и понижение по должности (п. 4–6 ст. 262 УСУ) предусматривалось только для них. Но при этом законодатель пояснял, что чем выше должность, тем выше должна быть ответственность, и если нижестоящие подвергались довольно значительным дисциплинарным взысканиям, то вышестоящих чинов следует подвергать уголовному наказанию [11, с. 184, 185, 187]. Дисциплинарное производство осуществлялось в отношении обер-прокуроров и их товарищей, прокуроров судебных палат и их товарищей Кассационными департаментами Сената, а прокуроров окружных судов и их товарищей – судебными палатами (ст. 270 УСУ). Законом «О порядке издания Общего Наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» от 20 мая 1885 г. в ст. 14 уточнялась редакция ст. 270 [10, с. 223]. Теперь дисциплинарное производство осуществлялось в отношении обер-прокуроров Кассационных департаментов Сената и их товарищей, прокуроров судебных палат и их товарищей осуществлялось Высшим дисциплинарным

присутствием, а прокуроров окружных судов и их товарищей – судебными палатами. Дисциплинарное производство не могло быть начато по истечению года с момента совершения действия, подлежащего взысканию (ст. 273 УСУ).

Таким образом, в результате проведенной судебной реформы 1864 г. прокуратура была организована как независимый орган, а к лицам прокурорского надзора предъявлялись высокие требования такие как уровень образования, компетентность, добросовестное исполнение служебных обязанностей, что позволило в конечном итоге сформировать определенный кадровый корпус для успешного решения задач, осуществляемых пореформенной прокуратурой.

Источники и литература:

1. Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX века в лицах и документах: материалы к энциклопедии / сост. В. Г. Вишневецкий. – Иркутск, 2004. – 399 с.

2. Бузмакова О. Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. – Томск, 2004. – 241 с.

3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 245. Оп. 3. Д. 15.

4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 245. Оп. 3. Д. 16.

5. Деревскова В. М. Влияние судебной реформы 1864 г. на российскую прокуратуру: ретроспективный анализ и современные аспекты // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 3–10.

6. Деревскова В. М. Вопросы организации и деятельности прокуратуры в Сибири после проведения судебной реформы (1897–1917) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2017. – № 5. – С. 98–105.

7. Деревскова В. М., Пац И. А. Портрет сибирского прокурора дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 159–164.

8. Корняков А. А. Надзор прокуратуры за судом: опыт прошлого // Научные труды молодых ученых КГТУ. В 2 ч. Ч. 2. Секции X – XV. – Кострома: КГТУ, 2011. – С. 17–21.

9. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. 1: Прокуратура на Западе и в России. – М., 1889. – 554 с.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. V: 1885. – № 2959. – СПб.: Государственная типография, 1887. – 1478 с.

11. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – Часть III. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. – 566 с.

Джура Виктория Владимировна

кандидат юридических наук

Восточно-Сибирский филиал

Российского государственного университета правосудия,

г. Иркутск, Россия

**СУДЕБНОЕ РУКОВОДСТВО В АСПЕКТЕ
СОДЕЙСТВИЯ И ДОВЕРИЯ СУДА
DOI: 10.47905/r0481-9826-6929-x**

Аннотация. В статье рассмотрен институт судебного руководства, подходы к его определению в теории права и правоприменительной практики. В процессе анализа выявлено, что единого подхода к пониманию данной категории среди ученых процессуалистов не существует, что порождает исследование судебного руководства.

В результате исследования автором предложена собственная позиция по сложившейся проблеме и возможные аспекты исследования.

Ключевые слова: судебное руководство, судебное управление, функции и полномочия судебных органов власти, активная роль суда, инициатива суда, судебное познание, судебное доказывание, доверие суда, содействие.

Jura Viktoria Vladimirovna
PhD in Law,
East Siberian branch of Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russia

JUDICIAL GUIDANCE IN THE ASPECT OF ASSISTANCE AND TRUST OF THE COURT

Abstract. The article examines the institution of judicial leadership, approaches to its definition in the theory of law and law enforcement practice. In the course of the analysis, it was revealed that there is no unified approach to understanding this category among process scientists, which gives rise to a study of judicial guidance.

As a result of the research, the author offers his own position on the current problem and possible aspects of the study.

Key words: judicial leadership, judicial management, functions and powers of judicial authorities, the active role of the court, the initiative of the court, judicial cognition, judicial evidence, the trust of the court, assistance.

Судебное руководство целесообразно рассматривать в доктрине и практике как один из фундаментальных принципов, регламентирующий основу судебного порядка, функций, полномочий и компетенций судебных органов власти. В условиях современного пространства, ускорения времени, следует говорить о качестве рассмотрения и разрешения дела с учетом таких категорий как судебное руководство, судебное познание и судебное управление. Судебное руководство (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, ч. 3 ст. 9 АПК РФ и ч. 2 ст. 14 КАС РФ) в отдельно взятом виде судопроизводства [1] рассматривается учеными как функциональный органический принцип процесса [2] или принцип отправления правосудия [3]. Под принципом в теории процессуального права следует понимать правовую идею, закрепленную в законодательстве, которой рационально пользуются судебные органы власти при отправлении правосудия.

К настоящему моменту появились новые принципы прямого и косвенного закрепления в законодательстве: процессуальная экономия, где используются оценочные понятия: своевременно,

заблаговременно и незамедлительно; правовая определенность, принципы в примирительных процедурах: добровольность, сотрудничество в рамках взаимоприемлемого решения, равноправие и конфиденциальность и пр.

Судейское руководство определяется нормами процессуального права как обязанность суда по: 1) содействию в реализации прав; истребованию, представлению и исследованию доказательств; 2) балансу интересов и примирению сторон; 3) предупреждению о негативных последствиях совершения или не совершения процессуальных действий; 4) формированию предмета доказывания и пр.

В. Г. Нестолий отмечает: «если процедуру не пронизывают органические принципы, процедура не является процессуальной процедурой... они представляют собой единую систему, образующую фигуру «квадрат», которая является фундаментальным для любого процесса. Не одна из сторон фундамента не превалирует над другими» [2]. Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство судебным процессом, разъясняет каждой из сторон их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения сторонами процессуальных действий, оказывает им содействие в реализации их прав, создает условия и принимает меры, предусмотренные ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по конкретному делу, в том числе для выявления и истребования в исключительных случаях в рамках судебного познания по собственной инициативе доказательств, а также для правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении и разрешении дела.

Для выравнивания процессуальных возможностей суд должен содействовать сторонам. Стороны должны стремиться к взаимоприемлемому решению, в том числе посредством примирительных процедур и осуществлять реальное сотрудничество, исключая действия, свидетельствующих о злоупотреблении правом, например, в форме затягивания сроков рассмотрения дела; сокрытие, искажение и (или) не предоставление доказательств; умышленного создания видимости отсутствия ключевого доказательства [4]. Иными словами, стороны должны

дорожить доверием суда, в ином случае при зарождении сомнений у суда, у стороны могут наступить неблагоприятные последствия.

Не вдаваясь в подробности юридической природы объективной, субъективной или формальной истины [5], понимания активной роли суда и инициативности суда по отдельным процессуальным вопросам (например, назначение экспертизы, истребование доказательств, привлечение третьего лица и пр.) следует остановиться на двух парных категориях «ложь» и «правда».

Спорным выражением «в суд за правдой не ходим, а суд оценивает только те доказательства, которые есть в материалах дела» проявляется понимание судебного доказывания для стороны и судебного познания для суда. Индикатором правды и лжи является мотивированное судебное решение, где суд указывает в первом случае, почему признал ложным или правдивым доказательство, во втором, принял или отверг то или иное доказательство. Обязанностью стороны является дача правдивых сведений и доказательств. Лжесведения по конкретным делам - явление не редкое. При этом необходимо различать ложь и заблуждение. В отличие от заблуждения, носящего произвольный характер, под ложью понимается умышленное искажение действительности. Лгущая сторона всегда осознает, что делает ложное высказывание или предоставляет фальсифицированные доказательства (ч. 2 п. 3 подп. 2 ст. 392 ГПК РФ), в то время как заблуждающаяся сторона искренне принимает ложное за истинное.

Недостоверность сведений всегда говорит об их ложности. Правдивыми могут быть доказательства соответствующие действительности, так и содержащие ошибочные сведения. Ложные - всегда содержат полностью или частично недостоверную информацию. Ложь разрушает правовую действительность, не случайно в литературе исследуются парные категории определенность и неопределенность.

В гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве предусмотрены способы ликвидации лжи в аспектах реализации института новых доказательств, нового решения, судебной ошибки, указаний вышестоящих инстанции при пересмотре судебных актов, поворота исполнения судебного акта и специфике таких производств как: перехода по правилам первой

инстанции в суде апелляционной инстанции; вновь открывшихся и новых обстоятельств дела.

Проявление и закрепление в цивилистическом процессуальном праве принципа эстопея (лишение права ссылаться на возражения, равно как и нарушение порядка в судебном заседании) и злоупотребление правом являются новыми границами доверия между лицами, участвующими в деле, их представителя и судом. Исключительной нормой является ч. 4 ст. 397 ГПК РФ, согласно которой признается судом отсутствие или наличие фактов незаконного и недобросовестного поведения лица, в результате чего не допускается обратное взыскание с граждан денежных средств или иного имущества, полученных на основании пересмотренных актов. Иными правовыми последствиями ложных и недобросовестных действий тяжущихся сторон является компенсация за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК РФ), нарушение порядка судебного заседания (ст. 159 ГПК РФ; ч. 4.1 ст. 154 АПК РФ), устранение из числа доказательств (ч. 6 ст. 71 АПК РФ, ч. 4 ст. 70 АПК РФ) и нарушение порядка предоставления доказательств, включая возложение на злоупотребляющую сторону судебных расходов независимо от исхода дела (ст. 68 ГПК РФ; ч. 3.1 ст. 70; ч. 5 ст. 65; ч. 4 ст. 131 АПК РФ).

Следует переосмыслить тезис: «ложь экономически выгоднее, чем честность», а «правда, это то, что выгодно в настоящий момент». Сложность в формировании предмета доказывания имеет корень ложь. Балансом может быть добрая совесть стороны, поскольку ложь имеет разрушительное воздействие и негативные правовые последствия. Нужно вызвать у суда такое убеждение, которое не породит сомнений.

Источники и литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012; Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

2. Лекции по гражданскому процессу (сентябрь 2017 - февраль 2018); Проблемы гражданского права (ноябрь 2017 - январь

2018): учебное пособие. - Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018.

3. Решетникова И. В. Гражданский процесс. 7-е изд. – М., 2016. – 304 с.; Гражданский процесс / под ред. М. К. Треушниковой. – М.: Городец, 2018. – 832 с.; Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 464 с.

4. Боннер А. Т. Закрепление принципа судебной истины в ГПК РФ // Lex Russica. Научные труды МГЮА. 2004. - № 1. – С. 154 – 172; Верховный Суд: в России все чаще будет применяться «судейское усмотрение». - URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20190606/300114416.html (дата обращения: 20.11.2021).

5. Султанов А. Р. Борьба за правовую определенность или поиск справедливости. – М.: М-Логос, 2017. – 664 с.

Киримова Елена Андреевна

кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия,

г. Саратов, Россия

ПРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИАТА

DOI: 10.47905/z7091-2930-2764-v

Аннотация. В статье рассматривается морально-нравственные основы деятельности нотариата, их текстуальное закрепление в нормативно-правовых актах России за весь период его существования.

Доказывается, что доверие граждан к нотариату как правозащитному органу является основой его функционирования и не зависит от форм правления, политического режима и иных факторов.

Ключевые слова: нотариат, нотариус, нравственность, защита прав и свобод граждан, законодательство.

Kirimova Elena Andreevna

PhD in Law, associate professor

Saratov state law academy,

Saratov, Russia

MORAL PRINCIPLES OF THE NOTARY'S ACTIVITY

Abstract. The article examines the moral foundations of the notary's activity, their textual consolidation in the normative legal acts of Russia for the entire period of its existence.

It proves that citizens' trust in the notary as a human rights body is the basis of its functioning and does not depend on the forms of government, political regime and other factors.

Key words: notary, morality, protection of the rights and freedoms of citizens, legislation.

14 апреля 1866 г. императором Александром II было утверждено временное Положение о нотариальной части [10]. Положение ввело новую для России должность нотариуса, в чью компетенцию вошло право удостоверять и свидетельствовать нотариальные акты.

Ст. 5 Положения, содержащая требования к нотариусу, специально оговаривала тот факт, что российским нотариусом могло быть лишь лицо, не опороченное судом или общественным приговором. С целью придания нотариусам дополнительного почета и уважения, а также для привлечения в их число «хороших людей» их признали государственными чиновниками. Нотариусы считались лицами, состоящими на государственной службе с присвоением соответствующего чина, однако они не могли претендовать на жалование и пенсии, а осуществляли свою деятельность на коммерческой основе, причем в случае отсутствия утвержденных тарифов они вынуждены были договариваться о цене нотариальной услуги с клиентами, что порождало у последних иллюзию о продажности нотариусов. Нотариусы, обладавшие высокими нравственными качествами, с горечью писали о том, что им тяжело и обидно как для общественных деятелей, отправляющих публично-правовые функции, начинать не с самого начала, а с торговли [1].

Положение содержало в себе нормы, свидетельствующие о недоверии законодателя к моральным качествам нотариусов. Любая деятельность нотариусов сопряжена с сохранением нотариальной тайны. Это требование было закреплено и в Положении о нотариальной части. Поэтому особое удивление вызывает тот факт,

что согласно требованиям, закрепленным в Положении, при совершении всех нотариальных действий должны были присутствовать два свидетеля, а при совершении купчих на недвижимое имущество – три. Данное обстоятельство противоречило требованиям профессиональной этики нотариусов, в основе действий которых лежит чувство ответственности как перед клиентами, так и обществом, и государством. Таким образом, рассматривая первый правовой акт, посвященный организации нотариата как особого профессионального сообщества, мы видим, что нравственные основы его деятельности были изначально выше, чем законодательное закрепление полномочий нотариусов. В основе высоких моральных требований к содержанию своей деятельности лежит тот факт, что российские нотариусы связывали свою профессию со своим особым положением как должностных лиц, так и общественных деятелей [11, с. 3-4].

Первое упоминание о нотариусах в послереволюционный период можно увидеть в ст. 11 Декрета ВЦИК и СНК РСФСР о суде № 2 от 15 февраля 1918 г. [2]. Декрет СНК РСФСР «О взимании платы за засвидетельствование сделок и договоров» от 12 августа 1921 г. утвердил, что засвидетельствование сделок и договоров осуществляется в нотариальных столах губернских отделов юстиции и уездных бюро юстиции [3].

Декрет СНК РСФСР «Положение о государственном нотариате РСФСР» от 4 октября 1922 г. учредил государственные нотариальные конторы, общее руководство и контроль на которыми был возложен на Народный комиссариат юстиции [4]. Положение закрепило обязательное требование о сохранении нотариальной тайны и отказалось от правила осуществления любых нотариальных действий в присутствии свидетелей. Доверие не только к профессиональным, но и к моральным качествам нотариусов было выражено в тексте примечания к ст. 8 Положения, оговаривающей, что если у лиц, обратившихся к нотариусу, нет документов, удостоверяющих их личность, то «самоличность их может быть удостоверена двумя гражданами, лично известными нотариусу». В ст. 14, закрепляющей возможность составления документа на иностранном или местном языке с переводом на русский язык, в случае незнания нотариусом соответствующего языка

«правильность перевода удостоверяется лицом, лично известным нотариусу».

Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14 мая 1926 г. «Об общих принципах организации государственного нотариата» [12] впервые в советский период истории России закрепило обязанность нотариуса при совершении нотариальных действий оказывать активное содействие трудящимся «к ограждению их прав и законных интересов, чтобы юридическая неосведомленность, малограмотность и т.п. обстоятельства не могли быть использованы им во вред». Примечательно, что Положение о государственном нотариате РСФСР от 4 октября 1922 г. содержало правило, согласно которому нотариус был обязан проверять соответствие договоров, удостоверяемых нотариусом только «действующим узаконениям» [4]. Ст. 7 Положения специально оговаривала, что «В рассмотрение целесообразности представляемых к совершению и засвидетельствованию документов, выгоды или убыточности сделки для сторон нотариальные учреждения не входят» [4]. Таким образом, в 1926 г. в России были законодательно закреплены нравственные начала нотариальной деятельности.

Признание нотариата в качестве государственного органа отразилось на его судьбе. Нотариат как орган государства должен был осуществлять задачи и функции государства, действовать в его интересах. Сложная политическая обстановка того времени требовала официального признания правового неравенства граждан, определяемого их происхождением. Особую роль в защите прав и свобод граждан в тот период играет именно нотариат, поскольку в силу специфики его деятельности нотариусы не делали различий между обратившимися в него гражданами и не допускали их дискриминации по любым критериям.

Положение «О Государственном нотариате РСФСР» от 20 июля 1930 г. [7], утвержденное Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР, закрепило правило, согласно которому нотариальные конторы и рай/горисполкомы могли совершать одни и те же нотариальные действия. Однако к последним не применялось жесткое правило о сохранении нотариальной тайны. В то же время нотариусы гарантировали сохранение конфиденциальности полученной ими информации. Несмотря на то, что происходило сокращение количества нотариальных контор, население

продолжало обращаться за оказанием соответствующих услуг к нотариусам, игнорируя исполкомы. Это объясняется тем, что граждане испытывали большее доверие к нотариусам, чем к государственным служащим, справедливо видя в них защитников своих прав и законных интересов, которые по роду своей деятельности не могли допустить, чтобы лица, обратившиеся к ним, в силу своей неграмотности или иных обстоятельств совершили действия, причиняющие им вред.

Роль нотариата резко возросла в годы Великой Отечественной войны. Необходимо было удостоверять огромное количество документов. Это происходило не только в помещениях нотариальных контор, но и в госпиталях, где было особенно сложно обеспечивать конфиденциальность проводимых нотариальных действий. Работа нотариусов осложнялась также тем, что многие сотрудники нотариальных контор ушли на фронт, не хватало квалифицированных юристов, были эвакуированы либо уничтожены архивные документы, множество людей пропало без вести. Но и в этих условиях нотариусы честно выполняли свой профессиональный и нравственный долг.

31 декабря 1947 г. Совет Министров РСФСР утвердил Положение о государственном нотариате РСФСР [8], в котором прослеживается прямая связь между компетенцией нотариусов и их моральными качествами. Речь здесь идет не только о сохранении нотариальной тайны, без которой вся деятельность нотариусов является бессмысленной, но и о том доверии, которое оказывалось советским государством к представителям данной профессии. Нотариусам доверялось принятие мер охраны имущества, оставшегося после умерших, засвидетельствование лица в живых или в определенном месте, засвидетельствование тождественности явившегося лица с лицом, изображенным на представленной им фотографии. Согласно данному Положению, только нотариусы обладали правом признавать лиц безвестно отсутствующими или умершими, а в случае явки таких лиц в нотариальную контору выдавать им соответствующие удостоверения. В Положении специально оговаривается то, что при засвидетельствовании верности перевода документа с русского языка на другой язык и обратно нотариус должен лично знать переводчика, т.е. именно

нотариус подтверждал добропорядочность переводчика, ручался за него.

Положение о государственном нотариате РСФСР от 30 сентября 1965 г., утвержденное Президиумом Верховного Совета РСФСР [9], закрепило правило, согласно которому государственный нотариус не вправе принимать для совершения нотариальных действий документы, содержащие сведения, порочащие честь и достоинство граждан. Для осуществляя функции органа бесспорной юрисдикции нотариусу вменялось в обязанность проверять дееспособность обратившихся к нему граждан, а для защиты их прав и свобод – проверять, соответствует ли содержание представленных ими проектов сделок действительным намерениям сторон. Данные требования не только обеспечивали реализацию принципа законности в деятельности нотариусов, но и гарантировали справедливое отношение к гражданам. Закон СССР «О государственном нотариате» от 19 июля 1973 г. [5] своим содержанием подтвердил нравственные основы нотариальной деятельности.

Новый этап в развитии российского нотариата связан с принятием 11 февраля 1993 г. «Основ законодательства РФ о нотариате» [6]. Ст. 1 Основ определяет нотариат как правозащитную организацию и особо подчеркивает, что нотариальная деятельность не является предпринимательством и не преследует цели извлечения прибыли. В данном документе нашли свое отражение нравственные основы нотариальной деятельности. Прежде всего в нем говорится о личности нотариуса, его профессиональных и моральных качествах. Ст. 5 Основ констатирует, что нотариус беспристрастен и независим в своей деятельности и руководствуется законодательство РФ и международными договорами. Беспристрастность и независимость нотариуса гарантируется требованиями ст. 6 Основ, запрещающей нотариусу заниматься предпринимательской деятельностью и оказывать посреднические услуги при заключении договоров. Безупречность поведения нотариуса обеспечивается положениями ст. 2 Основ, где, в частности говорится о том, что нотариусом не может быть лицо, представившее подложные документы или заведомо ложные сведения при назначении его на должность. Данное положение подчеркивает, что невозможно доверять человеку,

осуществляющему правовое закрепление юридически значимой информации, подтверждающей добросовестность обратившегося к нотариусу лица, не обладающему высокими моральными качествами, способному совершить подлог.

Ст. 14 Основ предусматривает принесение присяги нотариусом, впервые назначаемым на должность. Присяга содержит слова о том, что нотариус свои обязанности будет исполнять «в соответствии с законом и совестью», в своем поведении руководствоваться принципом гуманности и уважения к человеку. Присяга нотариуса подчеркивает, что только высокоморальная личность, уважающая других людей, может осуществлять нотариальную деятельность. В этой связи следует отметить, что в условиях сохранения нотариальной тайны только высокие моральные качества нотариуса служат гарантией недопущения ущемления прав сторон при осуществлении нотариальных действий вследствие их юридической неграмотности и неосведомленности. Они же заставляют скрупулезно отнестись к обеспечению прав третьих лиц, к примеру, супруга, при совершении нотариального действия.

Особую роль в профессиональной деятельности нотариуса играет Кодекс профессиональной этики нотариусов в РФ. Факт его принятия говорит о неразрывной связи деятельности нотариусов с нравственными установками, принятыми в российском обществе. Характерно, что ст. 6.1 Основ говорит о возможности привлечения нотариусов к дисциплинарной ответственности за нарушение требований Кодекса профессиональной этики. Это не случайно, поскольку уникальность нотариата как правозащитной организации определяется тем значением, которое придает ему население страны, а это напрямую зависит от степени нравственности нотариусов.

Необходимость нотариата как института правовой системы общества определяется степенью доверия к нему как со стороны государства, так и граждан. Само существование нотариата зависит от осознания нотариусами своей ответственности перед обществом и их высоких морально-нравственных качеств.

Источники и литература:

1. Бахман К. О. Службное и материальное положение нотариусов: (по поводу проекта новой ред. Положения о нотар. части). - Либава: Изд-во группы нотариусов. 1911. – 50 с.
2. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР о суде № 2 от 15 февраля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. - М.: Гос. изд-во политической литературы. 1957. - С. 463-474.
3. Декрет СНК РСФСР «О взимании платы за засвидетельствование сделок и договоров» от 12 августа 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. - М., 1944.
4. Декрет СНК РСФСР «Положение о государственном нотариате» от 4 октября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства. - № 63. - 25 октября 1922 г.
5. Закон СССР «О государственном нотариате» от 19 июля 1973 г. // http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8126.htm (дата обращения: 30.12.2021)
6. Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/10102426/> (дата обращения: 30.12.2021)
7. Положение о Государственном нотариате РСФСР от 20 июля 1930 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. - № 38. - 22.09.1930.
8. Положение о государственном нотариате РСФСР от 31 декабря 1947 г. // Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. - 1948. - № 4.
9. Положение о государственном нотариате РСФСР от 30 сентября 1965 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1965. - № 40. - Ст. 991.
10. Положение о нотариальной части от 14 апреля 1866 г. // Свод законов Российской Империи. - Т. 16. - Ч. 1. - СПб, 1892. - С. 195-210.
11. Попович М. Службные права и материальная обеспеченность нотариуса в России // Нотариальный вестник. - 1903. - № 4. - С. 3-4.

12. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 14 мая 1926 г. «Об общих принципах организации государственного нотариата» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов / ibussr.ru/infdoc2.htm (дата обращения: 30.12.2021).

Кузьмин Игорь Александрович
кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет
г. Иркутск, Россия

**О ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ
СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**
DOI: 10.47905/k7747-6482-3485-f

Аннотация. В статье со ссылками на акты Конституционного Суда РФ, а также работы известных российских зарубежных учёных сформулированы и обоснованы некоторые перспективы совершенствования организуемых исследований в области юридической ответственности как системной правовой категории.

Учтены отдельные особенности организации и функционирования системы безопасности.

Ключевые слова: правовые исследования, концепция, система юридической ответственности, моделирование, алгоритмизация, перспективы.

Kuzmin Igor Alexandrovich
PhD in Law, associate professor
Baikal state university
Irkutsk, Russia

**ABOUT PROSPECTS FOR STUDYING THE SYSTEM
OF LEGAL LIABILITY**

Abstract. In the article, with references to the acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the works of well-known Russian and foreign scientists, some prospects for improving

organized research in the field of legal liability as a systemic legal category are formulated and substantiated.

Important features of the organization and functioning of the security system are taken into account.

Key words: legal research, concept, system of legal liability, modeling, algorithmization, prospects.

Ценность исследований системных правовых категорий в праве predetermined самой системностью права и его связями с окружающей социальной действительностью, расширением области познания государственно-правовой реальности. Как верно отметил Г. С. Остроумов, внутренняя логика, согласованность и, в конечном итоге, системность правовых категорий определяют специфику правовой науки в координатах разнообразных форм правового сознания [1, с. 119–120].

Выработка концептуальных положений системы юридической ответственности обогатит не только понятийно-категориальный аппарат общей теории права и частной теории ответственности и соответствующую методологию, но и откроет новый путь к системному восприятию права как социального явления. В перспективе станет возможным разработать и учитывать критерии социальной обусловленности правовых актов в правотворческой и правоприменительной деятельности, что качественно улучшит юридическую технологию и позволит принимать более взвешенные и легитимные решения на всех уровнях публичной власти.

Как отметил в своем постановлении от 18 марта 2021 г. № 7-П Конституционный Суд РФ по законодательным вопросам регулирования юридической ответственности важно достичь оптимальный баланс «прав и свобод привлекаемого к ней лица и публичного интереса, состоящего в эффективной защите личности, общества и государства от правонарушений».

В постановлении от 24 мая 2021 г. № 21-П орган конституционного контроля уточнил, что эти обстоятельства predetermined концепцией демократического и правового государства и предрешают конституционно-правовые требования к законам, вводящим меры юридической ответственности. К системным требованиям, лежащим в основе дифференциации видов

юридической ответственности, Конституционный Суд РФ отнес справедливость, гуманизм и пропорциональность, раскрыв их содержание в постановлении от 16 октября 2020 г. № 42-П.

Алгоритмизация процесса возложения ответственности будет способствовать достижению единства практики возложения уголовно-правовых, административных и иных наказаний, а также совершенствованию методик правоприменения. Острая необходимость правоохранительных органов в системном, теоретически выверенном подходе к юридической ответственности была также подтверждена 08 октября 2021 г. на заседании научно-практической конференции в Иркутском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации, посвященной 300-летию прокуратуры России «Законность: традиции и новации», на которой автор представил сообщение «Диалектическое единство юридической ответственности и законности».

Думается, что функциональная ценность непротиворечивого видения общеправовой модели юридической ответственности является залогом ее правильного и единообразного возложения. Соответственно, следует ставить вопрос и о подходах к пониманию категорий «причинности», «связи» и «взаимодействия» применительно к юридической ответственности, правильности их отражения в юридических текстах, на что профессор Университета Иллинойса Майкл Мур обратил внимание еще в 1999 г. [4, с. 1-3].

С точки зрения фундаментальной проблематики ждут своего разрешения вопросы взаимодействия системы юридической ответственности с правовой системой, системой правового регулирования, системой права и системой законодательства. Требуется проработка структурных элементов (подсистем) системы права, включая исследование специфики взаимодействия между ними.

Отдельного внимания заслуживает совершенствование методологических подходов к пониманию юридической ответственности на основе диалектического метода с использованием правового моделирования (конструирования), предполагающего построение не только статистических, но и динамических моделей юридической ответственности, в которых остро нуждается юридическая практика.

В конечном итоге, требование концептуального исследования системы юридической ответственности диктуется целями организации и функционирования системы международной и национальной безопасности. Исследователи из Индии Виджай Кишор Тивари и Сурб Хьяти, отмечая тенденции и закономерности развития системы юридической ответственности на международном уровне, определили, что идея безопасности человека породила идею «ответственности за защиту», рассматриваемую в качестве нормы-инструмента реколонизации [5, с. 87, 90].

Стефан Мачура, анализируя деятельность судей в странах англо-саксонской правовой системы, отмечает, что высокий статус судей делает их не только правоприменителями, но и правотворцами, от менталитета которых зависит качество защиты прав человека [3]. Устанавливая связь между фактической ситуацией и ее регламентацией в законе, судьи и работники правоохранительных органов несут ответственность за те значения, которые они придают нормативным положениям. Данное обстоятельство оправдывает привлечение судей к ответственности за исход судебного разбирательства [2, с. 24–25].

Принудительное воздействие на правонарушителей любого уровня требует не только должной организации системы уполномоченных субъектов и процедур, но и правильной расстановки приоритетов охраны и законных интересов, отвечающей современному состоянию общественных отношений.

Встраивать в правовую материю новые элементы, изменять и отменять прежние таким образом, чтобы не снижать потенциала и эффективности юридической ответственности возможно только в случае обладания комплексным видением ее системы как в целом, так и отдельных ее видов [6].

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости системного подхода в исследованиях юридической ответственности, который обеспечит возможность изучения внутренней структуры ответственности и ее внешних связей с окружающей правовой действительностью.

Источники и литература:

1. Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности / отв. ред. Н. П. Фаберов. – М.: Наука, 1969. – 175 с.
2. Antonov M. The legal conceptions of Hans Kelsen and Eugen Ehrlich: weighing human rights and sovereignty: basic research program working papers. – Saint Petersburg: HSE University Publ., 2016. – 28 p.
3. Machura S. Milestones and Directions: Socio-Legal Studies in Germany and the United Kingdom // German Law Journal. – 2020. – Vol. 7. – P. 1318-1331.
4. Moore M. S. Causation and Responsibility // Social Philosophy and Policy. – 1999. Vol. 16. – Is. 2. – P. 1–51.
5. Tiwari V. K., Khyati, S. A critical examination of responsibility to protect in the realm of international law and human security from third world perspective // International Journal of Law. – 2021. – Vol. 7. – Is. 4. – P. 87–92.
6. Липинский Д.А., Комаров С.А. Карательная и восстановительная функции гражданско-правовой ответственности: взгляд представителей науки теории государства и права: статья // Государство и право. – 2018. – № 9. – С. 129-132.

Малышева Инна Викторовна

*кандидат юридических наук, доцент,
Кузбасский институт ФСИН России,
г. Новокузнецк, Россия*

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.47905/n8407-6728-5060-o

Аннотация. Условия информационного общества оказывают существенное влияние на мораль и право, понимание нормативности. Цифровые технологии сегодня используются не только в личных интересах, но и активно реализуются государствами, создавая платформу цифрового государства.

Значимым достижением современной науки и одновременно проблемой выступает искусственный интеллект. Устойчивость

моральных оснований искусственного интеллекта может повлиять на развитие общества в целом и предопределить его гармоничное развитие.

Ключевые слова: мораль, право, информационное общество, искусственный интеллект.

Malysheva Inna Viktorovna
PhD in Law, associate professor,
Kuzbass Institute of FPS,
Novokuznetsk, Russia

TRANSFORMING OF THE MORAL FOUNDATIONS OF LAW IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The conditions of the information society have a significant impact on morality and law, understanding of normalization. Digital technologies today are used not only for personal interests, but also actively implemented by different countries, creating a platform for the digital state.

The significant achievement of modern science and at the same time the problem is artificial intelligence. The stability of the moral foundations of artificial intelligence can affect the development of society as a whole and predetermine its harmonious development.

Key words: morality, law, information society, artificial intelligence

Традиционно мораль рассматривается как устойчивая основа поведения человека, она оказывает существенное влияние на право как формализованный регулятор, определяющий правила поведения. Фактически морально-нравственные установки существуют довольно длительное время, смешиваясь с религией, традициями, правом, зачастую предопределяя последние.

Однако изменяющиеся условия существования социума порождают изменение базовых установок. Хотя очевидно, что существуют моральные установки вне временных рамок и вне иных условий: напр., уважительное отношение к пожилым, оказание помощи и защита детей и др. Появление цифровых технологий, «умной техники», внедрение и активное использование Интернета

вносят значимые коррективы в понимание человеческих ценностей, сущности общественных отношений и их регулятивного механизма и др.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утверждённая указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 (далее – Стратегия развития информационного общества) заявляет одним из принципов «приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (пп. «г» п. 3 Стратегии развития информационного общества). Этим документом определены в качестве основных мероприятий по формированию информационного общества, следующие: «в области духовно-нравственного воспитания граждан» (пп. «а» п. 26 Стратегии развития информационного общества) и «по сохранению культуры и общероссийской идентичности народов Российской Федерации» (пп. «в» п. 26 Стратегии развития информационного общества). Очевидно, что информационное общество должно строиться на фундаменте устойчивых моральных принципов и ценностей.

Проблема устойчивости морали заключается в том, что её невозможно «запрограммировать» в формальные рамки Закона, Кодекса, Стратегии. Формализованные моральные ценности и установки не действуют подобно правовым нормам. Морали присуща некая стихийность при формировании. Очевидно одно, право и мораль при регулировании общественных отношений во все времена действовали сообща, взаимодополняя друг друга. Именно это положение должно способствовать, во-первых, сохранению морали как регулятора общественных отношений в условиях субъектной социальной разрозненности как на уровне наций, религий, так и на уровне небольшой социальной группы (студенчество, трудовой коллектив и т.д.) и, во-вторых, обеспечить «моральность» права.

В условиях информационного общества происходят естественные существенные изменения моральных оснований права. Наиболее значимыми видятся следующие положения:

1. *Концепция информационного общества предлагает новые способы взаимодействия общественных отношений.* Однако, как и всё новое процесс формирования информационного общества должен пройти этап проб и ошибок, пока не сформируется

адекватный, нормативный ответ общества в форме моральных установок и правовых норм. Теория информационного общества сегодня и в научном мире находится на пике популярности [3, с. 16-21; 5, с. 43-50]. Данную концепцию нового постиндустриального пространства развил американский социолог Мануэль Кастельс в 80-е гг. XX в. По мнению учёного, процессы возникновения, накопления, переработки и распространения информации представляют собой фундамент эффективной государственной власти, а рождение глобальной сети Интернет ознаменовало начало информационной эпохи [3, с. 16].

Если для конца XX в. с появлением и активным распространением Интернета, социальные сети использовались преимущественно для личного общения, то сегодня глобальную социальную сеть используют для хранения, распространения и быстрой передачи информации не только в личных целях, но и при реализации государственных функций. В настоящее время у каждого государственного органа, учреждения и предприятия имеется свой официальный сайт, постоянно обновляющийся и хранящий информацию о его деятельности. Как основа развития цифрового государства активно используется платформа «Госуслуги». Правовое пространство дополнилось официальной формой электронного опубликования нормативных правовых актов, фактически создавая новую форму систематизации электронного законодательства. Однако, это не делает правовое пространство более понятным и удобным. Большинство граждан не имеют представления о специфически юридических процессах и процедурах, ориентируясь на сведения, получаемые через телевидение и в процессе общения.

Появление Интернета действительно открыло некоторую иную форму существования и взаимодействия людей, он позволил использовать беспроводную, мобильную связь, с одной стороны упростив общественные отношения, с другой стороны исследуемые новации требуют устойчивых моральных норм при их использовании и определённости правомерных/неправомерных действий. Неоднозначность в оценках действий медиков, выкладывающих селфи в реанимационной палате, или учителей, выставляющих фотографии в купальниках, не имели правовой регламентации и вызвали прежде всего моральную оценку

поведения. Подобные фактические обстоятельства приводят к ситуативному формированию права и морали в Интернет-пространстве. Пунктом 17 Стратегии развития информационного общества довольно чётко определена общемировая тенденция: «Большинство государств вынуждены «на ходу» адаптировать государственное регулирование сферы информации и информационных технологий к новым обстоятельствам». Именно эта общемировая тенденция демонстрирует отсутствие новых моральных установок для информационного общества.

2. *Изменяется понимание нормативности как таковой.* Сущность правовой нормы подвергается существенной трансформации, появляются нормы-коды, которые фактически представляют правовую норму в цифровой форме [4, с. 158-165; 8, с. 231-236]. Это существенно меняет правовую реальность и восприятие права, правомерности, законности. Очевидно, это вносит существенные коррективы в понимание и моральных установок.

А. С. Лаптёнок полагает, что для современного общества характерны следующие черты: увеличение роли виртуализации, медийной насыщенностью, потерей четкой иерархии ценностей, что фактически приводит к исчезновению понятия нормы [6, с. 82]. Стоит согласиться с исследователем лишь отчасти. Фактически понятие нормативности в условиях нового информационного общества, а автор описывает именно такие его черты, не устоялось, именно это и определяет размытость нормативных границ в информационном обществе. Соответственно, и мораль, и право пока не сформулировали новые нормативные установки в условиях информационного общества, для этого необходимо время и подтверждённые наукой и практикой положения. Вряд ли может идти речь об исчезновении правовой нормы, скорее всего правовая норма может изменить форму. Общество с древних времён тяготело и будет тяготеть к установлению правил, очевидно, это его характерная черта. Стоит признать правомерность позиции автора о «потери чёткой иерархии ценностей», что сегодня отражается в разных сферах жизни общества. Появление новой популярной профессии «блогер» сомнительно с позиции этических требований и профессионализма: не создавая сколь бы то ни было значимый информационный контент преследует преимущественно

развлекательные цели, зачастую противоречит существующим в обществе моральным установкам. Для указанной деятельности нет необходимости иметь высшее образование или многолетнюю практику. Это фактически обесценивает образование как таковое и профессионализм как явление, создавая некое подобие популярности, «звёздности», авторитетности. Кроме этого, в результате воздействия основополагающих либеральных идей, зачастую возникает принятие, оправдание аморального поведения, признание его нормой, а «специфические условия видимой анонимности заставляют воспринимать среду интернет как пространство для выражения всех желаний и стремлений, часто порицаемых в реальной жизни» [9, с. 59].

3. Появление искусственного интеллекта внесло существенные изменения в состояние общества, понимание общественных отношений.

Долгое время считалось, что только мозг человека способен спрогнозировать эффективность юридических норм в правовом поведении. Однако с развитием и активным внедрением искусственного интеллекта в разные сферы жизни общества он рассматривается как вполне реальный конкурент человеку. По мнению профессора Е. А. Певцовой, чувство такой конкуренции не является новым для человека, так как фантастическая литература и кинематография уже в XX в. активно транслировали данную идею [7, с. 20]. Хотя справедливости ради, стоит признать, что фантастика и реальность всё же имеют существенные отличия по форме и результату воздействия на психику человека и регулируемые отношения.

Сегодня под искусственным интеллектом (далее - ИИ) понимают «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека», что определено «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утверждённой указом Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (далее – Национальная стратегия развития искусственного интеллекта).

Развитие ИИ зачастую опережает исследование взаимодействия ИИ и человека, учёные полагают, что «такая система имеет свою субъектность, является интеллектуальным агентом, обладает автономностью, а также может совершенствоваться» [7, с. 26]. Анализ Национальной стратегии развития искусственного интеллекта довольно чётко проявляет проблему моральных оснований взаимодействия ИИ с человеком, то есть восприятие человеком ИИ как самостоятельного субъекта отношений и обратно – понимание искусственным интеллектом человека как субъекта отношений. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта определяет многие положения, нацеленные на развитие и использование ИИ (формирование цифровой экономики, разработка высокотехнологических инициатив и реализация соответствующих мероприятий и программ, создание универсального (сильного) ИИ), однако установка морально-ценностных ориентаций никоим образом в указанном документе не отражена. Очевидным видится необходимость именно сегодня, пока такая возможность существует, если она существует, при разработке ИИ, заложить нормативно положение об обязательности установления морально-нравственных ценностей как основу ИИ. Предлагается п. 30 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, определяющий приоритеты фундаментальных научных исследований по созданию универсального (сильного) ИИ, дополнить следующим положением: «создание устойчивого морально-ценностного механизма искусственного интеллекта», а также дополнить п. 19 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, закрепляющий принципы развития и использования технологий ИИ, следующим положением: «приоритет морально-нравственных поведенческих компонентов».

Сказанное позволяет сформулировать два основополагающих вывода: первое – информационное общество представляет собой современную реальность, которая вносит существенные коррективы в механизм регулирования общественных отношений, моральные и правовые установки. Понимание этого требует внимательного отношения к морали и праву в новых обстоятельствах.

Условия информационного общества тесно связаны с неопределённостью развития социальных процессов и общественных отношений. «Состояние неопределённости порождает отсутствие всякой моральной позиции у многих людей, что чревато непредсказуемыми последствиями в отношении как личностного развития, так и социального результата» [6, с. 87].

И второе – появление возможного «конкурента» человеку в форме искусственного интеллекта озадачивает последнего (человека) над пониманием и установлением «устойчивого морально-ценностного механизма искусственного интеллекта», а для этого прежде всего необходимо внести соответствующие положения в действующую Национальную стратегию развития искусственного интеллекта и разработать непосредственные моральные установки и ценности, которые возможно и необходимо «вложить» в искусственный интеллект. Это может быть залогом сохранения социальной устойчивости при самом фантастическом развитии искусственного интеллекта.

Источники и литература:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

3. Гришина Т. М. Совершенствование правовых основ взаимодействия публично-властных органов современной России в информационном обществе // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 12. – С. 16 - 21.

4. Давыдова М. Л. Инновационные правотворческие технологии и проблемы их применения // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 158-165.

5. Воробьев С.М., Комаров С.А. Кибернетическая (информационная) цивилизация: постановка проблемы: статья // В сб.: Всероссийской научно-практич. конференции «Проблема

муниципалитетов в разрезе правового обществоведения» (г. Уфа, 14 ноября 2019 г.) // Отв. ред. Ф. М. Раянов. – Уфа, 2019. – С. 43-50.

6. Лаптёнок А. С. Мораль в информационном обществе: верность традиции или новые парадигмы // Дискурсы этики. – С. 82-89. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/8668748/> (дата обращения: 23.07.2021)

7. Певцова Е. А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. – 2020. – № 9. – С. 19 - 31.

8. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 231-236.

9. Чуйко А. Е. Этическое измерение сети Интернет // Учёные записки Российского государственного социального университета. – 2012. – 10 (110). – С. 57-59.

Мерзлякова Ирина Станиславовна

кандидат культурологии, доцент

Забайкальский государственный университет

г. Чита, Россия

ВНЕСУДЕБНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ В РАМКАХ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

DOI: 10.47905/x6892-7208-7467-k

Аннотация. Разрешение семейных споров во внесудебном порядке осуществляется посредством участия органов опеки и попечительства, органа записи актов гражданского состояния, посредством возможности заключения соглашений между участниками семейных правоотношений.

Сравнительно молодым институтом в этом вопросе является проведение процедуры медиации.

Ключевые слова: органы опеки и попечительства, орган записи актов гражданского состояния, соглашение, брачный договор, медиация.

Merzlyakova Irina Stanislavovna
PhD in Culturology, associate professor
Transbaikal state university
Chita, Russia

EXTRAJUDICIAL SETTLEMENT OF DISPUTES IN THE FRAMEWORK OF FAMILY RELATIONSHIP

Abstract. Out-of-court settlement of family disputes is carried out through the participation of the guardianship and guardianship authorities, the civil registry office, through the possibility of concluding agreements between the participants in family legal relations.

A relatively young institution in this matter is the mediation procedure.

Key words: guardianship and trusteeship authorities, civil registry office, agreement, marriage contract, mediation.

Семейные правоотношения, являясь одним из видов правоотношений, обладают рядом специфических черт, среди которых мы бы хотели выделить следующие: носят длительный и доверительный характер, связывают близких людей, возникают на безвозмездной основе, в основном носят личный характер. Поскольку семейные правоотношения имеют особый субъектный состав и юридически связывают людей, которые также имеют иного рода связь (кровную, эмоциональную и т.п.), то возникающие семейные конфликты и споры, как правило, протекают при определённом психологическом напряжении, иногда при накале страстей и эмоций. Отсюда очень востребованы и необходимы внесудебные процедуры разрешения семейных споров по вопросам защиты личных неимущественных и имущественных прав участников семейных правоотношений.

В рамках внесудебных способов разрешения семейных споров значительную роль играют органы опеки и попечительства. Семейный кодекс РФ указывает на полномочия органов опеки и попечительства разрешать разногласия, возникшие при регистрации рождения ребёнка между родителями относительно имени и (или) фамилии ребёнка (п. 4 ст. 58 СК РФ) или относительно вопросов воспитания и образования детей (п. 2 ст. 65), либо разногласия,

возникшие между родителями и детьми относительно их (родителей и детей) интересов (п. 2 ст. 64). Орган опеки и попечительства даёт согласие на добровольное установление отцовства при подаче такого заявления отцом в единоличном порядке (п. 3 ст. 48), решает, насколько допустимы контакты родителя с ребёнком (детьми) при ограничении родительских прав (ст. 75). В орган опеки и попечительства ребёнок вправе обращаться за защитой своих прав и законных интересов, в том числе при невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребёнка либо при злоупотреблении родительскими правами (п. 2 ст. 56). Также на органы опеки и попечительства возлагаются полномочия по выявлению и устройству детей, оставшихся без попечения родителей, защита их прав и интересов. Невозможно усыновление или передача детей на воспитание в приёмную семью или под патронаж без участия органов опеки и попечительства [1].

Иные полномочия органов опеки и попечительства раскрыты в статье 8 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»: выявление и учёт граждан, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства; обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности; установление опеки или попечительства; осуществление надзора за деятельностью опекунов и попечителей, деятельностью организаций, в которые помещены недееспособные или не полностью дееспособные граждане; освобождение и отстранение опекунов и попечителей от исполнения ими своих обязанностей; выдача разрешений на совершение сделок с имуществом подопечных; заключение договоров доверительного управления имуществом подопечных; выдача разрешения на раздельное проживание попечителей и их несовершеннолетних подопечных; подбор, учёт и подготовка граждан, выразивших желание стать опекунами (попечителями) или приёмными родителями и другое [2].

Согласно статье 3 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», «действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан», регистрируются в органах ЗАГС.

Государственной регистрации подлежат акты гражданского состояния: рождение, заключение брака, расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени и смерть [3].

При взаимном согласии и отсутствии общих несовершеннолетних детей, а также во избежание судебных тяжб супруги обращаются в орган ЗАГС для расторжения брака. Расторжение брака производится в органах ЗАГС по месту жительства одного из супругов либо по месту регистрации брака. На основании статьи 16 Семейного кодекса РФ брак прекращается, если один из супругов умер или на основании решения суда объявлен умершим. Так же одним из оснований для расторжения брака в органах ЗАГС является заявление одного из супругов независимо от наличия у супругов общих несовершеннолетних детей, если другой супруг: признан судом безвестно отсутствующим; признан судом недееспособным; осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок свыше трех лет.

К компетенции органов ЗАГС не относится разрешение споров, возникших между супругами в связи с расторжением брака. Поэтому статьёй 20 Семейного кодекса РФ определено, что независимо от расторжения брака в органах ЗАГС споры, возникающие между супругами о разделе общего имущества, о выплате средств на содержание нуждающегося нетрудоспособного супруга, рассматриваются в судебном порядке.

Орган ЗАГС не выясняет причин развода, в его обязанность не входит и примирение супругов. Однако, в целях предоставления супругам срока для обдумывания целесообразности принятого ими решения, а также в целях защиты интересов супруга в случае недобросовестных действий другого супруга при расторжении брака п. 3 ст. 19 Семейного кодекса РФ установлено, что само расторжение брака и выдача супругам свидетельства о расторжении брака производятся органом ЗАГС по истечении месяца со дня подачи супругами заявления о разводе.

С целью урегулирования ряда сложных имущественных вопросов, возникающих в рамках семейных правоотношений, участникам таких отношений предоставляется право оформлять в письменной форме и удостоверить нотариально соглашения по поводу алиментных обязательств (глава 16 СК РФ) в отношении

детей, супругов, бывших супругов и иных членов семьи. К таким соглашениям предъявляются требования семейного и гражданского законодательства.

Одним из видов соглашений является брачный договор (глава 8 СК РФ), который даёт право супругам самостоятельно определять содержание своих имущественных отношений. Брачный договор вправе изменить установленный законом режим совместной собственности как на имущество, нажитое ими в браке, так и на добрачное имущество каждого из них.

Брачным договором супруги вправе установить на имущество режим совместной, долевой или раздельной собственности; включить положения, связанные с правами и обязанностями супругов по взаимному содержанию (как в браке, так и после его расторжения); определить порядок несения каждым из супругов семейных расходов; определить, какое имущество перейдёт к каждому из супругов в случае расторжения брака и т.д. Брачный договор является одной из разновидностей гражданско-правового договора, поэтому к нему применимы положения Гражданского кодекса РФ о договорах и признании их недействительными.

Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в правовое поле была введена процедура внесудебного разрешения споров, медиация, как особая форма посредничества в системе альтернативных способов урегулирования споров. Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [4]. Медиатором выступает независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора. Отечественная модель медиации является добровольной, что характеризует её как частную, она не предполагает директивности, давления, оценки позиции одной из сторон и вынесение решения, она ориентирована на интересы самих участников и на достижение консенсуса. Являясь примирительной процедурой, медиация, не основана на уступках в

чём-то важном, она основана на согласии, достигнутом в результате удовлетворения интересов и потребностей сторон спора.

Использование внесудебных процедур разрешения споров становится всё более актуальным ввиду большой загруженности государственных судов, возможности затягивания рассмотрения дела в суде, получения решения, которое не удовлетворяет обе стороны и других факторов.

Источники и литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

2. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

3. Об актах гражданского состояния: Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

Мухамеджанова Лалихон Ашуралиевна
кандидат философских наук, профессор
Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека
г. Ташкент, Узбекистан

Ермоченко Константин Павлович
Филиал Брянского государственного университета
им. И. Г. Петровского в г. Новозыбкове,
г. Новозыбков, Россия

Ивентьев Сергей Иванович
ООО «ДЭЛИЛ»,
г. Казань, Россия

**РОЛЬ ПРАВОВОЙ И НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
В ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ МОЛОДЁЖИ**
DOI: 10.47905/q7291-5154-3432-g

Аннотация. Правовые и нравственные нормы конкретного общества основаны на духовно-нравственных ценностях, моральных убеждениях, принципах и определённых правилах поведения, а также на обычаях, которые являются относительно общими, выработанными народами этого региона на протяжении веков.

В данной статье описывается важность правового и нравственного воспитания и образования молодёжи.

Ключевые слова: личность, духовность, мораль, воспитание, правовое воспитание, нравственное воспитание, правовая культура, поведение, правила поведения, образование, молодёжь.

Mukhamedzhanova Lalikhon Ashuralievna
Mirzo Ulugbek National university of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

Ermochenko Konstantin Pavlovich
Novozybkov branch of the
named after I. G. Petrovsky Bryansk state university,
Novozybkov, Russia

Iventiev Sergey Ivanovich
«DELIL» LLC,
Kazan, Russia

THE ROLE OF LEGAL AND MORAL CULTURE IN THE UPBRINGING AND EDUCATION OF YOUNG PEOPLE

Abstract. The legal and moral norms of a particular society are based on spiritual and moral values, moral beliefs, principles and certain rules of behavior, as well as on customs that are relatively common, developed by the peoples of this region over the centuries.

This article describes the importance of legal and moral education and education of young people.

Key words: personality, spirituality, morality, education, legal education, moral education, legal culture, behavior, rules of behavior, education, youth.

Воспитание – целенаправленная деятельность, призванная сформировать у подрастающего поколения систему положительных качеств личности, взглядов и убеждений [10, с. 229].

Духовно-нравственное воспитание – это непрерывный процесс, обеспечивающий развитие человека как личности, служащий обогащению качеств человека и избавлению его от пороков. Как известно, качества – это духовное богатство не только человека, но и общества. Увеличение количества добродетельных людей в обществе влияет на духовное и материальное развитие, ускоряет развитие социальной сферы. Моральные и этические нормы формируются на основе духовно-нравственных ценностей, сложившихся общественных отношениях и воспитании. По этой

причине сильно влияние социализации и воспитания на природу человека. Образование, формирование и развитие социальных отношений всё больше продвигает поведение людей, отношения между ними за пределы естественных потребностей и возможностей, не всегда связанных с духовностью.

Как указывает протоиерей Е. Шестун, духовно-нравственное воспитание – процесс содействия духовно-нравственному становлению человека, формирование у него нравственных чувств, позиции и поведения [22].

Духовно-нравственные ценности человечества базируются на нормах морали (нравственности) и религии, которые затрагивают фактически все сферы жизнедеятельности человека [11, с. 19-22].

Современная наука духовность рассматривает в двух направлениях:

1. Внутренняя, психическая жизнь человека, связанная с ней; с общностью идей, взглядов, стремлений и т.п.

2. Связана с церковью, религией, принадлежит ей; церковный [5].

В монотеистических (авраамических) религиях – иудаизм, христианство и ислам – духовность напрямую увязывают с верой в Бога и миром Святого духа [20, с. 186-190]. При этом понятие «духовность» без Бога не существует [7, с. 22-30].

В целом под духовностью подразумевают Бога, Его характеристики, свойства и деятельность, а также человека как образ и творение Бога, природу и деятельность души и духа человека [7, с. 22-30].

Этимологически понятие «духовно-нравственные ценности» включает в себя три таких слова, как духовность, нравственность, а также ценность, под которым понимают то, что имеет для человека большое значение и особую значимость [18, с. 9-12].

Как отмечает З. А. Айзатуллин, духовность – это стремление человека переделать себя, приблизить свою жизнь к высшим ценностям, идеалу, построить свои отношения с окружающим миром на основе добра, истины, красоты, гармонии с окружающим миром [3, с. 9-12]. При этом этот же автор, справедливо к одному из сильнейших источников духовности относить совесть, а к проявлению духовности – Любовь, Которая ассоциируется в религии с Богом-Творцом [9, с. 60].

Далее З. А. Айзатуллин говорит, что «нравственность – это способность человека действовать, думать и чувствовать в соответствии со своим духовным началом, это способы и приемы передачи вовне своего внутреннего духовного мира.

Духовно-нравственные ценности – это установки личности, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие её на достижение высших идеалов» [3, с. 9-12].

Например, другой автор С. С. Гузенко верно под нравственностью понимает «внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы, которые исходят от религии» [6, с. 100-101].

Следует подчеркнуть, что понятия «духовность» и «нравственный» имеют сакральную (от англ. *sacral* и лат. *sacrum* – священное, посвящённое Богу) семантику [21, с. 336-353]. По этой причине важным является процесс духовно-нравственного воспитания человека.

Под духовно-нравственным воспитанием следует также подразумевать педагогический процесс, в котором непосредственно задействованы и участвуют душа и дух человека.

Духовность, нравственность (мораль) и духовно-нравственные ценности – это духовно-нравственные начала государственно-правового регулирования.

Утверждая, что моральные требования отражены в верховенстве закона, мы подтверждаем, что мораль и закон неразрывно связаны. В конце концов, это действительно так.

Духовная зрелость – это стремление к высотам, поступательное развитие, стремление к социальному прогрессу, равенству, равенству, свободе, справедливости, защите человеческого достоинства и прав. Человек не приходит в мир с определённой целью. Он ищет смысл в жизни после осознания себя, и это то, что составляет смысл его жизни. Пока человек жив, он всегда стремится к совершенству. Ему важно нравственное, эстетическое и правовое воспитание, чтобы он стал идеальным человеком. Эта деятельность намного эффективнее, когда она осуществляется с учётом общей культуры каждого человека, вовлечённого в сферу юридического образования, то есть его

духовного, нравственного, религиозного, научного, философского и политического потенциала.

Знание закона и его восприятие обычно работают вместе, чтобы помочь человеку отличить незаконное от законного, дать юридически правильную оценку событию и представить его возможные правовые последствия. Жизненный опыт человека – важный источник представлений о праве. По словам узбекского учёного-правоведа А. Х. Саидова: «несовершеннолетние оценивают юридические факты, которые они наблюдают, только с точки зрения их применения. Если такая практика отличается от того, что прописано в законе, то у этих молодых людей можно сформировать представление о том, что юридические инструкции – это всего лишь формальная вещь: «да, закон другой, жизнь совсем другая» [17].

Правовая культура как часть общей культуры общества и совокупность правовых знаний в виде норм, установок и убеждений на сегодняшний день находится в фазе наиболее острой общественной трансформации, когда происходит разрушение большинства нормативных образцов и смена общественных ценностей, связанной с появлением социально-обусловленных и информативных средств, которые реализуют социальные потребности людей, отвечая запросам информационного общества. Формирование правовой культуры личности человека является важной социально-значимой задачей современного общества, потому что в итоге именно человек станет главным субъектом правового государства, и от того, какие современные информационно-технические средства будут использоваться для формирования современной правовой культуры, зависит будущее государства и общества в целом.

В течение длительного времени в российском обществе не существовало благоприятных предпосылок для развития правовой культуры, это объяснялось, прежде всего, различными объективными и субъективными факторами. Итак, российской правовой системе были свойственны не развитые институты конституционализма, характерные для западноевропейской правовой системы, а неуважительное отношение к личности, к её правам и свободам, низкая роль судебной власти, господство тоталитарного режима и т.д. В последнее время в Российской

Федерации положение дел с формированием правосознания и правовой культуры меняется в лучшую сторону.

Правовая культура – чрезвычайно сложное явление. Её общественная значимость во многом превосходит границы нормативного воздействия права на социальные отношения, так как, являясь составной частью общечеловеческой культуры.

Правовая культура прямо и косвенно влияет на формирование сознания и деятельность личности в самых различных сферах жизни общества.

Существуют три разных точек зрения на правовую культуру, как социальное явление:

1. Антропологический подход, согласно которому правовая культура понимается как совокупность всех благ, созданных человеком, в отличие от природных;

2. Социологический взгляд подразумевает под правовой культурой сумму духовных ценностей, где культура – компонент общественной жизни;

3. Философский подход рассматривает культуру среди явлений, не связанных с общественным развитием и выделяемых чисто аналитически [8, с. 174].

Проанализировав вышеперечисленные точки зрения, можно сделать вывод, что правовая культура – это не только правовая, но и социальная категория, которая весьма ёмкая по своему содержанию и структуре [8, с. 174].

В юридической литературе существуют разные трактовки правовой культуры.

Итак, Е. В. Аграновская определяет правовую культуру вот так: «Правовая культура – это элемент общей культуры общества, представляющий специфический способ человеческого существования в правовой сфере: способы правового регулирования отношений, формы взаимодействия субъектов общественных отношений, их социальное отношение к явлениям правового порядка» [1]. Например, американский учёный-правовед Л. Фридман считает, что: «правовая культура – это барометр общественной жизни, являющаяся одновременно и общественной силой, которая определяет, как часто тот или иной закон применяется на практике, как его избегают или как им злоупотребляют. Правовая система без правовой культуры не

действует – так уснувшая рыба лежит в корзине, тогда как живая рыба плавает в океане» [19, с. 11].

При этом правовая культура включает лишь то, что есть в правовых явлениях относительно прогрессивного, социально полезного и ценного. В узком смысле она включает в себя не только результат, но способ деятельности людей, проявляет себя в их образе мышления, нормах и стандартах поведения. С.А. Комаров отмечает, что особенность правовой культуры состоит в том, что она представляет собой не право или его реализацию, а комплекс представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о правотворчестве, правоприменительной деятельности государственных органов, должностных лиц, состоянии законности в государстве [13, с. 441].

Основными составляющими структуры правовой культуры являются: правосознание, уровень развития правовой деятельности и степень совершенства всей системы нормативно–правовых актов. Исходя из этого, можно говорить о том, что суть правовой культуры индивида можно выразить следующей формулой: «знать – уважать – соблюдать».

В теории права в состав правовой культуры входят право, правосознание, правовая деятельность (поведение), а также менталитет как феномен правосознания, область сознательного и бессознательного, носитель определённых ценностей [2, с. 9-16; 12, с. 83-90].

При этом под менталитетом понимается «устойчивая совокупность предпочтений, складывающихся на уровне коллективного сознания вокруг традиционно признаваемых образцов, стандартов и эталонов» [14, с. 25].

Как отмечает М. Ю. Осипов, «правосознание – это форма человеческого сознания, представляющая отражение правовой реальности, совокупность знаний, представлений, мыслей, убеждений и чувств, возникающих у индивида, группы лиц или всего общества по отношению к действующему праву и к правовой реальности» [16, с. 21].

Наиболее точное определение правосознанию даёт Р. С. Байниязов: «правосознание – это фундаментальное духовное образование, определяющее развитие правовой действительности.

Оно не сводимо лишь к правовой грамотности или пониманию юридической догмы» [4, с. 21].

Многие политические и общественные деятели, учёные-правоведы справедливо и обоснованно считают, что прививать правовую культуру в гражданском обществе необходимо начинать с самого детства [8, с. 174]. При этом процесс правового воспитания должен входить в систему дошкольного образования, школьного, профессионального образования и охватывать все слои населения, в том числе и молодёжь [15].

Правовое воспитание и образование поглощается процессом духовно-нравственного воспитания и образования. В то время как мораль является основой духовности, человек добровольно следует в процессе привития моральных взглядов. Естественно, юридическая цель может быть достигнута, если она выполняется в соответствии с этическими критериями.

В культуре Востока мораль всегда преобладала над законом. По этой причине роль и значение нравственной зрелости в государстве, обществе и единстве нации постоянно возрастают. Это привело к тому, что нравственное единство народа стало все более устойчивым и прочным. Единство и общность интересов также зависит от того, насколько отношения между людьми основаны на моральных ценностях.

Правовые нормы конкретного общества основаны на моральных убеждениях, принципах, нормах, а также на обычаях, которые являются относительно общими, выработанными народами этого региона на протяжении веков. Очевидно, что мораль и закон, хотя и имеют одни и те же корни, имеют разные способы управления моральной жизнью своего общества: если мораль действует в основном через объяснения, предписания, закон действует через принудительный метод и карательные меры. Поведение человека отражается на самом человеке, и в то же время в обществе человек становится личностью в результате наличия определенных прав и обязанностей. С философской точки зрения, индивид относится к месту человека в обществе. Становление личности как личности зависит от общества, и развитие общества также неразрывно связано с практической деятельностью личности.

Очевидно, что некоторые обычаи и традиции могут не дойти до уровня правовых норм. Это связано с тем, что они носят, прежде

всего, относительно частный характер, а также не могут отвечать требованиям морально-правового развития. Например, в древности у арабов был обычай хоронить заживо девочку, когда она родилась. Позже, с распространением ислама, этот обычай был отвергнут, как немусульманский. В настоящее время подобный инцидент считается преступлением по закону. Или обычай брать деньги в качестве наказания, который существовал в Узбекистане и других восточных странах в прошлом, теперь тоже карается как преступление. Таких примеров много.

Новые исторические условия и потребности в развитии общества также создают новые духовные потребности и более широкие возможности для их реализации. Со времени, когда человек находится под влиянием социальных и экономических отношений, общество начинает формироваться и развиваться. Отсюда складывается сложная диалектическая взаимосвязь между объективными и субъективными основами развития общества. Развитие общества происходит на основе диалектического соотношения между объективными условиями, в которых живет человек, и духовностью, на которой основана его деятельность. Экономическое, политическое и социальное развитие общества неразрывно связано с его духовным развитием, и одно становится процессом, который не может происходить без другого. Когда доходит до схождения закона и морали, говорят, что моральное требование отражено в правовых нормах. Отсюда видно, что мораль и закон имеют сильную связь.

Очевидно, что мораль и закон, хотя и имеют одни и те же корни, имеют разные способы управления моральной жизнью своего общества: если мораль действует в основном через объяснения, предписания, закон действует через принудительный метод, карательные меры. Хорошо известно, что во многих случаях нормы этики и нормы права, в принципе, совпадают по своей сути и содержанию. Соответственно, мораль можно назвать общественным правом, а закон – узаконенной моралью. Таким образом, соотношение права и морали приобретает своеобразный диалектический характер. Исходя из этого, можно сказать, что моральные нормы имеют свое собственное давнее прошлое по сравнению с правовыми нормами. То есть мораль сосуществует с возникновением общества.

Этические отношения нельзя противопоставлять правоотношениям. Потому что они составляют единое целое и дополняют друг друга. Это единство проявляется в том, что требование нравственных отношений проверяется в жизни и отражается в законе, и в том, что любые правоотношения имеют глубокое народное нравственное содержание и имеют место в повседневной жизни людей. Таким образом, рассмотрев понятие и сущность правовой культуры, мы пришли к выводу, что она является неотъемлемой частью современного общества и играет важную роль в обучении специалистов в области права, а также понимании права обычными гражданами.

В заключение можно сказать, что кризисные процессы, катастрофы, конфликты и экологические катастрофы будут продолжать расти и распространяться в жизни общества, если моральная зрелость, сотрудничество, солидарность, человечность, демократия и верховенство закона, прогресс в науке и технологиях и интересы человека не принимаются во внимание. Эти проблемы современного развития стоят на повестке дня как неотложная задача, которую нельзя игнорировать. Этим определяется необходимость того, чтобы XXI век стал периодом духовной зрелости. В этом, конечно, неопределима роль духовно-нравственного и правового воспитания и образования нашей молодёжи.

Источники и литература:

1. Аграновская Е. В. Правовая культура как фактор укрепления социалистического образа жизни. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – 16 с.

2. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И., Шкуран О. В. Влияние духовно-нравственных процессов на правосознание, правотворчество и правоприменение // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 15 марта 2021 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 9-16.

3. Айзатуллин З. А. Роль духовно-нравственных ценностей Ислама в поликультурном обществе. [Электронный ресурс]. Режим

доступа: <http://islam.ru/content/obshestvo/44258> (дата обращения: 05.10.2021).

4. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России. Дисс. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 349 с.

5. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 544 с.

6. Гузенко С. С. Свобода совести, физическая культура и спорт // Здоровьесбережение как инновационный аспект современного образования: сборник материалов Международной научно-практической интернет-конференции, Санкт-Петербург, 15.04.2020 г. – СПб.: ЧОУ ВО СПбУТУиЭ, 2020. – С. 100-108.

7. Данакари Л. Р., Ивентьев С. И. Духовно-нравственная интуиция и виртуальное пространство // Социальная реальность виртуального пространства: материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 20.09.2021 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 22-30.

8. Ермоченко К. П. Социальные сети как способ приобщения к современной российской правовой культуре на примере региональных поселений Брянской области // Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 3 (55). – С. 173-180.

9. Ивентьев С. И. Наш Бог-Творец. – Новосибирск: Изд-во «СИБПРИНТ», 2014. – 228 с.

10. Ивентьев С. И. Духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина. Воспитание // Современное образование в условиях реформирования: инновации и перспективы. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции 17.03.2010 г. / под общ. ред. А. И. Таюрского. – Ч. 3. – Красноярск, 2010. – С. 229-332.

11. Ивентьев С. И. Современные духовно-правовые ценности // Научный поиск. – 2012. – № 4.3. – С. 19-22.

12. Казанцева Д. Б., Ивентьев С. И. Правосознание личности в современном обществе // Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информатизации российского общества: сборник материалов международной научно-практической конференции. Т. 1. – Ставрополь: ИП Светличная С.Г., 2020. – С. 83-90.

13. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.

14. Мартишина Н. И. Менталитет и ментальность // Омский научный вестник. – 1998. – № 5. – С.25-26.

15. О коренном совершенствовании системы повышения правосознания и правовой культуры в обществе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lex.uz/docs/4149770> (дата обращения: 05.10.2021).

16. Осипов М. Ю. О российской правовой ментальности в свете социоестественной истории и коммуникативной концепции права // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С.18-25.

17. Саидов А. Х. Теория правовой культуры. – Ташкент, 1998. – 198 с.

18. Утяшев М. М. Права и свободы человека и общечеловеческие ценности // История государства и права. – 2010. – № 7. – С. 9-12.

19. Фридман Л. Введение в американское право / пер. с англ. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 284 с.

20. Штумпф С. П. Генезис духовности в контексте религиозно-философского дискурса // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 1. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 186-190.

21. Шкуран О. В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 336-353.

22. Шестун Е. Православная педагогика. – М.: Про-Пресс, Православная педагогика, 2001. – 559 с.

Ракитина Екатерина Васильевна
кандидат юридических наук,
Читинский институт Байкальского государственного
университета,
г. Чита, Россия

Доржиева Арюна Баторовна
студент 2 курса юридического факультета
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия

**УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК РЕГИСТРАЦИИ БРАКА С
ЛИЦАМИ, ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ**
DOI: 10.47905/b2024-4943-8552-s

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о правовом регулировании порядка заключения брака с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы.

В статье автором детально рассмотрен порядок подачи заявления о заключении брака с лицом, осужденным к лишению свободы, как по инициативе лица, изолированного от общества, так и по инициативе второй стороны.

Ключевые слова: брак, осужденные, условия вступления в брак, процедура регистрации брака, регистрация брака между осужденными.

Rakitina Ekaterina Vasilievna

PhD in Law,

*Chita institute of the Baikal state university,
Chita, Russia*

Dorzhieva Aryuna Batorovna

2nd year student of faculty of law

*Transbaikal state university
Chita, Russia*

CONDITIONS AND PROCEDURE FOR REGISTRATION OF MARRIAGE WITH PERSONS SENTENCED TO DESERVATION OF FREEDOM

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue of legal regulation of the procedure for concluding marriage with persons serving sentences in places of deprivation of liberty.

In the article, the author considers in detail the procedure for filing an application for marriage with a person sentenced to deprivation of liberty, both at the initiative of a person isolated from society, and at the initiative of the second party.

Key words: marriage, convicts, conditions for marriage, marriage registration procedure, marriage registration between convicts.

Тематика заключения браков с осужденными к лишению свободы будет актуальной в любое время и в любую эпоху. Хотя бы потому, что преступления будут совершаться, к сожалению, всегда. А переносить планы на устройство личной жизни захочет не каждый человек, и пусть даже при таких обстоятельствах, но не все влюбленные захотят подождать и что самое интересное, не испугаются сложившихся обстоятельств. И, забегаая вперед, — этому не препятствует закон.

О количестве зарегистрированных браков с участием осужденных к лишению свободы нигде не говорится, так как сама по себе статистика браков на зонах органами власти не ведется и особо не афишируется. Органы записи актов гражданского состояния также не предоставляют таких данных и не делают различий с обычными браками.

Как устанавливает Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 55, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения защиты страны и безопасности государства [1].

Естественно, что на осужденное к лишению свободы лицо распространяются определенные ограничения в реализации своих прав, при чем достаточно значительные, что объясняется самим фактом совершения преступного деяния. Объем таких ограничений напрямую зависит от характера совершенного деяния. При этом прямого запрета на создание семьи с лицом, осужденным к лишению свободы в наших законах не установлено. К слову, нет запрета на регистрацию брака также в случае, если брак хотят заключить лица, оба находящиеся в местах лишения свободы.

Общий порядок заключения брака установлен семейным законодательством Российской Федерации. Согласно ч. 2 ст. 11 СК РФ, государственная регистрация заключения брака производится в порядке, установленном для государственной регистрации актов гражданского состояния [2]. Такой порядок устанавливается специальным Федеральным законом. Речь идет о Федеральном законе «Об актах гражданского состояния». В соответствии с п. 7 ст. 27 указанного Федерального закона, государственная регистрация заключения брака с лицом, находящимся под стражей или отбывающим наказание в местах лишения свободы, производится в помещении, определенном начальником соответствующего учреждения по согласованию с руководителем органа записи актов гражданского состояния [3].

Как известно, процедура подачи заявления на регистрацию брака предполагает личное присутствие обеих сторон. Как же быть лицам, которые в силу жизненных обстоятельств, в том числе и находящиеся в местах лишения свободы, не имеют возможности подать такое заявление в органы ЗАГС? Так, волеизъявление на заключение брака от таких лиц оформляется специальным заявлением.

Подробные особенности такой процедуры установлены Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы [4]. Участие подозреваемых и

обвиняемых в семейно-правовых отношениях и гражданско-правовых сделках регулируется главой 12 указанных Правил (п.п. 108-119).

Согласно п. 109 Правил, лицо, желающее вступить в брак с подозреваемым или обвиняемым, идет в ЗАГС для получения совместной формы заявления о браке, которую он или она подает в центр содержания под стражей. В случае взаимного добровольного согласия на брак и отсутствия обстоятельств, препятствующих заключению брака, подозреваемый или обвиняемый заполняет свою часть анкеты в присутствии нотариуса, который удостоверяет подлинность его подписи на заявлении, после оплаты государственной пошлины. Для этого заинтересованное лицо вызывает нотариуса в СИЗО с разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело. Нотариально засвидетельствованный запрос передается другой стороне для дальнейшей обработки в отделе записи актов гражданского состояния [4].

Если подозреваемый или обвиняемый желает вступить в брак, он обращается в администрацию СИЗО с просьбой предоставить бланк совместного заявления о заключении брака по установленной форме. При отсутствии обстоятельств, препятствующих заключению брака, администрация СИЗО выдает подозреваемому или обвиняемому за его счет такую анкету. После этого с разрешения лица или органа, ведущего уголовное дело, приглашается нотариус, в присутствии которого подозреваемый или обвиняемый заполняет свою часть совместного запроса, его подпись нотариально удостоверяется после уплаты государственной пошлины.

Администрация СИЗО передает это заявление лицу, с которым подозреваемый или обвиняемый желает заключить брак, и одновременно сообщает адрес органа гражданского состояния, уполномоченного зарегистрировать этот брак. Оплата нотариальных услуг производится за счет лиц, вступающих в брак.

Государственная регистрация брака производится только при наличии документов, удостоверяющих личность вступающих в брак (паспорт), в помещении СИЗО, указанном начальником СИЗО или лицом, его заменяющим, по согласованию с руководителем органа гражданского состояния.

Общее количество гостей не может быть более двух человек. При государственной регистрации брака все присутствующие, кроме представителя службы записи актов гражданского состояния и задержанного, должны иметь письменное разрешение на свидание, выданное лицом или органом, в производстве которого находится уголовное дело.

Оплата государственной пошлины за государственную регистрацию брака, а также оплата транспортных расходов производится за счет лиц, вступающих в брак. Государственная регистрация брака с подозреваемым или обвиняемым, отбывающим дисциплинарное наказание в карцере, может быть произведена только после отбытия этого наказания. Администрация СИЗО обязана с разрешения лица или органа, ведущего уголовное дело, обеспечить подозреваемому или обвиняемому встречу с супругом в порядке, установленном после государственной регистрации брака.

Таковы правила Министерства юстиции в части процедуры регистрации брака с лицами, осужденными к лишению свободы.

Нельзя не согласиться с мнением А. О. Каштановой о том, что на сегодняшний день назрела необходимость создание отдельного ведомственного нормативного акта [6, с. 116]. Представляется, что такой документ мог бы содержать в себе нормы в области регулирования именно технической стороны процедуры регистрации брака с осужденными. Так как просто необходимо более детальное урегулирование таких вопросов, как порядок подачи заявления, его документальное оформление в личном деле осужденного гражданина.

Более того, детальному регулированию должен подвергнуться порядок предоставления свидания после регистрации брака. Одной строчки в Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы недостаточно [5, с. 161]. Например, необходимо установить временные рамки такого свидания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на нахождение в местах лишения свободы, такие лица имеют полное право на устройство своей личной жизни. По российскому законодательству, в перечне ограничений для осужденных лиц не имеется ограничения на заключение брака. Конечно, в данном случае есть и свои особенности. Например, такое лицо не может

подать заявление на регистрацию брака путем личного присутствия. Однако установленная процедура не имеет специфических черт, все достаточно просто: достаточно обратиться в администрацию СИЗО с соответствующей просьбой и ему будет предоставлено специальное заявление установленной формы на заключение брака. При этом не стоит забывать о том, что не должно быть никаких обстоятельств, препятствующих заключению брака (например, кровное родство и прочее). А вот если с заключенным какое – либо лицо хочет заключить брак, то ему нужно будет обращаться в органы ЗАГС за предоставлением совместной формы заявления на заключение брака, после чего предоставить его в соответствующий центр содержания под стражей. К особенностям заключения брака с осужденными к лишению свободы относится также ограничение количества присутствующих на процедуре заключения брака. Само заключение брака производится на территории СИЗО в специально отведенном помещении. И в нем, согласно действующему законодательству, могут находиться не более двух человек. В то время как в органах ЗАГС при заключении брака в общем порядке количество приглашенных неограниченно. В последнем случае мы не берем во внимание ограничения по количеству гостей в связи с пандемией. Например, на сегодняшний день — не более 20 человек.

Источники и литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с посл. изм. и доп.) // Российская газета. – 2020. – № 144.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Сборник законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Об актах гражданского состояния: Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Сборник законодательства РФ. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.
4. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста РФ от 14 октября 2005 г. № 189 (с посл. изм. и доп.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 46. – 14 ноября.

5. Борченко В. А., Борисова В. А. К вопросу о государственной регистрации заключения брака с лицами, находящимися под стражей или отбывающими наказание в местах лишения свободы // Юридическая наука и практика. - 2017. - № 1. - С. 161-163.

6. Каштанова А. О. Особенности брачных правоотношений несовершеннолетних лиц, осужденных к лишению свободы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2019. - № 4. - С. 113-116.

7. Юлесняк Е. В. Правовая регламентация заключения брака с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы // Вестник Самарского юридического института ФСИИ. - 2021. - № 2 (4). - С. 26-28.

Романенко Никита Сергеевич
преподаватель
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

**РОЛЬ НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ, ЗАКРЕПЛЕННАЯ В
ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ
ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**
DOI: 10.47905/x0097-6591-8891-f

Аннотация. В статье автором рассматривается система процессуальных принципов права, оказывающая влияние на уголовно-процессуальную деятельность следователя. Эти принципы являются определенными нравственными, моральными требованиями, предъявляемыми к следователю одновременно как личности и профессионалу, осуществляющему уголовно-процессуальную по защите интересов общества и государства от преступной деятельности.

К числу этих принципов относятся: принцип законности, принцип целесообразности, обоснованности, динамичности, эффективности, прогностичности, оптимальности, профессионализма, ответственности.

Эти принципы влияют не только на личность следователя, но на весь процесс уголовно-процессуальной деятельности и

принимаемые решения следователя в ходе этой деятельности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, следователь, принципы права, юридический процесс, нравственные начала

Romanenko Nikita Sergeevich
lecturer,
Baikal state university,
Irkutsk, Russia

THE ROLE OF MORAL PRINCIPLES ENshrINED IN THE PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR AS A FORM OF LEGAL PROCESS

Abstract. In the article the author considers a system of procedural principles of law that affects the criminal procedure of the investigator. These principles are certain moral requirements imposed on the investigator at the same time as a person and professional who carries out criminal procedure to protect the interests of society and the state from criminal activity.

Among these principles are the principle of legality, the principle of expediency, validity, dynamism, efficiency, predictability, optimality, professionalism, responsibility.

These principles affect not only the identity of the investigator, but the entire process of criminal procedure and the decisions of the investigator in the course of this activity.

Key words: criminal procedure, investigator, principles of law, legal process, moral principles.

Вопросы, касающиеся признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина являются приоритетными для государства и находят свое отражение во многих формах государственной деятельности. Одной из таких форм является уголовно-процессуальная деятельность.

Уголовно-процессуальная деятельность является одной из форм такого важного правового явления как юридический процесс.

Юридический процесс как правовое явление в юриспруденции изучается в рамках теории процессуального права и

понимается как регламентированные нормами процессуального права различные формы последовательной динамической деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных субъектов права на достижение юридически значимого результата.

Данная точка зрения разделяется многими современными учеными, в частности А. А. Павлушиной [3], О. Е. Солдатовой [4] и В. Н. Баландиным [1].

Но в данной статье нам бы хотелось поговорить о юридическом процессе не просто как деятельности с точки зрения функциональной роли, но и с точки зрения морально-нравственного начала зафиксированного в статическом состоянии, поскольку любая деятельности берет свое начало с того, что находится как записанное законодателем правило поведения, следование которому обязательно влияет на осуществление деятельности в динамике и на конечный результат.

Уголовно-процессуальная деятельность представляет собой систему действий всех участников уголовного процесса в досудебном и судебном производстве, предусмотренную уголовно-процессуальным законом и направленную на установление истины по уголовным делам, а также выполнение задач уголовного судопроизводства [2, с. 31].

Следует отметить, что к участникам уголовно-процессуальной деятельности относится государство в лице суда, прокурора, следователя, органа дознания, присяжных заседателей как представителей народа, адвокатов представляющих и защищающих интересы подсудимого, а также свидетелей, экспертов и специалистов, не заинтересованных в исходе уголовного дела, но содействующих правильному расследованию, рассмотрению и разрешению уголовного дела [2, с. 31].

Но необходимо подчеркнуть, что уголовно-процессуальная деятельность, ее динамичность, последовательность и результат зависят напрямую от действий только двух участников – следователя и судьи. Именно к ним предъявляются повышенные профессиональные и нравственные требования, которым они должны соответствовать в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Следователь как участник уголовного процесса и лицо,

осуществляющее уголовно-процессуальную деятельность, должен обладать высокими нравственными и моральными качествами как личность и высокой профессиональной квалификацией как лицо, занимающее государственную должность. Моральные и профессиональные качества следователя напрямую влияют на качество осуществления предварительного следствия, а также на ход расследования уголовного дела и в целом на принятие всех процессуальных решений по нему.

Законодательное закрепление понятия нравственности и моральных качеств личности отсутствует. Эти понятия в основном содержатся в актах локального характера, содержащие требования к этике поведения сотрудников, осуществляющих уголовно-процессуальную и правоохранительную деятельность.

Применительно к уголовному процессу рассматриваемое понятие сформулировал В. Т. Тomin: «нравственность уголовного судопроизводства - это система исторически под влиянием социально-экономических, религиозных, национальных, правовых и иных детерминантов, сложившихся в той или иной человеческой страте правил поведения, определяющих отношение человека к обществу, другим людям и правосудию» [5, с. 168].

В данном случае речь идет о нормах морали, которые в своем формировании проходят длительный исторический путь, на которые оказывает влияние все сферы общественной жизни.

Нормы морали в ходе своего формирования приобретают свое определенное оформление в виде идеалов добра и зла, должного и справедливого. А в дальнейшем в ходе развития общественных отношений и совершенствования организации и способов осуществления человеческой деятельности, в том числе и уголовно-процессуальной, трансформируются в соответствующие принципы права и принципы процессуальной деятельности.

Именно принципы права и уголовно-процессуальной деятельности служат теми нравственными началами для лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, и следователя в частности.

Эти принципы могут носить как общеправовой, так и узкий уголовно-процессуальный характер.

Принцип законности является основным и закрепляет требование добросовестно выполнять свои должностные

обязанности не допускать, со своей стороны злоупотреблении должностными полномочиями, понимать, что возложенные законом обязанности на следователя в случае допущения нарушения в ходе осуществления своих профессиональных обязанностей могут трансформироваться потерю результата, полученного в ходе следственных действий.

При осуществлении уголовно-процессуальной деятельности и определенных следственных действий и при принятии важных для следствия решений следователь также руководствуется принципом уважения чести и достоинства личности и принципом охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Данные принципы требуют от следователя быть внимательным к лицам-участникам уголовного процесса их правам и обязанностям, проявлять к ним уважение, в ходе своей деятельности следуя установленным правилам человеческого общения, объяснить им смысл и содержание их прав и обязанностей и порядок их реализации.

Помимо уважения чести и достоинства личности и охраны прав и свобод человека и гражданина следователь также руководствуется принципом неприкосновенности жилища, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных и иных сообщениях.

Этот принцип требует от следователя соблюдать право других лиц на свободу и тайну личной жизни, что требует он него вести себя добросовестно, выстраивать отношения, с участниками уголовного процесса соблюдая правила должностного общения.

Следователь также руководствуется при осуществление следственных действий принципом публичности. Этот принцип не нашел своего законодательного закрепления в УПК РФ. Но суть этого принципа заключается в том, что обязанность следователя как должностного лица требует от него вести себя активно при защите интересов общества и государства и делать все от себя зависящее.

Также следователь в своей деятельности руководствуется принципом целесообразности. Этот принцип означает, что выбор того или иного варианта поведения следователя как правоприменителя предписан ему законодателем и следовательно целесообразность всех следственных действия при осуществление уголовно-процессуальной деятельности прописано в законе.

Также производимые следователем следственные действия кроме целесообразности должны быть обоснованы.

Принцип обоснованности означает, что каждое производимое следователем действие, должно устанавливать и подтверждать те или иные факты, свидетельствующие о виновности или невиновности лица, подозреваемого в совершение преступления и должны учитываться при квалификации преступления и характеристики виновного лица. Также все полученные факты и доводы должны иметь соответствующее правовое закрепление и однозначное восприятия, не порождая спорных моментов.

Следователь также в своей деятельности должен руководствоваться принципом динамичности, что означает при производстве предварительного следствия следователь в своих действиях ограничен указанными в законе сроками.

Отметим, что следователю приходится совершать различные следственные действия сразу по нескольким уголовным делам. Все это требует наличие таких качеств как собранность и стрессоустойчивость, готовность осуществлять профессиональную деятельность в периоды неопределенности.

При этом от следователя требуется быть готовым принимать обоснованные и обдуманые решения и не допускать в свою сторону давления от других участников процесса и принимать важные процессуальные решения, не руководствуясь поспешностью или ускорением процесса предварительного следствия. Поскольку это может повлиять на объективность и разумность принимаемых решений.

Кроме принципа динамичности на деятельность следователя оказывает влияние принцип эффективности. Этот принцип связан напрямую с результатом принимаемого следователем решения.

Для этого следователю в ходе своей деятельности приходится определять цели своей деятельности и учитывать полезность совершения тех или иных действий. В результате этого мы сталкиваемся еще с одним принципом, не нашедшем отражение в УПК РФ.

Этим принципом является принцип прогностичности. Принцип прогностичности заключается в том, что следователь должен предвидеть наступления возможных негативных последствий принимаемого им решения. В ходе принятия любого

процессуального решения следователю приходится рассчитывать возможные варианты развития событий, а также риск наступления негативных последствий.

Поскольку деятельность следователя ограничена по времени законодателем и связана с риском наступления негативных последствий в ходе своих действий ему приходится руководствоваться также принципом оптимальности.

Принцип оптимальности означает, что в ходе своей деятельности следователю необходимо продумывать принимаемые процессуальные решения самостоятельно производя оценку сложившейся правовой ситуации, ее сложность, вариативность разрешения с учетом наличия многих обстоятельств, влияющих на исход уголовного дела. Принцип оптимальности следователь использует не только для принятия процессуальных решений, но и обеспечения безопасности лиц участвующих в проведении следственных действий.

С принципом оптимальности также связан принцип профессионализма. При осуществлении предварительного следствия, следователь является профессионалом, его квалификация не должна вызывать сомнения, а принимаемые им решения должны быть конкретными, ясными, обоснованными, точными и касаться конкретного уголовного дела

В ходе своей профессиональной деятельности следователь также руководствуется принципом ответственности. Суть этого принципа заключается в том, что следователь несет ответственность за принимаемые им решения, за возможные негативные последствия своей деятельности.

Таким образом, рассмотренные выше принципы уголовно-процессуальной деятельности следователя представляют собой не только как правила, которыми он руководствуется в ходе этой деятельности, но и выступают как определенные нравственные начала, предъявляющие высокие моральные требования к нему как к личности и человеку, чьи действия непосредственно влияют на жизнь и судьбу отдельной личности, но и защищаемые интересы общества и государства.

Источники и литература:

1. Баландин В. Н. Принципы юридического процесса. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 1998. - 15 с.
2. Макарова З. В. Понятие и структура уголовно-процессуальной деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. - 2017. - №2.- С. 31-35.
3. Павлушина А. А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2005. - 58 с.
4. Солдатова О. Е. Юридический процесс: теоретико-правовой аспект. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2014. - 18 с.
5. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. - М.: Юрайт, 2009. - 376 с.

Спирин Михаил Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент

Юридический институт

Самарского национального исследовательского

университета им. С. П. Королёва,

г. Самара, Россия

ИСТОЧНИК ПРАВА:

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ И МЕТОДИК ОПРЕДЕЛЕНИЯ

DOI: 10.47905/e2540-4408-3990-a

Аннотация. Статья посвящена определению проблематики многозначности категории «источник права» в современной теоретической и отраслевой юриспруденции. Приводятся некоторые причины данной многозначности и указываются отдельные методики исследования источника права.

Производится анализ категории «закон» как источника права, формулируются логические вопросы к данной категории, намечаются магистральные пути к формулированию адекватных ответов на эти вопросы. В статье указываются современные (2021 год) научные попытки разрешения проблемы многозначности категории «источник права».

Ставится вопрос о значении неформальных источников права.

Ключевые слова: источник права, форма права, морфология права, закон, источник правоприменения, неформальный источник права.

Spirin Mikhail Yurievich
PhD, associate professor,
Law institute of named after S. P. Korolyov Samara national
research university,
Samara, Russia

SOURCE OF LAW: PROBLEM OF GROUNDS AND METHODS OF DETERMINATION

Abstract. The article is devoted to the definition of the problematics of the ambiguity of the category "source of law" in modern theoretical and branch jurisprudence. Some reasons for this ambiguity are given and separate methods for studying the source of law are indicated.

The analysis of the category "statute" as a source of law is carried out, logical questions are formulated for this category, the main ways to formulate adequate answers to these questions are outlined. The article indicates modern (2021) scientific attempts to resolve the problem of the ambiguity of the category "source of law".

The question is raised about the significance of informal sources of law.

Key words: source of law, form of law, morphology of law, statute, source of legal enforcement, informal source of law.

Источник права является одной из самых неопределённых и многозначных категорий юриспруденции, по поводу понимания основных свойств которой, тем не менее, сформировался достаточно устойчивый конвенциональный подход. Свидетельствами этому служат размышления дореволюционных русских правоведов (Л. И. Петражицкий, Н. М. Коркунов, Г. Ф. Шершеневич), послевоенный научный диалог Н. Г. Александрова и С. Ф. Кечекьяна, полемика А. Ф. Шебанова и С. Л. Зивса в 60 – 80 гг. XX века, сочетание

плюралистического и волевого подходов в классических работах С. С. Алексеева, традиционный источниковый «плюрализм» А. В. Мицкевича, М. Н. Марченко, С. А. Дробышевского и Т. Н. Данцевой на рубеже XX – XXI веков, современные работы С. А. Комарова, С. В. Бошно и других российских учёных-теоретиков права. Похожая ситуация сложилась и в отраслевой юриспруденции.

Можно выделить несколько оснований (причин) такого положения дел в теории источников права:

1) традиционная борьба идей (идеологий): материализм и идеализм как философские парадигмы юриспруденции; юспозитивизм, юснатурализм и юссоциологизм как конкурирующие типы правопонимания;

2) требования существующей практики (формирование и укрепление тенденции упрощения юридической терминологии по аналогии языкового словоупотребления). Элемент «привычки краткого словоупотребления» становится достаточно принципиальным фактором; при этом очевидно, что в данном вопросе имеется устойчивое влияние отраслевой теории права, где практически всякий источник отрасли права – это формальный источник права.

Исходя из этих оснований разнятся и соответствующие методики определения источника права, при их анализе мы видим их зависимость от ключевого метода, применяемого к исследованию права в целом.

Классическим являлся подход А. Ф. Шебанова, согласно которому источник права определялся как принципиальное начало для возникновения единой формы права, выраженной как вовне, так и изнутри [10; 11; 12]. Сходной является современная методика С. В. Бошно, в которой определяется движение от источника права к форме права как отражение процесса правотворчества в обществе [1; 2].

Выделяется позиция В. А. Рудковского, в соответствии с которой принципиально важно использование гегелевского метода определения направленности воли субъекта правотворчества в качестве источника всякого права [7; 8].

Также необходимо отметить различие в понимании источников позитивного и естественного права, на что в своё время обращал особое внимание М. Н. Марченко в своей классической

работе «Источники права» [5; 6]. Различие в таком понимании определяется принципиально разной природой позитивного и естественного права в целом.

На основании данного многообразия подходов и методик понимания самой категории «источник права» произведём небольшой анализ наиболее распространённой точки зрения в современной российской юриспруденции – «закон как источник права». Такой анализ предполагает формулирование некоторых принципиальных и знаковых вопросов и последующий поиск адекватных, системных ответов на эти вопросы:

1) является ли закон источником *всякого* права? (при поиске ответа на данный вопрос анализу должна подвергнуться проблема эгоизма законодателя при осуществлении правотворчества);

2) *всякий* ли закон является источником права? (отвечая на этот вопрос, мы сталкиваемся с необходимостью решения проблемы юридической неэффективности недемократических политических режимов, которые либо допускают включение категории «произвол» в состав права либо вообще оперируют лишь произволом);

3) является ли закон *единственно возможным* источником права? (решение данного вопроса сопряжено с проблемой ограниченного, «узкого» понимания права и средств правового регулирования, с фактической синонимизацией механизма правового регулирования и механизма правового воздействия);

4) стоит ли рассматривать закон в качестве источника *позитивного* права, помимо которого права *не существует*? (предпринимая попытки ответить на этот вопрос, мы сталкиваемся с проблемой дуального характера Конституции как акта позитивного права, *включающего* в себя формулирование важнейших субъективных прав личности).

Не будем пока давать развёрнутые ответы на эти вопросы, которые, очевидно, нуждаются в дальнейшем осмыслении. Важно определение магистральных путей постановки этих вопросов. В то же время, понятно, что данные проблемные и, в чём-то, риторические вопросы показывают условность юридического словоупотребления, определённую конвенциональность (*opinio iuris*) в части использования категории «источник права».

Следует обратить внимание на одну из недавних попыток разрешения проблемы многозначности этой категории (уточнения

характера её содержания), которая была отражена в оригинальной авторской концепции судьбы Конституционного Суда Белоруссии С. Е. Данилюка, отражённой в его статье 2021 года «Место категории «источник права» - в музее юридического позитивизма» [3].

Автор, признавая определённую ограниченность позитивистского (точнее, формально-позитивистского) дискурса при употреблении категории «источник права», указывает на необходимость выделения трёх основных значений источника права (проявления его на «трёх стадиях жизненного цикла права»):

- 1) как источник правообразования;
- 2) как источник правотворчества;
- 3) как источник правоприменения (в качестве одной из форм правореализации).

При этом под источником правоприменения С. Е. Данилюк понимает «резервуар (контейнер, хранилище, место нахождения), где содержатся знания о праве, из которого уполномоченные субъекты черпают правовую информацию, необходимую для юридической оценки действий участников правоотношений и вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного либо административного решения». Источник правоприменения «должен отвечать требованиям легальности и легитимности».

Однако, как представляется, первые две источниковые категории вполне могут быть выражены уже употребляемым в общей теории права термином «правообразующие факторы» (истоки права), а третья категория может быть сформулирована как «текущая форма существования права». С практической точки зрения важна лишь третья категория («источник правоприменения»), которая с позиции упрощения юридического словоупотребления довольно быстро сокращается до «источника права». Следовательно, проблема многозначности источника права с этой позиции не решается.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что С. Е. Данилюк чрезмерно расширяет границы такого «источника правоприменения», полагая, что за счёт этого данная категория становится шире, чем традиционная «форма права», включает в его состав ненормативные (в т.ч. – «социокультурные и духовно-ценностные» элементы), что на практике может приводить к известным злоупотреблениям.

Важным современным этапом формирования определённого единства научного дискурса по вопросу о содержании категории «источник права» стал недавний выход в свет осенью 2021 года коллективной монографии под редакцией профессора Р. Л. Хачатурова «Источники и формы права в современной юридической науке», в которой выражена как глобальная оценка содержания данной категории (в т.ч. – в соотношении с формой права), так и подробный анализ видов формальных источников права (форм права) (в т.ч. – нетипичных разновидностей, «квазиисточников права») как с позиций современной национальной и международной юриспруденции, так и в исторической ретроспективе [4].

Стоит сделать некоторые предварительные выводы наших рассуждений.

Во-первых, очевидна т.н. «вечность» проблемы содержания категории «источник права» и, вместе с тем, непреходящая значимость исследования этой категории для нахождения новых, важных для всестороннего понимания её плоскостей и ракурсов (от *fontes iuris* Тита Ливия до наших дней).

Во-вторых, развитие современной теории источников права (в т.ч. – волевого её концепта) постепенно приводит к формирования *морфологии права* как цельного учения о формах существования объективного права [9] с учётом различного значения этих форм в разных правовых традициях и существующих на их основе различных трансграничных (наднациональных) правовых системах (романо-германская система, система «общего права», религиозная система, традиционная система, гибридные и смешанные системы).

В-третьих, следует приветствовать всякую попытку решения вопроса о традиционности понимания всякого источника права как формального источника права (т.е., источника нормативной, регулятивной информации для правоприменителя). Особое значение это приобретает в современных условиях формирования концепции машиночитаемого права, когда алгоритмы регулирования становятся доступны искусственному интеллекту.

Можно ли всерьёз обсуждать значение неформальных, недокументированных источников права? Имеет ли это какое-то значение для современной юридической практики? Станет ли это принципиальным вопросом будущего нормативного регулирования

социального взаимодействия? Данные вопросы также являются открытыми.

Источники и литература:

1. Бошно С. В. Правотворчество: путь от источника к форме права. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 102 с.
2. Бошно С. В. Формы российского права. – М.: Изд-во «Право и Закон», 2004. – 319 с.
3. Данилюк С. Е. Место категории «источник права» - в музее юридического позитивизма // Государство и право. – 2021. – № 5. – С. 68 – 80.
4. Источники и формы права в современной юридической науке / под ред. Р. Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 320 с.
5. Марченко М. Н. Источники права. – М.: Проспект, 2005. – 760 с.
6. Марченко М. Н. Источники права. – 2-е изд. – М.: Норма, 2014. – 672 с.
7. Рудковский В. А. Теоретические проблемы источников права // Философия права. – 2005. – № 3 (15). – С. 21 – 27.
8. Рудковский В. А. Источники права: проблемы теории // Вектор науки ТольГУ. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4 (27). – С. 73 – 75.
9. Спирин М. Ю. Основные подходы к пониманию источника права // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 7 – 13.
10. Шебанов А. Ф. О содержании и формах права // Правоведение. – 1964. – № 2. – С. 11 – 22.
11. Шебанов А. Ф. О понятиях источника права и формы права // Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 23 – 33.
12. Шебанов А. Ф. Форма советского права. – М.: Юридическая литература, 1968. – 216 с.

Чигринский Николай Сергеевич
аспирант 2 курса Юридического института
Иркутского государственного университета
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Тирских Максим Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМ
DOI: 10.47905/u8970-7670-6556-j**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности изменения модели государственного регулирования в процессе перехода стран Восточной Европы от социалистической правовой системы к романо-германской. Определяется соотношение между понятиями «правовое регулирование» и «государственное регулирование», рассматривается специфика государственного регулирования в странах, функционирующих в социалистической правовой системе.

Автор определяет, как функционирует государственное регулирование в стране, находящейся в процессе реформ, полностью меняющих правовую систему страны.

Ключевые слова: правовое регулирование, социалистическая правовая система, страны Восточной Европы, изменение правовой системы.

Chigrinskiy Nikolay Sergeevich
2nd year postgraduate student of the Institute of law
Irkutsk state university
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Tirskikh Maxim Gennadievich
PhD in Law, associate professor
Irkutsk state university
Irkutsk, Russia

PUBLIC LEGAL REGULATION IN EASTERN EUROPE DURING SYSTEMS CHANGE

Abstract. The article examines the peculiarities of changing the model of state regulation in the process of transition of the countries of Eastern Europe from the socialist legal system to the Romano-Germanic one. The relationship between the concepts of "legal regulation" and "state regulation" is determined, the specificity of state regulation in countries operating in the socialist legal system is considered.

The author defines how state regulation functions in a country that is in the process of reforms that completely change the country's legal system.

Key words: legal regulation, socialist legal system, countries of Eastern Europe, changes in the legal system.

Что есть правовое регулирование? Из большинства имеющихся научных подходов к пониманию данной категории наиболее универсальным представляется следующее: правовое регулирование — это осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями [1, с. 209; 3, с. 495]. При этом при изучении данного института часто идёт смешение понятий «правовое регулирование» и «государственное регулирование», вплоть до восприятия их как синонимов. Н. А. Пьянов, упоминая в

одном из своих трудов подобную ситуацию отмечал, что «такая подмена понятий идет из советской юридической науки, которая не проводила никакого различия между государственным и правовым регулированием и фактически их отождествляла» [7, с. 21]. Нельзя считать данный подход ошибочным – в те времена само право считалось системой норм, установленных или санкционированных государством. И естественно, что такой позитивистский подход не позволял определять различий между правовым регулированием и государственным.

Отметим также, что в данной работе мы выберем подход презумпции равенства терминов «государственное регулирование» и «правовое регулирование», придерживаясь так называемого «советского подхода», суть которого, как упоминалось ранее, заключалась в определении права как совокупности (системы) установленных или санкционированных государством норм, выражающих его волю и обеспеченных его принудительной силой [8, с. 32]. При таком подходе прослеживается чёткая связь между правом и государством, определённая зависимость одного от другого, что позволяет нам окончательно определить выбранный нами подход как «позитивистский», заключающийся в презумпции того, что право – это официальное установление, адресованное государством своим гражданам, не зависящее от содержания этого установления. Безусловно, вокруг такой позиции возникают дискуссии, вызванные аргументацией того, что протivoестественное человеческой сущности волеизъявление государства не может считаться правовым регулированием, поскольку право по своей природе призвано являться благом для человека. Тем не менее, коль скоро тема данной работы сосредоточена на теме особенностей функционирования права в период смены одной правовой системы на другую, необходимость упоминания данной дискуссии здесь видится излишним.

Говоря о конкретных механизмах правового регулирования в конкретных странах необходимо упомянуть о системе права, в рамках которой функционировала рассматриваемая страна. Романо-германская правовая семья, составляющая основу правовых систем практически всех стран Восточной Европы, предварила создание новой правовой семьи – социалистического права. Взятые из романо-германской правовой семьи основные принципы были

внедрены в правовые социалистические основы, создавшие базис: конкретная идеология, синтезированная с классовым подходом к пониманию права как явления. В начале XX века, при появлении первого социалистического государства – Союза Советских Социалистических Республик – началось формирование новой, социалистической правовой системы.

Говоря об общих чертах континентальной и социалистической систем, необходимо прежде всего выделить элемент «источник права»: в обеих рассматриваемых системах первоначальным источником права выступал закон, как сформулированное законодворческим органом нормативное предписание органов государственной власти населению. Форма правового источника кардинально отличается в англо-саксонской правовой системе, где в первую очередь таковым выступает судебный прецедент; при этом нельзя говорить, что в континентальной правовой системе судебная практика не имеет аналогичного уровня влияния – абстрактные разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР оказывали на правоотношения граждан значительное влияние, и продиктовано это было в первую очередь быстротой издания данного судебного акта, позволяющей в оперативном порядке устранить пробел в законодательном урегулировании гражданских правоотношений (в отличие от процедуры принятия закона).

Тем не менее, как было сказано ранее, социалистическая правовая система отличалась от романо-германской прежде всего тем, что идеология и классовый подход к пониманию права стояли в ней на первом месте – и всё законодворчество и государственное регулирование строилось в социалистических странах в первую очередь с оглядкой на заданный идеологический курс. В первую очередь здесь стоит упомянуть Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 года, в котором пункт 5 закреплял следующее положение: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [6]. Таким образом, положения дореволюционного законодательства продолжали действовать – если они не противоречили «революционной совести и

революционному правосознанию». Такой подход позволял заполнять пробелы, проявляющиеся при строительстве новой системы права – до тех пор, пока не создавался специальный законодательный акт. Другой специфической формой правового источника можно назвать решения, определяемые на собраниях руководящей партии – общественной организации, чья роль в советском государстве выходила за рамки существования простой «общественной организации» [2, с. 99]. Управленческие функции, возложенные на партию, вполне позволяли им издавать акты своих собраний с содержанием в них положений, по всем признакам обладающим характером нормативности – в качестве примера можно привести XVI конференцию ВКП (б), на которой было заявлено следующее: «местные партийные и советские органы обязаны неуклонно выполнять партийные и правительственные директивы» [4]. Безусловно, такая форма выражения права и механизма регулирования общественных отношений является специфической для романо-германской правовой системы, поэтому является уникальной для социалистической правовой семьи.

До 1955 года большинство стран Восточной Европы существовали в континентальной правовой системе, но с подписанием Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 14 мая 1955 года был взят курс на функционирование в рамках социалистической правовой семьи. Специфика, упомянутая ранее (первостепенная цель идеологии, обязательность исполнения решений партийных заседаний) стала присуща упомянутым странам Восточного блока, что создавало интересную ситуацию, при которой нужно было без резких революционных преобразований в мирных условиях осуществить переход от одной системы к другой.

Перемены, обозначенные в названии данной работы, стали проявляться в 1980-х годах: комплекс реформ, обозначенный как «Перестройка», внедряемый в систему функционирования органов власти, изменил и государственное регулирование. В первую очередь реформы были направлены на преобразование экономической системы, с внедрением элементов рыночной модели. Сразу же возникала проблема противоречивой ситуации: функционирование модели рынка в социалистической системе выглядело как модель, в которой один элемент исключал другой – при этом была поставлена задача обеспечить функционирование

данной модели (законодательное закрепление частной собственности, свободы предпринимательства, приватизация госимущества и т.п.) и поэтому совершенно естественно то, что новые внедренные элементы начали «вытеснять» старые элементы основы социалистического государства – способствовало этому также то, что на реформы были брошены все силы, но задач по укреплению и сохранению заложенных основ никто не ставил. Кроме того, были внедрены бюрократические процессы, усложняющие механизмы регулирования некоторых правовых регулирующих процедур, процесс действия которых был «откалиброван» годами применения: механизм выборности судей стал заменяться механизмом назначения, с добавлением новых требований к кандидату [5].

Важно отметить, что сами реформы «Перестройки» были зафиксированы тем методом правового регулирования, который отличает социалистическую правовую систему от романо-германской, а именно – провозглашением курса на заседании пленума Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза в апреле 1985 года. При этом резкость смены курса, отсутствие «плавных» механизмов правового регулирования привели к ситуации, когда новые методы государственного регулирования применялись на общественных отношениях другой правовой системы.

Отсутствие единообразия применения методов правового регулирования со стороны государства позволило гражданам определённых оппозиционных взглядов попытаться применить иной метод правового регулирования правовой системы, по принципу «снизу-вверх» - примером может послужить начало функционирования польского движения «Солидарность». Итогом данного движения стала окончательная смена руководства в Польше с выходом из Договора о дружбе.

Подводя итог можно сказать, что политическая и экономическая обстановка во многих странах Восточной Европы в 80-х годах XX века сложилась таким образом, что единой, монолитной системы правового регулирования в них не было: механизмы постепенно уходящей социалистической системы пытались перековать в методы регулирования по типу стран романо-германской правовой системы, однако из-за резкой смены

курса и активной деятельности «снизу» оппозиционного движения большинство «перемен» свелось к революционной обстановке и отсутствию правопорядка в целом. Это говорит о том, что в случае с социалистической правовой системой её методы правового регулирования настолько уникальны и зависимы от основ системы как таковой, что любая попытка внедрить в неё механизмы иных правовых систем может привести к отрицательному результату.

Источники и литература:

1. Алексеев С. С. Теория права. - М.: Изд-во БЕК, 1995. – 310 с.
2. Галко Т. Е. Правящая партия (к вопросу о ленинской концепции роли партии в создании и функционировании механизма социалистической демократии). – Минск, 1990. – 184 с.
3. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988). – Т. 4.
4. О статусе судей в СССР: Закон СССР от 4 августа 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. - 1989. – № 9. – Ст. 223.
5. О суде: декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 г. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1917 - № 17.
6. Пьянов Н. А. Государственное регулирование и его предмет // Сибирский юридический вестник. – 2011. - № 1 (52). – С. 20-24.
7. Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства. – М., 2003. – 290 с.

Раздел II. РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Арзуманов Игорь Ашотович

*доктор культурологии, кандидат философских наук,
Юридический институт Иркутского государственного
университета,
Иркутск, Россия*

ИУДЕЙСКАЯ ОБЩИНА В ИРКУТСКЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ DOI: 10.47905/h6449-3061-5198-t

Аннотация. Бытование еврейско-иудейской общины в Иркутске и регионе сопряжено с различными социально-культурными коннотациями. К основным их них необходимо относятся политико-правовое обеспечение национальной политики России имперского и советского периодов, следствием которой функционирование общины было по многим параметрам затруднительно.

На современном этапе среди проблем бытования еврейско-иудейских общин Иркутска возможно определить прозе литическую деятельность пост-протестантских организаций ведущих миссионерскую работу в среде иудео-еврейской общины.

Ключевые слова: иудаизм, евреи, община, Иркутск, межкультурная коммуникация, прозелитизм.

Arzumanov Igor Ashotovich

*Doctor of Culturology, PhD,
Law institute of Irkutsk state university,
Irkutsk, Russia*

JEWISH COMMUNITY IN IRKUTSK IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. The existence of the Jewish-Jewish community in Irkutsk and the region is associated with different socio-cultural connotations. The main ones include the political and legal support of the national policy of Russia in the imperial and Soviet periods, as a result of which the functioning of the community was difficult in many respects.

At the present stage, among the problems of the existence of the Jewish-Jewish communities of Irkutsk, it is possible to define the proselytic activity of the post-Protestant organizations conducting missionary work among the Jewish-Jewish community.

Key words: Judaism, Jews, community, Irkutsk, intercultural communication, proselytism.

Иудаизм исторически принадлежит к числу традиционных религиозных систем России. Его судьбы, как и судьбы иных конфессиональных институтов, внесших вклад в многовековой процесс развития духовной культуры страны, полны достаточно трагических страниц истории своего бытования. Стоит только вспомнить и черту оседлости, и процентные нормы для поступления в университеты и другие ограничения, перестающие действовать в зависимости от смены вероисповедания (например, в результате перехода в православие, или, с начала XX в., в иные христианские деноминационные «реплики» социокультурного пространства) при тотальном запрете прозелитизма со стороны самих евреев, исповедующих иудаизм. Или, например, преследование по языковому признаку – священный для иудеев иврит попал под запрет и до конца 80-х гг. XX в. иврит не только не преподавался, но его преподавание влекло обвинения в сионизме и терроризме [13; 14].

Появление приверженцев иудаизма в восточносибирском регионе историки относят к первой половине XVIII в. Как и в случае

с представителями иных этноконфессиональных страт (протестантских деноминаций, римо-католицизма, старообрядчества и др.) первые сведения о евреях, исповедующих иудаизм появляются еще с первой половины XVII в. и связаны с военнопленными, появившимися в том числе и в результате присоединения восточных территорий Речи Посполитой [2, с. 28]. Но уже в период XVIII в. поток как военнопленных, так и ссыльных каторжан евреев иудаистов был постоянен и достаточно многочислен. Во всяком случае в той мере, которая позволила уже к началу XIX в. появиться общинам евреев, исповедующих иудаизм в пределах западной и восточной Сибири.

Иудео-еврейская община Иркутска и Иркутской губернии сформировалась из трех довольно устойчивых социальных факторов в рамках общих процессов торгово-промышленной колонизации восточной Сибири. Первым из них является политика имперской администрации XVIII – первой четверти XIX вв., стимулирующей в период первой четверти XIX в. трудовую миграцию. Впрочем, за этим последовал период, связанный с нормативно закреплённым запретом на переселение евреев в Сибирь (Высочайше утвержденные правила 15 мая 1837 года, изданные в правление императора Александра I).

Вторым фактором является условия прохождения военной службы. Евреи, принадлежащие к военному сословию и получившие по выходу из военных училищ (кантонов) и последующей службы по рекрутскому набору, право на переселение в Сибирь (военные отставные солдаты-кантонисты). Необходимо отметить трагичность ситуации, связанной с набором еврейских детей в военные училища-кантоны. Основное противоречие рекрутского устава в этой связи, заключалось в том, что от евреев требовали рекрутов в возрасте от 12 до 25 лет, в то время как от всех остальных — в возрасте от 18 до 35. Данное обстоятельство самими евреями воспринималось как посягательство на святая-святых - детей - как продолжателей традиции. [4, с. 57]. Нельзя не согласиться в этом смысле с мнением о том, что повинность, наложенная на еврейские семьи и общины, приводила к неисчислимым трагедиям, бедствиями страданиям, а возможность возвращения домой большого числа живых и здоровых солдат после

25 лет службы, полной тягот и опасностей, представляется все же умозрительной [10].

Третьим фактором была политическая ссылка. В завершающей четверти XIX в. политическая ссылка как социальный фактор носила преимущественный характер. В 1879 г. в Иркутске появляется синагога и евреи, исповедующие иудаизм, приобретают центр не только духовной, но и общинной жизни со всем спектром традиционного социального служения. Сугубо диаспорный характер ее бытования являл собой типичный пример функционирования еврейских общин, возникающих в различных регионах мира в связи с «рассеянием» евреев. Как правило ниша, которую занимали переселенцы была преимущественно-торгово-экономической [2, с. 122-123, 137]. Общинный характер жизни, проявляющийся в четко выраженных характеристиках этнодиаспоры является базовым маркером всей истории еврейского «расселения». В этом смысле не составляли исключение и евреи Иркутской области.

Вл. С. Войтинский и А. Я. Горштейн, издавшие в 1915 г. до сих пор не потерявшего своего фундаментального характера исследование по истории еврейской общины в Иркутске, отмечают, что еще за 20 лет до официального (после пожара 1879 г.) открытия и освящения иркутской молельни в 1881 г. уже сформировались все «элементы еврейской общинной жизни» [2, с. 280-281]. В условиях Российской империи немаловажную роль в характере расселения сыграла правовая политика имперской администрации, в рамках которой получили свое нормативное закрепление ряд ограничений для мест пребывания (запрет на поселения в деревнях, черты оседлости). Данный фактор повлиял на преимущественное расселение евреев, а требования к образовательному, имущественному цензам в свою очередь, предопределило и род занятий.

Рубиконом в этом отношении стали периоды правления императоров Николая I, при котором была сделана попытка контроля над процессами официального переселения евреев в Сибирь посредством запрета их на законодательном уровне и Александра III, в период правления которого ужесточение режима переселения евреев в Сибирь сопровождалось неоднократными репрессивными в отношении их мерами в том числе и на уровне

иркутской губернской администрации. Как отмечает, например, Л. В. Кальмина, в период с 1884 по 1893 г. численности евреев в г. Иркутске уменьшилась в 1,5 раза в результате отмечаемых ужесточений правового режима их переселения и бытования в Сибири. А в период губернаторства А. Н. Селиванова (с 1906 по 1910 гг.) из города было выселено не менее 300 семей евреев общей численностью 1,5 тыс. человек [5, с. 118-126].

В этих процессах пространственного распространения иудаизма роль синагоги, как центра духовно-культурной и общинной жизни переселенцев трудно переоценить. Синагога, как социальный институт еврейского народа во все времена его существования в рассеянии, являлась и является эквивалентом этноидентификационного процесса и инкультурации членов общины, проходящих в лоне иудаизма.

Здесь необходимо уточнить, что евреи и иудаизм понятия, требующие дифференциации. Не все евреи иудеи, и не все иудеи - евреи, поскольку, будучи национальной религией еврейского народа [17] и объединяющий в своих течениях его большинство, тем не менее, как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе нередок был переход из христианства в иудаизм (например, «субботники» [1, с. 356-385] и наоборот, адептов, принадлежащих к различным нациям и культурам. Синагога — это центр инкультурационных процессов для евреев рассеяния, в котором они приобретают знания и навыки следования предписаниям, регламентирующим различные стороны жизни. А в этом контексте иудаизм может рассматриваться в широком смысле как религиозно-обусловленный мировоззренческий комплекс, определяющий на протяжении тысячелетий жизненный уклад большинства еврейского народа. Более того, многие евреи не связывают себя с синагогой в принципе, формулируя свою версию иудаизма, не вписывающуюся в официальные реплики его различных направлений. В этом смысле можно провести аналогии с процессами, происходящими и в христианстве, исламе, буддизме и т.д. [15].

В мировой практике иудаизма в целом сложились три базовых направления – ортодоксальное, реформистское и консервативное. Каждое из них имеет свои организационные ответвления в той или иной мере, отличающиеся от ортодоксальной

ветви в отношении к историко-культурному наследию иудаизма – обрядам, традициям и культовой практики.

Большую часть своей истории иудаизм развивался в рамках этого во многом носившего «нормативный» характер, с опорой на регламентацию жизни согласно Торе закону Моисея – изначально данный не только в письменной, но и устной формах. От последней пошла традиции комментариев «священного предания», знаменующий свое развитие в корпусе норм Талмуда и его последующей кодификацией в Галахе, нормы которой носят императивный характер для всех ортодоксальных иудеев, придерживающихся раввинистической традиции. В рамках ортодоксального направления выделяют современную ортодоксию – с принятием широкого круга последователей, придерживающихся нормативной регламентации жизни по Галахе, но вместе с тем принимающие и современные формы культурной коммуникации (светские науки, например), будучи частью современного общества. Второе направление – ультра-ортодоксия с ярко выраженной тенденцией изоляционизма и элементами мистицизма (хасидизм и развивающееся в его лоне учение Каббалы) [16].

Продукт эпохи Нового времени в Европе, чье мировоззренческое влияние, заменившее религиозный тип мышления на его рациональный эквивалент, сказалось и на процессах переосмысления традиционных представлений иудаистов. Галаха, талмудические учения и традиции раввината – переосмыслились, и не рассматривались в рамках их императивности в регуляции обыденной жизни. В синагогальном служении упразднились «устаревшие» молитвы и обряды. В контексте процессов межкультурной коммуникации сами европейские евреи в целях ассимиляционных результатов слияния с принявшим их обществом презентовали с себя по национальному признаку принадлежности к стране пребывания (как «немцы», «англичане» или «французы»), оставляя, тем не менее, иудаизм как маркер своей религиозности. В Библейских текстах основной акцент делался на Пророках, а не на корпусе книг Торы [17, 18].

Наибольшее развитие получил в XIX веке в Германии и занимает промежуточное положение между двумя первыми направлениями. Галаха в рамках консервативной ветви получила

свое развитие в контексте тенденция объединения еврейской нации [19].

Как отмечают исследователи, «в России лишь несколько процентов российских евреев можно отнести к верующим иудеям, и уж совсем немногих можно квалифицировать как “соблюдающих”, то есть более или менее строго выполняющих заповеди и требования Торы, и Галахи» [3; 6, с. 20]. В этом смысле положение вещей мало чем отличается от общего состоянии дел у всех конфессиональных течений России, имеющих институционально-церковную структуру – «маловоцерковленные» православные и католики тому пример.

В Иркутской области иудаизм представлен двумя общинами, одна из которых является подразделением Централизованной религиозной организации ортодоксального иудаизма «Конгресс Еврейских Религиозных Организаций и объединений в России» (ЦРООИ КЕООР), учрежденной в 1993 г. и возглавляемый Главным раввином Адольфом Шаевичем. Другая является подразделением Федерации еврейских общин России (ФЕОР). По данным КЕРООР, в его состав на начало 2000 гг. входили 134 зарегистрированных и 60 незарегистрированных общин ортодоксального и современного иудаизма. Кроме ФЕЕОР и КЕООР в качестве, активно формирующийся организации можно выделить Объединение религиозных организаций современного иудаизма в России (ОРОСИР), принадлежащей к реформистской ветви современного российского иудаизма [11].

Главный раввинат России в структуре ФЕОР возглавляется Раввином Берлом Лазаром, президентом ФЕОР является раввин Александр Борода. Общины, входящие в ФЕОР структурированы по округам: дальневосточной, приволжский, северо-западный, северокавказский, Сибирский, Уральский, центральный и южный округа [9]. В состав Сибирского округа ФЕОР кроме иркутской входят общины городов Абакана, Бийска, Красноярска, Новосибирска, Омска, Томска, Братска, Кемерово, Новокузнецка, Норильска, Прокопьевска, Юрги. Программы ФЕОР включают в себя религиозную и религиозно-познавательную деятельность, образование, работу молодежью, деятельность в сфере культуры и работу с ветеранами. Иркутская иудейско-религиозная организация «Иркутское Еврейское религиозное объединение» возглавляемое раввином Ароном Вагнером (представителем главного раввината

России в Иркутске и Иркутской области), согласно общим направлениям и матрицам социальной и религиозно-просветительской работе ФЕОРа, также ведет активную социально-ориентированную деятельность, включающую в себя религиозно-образовательные программы, работу библиотеки, компьютерного класса, женского хора «Эстер», проведение лечебной гимнастики, оказание экстренной медицинской адресной помощи. Клубная работа для мужчин и женщин, пожилых людей (в том числе с ветеранами Великой Отечественной войны), клубы по интересам.

Кроме этого, в рамках реализации молодежных программ функционирует Молодежный Центр «Среди своих (по духу)». Проводится работа с ветеранами Великой Отечественной войны. В ведении общины находится ново-еврейское кладбище расположенное в Ново-Ленино. К структурным подразделениям относятся Иркутский филиал Автономной некоммерческой организации «Сохнут» «Общественная организация «Еврейская национально-культурная автономия Иркутской области», Детский сад «Радость» [12].

Необходимо отметить, что ФЕОР и КЕООР являются наиболее влиятельными и многочисленными общинами иудаизма в России. Община Иркутска, принадлежащая к структурам КЕООР, не многочисленна и, хотя и является зарегистрированным в едином реестре юридических лиц подразделением КЕООР в Иркутске, активность данной общины ограничивается межличностной коммуникацией ее членов во время встреч по поводу основных праздников. Необходимо также отметить, что на общероссийском уровне именно КЕООР разработаны «Основы социальной концепции иудаизма», являющиеся, на наш взгляд, базовым доктринальным документом социально-культурной и политической позиции данной централизованной организации.

Среди проблем бытования еврейско-иудейских общин Иркутска возможно определить прозелитическую деятельность организации «Евреи за Иисуса» ведущей свою миссионерскую работу среди иудеев, не основывая новые религиозные организации, а действуя в рамках структур поместных евангельских деноминаций постпротестантизма и мессианских общин. Большинство сотрудников миссии наряду с традиционно христианскими убеждениями придерживаются отдельных еврейских традиций, в

частности, празднуют традиционные еврейские религиозные праздники. В частности, в Иркутске сотрудники миссии ведут свою миссию в рамках деятельности Некоммерческого благотворительного фонда «Восстановление», учредители которого одновременно являлись и учредителями структур пятидесятничества в Иркутской области и самом Иркутске.

Согласно информации, размещенной на сайте Проф-ресурс (основанной на данных единого государственного реестра юридических лиц), имеющие прямое или косвенное отношение к данному фонду лица в той или иной мере связаны со структурами Религиозной организации церкви христиан веры евангельской (пятидесятников) «Слово Жизни» г. Иркутска, а также централизованной религиозной организации «Региональное объединение церквей христиан веры евангельской Иркутской области». Среди них Д. А. Маслак (являющийся, согласно данным сайта, руководителем этих подразделений до 16.09.2021 г. и 23.09.2021 г. соответственно), С. И. Христов, С. Н. Авдеева, являющиеся до 16.09.2021 г. учредителями Религиозной организации церкви христиан веры Евангельской (пятидесятников) «Слово Жизни» г. Иркутска [8].

Суть возможных и явных проблем, возникающих при содержательном анализе деятельности членов миссии в иудео-еврейской среде по всему миру, и, в частности, в Иркутске, по мнению представителей ортодоксального иудаизма [7], заключается в фактическом манипулировании сознанием евреев, недостаточно вошедших в социокультурную систему иудаизма и не в полной мере укоренившихся в традиции общинной жизни.

Недостаток знаний в области религиозной традиции отсутствие крепких межличностных связей с членами коренной общины приводит к тому, что посещая Центры Миссии «Евреи за Иисуса» и запечатлевая наличествующую символику иудео-еврейских традиций и праздников, объект миссионерской воздействия (потенциальный будущий адепт) воспринимая знакомую символику, психологически подготавливается на последующую смену доктринальных ориентиров с не укоренённого еще в сознании и поведении норм иудаизма, на основы учения христианства (Веру в Иисуса из Назарета как Мессию, о котором

говорили Пророки Ветхого Завета, что Он Сын Божий и Ипостась Троицы) [7].

Деятельность миссии ориентирована на евреев и члены Миссии «Евреи за Иисуса», исповедуя основы христианства, придерживаются некоторых еврейских традиций (празднование еврейских религиозных праздников, к примеру, признание еврейства по рождению и пр.). Обвинения в адрес Миссии в прозелитизме со стороны иудейских общин уже более 50 лет существования Мессианского еврейства становятся все жестче, поскольку принятие евреем Христа для большинства означает прекращение социально-культурного «статуса еврея» в принципе (ориентация на еврейское происхождение даже без учета вероисповедания является базовой в процессе деятельности Миссии «Евреи за Иисуса») [7].

Отдельной темой является вопрос о выезде обращённых мессианских евреев в Израиль, склонение к чему также является предметом «рекламаций» в адрес «мессианских евреев» и обвинений их в прозелитизме со стороны не только Еврейских иудейских общин, но и структур других конфессий.

Источники и литература:

1. Буткевич Т. И. Русские секты. – М.: Изд-во «Центрполиграф», 2018. – 740 с.

2. Войтинский Вл. С., Горнштейн А. Я. Евреи в Иркутске. - 2-е изд. –Иркутск: Изд-во «Востоксибкнига», 2021. – 560 с.

3. Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Иудаизм в национальном самосознании российских евреев // ВЕУМ. – 1994. - URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sjapiro_naz_sam.pdf

4. Йохансон Петровский-Штерн Евреи в русской армии: 1827 – 1914. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 555 с.

5. Кальмина Л. В. Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2012. – № 1 (2). – С. 118-126.

6. Козлов С. Я. Иудаизм в России: история и современность // Серия Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 137. – М., 2000. – 30 с.

7. Сайт Евреи за Иисуса: <https://cis.jewsforjesus.org/>
8. Сайт Проф-ресурс: https://www.audit-it.ru/contragent/1033801006612_nekommercheskiy-blagotvoritelnyy-fond-vosstanovlenie
9. Сайт федерации еврейских общин России (ФЕОР): <https://feor.ru/>
10. Черта. К столетию отмены черты оседлости 1791 – 1917. Сборник. Litres. – 2021. 548 с. https://play.google.com/store/books/details?id=z15EDwAAQBAJ&rdid=book5EDwAAQBAJ&rdot=1&source=gbs_vpt_read&pcampaignid=books_booksearch_viewport
11. Сайт Большая российская энциклопедия: <https://bigenc.ru/text/3041627>
12. <https://feor.ru/administrative-units/irkutsk/>
13. Сайт Иудейско-религиозная организация «Иркутское Еврейское религиозное объединение»: <https://regnum.ru/news/2583018.html>
14. Сайт электронная еврейская энциклопедия: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-in-ussr/15420/>
15. Сайт исследовательского центра Pew Research Center: <http://www.pewforum.org/2013/10/01/jewish-american-beliefs-attitudes-culture-survey/>
16. Сайт еврейские новости Северной Калифорнии: <https://www.jweekly.com/2010/10/01/europes-conservative-movement-enjoying-popularity-boom/>
17. Сайт Телеграм канал @ieshua.org <https://ieshua.org/trivetvi-iudaizma.htm>
18. <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/lokszyn2010.htm>
19. <https://jewsforjesus.org/learn/the-three-branches-of-judaism/>

Асадуллина Гузелия Рауфовна
кандидат философских наук, доцент
Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Россия

Гончаренко Константин Дмитриевич
Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Россия

Ивентьев Сергей Иванович
ООО «ДЭЛИЛ»,
г. Казань, Россия

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕРРОРИЗМ
КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКСТРЕМИЗМА
DOI: 10.47905/e9088-0201-0859-t**

Аннотация. В настоящей статье представлен междисциплинарный взгляд на религиозный терроризм, охвативший весь мир. Авторы отмечают, что основы религиозного терроризма и нигилизма были заложены в период рабовладельческого строя.

В статье приведены основные причины возникновения терроризма, предложены пути борьбы с религиозным терроризмом.

Ключевые слова: Бог, человек, вера, религия, терроризм, религиозный терроризм, экстремизм, нигилизм, религиозный нигилизм.

Asadullina Guzeliya Raufovna
Bashkir state university,
Ufa, Russia

Goncharenko Konstantin Dmitrievich
Chelyabinsk state university,
Chelyabinsk, Russia

Iventiev Sergey Ivanovich
«DELIL» LLC,
Kazan, Russia

RELIGIOUS TERRORISM AS A COMPONENT OF EXTREMISM

Abstract. This article presents an interdisciplinary view of religious terrorism that has swept the world. The authors note that the foundations of religious terrorism and nihilism were laid during the period of the slave system.

The article lists the main reasons for the emergence of terrorism. Ways of combating religious terrorism are proposed.

Key words: God, man, faith, religion, terrorism, religious terrorism, extremism, nihilism, religious nihilism.

Предметом настоящего исследования выступают концепты «религиозный терроризм» и «экстремизм».

Цель исследования – изучение понятий «религиозный терроризм» и «экстремизм» с точки зрения научно-философского и религиозного мировоззрений.

В процессе исследования использовались методы логического и сравнительного анализа.

В международном праве, под экстремизмом понимается «форма политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» [17].

В соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом

от 15.06.2001 г., «экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [20; 24].

По своей сущности экстремизм противостоит духовности и нравственности (морали), то есть является их антиподом [2, с. 283-294].

Некоторые авторы полагают, что экстремизм есть радикальная маргинальность (от позднелат. *marginalis* – находящийся на краю), абсолютное противопоставление нормам и ценностям, следование антиценностям [9, с. 107-112]. При этом отмечается, что в основе экстремизма лежит идеология нигилизма (от лат. *nihil* – ничто), и первая представляет собой так называемую «религию нигилизма» [9, с. 107-112].

Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля, под нигилизмом понимается «безобразное и безнравственное ученье, отвергающее всё, чего нельзя ощупать» [11, с. 544].

В связи с тем, что религия связана с духовной, невидимой сферой, которую нельзя ощупать, нигилизм выступает антиподом первой. Можно даже сказать, что концепт «нигилизм» содержит в себе секулярный (позднелат. *saecularis* – мирской, светский) аспект.

Понятия «экстремизм» и «терроризм» соотносят как целое и часть, считая второе одной из форм первого [14, с. 239-245].

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля терроризм характеризуется как «устрашивание, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства» [10, с. 401].

Терроризм в Большой актуальной политической энциклопедии определяется как «насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и т.д.) против гражданского населения, а не военных, с целью устрашения, подавления воли противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения» [5].

Согласно Большому юридическому словарю, терроризм (от лат. *terror* – ужас) – «1) в широком смысле политика и практика террора, вид насильственной преступности, 2) и законодательстве РФ насилие в отношении физических лиц или организаций, или угроза его применить, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей либо значительного имущественного ущерба, а также наступления иных общественно опасных последствий» [7].

В Федеральном законе № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [21].

В приведённых выше примерах терроризм представлен не полно, больше как деятельность, направленная на убийство и запугивание мирных граждан.

Терроризм – духовно-нравственное и социальное негативное явление, которое охватывает много аспектов.

В литературе терроризм справедливо также относят не только к уголовному, но и к духовно-нравственному преступлению [6, с. 48].

Некоторые авторы отмечают, что ключевым фактором, детерминирующим существование терроризма в современном обществе, является коррупция [23, с. 78-81]. В свою очередь, коррупция (от лат. *corrumpere* – растлевать, лат. *corruptio* – подкуп, порча), как и терроризм, – это не только правовое (уголовное), но и духовно-нравственное преступление [12, с. 86-90]. Следовательно, говоря о терроризме, необходимо под ним также подразумевать коррупцию.

Следует отметить, что рассматриваемые преступления являются следствием злых помыслов и безнравственных поступков [13, с. 54-56], на что мало обращается внимание научной общественностью, а также государственными органами при разработке мер профилактики и борьбы с терроризмом и другими преступлениями.

«Одной из форм веры и культа приведённой в экстремизме как религии нигилизма являются вера в некую (национальную или другую) исключительность некоего сообщества и культ персоналий» [9, с. 109]. Следовательно, терроризм – это одна из составляющих экстремизма.

Религиозный терроризм берёт свое начало в малом (сначала – «лихие» мысли и злые помыслы), развиваясь до серьёзных кровопролитных конфликтов, таких как «крестовые походы», «Варфоломеевская ночь», целью которых является убийства и запугивание населения, как это было в японском метро в 1995 году, «11 сентября 2001 года», захват школы в Беслане и другие. Все террористические акты оканчиваются бессмысленными убийствами ни в чём неповинных людей.

«11.09.2001 г. в США боевики-смертники террористической организации «Аль-Каида» (запрещенная в РФ организация) захватили четыре пассажирских самолета, направив их на башни Всемирного торгового центра, Пентагон и, предположительно, на Белый дом или Капитолий. Все самолеты, кроме последнего, достигли целей». Жертвами терактов стали 2.977 человек, в том числе 343 пожарных и 60 полицейских. Погибли не только граждане США, но еще 92 государств. В Нью-Йорке жертвами теракта стали 2.753 человека, в Пентагоне – 184 человека, 40 человек разбились в Пенсильвании» [19]. В основе данной секты лежит «борьба за чистоту своей идеи и образа жизни, где Соединенные Штаты и Западная цивилизация рассматривается как угроза их образу жизни» [22, с. 20-26].

Следовательно, религиозный терроризм – это вера фанатика в свою исключительность (превосходство), сопряжённая убийствами и запугиванием инакомыслящих.

«Идеологическое отношение деструктивных культов и тоталитарных сект, сформировавшееся на основе насаждения крайнего религиозного мировоззрения и реализации религиозной экстремистской идеологии, к социальным структурам, культуре, традициям и обычаям, а также к самой системе общественного порядка и общепринятым правовым, социальным и религиозным нормам, что находит свое негативное отражение в следующих социально-теологических аспектах: 1) полное отрицание и негативное отношение к общепринятой системе социальных

ценностей. Общество признается заблудшим, а его идеалы греховными; 2) пропаганда идеологии непринятия норм существующего общественного порядка путем призыва к отказу от соблюдения мирских запретов и стремлению только к беспрекословному подчинению идеологическим догмам деструктивного религиозного объединения; 3) враждебное отношение к традиционным религиозным конфессиям и их представителям, что выражается в отказе от политики толерантности к иным религиозным учениям и стремлении к противостоянию с ними; 4) отказ от принятия и соблюдения правовых норм государства. Формирование собственного правового пространства, основанного только на теологических представлениях и духовных канонах; 5) противопоставление деструктивного религиозного объединения существующим институтам государственной власти путём непризнания их легитимности и призыва своих последователей к невыполнению их требований; 6) распространение идеологии непримиримой борьбы со всякого рода инакомыслием и посягательством на истинность учения деструктивного религиозного объединения» [1, с. 76-79].

Приведённый перечень также считаем необходимым дополнить элементами, характерными для деструктивных религиозных объединений, которые были выделены американским психологом Р. Лифтоном: 1) требование чистоты – резкое деление мира на «чистый» и «нечистый», «хороший» и «плохой». Группа, к которой принадлежит адепт, – «хорошая» и «чистая», все остальное – «плохое» и «грязное»; 2) объявление догмы своей группы абсолютной, полной и вечной истиной. Любая информация, которая противоречит этой абсолютной истине, считается ложной; 3) разделение существования – члены группы имеют право на жизнь и существование, остальные – нет; 4) контроль окружающей обстановки (среды) – жесткое структурирование окружения, в котором общение подвергнуто регулированию, а допуск к информации строго контролируется; 5) религиозная доктрина провозглашается выше личности – доктрина более реальна и истинна, чем личность и её индивидуальный опыт [1, с.76-79].

Способы привлечения в деструктивные секты различные. «Члены радикальных сект активно используют Интернет и социальные «месенджеры» для распространения экстремистских

материалов, с целью привлечения в свои ряды молодых людей, не имеющих сформированной политической и социальной позиции» [3].

В литературе отмечается, что «ситуация в современной России отличается низким уровнем гражданской активности населения, на что указывают как общероссийские, так и региональные исследования» [18, с. 144-151]. Готовность участвовать в тех или иных формах социальной деятельности или в общественных объединениях, движениях обусловлена, прежде всего, интересами, социальным положением, которое предполагает ориентацию на будущее. В том случае, когда возможностей для самореализации нет, степень активности снижается.

Как подчеркивает В. В. Петухов, в современном российском обществе, несмотря на рост политической информированности, изменение отношения к различным формам гражданского участия, среднероссийский уровень активности остается примерно на одном и том же уровне [16, с. 93-94]. Причиной этого, как указывает данный автор, является отсутствие у населения легальных и институционально оформленных инструментов влияния на принимаемые решения молодежи.

Невысокий уровень активности наблюдается и в группе представителей молодого поколения россиян. Например, по данным исследований М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, 67,8% молодежи считают, что не имеют возможности влиять на политику государства, 56,5% уверены, что не могут донести до власти свои интересы и отстаивать их, 46,1% не видят возможности вести диалог с властью по проблемам молодежи [4, с. 263-266]. Статистика показывает существующий системный социальный страх у молодежи, который может приводить к печальным последствиям.

Как отмечает представитель студенческой молодежи А. Г. Барейша, «в связи с этим возникает стремление реализовать себя в той сфере, где это в больше или меньшей степени возможно. Например, молодежь находит себя в различных других сферах жизнедеятельности, где они могут достаточно ярко себя проявить, а именно: в научной, спортивной, культурно-массовой, трудовой и общественной» [4, с. 264]. При этом некоторые, к большому сожалению, находят своё применение в различных деструктивных и

террористических организациях, а также в совершении единоличных акциях убийства людей.

«Социальные страхи сигнализируют о наиболее актуальных потребностях, а в случае невозможности их реализовать, способствуют формированию апатии, разочарования, беспомощности и социальной пассивности. Поэтому игра на социальных страхах, манипулирование ими может создавать условия для ограничения активности или, напротив, её роста» [4, с. 263-266].

К основным причинам терроризма в настоящее время справедливо относят девальвацию системы духовно-нравственных ценностей, а также острый конфликт между духовно-нравственными и материальными потребностями человека [6, с. 48]. В нашу эпоху потребления этот конфликт ярко выражен и пока не разрешён.

К очевидным причинам распространения терроризма следует отнести также низкий социально-экономический уровень людей и «социальные страхи», а также отсутствие диалога власти с народом.

Кроме того, как нам видится, основой возникновения деструктивной идеологии религиозного терроризма и формирования религиозного нигилизма выступает древний религиозный догмат о грехопадении первого человека.

Формирование основных религиозных учений приходится в основном на период рабовладельческого строя.

Впервые библейский тезис о грехопадении первого человека появляется именно в Торе (ивр. תּוֹרָה [тора]; букв. «учение, закон», – в иудаизме первая часть еврейской Библии или Пятикнижие Моисеево).

Наука не признаёт концепцию креационизма (от лат. creatio, род. п. creationis – творение), согласно которой весь мир и человек были сотворены Богом, а значит, не считает достоверным религиозный догмат о грехопадении первого человека, больше относясь к нему как к мифу [8, с. 3-18].

По нашему мнению, религиозные доктрины (догматы) были придуманы жрецами и другими религиозными деятелями в эпоху рабовладельческого строя для того, чтобы можно было манипулировать и управлять людьми, как рабами.

Догмат о грехопадении первого человека искусственно создал пропасть между человеком и Богом, заменив в сознании людей представление о Земном Рае на понятие «Небесный Рай» на «том свете», который был взят на вооружение религиозными террористами, участвующими в террористическом джихаде (от араб. الجهاد – «усилие»). Здесь прослеживается разновидность религиозного нигилизма, отрицающего вообще понятие «Земной Рай».

В свою очередь догмат грехопадения первого человека породил новый религиозный догмат о необходимости искупительной жертвы, прикрывающий обычное криминальное убийство человека по политическим мотивам, и доктрину об истинной Божественной жизни человека не на земле. По нашему мнению, именно эта древняя религиозная философия и явилась благодатной почвой для религиозного нигилизма и терроризма, укрепляя в сознании людей идеологию нигилизма. В связи с чем, по нашему мнению, данная доктрина подлежит тщательному осмыслению и пересмотру, а также, по возможности, исключению из существующих религиозных учений.

В литературе отмечается, что именно жрецы «придумали доктрину о том, что истинная Божественная жизнь человека не на земле, а где-то в ином измерении. Это они придумали образ рая вне Богом созданной земли. Благодаря этой доктрине у множества религиозных фанатов возникает пренебрежение к земной жизни, они готовы при совсем незначительном воздействии на их психику убивать себя и других» [15, с. 126].

Нигилизм – есть религия, имеющая в основе веру в благополучие от экстремизма (в его различных формах) и культ радикальной маргинальности [9, с. 109].

Для религии нигилизма характерны вера в исключительность (превосходство) некоего сообщества и культ его персоналий; вера в собственную исключительность и культ собственной личности; вера в улучшение путем суицида и культ смерти; вера в некое благо от социальной пассивности и культ одиночества, что используется в идеологии терроризма [9, с. 109].

Таким образом, из вышеизложенного следует, что в период рабовладельческого строя начали формироваться основы религиозного нигилизма и терроризма. Именно в это время были

посеяны идеологические семена и начали прорастать ростки новой идеологии, так называемой религии нигилизма, которая в настоящее время конкурирует с мировыми и национальными религиями и выступает идеологическим фундаментом религиозного терроризма и экстремизма.

По нашему мнению, чтобы результативно бороться с терроризмом и экстремизмом, в том числе основанных на религиозной почве, в первую очередь, человечеству необходимо принять меры по пересмотру древней религиозной и рабовладельческой идеологии о грехопадения первого человека, а также основанные на ней другие религиозные догматы, которые активно используются адептами религиозного нигилизма и терроризма. То есть надо выбить из-под ног терроризма идеологическую основу.

Кроме того, обществу и государству необходимо культивировать духовно-нравственные ценности, устранить конфликт между духовно-нравственными и материальными потребностями человека, а также устранить причины, порождающие «социальные страхи».

Источники и литература:

1. Абдулганеев Р.Р. Деструктивные культы и тоталитарные секты как источник распространения религиозного экстремизма // Юридическая наука. – 2012. – № 1. – С. 76-79.

2. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект экстремизма // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 24 - 26 ноября 2020 г.) / отв. ред. Р. Б. Шайхисламов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 283-294.

3. Болычев Н. И. Противодействие вовлечению молодёжи в радикальные организации, осуществляемому с помощью сети интернет // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 203-208.

4. Барейша А. Г. Социальное самочувствие как фактор гражданской активности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 5-2. – С. 263-266.

5. Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А. В. Белякова и О. А. Матвейчева. – М.: Эксмо, 2009. – 412 с.

6. Боброва Н. А., Ивентьев С. И. Духовно-нравственные аспекты противодействия терроризму и экстремизму // Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика. Всероссийская научно-практическая конференция (6.06.2019 г., г. Уфа) / сост.: Зинурова З. С., Фахретдинов Т. Р., Хазиев В. С., Юлбаев Р. З. – Уфа: Изд-во ИП Кузнецов Н. В., 2019. – С. 45-51.

7. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 703 с.

8. Вышеславцев Б. П. Миф о грехопадении // Путь. – 1932. – № 34. – С. 3-18.

9. Гончаренко К. Д., Салганова Е. И., Тараданов А. А. Экстремизм – религия нигилизма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 107-112.

10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.4. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – 784 с.

11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – 784 с.

12. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект коррупции // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, 7 декабря 2018 г. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2019. – С. 86-90.

13. Ивентьев С. И. Коррупция – это следствие злых помыслов и безнравственных поступков // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 11 декабря 2019 г. / под ред. А. В. Морозова. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2021. – С. 54-56.

14. Кокорев В. Г. Соотношение понятий: «терроризм» и «экстремизм» // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 1 (47). – С. 239-245.

15. Мегре В. Н. Энергия жизни. – СПб.: Изд-во «Диля», 2003. – 256 с.
16. Петухов В. В. Гражданская активность как альтернатива антидемократическому тренду российской политики // Полис. – 2013. – № 5. – С. 87-99.
17. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1344 от 29.09.2003 г. «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» // Совет Европы [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.coe.int/T/r/Parliamentary> (дата обращения 15.10.2021)
18. Ромашкина Г. Ф., Печеркина И. Ф. Гражданская активность молодежи Тюменского региона // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 144-151.
19. Террористический акт в США 11 сентября 2001 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20190911/1558495751.html> (дата обращения 15.10.2021)
20. Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 155.
21. Федеральный закон «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 10.03.2006. – № 48.
22. Фивейская Л. В. Аль-Каида (деятельность этих организаций запрещена на территории Российской Федерации) // Религиозные экстремистские и террористические организации, запрещённые в Российской Федерации: справочник / сост. А. Л. Кузьминых; под ред. А. А. Желтова. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН РФ, 2017. – С. 20-26.
23. Хачидогов Р. А. Коррупция как фактор, детерминирующий существование терроризма // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 3. – Т. 4. – С. 78-81.
24. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 г. // Бюллетень международных договоров РФ. – 2004. – № 1. – С. 29-36.

Бардаков Андрей Васильевич
кандидат философских наук,
Красноярский краевой институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования
г. Красноярск, Россия

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕРКВИ В СФЕРАХ КУЛЬТУРЫ И
ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)
DOI: 10.47905/g6220-8536-9570-u**

Аннотация. В статье рассмотрены современные направления и формы деятельности Русской Православной Церкви (на материале Красноярского края), осуществляемые одновременно в сферах культуры и образования, становящиеся пространством взаимодействия церковных структур, организаций образования и учреждений культуры региона.

На основании эмпирических исследований предложена классификация основных направлений и форм данной деятельности. Определены проблемы, трудности и перспективы дальнейшего ее развития в регионе.

Ключевые слова: духовно-нравственная культура, ценность, духовность, Русская Православная Церковь, региональный социальный проект, церковно-общественная деятельность, культура, образование.

Bardakov Andrey Vasilievich

PhD,

*Krasnoyarsk regional institute for advanced training
and professional retraining of educators*

Krasnoyarsk, Russia

**ACTIVITIES OF THE CHURCH IN CULTURAL AND
EDUCATIONAL FIELDS: EXPERIENCE OF COOPERATION
AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT (BASED ON
KRASNOYARSK KRAI EXAMPLE)**

Abstract. The article examines modern directions and forms of Russian Orthodox Church's activities, performed simultaneously in cultural and educational fields, which are becoming a space for cooperation between Church's structures, educational organizations, and cultural establishments of Krasnoyarsk Krai.

Classification of basic directions and forms of such activities is introduced, based on empirical research. Problems, difficulties, and perspectives of further development of such activities are determined.

Key words: spiritual and moral culture, value, spirituality, Russian Orthodox Church, regional social project, Church's and community's activities, culture, education.

Деятельность Русской Православной Церкви, выступающей актором многих современных социокультурных процессов, принимает различные формы в сферах культуры и образования. Представляет интерес изучение данной деятельности особенно в условиях множественных культурных и социальных трансформаций, сочетания противоречивых и скоротечных процессов, формирования соответствующих ответных реакций. При которых, с одной стороны, заметны процессы создания мультикультурных обществ [17], противоречия рационального и нравственного, глобализма и национальных культур [19], кризисы в поле личности, сопровождающиеся утратой представления о самом себе [16] и состоянием общества, которое характеризуется «...неустойчивостью духовных ценностей и политических институтов, экологической неадекватностью и утратой исторической памяти» [2]. С другой стороны, формируется запрос

на «восстановление устойчивых духовных ценностей и понимание смысла человеческого существования» [3], поиска религиозной традиции, опоры в рамках определенного мировоззрения [8], способного противостоять аномии, дезинтеграции и базирующегося на ценностях и смыслах, в свою очередь основанных на сакральных переживаниях [18]. Необходимо отметить, что ответной реакцией на данные вызовы можно рассматривать многие положения стратегических документов страны в сферах культуры и образования, которые либо напрямую предусматривают участие традиционных религиозных организаций, либо создают условия для принятия таковых как «положительных субъектов влияния» (например, Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [11], Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [12], Стратегия национальной безопасности РФ [14], утвержденная в 2021 г.).

Рассмотрение деятельности Русской Православной Церкви (далее — Церковь) в сферах культуры и образования может быть проведено на материале отдельно взятой территории, в данном случае на материале Красноярского края, с границами которого совпадает Красноярская митрополия Русской Православной Церкви, включающая в себя пять епархий.

Данная деятельность на территории края характеризуется положительной количественной и качественной динамикой в течение последних тринадцати лет, но и вскрывает достаточное количество трудностей, проблем и противоречий. Наибольший интерес представляют различные направления и формы деятельности Церкви, осуществляемые одновременно в сферах культуры и образования, часто становящиеся местом встречи общества, церковных структур, организаций образования и учреждений культуры региона, выступающие площадкой межсферного диалога и взаимодействия. Эмпирические исследования региона позволили выявить следующие основные направления и формы деятельности Церкви в сферах культуры и образования, представленные далее.

1. Ежегодные мероприятия. Системными площадками взаимодействия (некоторые действуют более двадцати пяти лет) стали ежегодные научные, культурно-просветительские, общественные мероприятия, среди которых особенно можно

выделить: 1. Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения (январь); 2. День православной книги (март, 14 марта); 3. Красноярский краевой Пасхальный фестиваль искусств и благотворительности (апрель-июнь); 4. День святых Кирилла и Мефодия (День славянской письменности и культуры, 24 мая); 5. День Петра и Февронии (День семьи любви и верности, 8 июля); 6. День Крещения Руси (июль, 28 июля); 7. Красноярский краевой фестиваль духовной культуры «Покровские встречи» (октябрь–ноябрь); 8. Общественно-педагогическая конференция (октябрь).

Например, Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения с 2010 г. проводятся в тесном сотрудничестве с министерством образования Красноярского края, с 2014 г. развиваются как межрегиональная научно-практическая конференция и действительно стали «площадкой для обсуждения условий воспитания и духовно-нравственного развития личности» [10]. По итогам работы Чтений издается сборник материалов и докладов, с 2016 г. включенный в Российский индекс научного цитирования. Ежегодно конференция объединяет более 1100 участников (более половины участников — учителя и заведующие учебной частью общеобразовательных организаций), выстраивается по направлениям «Церковь и образование», «Церковь и культура», «Церковь и общество», «Церковь и история Приенисейской Сибири», на которых представляется около 200 докладов. Появляются новые площадки (например, секция «Философия и теология») и новые уровни конференции (например, школьные чтения, районные чтения).

2. Ежегодные конкурсы. Организации образования и учреждения культуры принимают участие в различных конкурсах, большинство из которых представлены региональными этапами федеральных конкурсов. В крае особой системностью и большим количеством участников отличаются следующие ежегодные конкурсы: 1. Региональный этап Международного конкурса «Красота Божьего мира»; 2. Грантовый конкурс «Православная инициатива»; 3. Общероссийская олимпиада школьников по Основам православной культуры; 4. Региональный этап Всероссийского конкурса в области педагогики, работы с детьми и молодежью до 20 лет «За нравственный подвиг учителя»;

5. Пасхальный епархиальный литературно–художественный конкурс; 6. Конкурс медиа проектов в рамках Открытого молодежного медиафестиваля Красноярской епархии «Сретенская свеча». В рамках конкурсов организуются соответствующие семинары, консультации, презентации, церемонии награждений.

3. Организации. Особую форму церковно-общественной деятельности в сферах культуры и образования представляют инициированные и/или активно поддержанные Церковью при создании организации различных форм собственности. Ярким примером подобных организаций в крае выступают: 1. Муниципальное учреждение культуры детско-юношеский духовный хор «София» (создан в 1991 г.); 2. Музейно-просветительский центр духовной культуры Красноярского края «Касьяновский дом» (действует как долгосрочный проект Красноярской региональной общественной организации духовно-нравственного возрождения Сибири «Ладанка»; создан в 2012 г.); 3. Лаборатория «Организация и методика формирования духовно-нравственной культуры» (структурное подразделение КГАУ ДПО «Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»; создана в 2013 г.); 4. Культурно-исторический центр «Успенский» (структурное подразделение КГБ УК «Государственный центр народного творчества Красноярского края», расположен на территории Успенского мужского монастыря г. Красноярск; создан в 2016 г.); 5. Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Красноярский институт развития духовно-нравственной культуры» [1] (создана в 2018 г.).

Часть организаций инициирована обществом, представленным светским и церковным активом. Например, Музейно-просветительский центр духовной культуры Красноярского края «Касьяновский дом» [7], который представляет собой многофункциональный проект историко-культурной, культурно-просветительской направленности, создающий современные ресурсы для отраслей культуры, образования и науки (в том числе в виде уникальных исследований, методических рекомендаций, медиапродуктов) и становящийся площадкой

консолидации различных социальных групп, отвечающий на запрос граждан «быть сопричастными большому и правильному делу».

4. Проекты. Периодически на территории края организуются и проводятся различные по охвату, направленности, сроку реализации и количеству партнеров проекты духовно-нравственной направленности, например: 1. Духовно-просветительская акция «Славянский ковчег — двадцать первый век» (2009 г., двухнедельная массовая (более 10 000 участников и организаторов) просветительская кампания, организованная на теплоходе «Александр Матросов» и в населенных пунктах от Красноярска и до севера края, расположенных на пути движения теплохода по течению реки Енисей); 2. Проект «„Он не жил, а горел ради Церкви Христовой“: памяти новомученика Димитрия Неровецкого (Апанского; +1919 г.)» (2007-2017 гг., вовлечено более 40 организаций, проведены дискуссионные презентации, экспедиции, по результатам исследования издана монография «„Третий путь“ Димитрия Неровецкого: Материалы к житию священномученика Димитрия Неровецкого (Апанского) и к истории Красноярской митрополии: Историко-публицистические очерки» [5]); 3. Просветительский проект «Открытый славянский университет» (2011-2015 гг., прочитано более 75 «Славянских лекций» для студенчества и учащихся старших классов края, организовано более 30 «Славянских гостиных» с участием деятелей культуры и науки Москвы, Санкт-Петербурга и Красноярска, славянского зарубежья).

Создание большинства вышеназванных организаций, проведение мероприятий, разработка и реализация проектов осуществляется в условиях организационных, ресурсных, мировоззренческих трудностей. В ходе исследования были выявлены основные трудности и проблемы развития деятельности Церкви в сферах культуры и образования на территории региона: 1. Антагонизм некоторых представителей образовательных и культурных структур по отношению к традиционным религиозным организациям и их общественным инициативам; 2. Стремление некоторых клириков ограничиться исключительно богослужебной деятельностью в пределах приходской общины; 3. Отсутствие у субъектов взаимодействия специальных знаний и представлений об основаниях, условиях, специфике, потенциале деятельности друг друга; 4. Недостаток культуры взаимодействия на местах, опыта и

механизмов выработки целей и задач совместной деятельности;

5. Межведомственная разобщенность структур.

Одним из направлений решения данных трудностей и проблем, одновременно задающим дальнейшие перспективы, стало совместное создание ресурсов на базе некоммерческих организаций, тесно сотрудничающих с Церковью. Подобные ресурсы создаются в рамках реализации региональных социальных проектов и имеют культурологическую направленность. Данные ресурсы активно внедряются в последние три года, например: 1. Учебно-методический комплект «С чего начинается Родина?» [13], 2020–2021 гг., Конкурс социальных проектов в рамках государственной грантовой программы Красноярского края «Партнерство», КРОО ДНВС «Ладанка»; 2. Учебно-методический комплект «Люди Победы» [4], 2020 г., Фонд Президентских грантов, АНО ДПО «Красноярский институт развития духовно-нравственной культуры»; 3. Учебно-методический комплект «Православие на Енисее» [9], 2019–2020 гг., Фонд Президентских грантов, КРОО ДНВС «Ладанка»; 4. Учебно-методический комплект «Время и лица. Страницы духовной истории Приенисейской Сибири», 2020–2021 гг., Фонд Президентских грантов, КРОО ДНВС «Ладанка»; 5. Наш календарь (Конструктор календарного плана воспитательной работы), 2020–2021 гг., Конкурс социальных проектов в рамках государственной грантовой программы Красноярского края «Партнерство», АНО ДПО «Красноярский институт развития духовно-нравственной культуры» (подробная информация о проектах доступна на сайте <http://www.krasdnk.ru>).

Центром данных проектов являются динамичные, короткие (в среднем от 3 до 7 минут) информационные видеоролики соответствующей тематики, созданные на региональном материале, учитывающие положения стратегических документов страны (в частности, Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.). Ролики легко встраиваются в уроки, классные часы, школьные мероприятия в рамках воспитательной работы, мероприятия учреждений культуры и т.д. Материалы проходят апробацию на уровне региона (открытую экспертизу), получают необходимую «педагогическую огранку», обязательно содержат методические рекомендации и/или сборники

вспомогательных материалов, распространяются на безвозмездной основе. Значительная часть представленных проектов прямо или косвенно направлена на подрастающее поколение, что особенно важно при фиксации в работе с детьми и молодежью ухода от «глобалистско-гуманистической парадигмы воспитания» к традиционным социокультурным ценностям нашей страны [6].

Также перспективы дальнейшего развития деятельности Церкви в сферах культуры и образования выстраиваются вокруг сохранения ранее разработанных форматов взаимодействия с периодической их корректировкой на меняющиеся социокультурные и нормативно-правовые условия, создания большего количества площадок взаимодействия на местах, особенно в удаленных от краевой столицы центрах, повышения квалификации как духовенства и приходских специалистов, так и специалистов управления образованием, руководителей образовательных организаций, специалистов и руководителей учреждений культуры, создания условий развития культуры взаимодействия в духе сотрудничества, развития межведомственного взаимодействия структур культуры и образования, преодоления межведомственной разобщенности. Важным представляется совместное создание методических рекомендаций, такими, например, выступили методические рекомендации «Формы и методы организации мероприятий духовно-нравственной направленности в государственных краевых и муниципальных учреждениях культуры Красноярского края» [15] изданные в 2017 г.

Необходимо отметить, что Церковь в представленных направлениях стремится к культурологической направленности и снижению миссионерских интенций. Деятельность Церкви в сферах культуры и образования предстает частью широкой церковно-общественной деятельности, которая разворачивается на территории Красноярского края как ответ на запрос общества в актуализации традиционных духовных и культурных ценностей. Потенциал данной деятельности может быть эффективно использован в решении современных социокультурных задач развития региона, при условии эффективного равноправного взаимодействия церковных и светских структур.

Источники и литература:

1. Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Красноярский институт развития духовно-нравственной культуры»: сайт. — URL: <http://krasdnk.ru/> (дата обращения: 10.09.2021).

2. Ельчанинов В. А. Антропосоциальное наследование как научная и образовательная проблема в условиях информатизации и цифровизации // Профессиональное образование в современном мире. — 2019. — Т. 9. — № 1. — С. 2451–2463.

3. Коптелова Т. И. Феномен неустойчивости существования современного человека в парадигме органической философии: понимание и преодоление // Философская мысль. — 2019. — № 5. — С. 25–36.

4. Люди Победы: сборник вспомогательных материалов к учебно-методическому медиакомплекту для общеобразовательных организаций Красноярского края / А. В. Бардаков, Е. Г. Пригодич, Р. Е. Бобров, Ю. Ю. Пасхальский. — Красноярск: Издат. дом «Восточная Сибирь», 2020. — 46 с.

5. Малашин Г. В. «Третий путь» о. Димитрия Неровецкого. Материалы к житию священномученика Димитрия Неровецкого (Апанского) и к истории Красноярской митрополии: историко-публицистические очерки. — Красноярск: Издат. дом «Восточная Сибирь», 2017. — 324 с.

6. Метлик И. В., Потаповская О. М., Галицкая И. А. Взаимодействие социальных институтов в духовно-нравственном воспитании детей в российской школе / под ред. И. В. Метлика. — М: ФГБНУ ИИД СВ РАО, 2018. — 240 с.

7. Музейно-просветительский центр духовной культуры Красноярского края «Касьяновский дом»: сайт. — URL: <http://kasdom.ru/> (дата обращения: 10.09.2021).

8. Неклесса А. И. Современная книга перемен. Глокализация глобализации // Политический класс. — 2017. — № 3. — С. 26–35.

9. Православие на Енисее: сборник вспомогательных материалов к учебно-методическому медиакомплекту для общеобразовательных организаций Красноярского края / А. В. Бардаков, Е. Г. Пригодич, Е. И. Потапова, С. Н. Бордукова, Ю. Ю.

Пасхальский. — Красноярск: Издат. дом «Восточная Сибирь», 2020. — 128 с.

10. Пригодич Е. Г. Преемственность предметных областей «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России» // XVI Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. Красноярск: Издат. дом «Восточная Сибирь», 2016. — С. 105–114.

11. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Правительство РФ: сайт. — URL: <http://government.ru/docs/18312/> (дата обращения: 25.09.2021).

12. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 г. № 326-р (ред. от 30.03.2018 г.) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СПС Консультант плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/f6adfd17b3f90275dca3f42b5bb42c920d74f0a5/ (дата обращения: 25.09.2021).

13. С чего начинается Родина? Сборник вспомогательных материалов к учебно-методическому медиакомплекту для общеобразовательных организаций Красноярского края / А. В. Бардаков, Р. Е. Бобров, В. С. Нарчук, Е. Г. Пригодич. — Красноярск: Издат. дом «Восточная Сибирь», 2021. — 48 с.

14. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент РФ: сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 25.09.2021).

15. Формы и методы организации мероприятий духовно-нравственной направленности в государственных краевых и муниципальных учреждениях культуры Красноярского края: методические рекомендации / А. В. Бардаков, Р. Е. Бобров, Т. В. Веселина, Ю. Ю. Пасхальский, М. А. Рычков; ред.-сост. Д. Г. Малашина. — Красноярск: Издат. дом «Восточная Сибирь», 2017. — 94 с.

16. Фусу Л. И. Роль ритуалов в кризисных и лиминальных периодах личности и общества // Культура и искусство. — 2019. — №8. — С. 40–44.

17. Brooks R. Higher education mobilities: a cross-nation European comparison // *Geoforum*. — 2018. — Vol. 93. — P. 87–96.

18. Etzioni A. Next: The Road to the Good Society. — NY: Basic Books Publ., 2001. — 160 p.

19. Yilmaz O., Saribay A. Activating analytic thinking enhances the value given to individualizing moral foundations // *Cognition*. — 2017. — Vol. 165. — P. 88–96.

Беломыцев Арсений Анатольевич

аспирант

*кафедры философии им. А. Ф. Шишкина МГИМО МИД РФ,
начальник отдела профилактики экстремизма Управления
мониторинга состояния межнациональных и
межконфессиональных отношений, профилактики экстремизма и
взаимодействия с религиозными объединениями Федерального
агентства по делам национальностей,
г. Москва, Россия*

Научный руководитель:

Силантьева Маргарита Вениаминовна

*доктор философских наук, профессор
МГИМО МИД РФ, г. Москва, Россия*

РЕЦЕПЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ ПОКЛОНЕНИЯ В ОБЩИНАХ РОССИЙСКИХ ПРОТЕСТАНТОВ

DOI: 10.47905/y5047-6745-7248-r

Аннотация. Жанр современной музыки поклонения, возникший в США в конце 1970-ых гг., начинает массово проникать в религиозную жизнь христиан в России на закате советской эпохи. В наибольшей степени данный жанр был воспринят в среде русских протестантов, на богослужениях которых формируется современный стиль богослужения. Вместе с тем особенности нового типа богослужения до сих пор вызывают напряженные споры, центральное место в которых занимает вопрос допустимости использования современной светской музыки в богослужебной практике.

Цель данной статьи – установить специфику восприятия современной богослужебной музыки общинами верующих в России. В результате исследования установлено, что восприятие современной музыки поклонения в России имеет свои региональные особенности – возможность использования переосмысленных традиционных гимнов; жанровое разнообразие, направленное на размывание границ между направлениями и привлечение верующих других конфессий; недопустимость чрезмерного упрощения стихотворного текста; отказ от жесткой полемики в отношении звучащей на богослужении музыки, а также поиск компромисса с прихожанами старшего поколения.

Ключевые слова: современная музыка поклонения, современная христианская музыка, российские протестанты.

Belomytsev Arseniy Anatolievich
post-graduate student
of the department of philosophy of the
Moscow state institute for international affairs,
Moscow, Russia

Scientific curator:
Sylantieva Margarita Veniaminovna
Doctor of Philosophy, professor,
Moscow state institute for international affairs,
Moscow, Russia

THE RECEPTION OF CONTEMPORARY WORSHIP MUSIC IN RUSSIAN PROTESTANT COMMUNITIES

Abstract. The genre of contemporary worship music, which emerged in the United States in the late 1970s, began to take hold in the religious life of Christians in Russia during the twilight of the Soviet era. The genre was most readily adopted by Russian Protestants, whose worship services developed a contemporary style of worship. This new type of divine service, however, is still controversial, and at its centre is the question of the appropriateness of modern secular music for use in divine services.

The aim of this article is to establish the specifics of how contemporary liturgical music is perceived by communities of believers in Russia. The study finds that the perception of contemporary worship music in Russia has its regional characteristics: the possibility of using reinterpreted traditional hymns; genre diversity aimed at blurring the boundaries between denominations and attracting believers of other faiths; the unacceptability of oversimplification of verse text; the rejection of harsh polemics regarding music played in worship; and seeking compromise with some older generation parishioners.

Key words: contemporary worship music, contemporary Christian music, Russian Protestants.

На рубеже 1960–70-х гг. в США возникает новое музыкальное явление, позднее получившее название «современная христианская музыка» (англ. «contemporary Christian music»). Согласно Новому музыкальному словарю Гроува, современная христианская музыка – это «жанр, соединяющий госпел евангелического протестантизма и рок-н-ролл» [1]. На формирование жанра оказывает влияние миссионерская деятельность представителей Движения Иисуса, характерной чертой которого было стремление упростить содержание проповеди с помощью современного музыкального языка, понятного светской молодежи.

В конце 1970-х гг. возникает богослужebная разновидность современной христианской музыки, получившая названия «современная музыка поклонения» (англ. «contemporary worship music»). Одновременно формируется специфический стиль богослужения, в рамках которого современная музыка поклонения становится ведущим элементом.

Современная музыка поклонения стилистически напоминает современную поп- и рок музыку, при обязательном использовании христианского по содержанию текста. При этом, текст не обязательно включает в себя вероучительные установки – распознавание его в качестве «христианского» может быть осуществлено по общему контексту.

Предназначенные для исполнения на богослужении «песни прославления» исполняются специальным коллективом, формируемом по принципу популярных светских групп и, в

большинстве случаев, включающем исполнителей на электрогитарах, клавишных, а также ударных инструментах.

Сегодня современная музыка поклонения широко распространена на богослужениях пятидесятнических, а также католических общин харизматического направления по всему миру.

В Россию современная музыка поклонения начинает массово проникать на закате советской эпохи. Наиболее широкая рецепция мирских музыкальных жанров происходит в среде российского протестантизма. На богослужениях части евангельских общин формируется современный стиль богослужения, стремящийся воспроизвести западные образцы.

В богослужебной практике российских протестантов начинают происходить изменения, вызывающие дискуссии об обоснованности использования в церкви мирских музыкальных жанров. Включение светской музыки в основу богослужения вызывает отторжение у части консервативно настроенных верующих. В отечественной традиции в отношении представителей конфликтующих сторон закрепились наименования «новаторы» и «традиционалисты».

Так, позиция баптистских и адвентистских общин в отношении современной музыки поклонения довольно нейтральна. Баптисты, как представители самой традиционной и консервативной группы протестантов евангельского направления, не приветствуют использования современных музыкальных стилей в рамках богослужения. При этом баптистской молодежи не запрещено увлечение современной музыкой, в том числе в стиле рок с использованием гитар и ударных инструментов.

Позиция адвентистов седьмого дня в отношении современной христианской музыки несколько мягче, чем у баптистов. Руководители музыкального служения, как правило, открыты к современным музыкальным веяниям. Присутствие на служениях традиционных гимнов объясняется ими как дань уважения вкусам и стилю поклонения верующих старшего поколения. С течением времени не исключается полный переход от традиционных духовных песен и гимнов к современной музыке поклонения.

Позиция пятидесятнических общин, входящих в союзы консервативной направленности (таких как ОЦХВЕ или РЦХВЕ), в

целом схожа с позицией баптистов и адвентистов. Так, последователи Федотова не принимают новых стилей поклонения, отвергая крайние проявления эмоций, преобладающие в харизматических церквях. В РЦХВЕ общины, еще два десятилетия назад категорически отвергавшие использование рок- и поп музыки на богослужениях, сегодня активно используют новые музыкальные стили как в рамках богослужений, так и в миссионерской деятельности.

Разброс мнений по поводу использования современной христианской музыки среди представителей РОСХВЕ достаточно широк. Большинство общин активно использует на богослужениях такие инструменты, как электрогитары, синтезаторы, перкуссии, ударные установки. Верующие также поют стоя, используя танцевальные движения. Музыка может звучать большую часть богослужения, зачастую сопровождая проповедь или являясь фоном для сбора пожертвований или подготовки к причастию.

Проведенный анализ конфессиональной литературы протестантских общин в Москве, а также информации, полученной в результате интервьюирования руководителей музыкального служения, позволяет выделить и обобщить основные установки «крайних» сторонников использования современной музыки поклонения на богослужениях.

1. Новаторами утверждается, что богопознание должно быть опосредовано чувствами, смещая рациональность на второй план.

2. «Крайними» сторонниками современной музыки на богослужении провозглашается возможность поклонения посредством искусства. Так, например, игра на музыкальном инструменте может выступать достаточным способом поклонения.

3. Новаторами допускается использование любых видов музыкальных инструментов в богослужении. По их мнению, возможно использование любого инструмента или стиля музыки как во время богослужения, так и за его пределами.

4. Приемлемо упрощение содержания богослужения в целом и песнопений в частности.

5. Характерно позитивное отношение к физической составляющей поклонения (например, к танцу и различным телодвижениям). Это справедливо как в отношении музыкантов, так прихожан, принимающих участие в богослужении.

При этом, в целом жанр современной богослужбной музыки на российской почве приобрел ряд специфических характеристик. К ним следует отнести:

- возможность использования переосмысленных традиционных гимнов, а также классических произведений наряду с современными песнями;

- отказ от полемики: стремление представителей «новых» пятидесятников найти компромисс с прихожанами в отношении звучащей на богослужении музыки, готовность к отмене конкретного музыкального элемента, чтобы не «оскорблять» слуха верующих, не разделяющих музыкальных пристрастий церковных музыкантов;

- жанровое и интонационное разнообразие, направленное, в первую очередь, на размывание границ между направлениями и привлечение верующих других христианских конфессий, а также на поиск взаимопонимания с частью прихожан старшего поколения, не готовой к принятию современной мирской музыки на богослужениях;

- недопустимость чрезмерного упрощения стихотворного текста, концентрация внимания на качестве литературного перевода;

- выраженный экуменизм представителей «новых» пятидесятников: в музыкальном отношении – провозглашение возможности использования любой музыки, в доктринальном – использование Никео-Цареградского символа веры. Данная установка вкупе с подчеркнуто позитивным и открытым настроением в общинах призвана выступить в качестве подспорья в миссионерской и евангелизаторской деятельности.

Представляется, что возможность использования в богослужении «новых» пятидесятников традиционных жанров связана с установкой на преемственность и духовное внутреннее единство богослужбной музыки, догматические основания которой соответствуют свидетельству Библии, а также с общим состоянием «осадного положения», под влиянием которого происходила консервация жанровой и стилевой специфики музыкальной части богослужения пятидесятнических общин в советский период.

Данное обстоятельство объясняет специфическую особенность российских пятидесятников, наследовавших установку

на репертуарный и стиливой плюрализм в отношении музыкального оформления богослужений.

Источники и литература:

1. McDowell A. D. Contemporary Christian music // The New Grove: Dictionary of Music and Musicians. [Электронный ресурс]. - URL:

https://www.oxfordmusiconline.com/grovemusic/abstract/10.1093/gmo/9781561592630.001.0001/omo-9781561592630-e-1002234810?_start=1&pos=1&q=contemporary%20christian%20music&search=quick#firsthit (дата обращения: 29.09.2021).

Дроботушенко Евгений Викторович
кандидат исторических наук, доцент
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О РЕЛИГИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА НА РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ DOI: 10.47905/e3393-1363-1266-m

Аннотация. В статье, на фоне характеристики общих изменений в законодательстве Российской империи о религиях, анализируются особенности протекания религиозных процессов на территории большого макрорегиона Забайкалье.

Отмечается, что либерализация норм привела к новым «религиозным реалиям» в регионе. Сократилось и до того незначительное количество переходов в православие коренных жителей и старообрядцев, увеличилось число обратных переходов.

Ключевые слова: религия, религиозная ситуация, религиозные процессы, законодательство о религии, Российская империя, Забайкалье.

Drobotushenko Evgeniy Viktorovich
PhD in History, associate professor
Transbaikal state university,
Chita, Russia

**IMPACT OF CHANGES IN LEGISLATION ABOUT THE
RELIGION OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY ON RELIGIOUS PROCESSES
IN TRANSBAIKALIA**

Abstract. In the article, against the background of the characteristics of general changes in the legislation of the Russian Empire on religions, the peculiarities of the course of religious processes in the territory of the large macroregion of Transbaikalia are analyzed.

It is noted that the liberalization of norms has led to new “religious realities” in the region. The previously insignificant number of conversions to Orthodoxy of indigenous residents and Old Believers has decreased, and the number of reverse transitions has increased.

Key words: religion, religious situation, religious processes, legislation on religion, Russian Empire, Transbaikalia.

Попытки власти с помощью законодательства влиять на развитие религиозной ситуации в стране, свойственны всем временам и всем государствам, независимо от формы правления, политического режима (для новейшего времени), территориального устройства. Насаждение или ограничение той или иной религии, религиозный плюрализм или его отсутствие всегда направлены на достижение стратегических целей государственного развития либо решение конкретных частных вопросов определенного момента.

Не является здесь исключением и отечественная государственность в своем историческом развитии. При этом на наш взгляд, использование правовых норм для регуляции религиозных отношений в ней отражено даже ярче, чем во многих иных странах. Исключением, пожалуй, являются страны с ортодоксальным исламом, хотя, возможно, там ситуация проще. Строгий запрет на протяжении длительного времени на иные религиозные учения и соблюдение требуемых норм.

Особенности же отечественной государственности в плане реализации религиозной политики, во многом, предопределены размерами страны, ее полиэтничностью и полирелигиозностью.

Мы целенаправленно в данном конкретном случае не используем традиционный для религиоведческих публикаций термин «поликонфессиональность», поскольку говорить о таковой для досоветского время, вероятно, не совсем верно (особенно для периода до XX в., после конфессии, все же, оформились).

Ненормативные акты, содержащие нормы, направленные на регламентацию религиозных отношений в стране, при этом повлиявшие на трансформацию религиозного пространства и религиозных отношений в Забайкалье в досоветское время, условно можно разделить на две группы. Первые – это те, что были направлены на расширение влияния православия и ограничение иных религиозных учений. Вторые, соответственно, наоборот.

Для Забайкалья нормы в отношении религиозных отношений, к приходу русской государственности и появлению, а затем и закреплению в регионе православия, важны, прежде всего, в связи с проживанием на его территории значительного количества последователей шаманизма и северной ветви буддизма – ламаизма.

Помимо освоения новых территорий царская, а затем императорская власть для скорейшего включения земель, сначала в сферу своего влияния, а затем и в состав, реализовывала мероприятия по распространению государственной религии. Понимание важность этого, уже в 1681 г. в Забайкалье направлена духовная миссия, нормативная регламентация деятельности которой, с одной стороны, определялась светским указом, с другой, внутрицерковными актами [1, с. 9–10; 8, с. 10–11].

Сказать, что деятельность духовной миссии имела серьезные результаты, вероятно, нельзя. Обращения в православие массовыми не были.

Серьезные изменения в законодательстве в отношении неправославного исповедания, ламаизма, относятся к началу второй четверти XIX в. Тогда были установлены штаты «ламайского» духовенства в 516 чел., которые несколько позже в 1842 г. были увеличены. Это привело к тому, что и представители духовенства, и верующие восприняли политику власти как «узаконивание» их верований [2, с. 67, 69].

Одним из наиболее известных документов середины XIX в., полностью посвященным ламаизму является «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» от 1853 г. С одной стороны оно ввело привилегии для духовенства, освободив его от повинностей и наделив землей, с другой сократило количество культовых построек – дацанов и число лам [9, с. 57–65].

Здесь отметим, что норма о наделении духовенства землей, скорее всего, была призвана «посадить» его представителей на землю, что, в перспективе, больше, направлено на ограничение его влияния. Современники же считали, что ламаизм был поставлен в равное положение с православием [5, л. 46].

Однако отметим, что было много буддистских священнослужителей вне штатов [10, с. 4; 11, с. 48]. Это говорит о том, что формальное соблюдение законодательных норм отнюдь не являлось отражением реальной картины.

Итогом общих тенденций в развитии православия в Забайкалье, особенностей протекания миссионерской деятельности православной церкви в регионе и изменения в нормах права, стали слабые темпы обращения в официальное православие старообрядцев и единоверцев региона, а также представителей коренного населения.

Как видим, трансформация законодательства в отношении религий в Российской империи влияла на религиозные отношения в Забайкалье уже во второй–третьей четвертях XIX в. Однако самые серьезные изменения, по нашему мнению, произойдут в начале XX в.

Начло было положено манифестом «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», появившемся 26 февраля 1903 г. Он, среди прочего, озвучивал свободное отправление веры представителям «инородных исповеданий» [3, с. 245–247].

12 декабря 1904 г. появляется Именной Высочайший Указ Правительствующему Синоду «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Для нас в нем интересна оговоренная инициатива о необходимости пересмотра российского законодательства в отношении «инородцев» и «раскольников», которые под влиянием либеральных веяний, стали именоваться «старообрядцами» [6, с. 35].

Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» окончательно закрепил новые тенденции российского законодательства в отношении религий начала XX в. Впервые в отечественной истории появилась возможность, при желании, отходить от православия в иные религиозные исповедания. Причем, по христианским ограничениям не было, в «нехристианские» можно было переходить, согласно особым процедурам. Такие переходы не преследовались государством и Русской Православной Церковью. Самое же важное, что отсутствие преследования при переходе, по сути, разрешало представителям неправославного исповедания оставаться в своей вере. Кроме того, старообрядцам разрешалось устраивать монастыри и скиты, а в отношении ламаистов из оборота изымались термины «язычник» и «идолопоклонник». При этом отмечалась необходимость пересмотра российского законодательства в отношении последователей ламаизма [7, с. 34–38].

Принятые нововведения кардинально изменили систему норм, регламентирующих религиозную политику в Российской империи. Их трансформация не могла не задеть Забайкалье с его полирелигиозностью.

Для коренных жителей региона исчезла, пусть призрачная ранее, но, все же необходимость принятия православия. Более того, закреплённая нормативно возможность отправления своей веры привела к увеличению количества заявлений об обратном переходе из православия в ламаизм. Подавались они в адрес епархиального начальства. Были таковые и ранее, однако они часто оставались без ответа. С 1905 г. удовлетворялись все [5, л. 46].

Аналогичной ситуация была и со старообрядцами. Источники, на сегодня, дают нам по ним в рассматриваемое время, не так много информации, но известно, что прошения о переходах из официального православия обратно были [4, л. 1 об.–2, 33–37 об., 49–50 об.].

На сегодня, сложно что-либо сказать о единоверии в Забайкалье в начале XX в. и, соответственно оценить влияние на него изменения норм российского законодательства. Данная проблематика требует серьезной работы с источниками.

Таким образом, можно констатировать, что трансформация российского законодательства в отношении религий досоветского

периода, в значительной степени влияла на религиозные процессы в Забайкалье. Появление норм, в отдельных случаях давало возможности к большему распространению православия в регионе и ограничению иных религиозных учений. В иных же, оно способствовало обратному.

Особо большое значение для религиозного пространства региона имели нормы, появившиеся в начале XX в. Либеральные тенденции в законодательстве того времени, не обошли стороной и акты, регламентирующие религиозную политику.

Начало XX столетия ознаменовалось изменением, в плане отправления религиозной обрядности, в отношении старообрядчества, представителей которого было достаточно много в Забайкалье и коренных жителей региона. Это привело к тому, что миссионерская деятельность православной церкви, и без того сталкивавшаяся с большими трудностями, еще более сократилась. Увеличилось количество просьб о переходе из православия в старообрядчество или ламаизм.

Для полноты картины, следует сказать, что влияние законодательных норм в Забайкалье на религиозные отношения в паре «православие–ламаизм» в досоветское время, на сегодняшний день, относительно изучено. Меньшее представление можно составить о том, как нормы влияли на отношения между официальным православием и старообрядчеством, а также единоверием. К сожалению, известные на настоящее время источники дают только отдельные примеры, что не дает возможности составить общую, полную картину.

Аналогичная ситуация, на наш взгляд, присутствует в оценке изменений в религиозной составляющей эвенков региона, которые изначально являлись шаманистами, позже, в основной своей массе, приняли православие. В литературе нами не встречено серьезных исследовательских оценок влияния российского законодательства, причем не только начала XX в. на трансформацию их религиозности. В этом направлении, как в отношении старообрядчества и единоверия, по нашему глубокому убеждению, требуется серьезная работа с архивными документами.

Источники и литература:

1. Благословенная грамота митрополита Павла, данная игумену Феодосию на построение на Селенге монастыря во имя Св. Живоначальной троицы // Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером Архимандритом Мелетием. – Казань: В университетской типографии, 1875. – С. 9–10.

2. Вениамин, архиепископ. Ламское идолопоклонническое суеврие в Восточной Сибири (1885) // Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века. – СПб.: Изд-во Наука, 1998. – С. 65-82.

3. Высочайший манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Собрание Указов и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – СПб: Сенатская типография, 1903. – С. 245–247.

4. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1024.

5. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2006.

6. Именной Высочайший Указ Правительствующему Синоду 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908. Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразования государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, по 1 сентября 1908 года / под. ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. – СПб: Издание Юридического книжн. склада «Право», 1909. – С. 3–6.

7. Именной Высочайший Указ Правительствующему Синоду 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908. Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразования государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, по 1 сентября 1908 года / под. ред.

пр.-доц. Н. И. Лазаревского. – СПб: Издание Юридического книжн. склада «Право», 1909. – С. 34–38.

8. Наказ игумену Феодосию и черному попу Макарию, чтобы в Даурах построить монастырь, иноверцев всех вер призвать к Православной христианской вере, крестить и учить // Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером Архимандритом Мелетием. – Казань: В университетской типографии, 1875. – С. 10–11.

9. Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири // Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века. – СПб.: Изд-во Наука, 1998. – С. 57–65.

10. Могучь В. В. Н-й Борьба православной миссии с ламаизмом и его друзьями (Исторический обзор деятельности Забайкальской духовной миссии) за период сорокалетия (1862–1902) ее самостоятельности. С чувством глубокого уважения и почтительности посвящается преосвященному Мефодию, епископу Забайкальскому и Нерчинскому. (Записки действительного члена Забайкальской духовной миссии). (Продолжение) Забайкальские Епархиальные Ведомости. – 1902. – № 15. Часть неоф. – С. 3–9.

11. Расова Н. В. Сибирские «инородцы» как объект миссионерской деятельности Русской Православной Церкви // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. – С. 46–49.

Дячук Марианна Ивановна
кандидат юридических наук, доцент
НАО ВКУ им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск, Казахстан

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ
DOI: 10.47905/p0324-8672-8964-c

Аннотация. Статья посвящена проблемам урегулирования конфликтов и споров в сфере межэтнических отношений.

Рассмотрены основные причины локальных межнациональных конфликтов, факторы, препятствующие гармонизации межнациональных отношений, принципы действия по нейтрализации конфронтационных устремлений участников межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: медиация, этномедиация, этнос, межэтнический и межнациональный конфликтов, этнокультурные конфликты.

Dyachuk Marianna Ivanovna
PhD, associate professor
EKSU S. Amanzholov,
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

FEATURES OF INTERETHNIC MEDIATION

Abstract. The article is devoted to the problems of conflict resolution and disputes in the field of interethnic relations.

The main causes of local interethnic conflicts are considered, factors hindering the harmonization of interethnic relations, principles of action to neutralize the confrontational aspirations of participants in interethnic conflicts.

Key words: mediation, ethnomediation, ethnos, interethnic and interethnic conflicts, ethno-cultural conflicts.

На XXVII сессии Ассамблеи народа Казахстана Председатель Ассамблеи народа Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев отметил, что согласие, стабильность, дружба народа,

уважение между различными этническими группами, религиозными конфессиями являются основой нашего государства, фундаментом всего развития [1].

Введение института медиации в Казахстане стало возможным после принятия Парламентом Республики Казахстан законов Республики Казахстан от 28 января 2011 г. «О медиации» [2] и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам медиации» [3]. Принятие Парламентом названных законов является реализацией поручения Нурсултана Абишевича Назарбаева, данного на V съезде судей Республики Казахстан 18 ноября 2009 года [4].

Медиация – это особая форма посредничества, в которой роль медиатора, как беспристрастной третьей стороны, заключается в содействии сторонам конфликта выработки взаимоприемлемого и жизнеспособного решения.

Согласно Закону Республики Казахстан «О медиации» процедура медиации проводится на основе следующих принципах:

- добровольности;
- равноправия сторон;
- независимости и беспристрастности медиатора;
- недопустимости вмешательства в процедуру медиации;

Медиация применяется в разных сферах жизнедеятельности человека. Медиация рассматривает споры, возникшие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений. Данная процедура нашла широкое применение при урегулировании вышеизложенных конфликтов. Однако наименее разработанной и применяемой на практике является медиация в сфере межэтнической и межнациональных конфликтах.

Многие ученые и практики считают, что медиация кросс-культурных конфликтов дает возможность перевести конфликтное взаимодействие сторон в форму диалога с участием независимого посредника. Именно медиатор-посредник обеспечивает соблюдение процедурного подхода при разрешении конфликтов и поддерживает конструктивную установку, ориентируя стороны на поиск взаимоприемлемых решений. Посредничество является наиболее

мягкой формой участия третьей стороны в урегулировании конфликта.

При этом необходимо всегда помнить, что суть медиации - разрушать навязанные человеку взгляды и стереотипы, открывать его истинные интересы, понять другого участника спора, посмотреть на себя со стороны.

В исследовательских работах российских ученых нередко применяется понятие «этномедиация».

Этномедиация - это способ урегулирования конфликтов, вызванных межнациональными противоречиями, участниками которых могут быть отдельные лица или группы людей [5].

Этнокультурные конфликты выдвигают огромные вызовы перед медиацией. Они являются специфичным видом базированных на идентичности конфликтов, что объясняет их продолжительность, ожесточенность и остроту.

Конфликты по поводу национальных ценностей, важнейших жизненных установок в сфере межнациональных отношений входят в число наиболее сложно разрешаемых.

В сфере межэтнических отношений существует ряд проблем, которые способствуют развитию конфликтов в обществе. Среди них можно выделить следующие:

- социально-экономические (безработица, задержки и невыплаты зарплаты, социальных пособий, не позволяющие большинству граждан удовлетворять необходимые потребности, монополия представителей одного из этносов в какой-либо сфере услуг или отраслей народного хозяйства и т. д.);

- культурно-языковые (связанные с защитой, возрождением и развитием родного языка, национальной культуры и гарантированных прав национальных меньшинств);

- этнодемографические (сравнительно быстрое изменение соотношения численности населения, т.е. увеличения доли пришлого, иноэтнического населения в связи с миграцией вынужденных переселенцев, беженцев);

- исторические (взаимоотношения в прошлом - войны, бывшие отношения политики "господство - подчинение", депортации и связанные с ними негативные аспекты исторической памяти и т. д.);

- межрелигиозные и межконфессиональные (включая различия в уровне современного религиозного населения).

Так же, факторами, препятствующими гармонизации межнациональных отношений, являются низкий уровень доверия граждан органам власти и управления, коррупция, неверие граждан в равенство перед законом и судом, предвзятость отдельных представителей власти к культуре и обычаям некоторых народов, их неспособность обеспечить справедливость, защитить законные интересы людей.

В нормально функционирующей социально-политической и экономической системе отношений хорошо уживаются люди, принадлежащие к разным этническим группам. Но в условиях экономической и политической нестабильности или кризисных состояний общества все прежние регуляторы межгрупповых отношений подвергаются разрушению, а новые складываются не сразу. В такой ситуации этнический регулятор выступает на первое место. Если ухудшаются отношения с тем или иным соседним народом, то общие с соседями черты становятся малосущественными, а вот межэтнические различия приобретают повышенное важное значение, причем каждой стороной оцениваются в свою пользу.

Процесс развития межэтнического конфликта имеет свою специфику и включает три основных этапа:

1) на первом этапе происходит образование противостояния – под воздействием накопленных обид формируется образ врага;

2) на втором этапе происходит активный поиск различных врагов, накапливается их количество;

3) на третьем этапе противостояние перерастает в антагонизм и события начинают разворачиваться по принципу "зеркального отражения», когда практически все твои дела и поступки возвращаются обратно. В этой

войне двойников действие всегда равно противодействию, каждая сторона обвиняет противника в тех же грехах, в которых последний обвинял ее.

Увеличение межнациональной напряженности не просто ожесточает жизнь людей во всех враждующих странах. Стремясь в целях безопасности как можно более полное отождествлять себя со своей национальностью, человек готов воспринять самые

негативные национальные привычки, возрожденные в ходе борьбы за «национальные святыни». В результате возможен отказ от цивилизации.

Существует несколько типов классификаций этнических конфликтов. Основные виды конфликтов:

- политические конфликты, когда борьба идет за власть, доминирование, влияние, авторитет;

- социально-экономические (или социальные в узком смысле слова) - «между трудом и капиталом», например между профсоюзами и работодателями;

- этнические - по поводу прав и интересов этнических общностей [6].

Межэтнические конфликты всегда отличаются высоким накалом эмоций, страстей, проявлением иррациональных сторон человеческой природы и символизмом.

Эта особенность обусловлена тем, что национально-этнические стереотипы усваиваются человеком с детства и впоследствии функционируют преимущественно на подсознательном уровне. Поэтому для этнических конфликтов свойственна слабая обоснованность рациональными доводами совершаемых действий. В силу этого, межэтнические конфликты отличаются остротой противоборства и жесткостью форм ведения борьбы.

Межэтнические конфликты характеризуются высокой мобилизацией человеческих ресурсов.

Защищаемые этнические особенности (вера, язык, быт) составляют повседневную жизнь каждого члена этноса, что и обеспечивает массовый характер движения в их защиту. Начавшийся конфликт вызывает цепную реакцию, вовлекая в свою сферу все новые и новые человеческие и др. ресурсы.

Межэтнические конфликты имеют хронический характер, они не имеют окончательного разрешения. Это объясняется тем, что этнические отношения весьма подвижны и та степень свободы и самостоятельности, которой удовлетворяется нынешнее поколение этноса, может показаться недостаточной следующему.

В силу этих особенностей, возникновение, развитие и разрешение межэтнических конфликтов в любой сфере

жизнедеятельности общества и на любом уровне имеет свою специфику.

Правило в сфере межэтнических конфликтов: конфликты легче предупредить, чем в дальнейшем разрешить.

На это и направлена национальная политика Республики Казахстан. В связи с этим важно вовремя выявить эти противоречия, постараться не допустить применения насилия, найти эффективные способы урегулирования спорных вопросов.

Для того, чтобы осуществить это на практике, необходимо найти общие взаимоприемлемые ценности и нормы.

Поэтому возникает вопрос о заключении общественного договора между государством и всеми входящими в его состав этносами, который бы содержал гарантии безопасности личности и нации, равноправие, запрет на применение насилия при возникновении противоречий.

Основные причины локальных межнациональных конфликтов:

1. Возведение межличностных конфликтов в ранг межнациональных;

2. Экономические конфликты этногрупп, основанные на традиционно устоявшихся взглядах о сферах деятельности представителей определенных национальностей;

3. Этнополитические и религиозно-политические разногласия;

4. Отсутствие во властных структурах, институтах гражданского общества представителей тех или иных народов;

5. Недостаточная информированность населения о состоянии межнациональных отношений и ходе реализации государственной национальной политики;

6. Необъективное освещение национальной политики в СМИ;

7. Низкий уровень научной обеспеченности хода реализации государственной национальной политики, в том числе: разное толкование терминологии в сфере государственной национальной политики.

8. Недостаточный уровень национального и межнационального воспитания, прежде всего в семье;

9. Отсутствие художественных фильмов о позитивных героях (образах) – представителях национальностей;

10. Отсутствие представительства ряда национальностей в органах государственной власти и местного самоуправления.

Факторы, препятствующие гармонизации межнациональных отношений: низкий уровень доверия граждан органам власти и управления, коррупция, неверие граждан в равенство перед законом и судом, предвзятость отдельных представителей власти к культуре и обычаям некоторых народов, их неспособность обеспечить справедливость, защитить законные интересы людей.

Принципы действия по нейтрализации конфронтационных устремлений участников межэтнических конфликтов:

1) легитимизация конфликта - официальное признание существующими властными структурами и конфликтующими сторонами наличия самой проблемы (предмета конфликта), нуждающейся в обсуждении и разрешении;

2) институционализация конфликта - выработка признаваемых обеими сторонами правил, норм, регламента цивилизованного конфликтного поведения;

3) целесообразность перевода конфликта в юридическую плоскость, с целью как можно быстрее прекратить насилие;

4) введение института посредничества при организации переговорного процесса – необходимо в том случае, если диалог между субъектами конфликта по тем или иным причинам невозможен;

5) информационное обеспечение урегулирования конфликта, то есть открытость, “прозрачность” переговоров, доступность и объективность информации о ходе развития конфликта для всех заинтересованных граждан.

Этномедиация - это способ урегулирования конфликтов, вызванных межнациональными противоречиями, участниками которых могут быть отдельные лица или группы людей. Сегодня этномедиация – это не модное поветрие, а настоятельное требование времени. В Казахстане проживают представители более 130 национальностей. Учесть все интересы такого громадного количества этнокультур в полной мере невозможно. Но держать баланс равновесия интересов – вполне реально. И этномедиация здесь – реально действующий механизм.

В совершенстве проводить медиацию в межэтнических отношениях можно, если:

1) постоянно повышать уровень образования и самообразования;

2) накапливать опыт общения с людьми разных национальностей (этому, кстати, успешно способствует активная работа в рамках Ассамблеи народа Казахстана).

Понятно, что знания в сфере этномедиации – это всегда полезно, но помимо профессиональных и этнокультурных знаний, медиатор должен обладать определенными качествами. Какие это качества?

Это:

а) знания в психологии, религии, истории, культуре, философии;

б) склад ума и личные качества медиатора: умение слушать, вести переговоры, устанавливать контакт с собеседниками и выявлять спорные моменты;

в) терпеливость, настойчивость и упорство.

И при всем при этом этномедиатор должен оставаться нейтральным и беспристрастным.

В медиативном процессе стороны становятся равны и их ценности равно значимы. Тем более, для большинства различных национальностей есть такие вечные ценности, как жизнь, дружба, семья, доверие, вера, здоровье и другие. К ним может быть различное отношение, но даже если ценности полностью различны, можно окунуться глубже и найти общие точки соприкосновения. Задача медиатора в межэтническом конфликте, где были затронуты ценности, помочь сторонам увидеть в представителе иного этноса – человека, а также не только урегулирование конкретной текущей ситуации, но и проблема сохранения дальнейших отношений между всеми участниками.

Народы, населяющие Казахстан (азербайджанцы, армяне, грузины, ингуши, лезгины, осетины и чеченцы), входят в число крупнейших кавказских этнических групп Казахстана. Исследование показало, что перечисленные кавказские народы имеют много схожих особенностей в разрешении семейных конфликтов. В частности, посредничество, т. е. привлечение третьей стороны (Совет старейшин, родственники, уважаемые люди и т. д.)

для урегулирования конфликта очень похожий способ для судебного разбирательства, передачи информации и примирения между изучаемыми народами Кавказского региона [7].

Огромную роль в регулировании межэтнических спорах играет Ассамблея народа Казахстана – общественного органа консолидации граждан всех национальностей.

В соответствии с подпунктом 11 статьи 6 Закона «Об Ассамблее народа Казахстана» одним из основных направлений деятельности Ассамблеи является выработка рекомендаций и реализация практических мер по урегулированию разногласий и споров, недопущению конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений и участие в их разрешении.

Говоря о несомненной медиативной роли Ассамблеи и ее рабочих органов, хотелось бы выделить важный аспект: этнические группы в Казахстане в силу грамотно выстроенной национальной политики имеют чрезвычайно высокий гражданско-правовой и общественный статус. Эта уникальная особенность сложилась благодаря вековой традиции толерантности.

Медиация в полиэтничном обществе, напрямую связана с истоками и развитием культуры толерантности. Медиатор должен задать порядок толерантности как институциональный аспект дальнейшего существования сторон - как принцип решения споров, воплощенный в мирных соглашениях и договорах.

Самобытность казахстанской толерантности можно применять как функцию медиации в полиэтничном обществе. Выделим ее некоторые особенности:

Во-первых, это черта национального характера, элемент менталитета, выражающий уважение к образу жизни других этносов, их поведению, традициям, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям.

Во-вторых, это понимание того, что в обществе имеется другое этническое начало, отличное от вашего, и оно имеет такие же права, как и ваше.

В-третьих, это индикатор уровня культуры межэтнических отношений, показатель степени межэтнического согласия, показатель общей социальной зрелости людей, их готовности к общению, сотрудничеству.

В-четвертых, это принцип государственной национальной политики, характеризующийся согласием, единством этносов.

В-пятых, это инструмент урегулирования межэтнических противоречий, снятия межэтнической напряженности, важнейший элемент укрепления межэтнических отношений.

В-шестых, в качестве итога, толерантность является показателем демократической этнонациональной политики, целью которой – равенство, взаимное уважение этносов и сотрудничество, согласие и национальное единство.

Ассамблея народа Казахстана, на наш взгляд, является уникальным медиатором в сфере межэтнических отношений, есть особый институт общественного согласия и национального единства.

Рассмотрев различные вопросы, связанные с общественным участием в развитии медиации в Казахстане, деятельности Ассамблеи народа Казахстана и ее общественных структур, целесообразно:

- развивать обучение техникам и механизмам использования медиации, способствующих развитию превентивной политики, межэтническому взаимообогащению, поиску новых форм в деятельности общественных организаций, и прежде всего, АНК, связанных с укреплением общественного согласия, толерантности и национального единства;

- изучать международный опыт процессов развития медиации, нормативно-правовое регулирование общественных отношений в сфере организации медиации и статуса медиатора;

- считать объективным и обоснованным мнением, что уникальный институт АНК сегодня выступает главным модератором в сфере общественных и межэтнических отношений, как реально обладающая основными принципами и функциями медиаторства.

В этнических конфликтах, как и во всех остальных, медиация имеет свое место. Именно этнические конфликты, которые в принципе не подлежат судебному урегулированию, показывают, как велика роль медиации. Она сводится к поддержанию межэтнического диалога, к улучшению межкультурной коммуникации, к лучшему пониманию друг друга. Так как межэтнический конфликт всегда имеет в своей основе

нужды и ценности, которые не всегда подлежат рациональной оценке, медиатор должен стремиться не к «делке», а к взаимному приспособлению различных этнических идентичностей, которые на протяжении десятилетий показали, что могут мирно сосуществовать. В этом большая социальная миссия медиации, которая не сводится только лишь к разрешению данного конфликта, а расширяет демократичные горизонты стран с развивающимися экономиками.

Источники и литература:

1. Выступления Елбасы Нурсултана Назарбаева на XXVII сессии Ассамблеи народа Казахстана, прошедшей в Нур-Султане, 29 апреля 2019 г. // Kazpravda.kz

2. Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.10.2015 г.)

3. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам медиации» от 28 января 2011 г. № 402-IV.

4. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на V съезде судей (Астана, 18 ноября 2009 года) // zakon.kz

5. Рогочая Г. П. Кросс-культурный диалог и медиация кросс-культурных конфликтов // Сборник методических материалов. – Вып. 11. – М., 2016.

6. Здравомыслов А. Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С.12-21.

7. Исакова Ж., Dronzina Т. (2019). Традиционные механизмы разрешения семейных конфликтов у этнических групп Кавказа и Азии, проживающих в Казахстане и их влияние на государственную семейную политику // Государственное управление и государственная служба. – № 4. – С. 72-84.

Жуков Артем Вадимович
доктор философских наук, профессор
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия

Младенов Василий Иванович
соискатель кафедры философии
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия

**СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНЫХ И НЕРЕЛИГИОЗНЫХ
УГРОЗ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СО СТОРОНЫ
РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
DOI: 10.47905/x5649-1176-8106-e

Аннотация. Статья посвящена попытке анализа религиозной угрозы как явления и как понятия, используемого в современном социальном дискурсе на территории Российской Федерации. Проблемой, раскрываемой авторами, является то, что в социальном дискурсе, посвященном оценкам религиозных угроз, не учитывается точка зрения, предполагающая необходимость соблюдения принципов равноправия перед законом всех участников социального процесса, включая традиционные и нетрадиционные религиозные объединения.

Авторы делают вывод, что в исследованиях угроз, источниками которых являются религиозные объединения, необходимо проводить различие между нерелигиозными и религиозными угрозами. Под нерелигиозной угрозой нужно понимать последствия деструктивной экстремистской деятельности, наносящие реальный ущерб для здоровья и жизни человека, для сохранения целостности государства и общества. Значение понятия религиозная угроза состоит в опасных последствиях влияния религиозного вероучения, служащего причиной, оскорбляющей чувства верующих или неверующих и причиняющей им моральный вред.

Для практики регулирования религиозного взаимодействия важно понимание того, что такой тип опасности, как правило,

трудно определить однозначно по причине субъективности и наличия разных оценок в отношении последствий одних тех действий.

Ключевые слова: социальная безопасность, религиозная угроза, нерелигиозная угроза, экстремизм, религиозное взаимодействие, религиозное вероучение, религиозная деятельность.

Zhukov Artem Vadimovich
Doctor of Philosophy, professor
Transbaikal state university
Chita, Russia

Mladenov Vasilii Ivanovich
candidate of the department of philosophy
Transbaikal state university
Chita, Russia

SPECIFICITY OF RELIGIOUS AND NON-RELIGIOUS THREATS TO SOCIAL SECURITY BY RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article is devoted to an attempt to analyze the religious threat as a phenomenon and as a concept used in modern social discourse in the territory of the Russian Federation. The problem revealed by the authors is that the social discourse on the assessment of religious threats does not take into account the view that the principles of equality before the law of all participants in the social process, including traditional and non-traditional religious associations, must be respected. The problem revealed by the authors is that the social discourse on the assessment of religious threats does not take into account the view that the principles of equality before the law of all participants in the social process, including traditional and non-traditional religious associations, must be respected.

The authors conclude that in studies of threats originating from religious associations, it is necessary to distinguish between non-religious and religious threats. A non-religious threat should be understood as the

consequences of destructive extremist activities, which cause real damage to human health and life, to preserve the integrity of the state and society. The meaning of the concept of religious threat lies in the dangerous consequences of the influence of religious creed, which causes the insulting feelings of believers or unbelievers and causes them moral harm.

For the practice of regulating religious interaction, it is important to understand that this type of danger is generally difficult to determine unambiguously because of the subjectivity and different assessments of the effects of the same actions.

Key words: social security, religious threat, non-religious threat, extremism, religious interaction, religious creed, religious activity.

Задачей предлагаемого исследования должно стать выявление содержательного отличия религиозных угроз от иных типов угроз социальной безопасности. Проблему представляет априорное определение какой-то религии на уровне общественного дискурса, как источника угрозы, которое отличается от юридических определений понятия «угроза» [4]. Здесь следует отметить, что имеющаяся терминологическая база, сформированная под влиянием правовых документов, принятых на уровне государства, позволяет только в самом приблизительном виде указать на сущностный характер религиозной угрозы, так как здесь она не отделяется от других социальных угроз. В частности, в тексте Стратегии национальной безопасности угроза определена, в качестве прямой или косвенной возможности, благодаря которой происходит нанесение ущерба для конституционных свобод, а также достойного качества и уровня жизни человека, суверенитета, устойчивости развития, целостности обороны, безопасности Российской Федерации [6]. Социальным проявлением угрозы Стратегия считает экстремистскую деятельность, которая нацеливается на разрушение единства и территориальной целостности государства, стремится к дестабилизации социально-политической ситуации среди россиян [7]. Таким образом, законодательство указывает, что религиозные объединения могут представлять угрозу обществу. Вместе с этим, из содержания законодательных текстов понятно, что такую же деятельность имеют возможность проводить и иные объединения, носящие нерелигиозный характер. Поэтому из сказанного здесь

представляется не совсем ясным, чем религиозный экстремизм отличается от экстремизма политического, националистического, экономического, социального.

Это является причиной споров в отношении его значения. Скажем, наиболее очевидной причиной того или иного террористического акта часто считается участие его исполнителей в деятельности какого-либо религиозного объединения. Однако на наш взгляд следует обратить внимание на то, что в экстремистских организациях, как правило, религия выполняет подчиненную, инструментальную роль по отношению к политике или экономике. В основе этого убеждения находится констатация того, что очень многие религии опираются на вероучительные установки, которые обосновывают веру в исключительность данной религии. Это является причиной выдвижения ею радикальных требований по отношению к верующим, что может стать основой признания всех этих религий экстремистскими. Однако, с другой стороны, значительная часть религиозных норм тех же религий направлена на оказание сдерживающего, стабилизирующего общества влияния на поведение верующих. Мы полагаем, что экстремизм представляет не религиозное, а социальное явление, деструктивные последствия которого отражаются на обществе и человеке одинаково, вне зависимости от того, совершены они религиозным, либо нерелигиозным человеком или объединением. Возможно, экстремисты и прикрывались религиозными лозунгами, но этот факт не меняет сущностной природы экстремистской организации, которая заключается в их стремлении захватить власть или экономическое влияние с помощью насилия [3].

Таким образом, необходимым является различие между религиозными и нерелигиозными угрозами, источниками которых могут являться религиозные объединения. Сущность нерелигиозной угрозы, источником которой может стать религиозное объединение, заключается в ущербе, получаемом в результате экстремистской деятельности, нацеленной на принесение ущерба человеку, обществу, государству. В отличие от нерелигиозных, религиозные угрозы, которые также являются существенной составляющей социальной жизни, касаются нанесения ущерба человеку и обществу в сфере моральных, нравственных, трансцендентных ценностей, зафиксировать которые юридически очень трудно,

однако возможно определить через диалог между личностью, обществом, религиозными объединениями и государством. Поэтому можно сделать вывод, который заключается в утверждении о том, что религиозной угрозой являются условия и факторы, связанные происхождением со сферой религии и являющиеся источником ущерба религиозным установлениям личности, общества, господствующей в обществе религии, а также преградой религиозному спасению человека [6]. Здесь необходимо констатировать, что религиозные угрозы, как правило, оцениваются с оценочных позиций.

Проблемой здесь является то, что в социальном дискурсе, посвященном оценкам религиозных угроз, не учитывается точка зрения, предполагающая необходимость соблюдения принципов равноправия перед законом всех участников социального процесса, включая традиционные и нетрадиционные религиозные объединения. Вместо этого практика надзора за деятельностью религиозных объединений основывается на принципах, требующих считать экстремизмом содержание вероисповедных текстов религий, признаваемых нетрадиционными, и деятельность, основанную на них. Распространение указанных положений в обществе является основанием для возникновения противоречия между нормами законодательства, которое предполагает право свободы выбирать религию по своему усмотрению и нормами, в рамках которых происходит разделение на традиционные и нетрадиционные религии.

Казалось бы, это противоречие возможно разрешить посредством принятия норм, благодаря которым свобода совести и вероисповедания получает распространение, а экстремистские религиозные верования, также как и деятельность, запрещаются. Однако Россия заявляет о себе, как государстве светского типа, поддерживающего действие принципов, утверждающих свободу совести и выбора религиозного, либо нерелигиозного мировоззрения, что демонстрирует неприемлемость религиозной нетерпимости. Поэтому в социальной практике защиты социальной безопасности от угроз со стороны религиозных объединений настоятельно требуется проведение разграничения между понятиями «экстремизм», означающим деятельность угрозу применения насилия, и понятием «вероучение», содержащего

догматические положения, оправдывающие возможное насилие против иноверцев, но насилием не являющиеся. Дело в том, что мировая практика распространения религий свидетельствует о том, что ряд положений Библии и Корана можно толковать, и как констатацию превосходства последователей над другими социальными группами и как призывы к осуществлению насилия над последним. Именно поэтому, сегодня эти тексты запрещено проверять на экстремизм. Причиной является указание на то, что одновременно с призывами к насилию в этих текстах имеются утверждения, осуждающие насилие, призывающие к любви, всепрощению и милосердию. Но ведь тексты других религиозных объединений также содержат аналогичные призывы, однако, проверяются на экстремизм. Здесь необходимо признать, что определение степени угрозы этих текстов зависит от субъективной оценки того, кто их толкует.

С другой стороны, необходимо иметь в виду, что каждое религиозное объединение, почитает свои ценности единственно значимыми, и пытается сделать их общенациональным достоянием. Поэтому оно рассматривает любую попытку покушения на них, даже если она была мнимой, как угрозу, защититься от которой нужно любыми средствами. Отсюда ясно, что текст, содержащий религиозные истины, не может иметь нерадикальный характер. Вместе с этим значимо и то, что в современных условиях многие экстремистские организации, выполняющие политические и экономические задачи используют указанные положения как религиозные лозунги, прикрывая ими свое истинное лицо [5].

При этом для анализа современных религиозных угроз большое значение имеет принцип презумпции невиновности, согласно которому содержание вероучительных доктрин, в которых фиксируются экстремистские призывы, может быть понято как реальная угроза только тогда, когда верующие, подвергаясь их влиянию, совершили реальные противоправные действия. До совершения этих действий, угроза существует как возможность, в то же время, нанесение вреда, носящего физический или материальный характер, согласно нормам законодательства, понимается, как проявление угрозы и наказывается в соответствии с социальными (юридическими), а не религиозными нормами ответственности. Таким образом, религиозные угрозы понимаются, как религиозные,

только будучи потенциальными угрозами, однако, как только противоправное действие совершается, характеристика этих действий, в силу реальности причинения ущерба, приобретают социальный, по сути, уголовный характер. Реальность причинения ущерба, возникающая в результате противоправных действий, вызванных влиянием религиозных текстов, полностью меняет систему координат и переводит случившееся в разряд уголовного судопроизводства, определяющего степень причиненного материального ущерба, или вреда жизни и здоровью граждан, жизнедеятельности общества. Религиозные лица, либо религиозные организации в этом случае теряют свой статус, перестают соотноситься с религией и признаются экстремистами. Их вина в этом случае перестает пониматься, как религиозная, поэтому можно заключить, что и религиозной угрозы в ней не было, напротив, она с самого начал носила социальный характер.

Поэтому необходимо сделать вывод о том, что понятие «религиозная угроза» имеет определенную специфику по отношению к другим типам угроз. Она представляет собой такое действие, которое религиозные тексты еще только побуждают совершить. Однако в юридической и социальной практике, задачей которой является выявление таких угроз, выполнение ее связано с отсутствием критериев, отделяющих религиозное поведение от социального, и высокой степенью дискурсивности, в рамках которой каждая из участвующих сторон трактует содержание одного и то же деяния, либо не - деяния. Социальным следствием данной проблемы является то, что для выявления степени угрозы со стороны того или вероучительного текста юристы вынуждены прибегать к дискурсивной помощи религиозоведческой, психологической и филологической экспертиз, которые проводят научный, но отстоящий от юридических представлений об объективности анализ степени опасности вероучительных текстов [1].

Спорным здесь является, что многие текстовые отрывки, которые определяются отечественными экспертами, как экстремистские, сами по себе не могут принести никому фиксируемого ущерба. И на Западе, законодательство в рамках толкований Первой поправки к Конституции США отказывается считать их опасными. Однако в Российской Федерации в

законодательстве это нашло выражение в статье 148 Уголовного Кодекса РФ, которая гласит, что религиозной угрозой должны считаться «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [2]. Из этого можно сделать вывод о том, что в данной статье «оскорбление чувств верующих» носит с одной стороны религиозный, с другой – полемический характер, так как в ней не упомянуто об ущербе, который можно было зафиксировать с высокой степенью определенности. То есть до сих пор не ясно, какой конкретно ущерб, возможно, нанести такому абстрактному понятию, как «религиозные чувства» в процессе нанесения им оскорбления. Однако реальная практика применения данного закона, показала, что большое значение здесь имеют субъективные оценки, даваемые обвинителями и общественностью, а также степень их убедительности в глазах представителей Суда, в то же время критерии степени вины здесь остаются неясными. Поэтому в качестве основной задачи, которую ставят перед собой защитники социальной безопасности от религиозных угроз, является убеждение массового сознания в изначально деструктивной природе всего, что связано с нетрадиционными формами религии.

На наш взгляд необходимо прийти к выводу о том, что процессы взаимодействия общества и религий не должны интерпретироваться, как война против носителей трансцендентных угроз, напротив, они являются практикой социализации, понуждающей вновь появляющиеся конфессии изменять свою социальную политику и приспосабливаться к требованиям общества, в котором стремятся к социальному успеху. С другой стороны, важно обратить внимание на то, что нетрадиционные религии обеспечивают обществу духовную альтернативу и защищают ее (в том числе и во время судебных заседаний), что делает общество более толерантным к проявлениям религиозного инакомыслия и побуждает его развиваться по пути поликонфессиональности.

Таким образом, в исследованиях угроз, источниками которых являются религиозные объединения, необходимо проводить различие между нерелигиозными и религиозными угрозами. Под нерелигиозной угрозой нужно понимать последствия деструктивной экстремистской деятельности, наносящие реальный

ущерб для здоровья и жизни человека, для сохранения целостности государства и общества. Значение понятия религиозная угроза состоит в опасных последствиях влияния религиозного вероучения, служащего причиной, оскорбляющей чувства верующих или неверующих и причиняющей им моральный вред. Для практики регулирования религиозного взаимодействия и профилактики преступлений в религиозной сфере важно понимание того, что такой тип опасности, как правило, трудно определить однозначно по причине субъективности и наличия разных оценок в отношении последствий одних тех действий.

Источники и литература:

1. Загребина И. В. К вопросу о государственной религиоведческой экспертизе // Вестник Приволжской академии государственной службы. – 2010. – № 3 (24). – С. 73-77.

2. Закон о защите чувств верующих с точки зрения юриста [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.nsad.ru/articles/zakon-o-zashhite-chuvstv-veruyushhih-s-tochki-zreniya-ateista>) (дата обращения: 04.03.2020).

3. Мокин С. Религиозный экстремизм – угроза национальной безопасности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2010. – № 1-3. – С. 348-353.

4. Рузевич О. Р. Особенности законодательной регламентации угрозы в уголовном праве России и зарубежных стран безопасности // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 644-650.

5. Светский Е. В. Россия светское, демократическое государство безопасности // Публичное и частное право. – 2014. – № 4 (24). – С. 68-87.

6. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». [Электронный ресурс]. - URL: <https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения: 24.08.2019).

7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ) [Электронный ресурс]. - URL: // <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 24.02.2020).

Зобнин Василий Сергеевич
аспирант 2 курса факультета права
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

Научный руководитель:
Сафонов Александр Александрович
доктор юридических наук, кандидат исторических наук,
профессор
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

**ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ
КОНФЕДЕРАТИВНО-ИНТЕГРАТИВНЫХ СТРУКТУР
ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**
DOI: 10.47905/d2780-4909-5172-n

Аннотация. Настоящая работа посвящена влиянию религиозного фактора на развитие конфедеративно-интегративных структур публичной власти. Автор анализирует роль внутри- и межконфессиональных отношений в политическом развитии ранее существовавших конфедераций.

В результате исследования сделан вывод о том, что религиозный фактор может как способствовать интеграции, так и затруднять ее.

Ключевые слова: конфедерация, конфедеративные отношения, неформальные и неиерархические связи, внутри- и межконфессиональные отношения, религиозный фактор.

Zobnin Vasily Sergeevich
*2nd year post-graduate student at the faculty of law of
National research university
«Higher school of economics»
Moscow, Russia*

Scientific curator:
Safonov Alexandr Alexandrovich
*Doctor of Law, professor at the faculty of law
National research university «Higher school of economics»
Moscow, Russia*

**INFLUENCE OF THE RELIGIOUS FACTOR ON THE
DEVELOPMENT OF CONFEDERAL-INTEGRATION
STRUCTURES
IN PUBLIC AUTHORITY**

Abstract. The paper is devoted to influence of the religious factor on the development of confederative (integrative) structure of the public authorities. The author analyzes the role of intra-faith and interfaith relations in political development of previously existing confederacies. As a result of the research the conclusion was made that the religious factor is able to contribute to the integration as well as prevent it.

Key words: confederacy, informal and non-hierarchical links, confederal relationship, intra-faith and interfaith relations, religious factor.

Значение религиозного фактора для формирования системы органов власти сложно переоценить. Политико-правовое развитие общества находится под существенным влиянием духовно-религиозной сферы отношений. Морально-нравственные ориентиры и ценности во многом детерминируют форму и содержание политико-правовой системы. В связи с этим для выявления причин и условий формирования конкретной политико-правовой среды крайне важным представляется правильное определение роли религии и соответствующих отношений в рассматриваемых случаях. Указанное верно и для конфедерализма и

конфедеративных отношений, которые представляют собой крайне специфическую разновидность проявления публичной власти.

Так, в научной литературе, посвященной конфедерализму, высказана позиция о возможности использования конфедеративного устройства для «налаживания мирного сосуществования» народов в ситуации «этнической напряженности» [8, с. 286-287]. Разногласия между народами, порождающие «этническую напряженность», могут быть существенно обостриться или даже возникнуть на религиозной почве. Логичным продолжением подобного рода рассуждений является то, что межконфессиональная напряженность, породившая острый социально-политический кризис, может быть сглажена посредством перехода к конфедеративному устройству в политико-правовой жизни общества. С обозначенной точки зрения, социальная напряженность, в том числе на религиозной почве, не только не противоречит конфедеративному порядку, но и как поддается смягчению за счет построения такового.

Вероятно, схожие идеи лежали при построении Союза Закавказских Социалистических Советских Республик. Советское руководство было крайне обеспокоено проблемой «национального уклона» в Закавказье, который породил «атмосферу взаимного недоверия» и в дальнейшем лишь усиливался ею. Конфликты и разногласия между народами региона были вызваны также и религиозной неоднородностью. В силу этого «для восстановления братских уз» при налаживании сотрудничества и создании «тесного военного, политического и экономического союза» необходимо было «сохранить независимость» каждой из Закавказских республик [6, с. 278-279, 288]. Так, С. Орджоникидзе, обращая внимание на изменения в отношениях между армянами и азербайджанцами, отмечает пользу такого подхода при снятии межконфессиональной враждебности [6, с. 313].

В то же время высказывающие подобные суждения авторы, как отмечает С. Сун, не приводят «каких-либо конкретных предложений о практических путях» ее реализации [8, с. 297-298]. В связи с этим обозначенный тезис требует дополнительного обоснования и критического осмысления. При его рассмотрении целесообразно обратиться к конкретным историческим примерам.

Огромную роль религия сыграла в становлении государственности Нидерландов [2]. Религиозные гонения испанцев против протестантов были одной из важнейших причин социально-политического кризиса, который перерос в революцию [2, с. 111-112]. В данном случае религиозный фактор привел к социальному кризису, а неспособность его разрешить – к краху испанской государственности на территории Нидерландов. Однако этот пример нельзя считать релевантным в отношении заявленной темы: социально-политический кризис на религиозной почве произошел в рамках вассальной зависимости Нидерландов от Испании, а не при конфедеративном устройстве.

В контексте поставленной проблемы гораздо больший интерес представляет то, что в революции против испанской короны принимали активнейшее участие протестантские консистории, представляющие собой невластные социальные институты, связанные между собой неформальными и неиерархическими связями [9, с. 47, 166]. В основе конфедеративных отношений лежит именно неформальное и неиерархическое сотрудничество, условием которого являются общие интересы субъектов политико-правовой жизни. Отстаивая одни и те же ценности и интересы кальвинизма, религиозные объединения не только имели потребность в осуществлении общих скоординированных действий, но и получали возможность достижения компромисса, в основу которого ложились общие проблемы и общие взгляды относительно их решения.

Ярким примером распространенности и влияния в Нидерландах неформальных связей, основанных конфессиональной принадлежности, является активное распространение генеральным казначеем Амстердама в 1638-1676 гг. и «влиятельным членом секты ремонстрантов» И. Юйтенбогэртом среди единомышленников государственных облигаций, что «одновременно повышало уровень доверия между институтами государства и гражданами» [5, с. 71]. По этому поводу Г. А. Шатохина-Мордвинцева вполне справедливо замечает, что в условиях «фактического отсутствия центральной власти» государство могло существовать лишь за счет использования «различных средств» для объединения независимых социальных групп [11, с. 168]. Достижение политического

компромисса обеспечивалось неформальными и неиерархическими связями, в которых проявлялись общие интересы политических субъектов.

В то же время неформальные и неиерархические связи являются не только средством объединения различных социальных слоев, но и средой для роста социальных разногласий. Отсутствие иерархичности в общественных отношениях приводит к невозможности разрешения разногласий и конфликтов при недостижении социального компромисса. В связи с этим показательна политическая борьба в Республике Соединенных провинций между умеренными арминианами и радикальными гомаристами, результатом которой стало сомнительное с точки зрения законности отстранение от власти Великого пассионария Голландии и ослабления позиции провинциальных элит в пользу штатгальтеров [2, с. 112; 10, с. 78-80].

Социальный компромисс не всегда может быть найден в силу объективных противоречий. В то же время не всегда участники общественных отношений заинтересованы в его достижении. В результате отношения, в основе которых лежит такой компромисс, могут существовать лишь до тех пор, пока стороны могут и хотят искать взаимоприемлемое решение. Политико-идеологические разногласия двух фракций нидерландского общества росли, как и властные ресурсы оранжистов, поддерживаемых радикальными гомаристами. Стороны не могли более договориться, но при этом у одной из них отпала необходимость в учете мнения второй. В результате конфедеративный механизм компромисса исчерпывает себя, уступая императивному решению проблемы.

Аналогичным образом произошла трансформация Швейцарской конфедерации в федеративное государство. В развернувшемся и все более накаляющемся противостоянии католиков и протестантов сторонам все тяжелее было находить взаимоприемлемые решения. Внутри некоторых кантонов произошли локальные столкновения, между отдельными кантонами даже начались боевые действия.

В 1841 году в кантоне Ааргау протестантское правительство упраздняет все монастыри как оплоты консерватизма и конфисковывает их имущество на 7 миллионов франков. После 2 лет напряженной дискуссии Союзный сейм принимает компромиссное

решение, отменив упразднение 4 женских монастырей. Однако оно не устраивает католическую сторону, заявившую о готовности выхода из Союза [3, с. 121].

В католическом лагере наблюдается озабоченность «неблагоприятными перспективами будущего Отечества». Уже в 1843 году обсуждается идея создания «конкордата католических кантонов». Их правительства должны были объединиться для защиты католического населения [1]. В 1845 году для защиты своих интересов 7 католических кантонов образуют отдельный союз («Зондербунд») [3, с. 122].

К 1847 году власть в ряде кантонов переходит к либералам-протестантам, и они получают большинство в сейме, который принимает решение о роспуске Зондербунда. Отказ подчиниться решению сейма дал формальный повод для применения вооруженных сил союза. Непродолжительная гражданская война заканчивается поражением католических сил [7, с. 105-106], которые были вынуждены подчиниться протестантскому большинству и согласиться на образование федеративного государства.

В другом примере стороны также не могли прийти к взаимоприемлемому решению. Однако ни одна из них не обладала подавляющими ресурсами, достаточными для разрешения возникших противоречий силой. Недовольство испанской экономической политикой объединяло все слои общества вне зависимости от религиозных взглядов. Благодаря этому в 1576 году стало возможно заключение Гентского умиротворения, объединившего страну против бесчинств взбунтовавшихся испанских войск. Однако действия кальвинистских радикалов, громящих церкви и монастыри в ответ на зверства испанской инквизиции, не могли найти поддержку у католического большинства южных провинций. В результате Испания заручилась поддержкой католического юга Нидерландов. Страна, объединенная Гентским умиротворением, фактически распадается на Аррарскую и Утрехтскую унии [2, с. 112; 9, с. 128-129; 11, с. 138-139]. Религиозные разногласия в определенный момент выходят на первый план, возобладав над экономическими интересами. Не имея достаточных сил для принуждения другой стороны к принятию

своей точки зрения, стороны конфедеративных отношений были вынуждены отказаться от дальнейшего сотрудничества.

Безусловно, можно привести примеры продолжительного существования конфедеративных образований в условиях конфессиональной неоднородности общества. Так, религиозные различия швейцарских кантонов достаточно долгое время не приводили к социально-политическому кризису. Германский союз также объединял в себе как католические, так и протестантские княжества. Религиозные различия явились далеко не самыми главными причинами политического противостояния могущественных Пруссии и Австрии, которое и привело к его гибели [4, с. 52-53]. Однако указанное не отменяет того, что в вышеописанных нами случаях к разрушению конфедеративных связей оказывали существенное влияние межконфессиональные конфликты.

Таким образом, можно сделать вывод, что сам по себе религиозный фактор не приводит к гибели конфедеративных образований. Конфессиональное единство может способствовать построению неформальных и неиерархических связей. Вместе с тем конфессиональные различия могут затруднять неформальные и неиерархические связи, лежащие в основе конфедеративных отношений. В рамках религиозных конфликтов стороны конфедеративных отношений часто занимают диаметрально противоположные позиции, в результате чего нахождения социально-политического компромисса становится невозможным. В результате этого конфедеративные образования, представляющие собой механизм поиска взаимоприемлемых решений, фактически перестают функционировать и стороны вынуждены либо прекращать сотрудничество, либо навязывать свою волю друг другу силой.

В то же время следует признать, что конфедеративные образования как механизм поиска социально-политического компромисса могут смягчать межконфессиональные противоречия. Потенциал конфедеративного устройства в этом отношении ограничен заинтересованностью сторон в поиске такого компромисса. Стороны должны быть готовы идти на взаимные уступки. В связи с этим конфедеративные отношения способны смягчить разногласия лишь в той сфере, где позиции сторон не

находятся в принципиальном и непримиримом противоречии. Конфедеративное устройство не способно разрешить кризис, вызванный кардинально различными мировоззренческими убеждениями или социально-политическими интересами сторон, поскольку не устраняет корневые причины такого рода кризиса.

Источники и литература:

1. Das Konkordat der katholischen Kantone // Schweizerische Kirchenzeitung. – 1843. – Band 12. – Heft 29. – S. 460-461.

2. Катанцева О. А. Значение религиозного фактора в становлении Соединенных провинций Нидерланды // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 110-113.

3. Кубанова М. Н. Гражданская война 1847 года в Швейцарии // Вопросы истории. – 2008. – № 3. – С. 117-130.

4. Лексин И. В. Эволюция территориального устройства Германии: от падения «первой империи» до расцвета «второй империи» // Российский юридический журнал. – 2009. – № 2. – С. 48-60.

5. Минашин Н. Н. Сети доверия и формирование государства (опыт Нидерландов) // Полития. – 2007. – № 3. – С. 61-74.

6. Образование СССР. Сборник документов. 1917-1924 / под ред. Э. Б. Генкиной. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949. – 472 с.

7. Райнхардт Ф. История Швейцарии. – М.: Изд-во «Весь мир», 2013. – 144 с.

8. Сун С. Конфедерализм: обзор новейшей литературы // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии / под ред. Б. Копитерс, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба. – М.: Весь Мир, 1999. – С. 284-299.

9. Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 191 с.

10. Шатохина-Мордвинцева Г. А. Две ветви власти и первые лица государства в Республике Соединенных провинций: великий пенсионарий и статхаудер // Вестник РГГУ. Серия: История.

Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 10-1 (31). – С. 74-82.

11. Шатохина-Мордвинцева Г. А. История Нидерландов. – М.: Дрофа, 2007. – 510 с.

Камедина Людмила Васильевна
доктор культурологии, профессор
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия

**ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В ВУЗЕ:
ФОРМЫ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ**
DOI: 10.47905/17376-0905-3975-n

Аннотация. В статье на примере социокультурных практик раскрывается роль учебной и воспитательной деятельности. Ставится задача сохранения русской духовной культуры и трансляции её новому поколению. Поставленная тема рассматривается на примере работы кафедры литературы Забайкальского государственного университета.

Предлагается разнообразие социокультурных практик: конференции, олимпиады, курсы дополнительного образования, креативные ярмарки, конкурсы, записи в Интернете, лектории, издательская деятельность. В качестве методологической основы выбран тео-аксиологический подход.

Ключевые слова: духовная миссия, деятельность педагога, социокультурные практики.

**ORTHODOX CULTURE AT THE UNIVERSITY:
FORMS OF WORK WITH STUDENTS**

Kamedina Lyudmila Vasilievna
Doctor of Cultural Studies, professor
Transbaikal state university,
Chita, Russia

Abstract. The article reveals the role of training and educational activity of the teacher on the example of social and cultural practices. It

is setting the task of preservation of Russian spiritual culture and broadcasting it to a new generation. The stated topic is considered by the example of the department of literature in Transbaikal state university.

The author offers a variety of socio-cultural practices: conferences, competitions, additional education courses, creative fairs, competitions and recordings on the Internet, lectures, publishing activities. The theoretical theo-axiological approaches is chosen as the methodological basis.

Key words: spiritual mission, teacher activities, socio-cultural practices.

Актуальность выбранной темы обусловлена внесением изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся. Новые изменения вступили в силу 1 сентября 2020 г. В законе было уточнено, что такое воспитание на современном этапе: «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению» [6]. Закон позволяет всем образовательным организациям самим разрабатывать и утверждать программы воспитательной работы.

После распада СССР и советской школы, в которой воспитание опережало образование, была принята новая Конституция, которая с 1993 г. ограничивала воспитание детей в школе. Учитель превращался в модератора образовательного процесса, он должен был оказывать образовательные услуги учащимся. Конечно, директора школ и учителя-энтузиасты не могли сразу отказаться от воспитания школьников и внедряли воспитательные мероприятия в работу, но это уже не приветствовалось и не контролировалось.

Отсутствие воспитательного элемента в общеобразовательной системе сказалось не сразу. Однако уже к «нулевым» годам российское общество получило совсем другую

молодёжь – «нулевую», равнодушную к традициям России, к духовным ценностям, толерантную к общечеловеческим грехам и враждебную по отношению к родине. В десятые и двадцатые годы XXI столетия при отсутствии школьного воспитания молодёжь воспитывается сама на ложных «кумирах», которые плодятся, как грибы после дождя, и на телеэкране, и в интернете. Место Ленина и героев революции теперь занимают люди с сомнительной репутацией – Даня Милохин, Моргенштерн, Оля Бузова и Настя Ивлеева. Школьники подражают пошлости и глупости, идущей с экрана. Молодёжь становится всё более агрессивной, жестокой, эгоистичной и недалёкой.

Президент РФ, педагогическое сообщество понимают, что с вызовами глобального мира справиться трудно. Президент формулирует национальные задачи, которые без духовно-нравственного ориентира, сохранения русского языка и русской культуры решить невозможно. В школьный курс обучения введены предметы не только образовательного, но и воспитательного цикла – «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) и «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКНР), которые призваны сохранить традиционную религиозную культуру народа и его нравственные ценности.

В Забайкальском государственном университете миссионерская работа по образованию и воспитанию студентов – будущих учителей – началась в 1997 г. с приездом на Читинскую кафедру епископа Иннокентия (Васильева), ныне – митрополит Виленский и Литовский. Деятельность епископа Иннокентия в Забайкалье была плодотворной и насыщенной. Им были организованы, и не только для будущих священнослужителей, но и для широкого круга населения Читы, катехизаторские и пасторские курсы. К миссионерской работе было привлечено большое количество людей, это были педагоги, врачи, военнослужащие, студенты вузов. На катехизаторских курсах архиерей сам показывал образец педагогического мастерства, читал лекции по истории Церкви, привлекал к лекционной работе священников и подготовил миссионеров для служения в различных областях деятельности. Большую заботу проявлял Владыка о православной молодёжи. Он собрал вокруг епархиального миссионерского движения много студентов из разных вузов города, помогал молодым людям

духовными советами, а порой и материально. Как личность, Владыка был и остаётся незаурядным человеком, его образование, широкий кругозор, духовная глубина были притягательными для многих.

Владыкой Иннокентием в Чите были организованы Иннокентиевские чтения – научно-практическая конференция, посвящённая Святителю Иннокентию (Вениаминову), Апостолу Сибири и Америки. В этом году конференция отметила своё 25-летие. Значение конференции заключается в том, что за годы её существования поднят огромный пласт неисследованных материалов по краеведению, истории Русской Православной Церкви в Забайкалье, миссионерской деятельности монахов и священников, а также освящено по-новому и целостно историческое, литературное, языковое наследие русской духовной культуры. Издано 11 сборников научных статей и 14 тематических журналов под брендом Иннокентиевских чтений с актуальной тематикой. В конференции охотно принимают участие педагоги, студенты и школьники.

К сожалению, пандемия ковида накладывает свой отпечаток – два года конференция проходила в онлайн-режиме. Однако в этом году удалось провести юбилейную конференцию, посвящённую 200-летию великого русского писателя-пророка Ф. М. Достоевского, в обычном режиме и собрать большое количество педагогов, студентов, школьников, актёров. Последние представили фрагменты поставленной в театре пьесы по роману «Преступление и наказание» под одобрение и активное обсуждение собравшихся участников конференции.

В 2009 г. на базе историко-филологического факультета ЗабГУ был создан Центр русской культуры «Кириллица», название которого вполне соответствует духу самого факультета. Работа Центра была представлена на Всероссийском научно-методическом форуме в Воронежском государственном университете [4, с. 359-369]. Духовное направление представлено в оформлении кабинета «Кириллицы»: иконах святых Кирилла и Мефодия, Нестора Летописца, первого писателя-монаха, Сергия Радонежского, покровителя обучающихся; информационных стендах по русской православной культуре. Ежегодно кафедра литературы проводит дни Славянской письменности и культуры, как для студентов, так и

для города. Помимо рассказов об «учителях словенских» и концерта духовной музыки, праздник включает обязательную олимпиаду по славянскому языку. В этом году в олимпиаде приняли участие не только гуманитарные факультеты, но и технические, которые представили свои рисунки по написанию «буквицы» славянской. Школьники приняли участие в конкурсе чтецов русской духовной лирики и прозы.

До пандемии в написании славянской «буквицы» и её объяснении принимали участие китайские студенты, которых восхищали некоторые славянские буквы и их смыслы, т.к., по их мнению, они напоминали иероглифы.

Центр «Кириллица» имеет небольшую библиотеку книг, аудиозаписей по русской церковной истории и духовной культуре; приобретены Лицевая библия, учебники по православной культуре, информационные издания, необходимые для занятий. Московская Патриархия подарила Центру учебник митрополита Макария (Булгакова) «История русской православной церкви» в 12 т. Л. В. Камединой записано несколько лекций по теме «Русская литература: православный контекст» на Всероссийском православном канале «Союз» и в сети ВКонтакте [5]. Лекции пользуются популярностью, судя по отзывам и просмотрам.

В 2005 г. на базе кафедры литературы ЗабГУ были открыты курсы дополнительного образования «Русская православная культура», для подготовки педагогов ОРКСЭ и ОДНКНР. На курсы приходят не только педагоги и студенты, но и другое взрослое население Читы, есть пенсионеры, которые осуществляют программу «занятости населения». Программа курсов состоит из предметов культурологического, филологического, исторического, музыкального и педагогического циклов. Слушателям предлагается освоить: «*Православную культуру*» с её иконическими смыслами, выраженными в православных храмах, иконах, русской религиозной живописи; «*Письменную православную культуру*» с изучением Библии, церковнославянского языка и литургических жанров; «*Русскую православную литературу*» с духовными смыслами Православия от Александра Грибоедова до Захара Прилепина; «*Историю Русской Православной Церкви*»; «*Музыкальную культуру РПЦ*», связывая её с литургическим творчеством русских композиторов и Литургией с её певческими жанрами, гласами и

смыслами; «*Основами православного мировоззрения и образа жизни*» с Декалогом и Домостроительством.

Продолжением духовного образования является лекторий «Час православной культуры», проводимый преподавателями кафедры литературы и священниками читинских храмов для самой широкой аудитории. Жанровая специфика лектория разнообразна: это и кинолекторий с просмотром и обсуждением кинофильмов, и лекции на духовные темы, и круглые столы с полемическими актуальными вопросами, и практические занятия по церковнославянскому языку.

Выпускники курсов организовали свой сайт в ВКонтакте, он называется «Час православной культуры (храм св. Луки)», куда помещают все материалы лектория, конференций, встреч [7]. Сайт набирает популярность, среди его активных посетителей есть люди разных профессий и возрастов.

Есть грантовая форма поддержки лектория, организованная отделом религиозного образования и катехизации Читинской епархии в рамках проекта «Истоки», в котором активное участие принимает университет. У проекта «Истоки» тоже есть информационная поддержка, публикация видеозаписей и материалов лектория ВКонтакте. Так, наибольший интерес вызвали лекции на темы: «Пятикнижие Достоевского», «Русские национальные коды в сказках Пушкина», «Царь-змеборец и Премудрость при нём» и др.

В 2020 г. руководством университета была поддержана Программа духовно-нравственного воспитания студентов (руководитель - доцент кафедры педагогики О. С. Наумова). В рамках Программы было записано более 30 лекций педагогического, культурологического, литературного, исторического, экологического содержания учёными вуза для показа и обсуждения со студентами на кураторских часах.

Совместно с городами Новороссийск и Саратов ЗабГУ провёл уже два телемоста по темам Проекта «Седмерица грехов в современном мире» (автор Проекта - И. А. Подгорная, Новороссийск) – «Отчаяние современного человека и пути решения проблемы» и «Современное чревоугодие: какое оно?» [2]. Намечается совместное продолжение Проекта.

Для популяризации православной культуры в 2013 г. ЗабГУ подготовил и издал 20 методических пособий «Азбука православной культуры». Автор проекта – О. Е. Надеяева, декан Института развития образования Забайкальского края, научный руководитель проекта – Л. В. Камедина, доктор культурологии, профессор ЗабГУ. Материалы и методические рекомендации, составленные учёными ЗабГУ, являются дополнительным пособием для школьного курса ОРКСЭ. Издательский проект «Азбука православной культуры» пользуется спросом у студентов, учителей и всех, интересующихся русской православной культурой. Материалы в 2018 г. были переизданы, представлены на Дальневосточной книжной ярмарке и получили премию за лучшее вузовское популярное издание.

Кроме этого, кафедра литературы разработала и издала в виде брошюры план-проспект «Русская литература и Православие», состоящий из банка тем для курсовых, дипломных, магистерских работ по духовной тематике, который насчитывает более ста тем и регулярно пополняется. Студенты, пройдя через написание самостоятельной работы, освоив соответствующий пласт духовной литературы, признаются, что приобрели определённый духовный опыт для своей жизни, разрешили для себя проблему смысла жизни.

В ЗабГУ издан учебник «Основы русской православной культуры» бывшими студентами филологического факультета, ныне докторами и кандидатами наук И. И. Арсентьевой, Н. Н. Полоротовой, К. А. Стародубцевой. Учебник востребован в педагогической среде.

Для студентов организованы культурологические экскурсии в православный храм. Знакомство с красотой храма, иконописью, песнопениями оказывает благотворное духовное воздействие на личность.

Ежегодно на историко-филологическом факультете проводится Пасхальная ярмарка в дни Пасхи. Студенты представляют литературный материал (русские классики о Пасхе) и одновременно пасхальный стол, украшенный в определённом эстетическом стиле: с испечённым куличом, приготовленной пасхой и раскрашенными яйцами – всё это делается руками самих студентов. Погружение в пространство духовного праздника изменяют сознание будущего учителя, он приобщается к русским традициям, задумывается над своим духовным бытием.

В последнее время китайцы стали интересоваться русским Православием. В Китае популярны иконы-гохуа, на которых изображены Христос, Богородица, святые в традиционных китайских образах [3, с. 12-19]. Глубина христианского учения китайцу непонятна вследствие его привязанности к земному. Однако китайские студенты с удовольствием принимают участие в праздновании Пасхи: они также украшают стол, рисуют на яйцах своих китайских героев и ставят китайские зонтики – для них это символ китайской культуры. Христос воскресает для всех.

Таким образом, миссионерское движение, заложенное епископом Иннокентием (Васильевым), приобрело упорядоченный и системный характер. Именно при нём (1996-1999 гг.) была создана активная группа студенческой молодёжи, которая стала проводником православной миссии в университете, а затем и в Забайкальском крае. Работа миссии направлена на заполнение вакуума духовного образовательного и культурного пространства, на воспитание духовно целостной личности, на борьбу с религиозными стереотипами. Духовно-образовательный центр «Кириллица» ЗабГУ помогает студенту поставить «святое» на первое место в жизни, осознать бесконечное духовное совершенствование и ответственность в духовной жизни народа.

Источники и литература:

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. – М.: Наука, 1986. – С. 80-160.

2. Духовно-нравственное воспитание личности / ЗабГУ: сайт ВКонтакте // <https://vk.com>

3. Камедина Л. В. «Культурное христианство» – феномен современного Китая // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: сборник статей. – Улан-Удэ: БГУ, 2015. – С. 12-19.

4. Камедина Л. В. Репрезентация духовных смыслов русской культуры в учебной и воспитательной деятельности учителя-словесника // Непрерывное гуманитарное образование в России и проблемы сохранения национальной и культурной идентичности: сборник статей по итогам Всеросс. науч.-

методического форума: Воронежский гос. университет – Калуга: АКФ «Политоп», 2017. – С. 359-369.

5. Лекции профессора Камединой Л. В.: сайт ВКонтакте // <https://vk.com/youtu.be>

6. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075> [дата обращения: 28.12.2021].

7. Час православной культуры (храм св. Луки): сайт ВКонтакте // <https://vk.com>

***Коноплёв Николай Сергеевич**
доктор философских наук, профессор
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия*

**РЕЛИГИЯ НАЧИНАЕТСЯ С ОБРАЗНО-ИЛЛЮЗОРНОГО
ОТРАЖЕНИЯ МИРА
DOI: 10.47905/13638-6268-5557-0**

Аннотация. Осуществлена попытка вывести содержание религии из образной ситуации, складывающейся из отражения субъектом предметного мира. Образ как результат его, являясь многоуровневым духовным конструктом, обращён в фантазийно-насыщенную перспективу, и это служит своеобразной предпосылкой для иллюзорного подхода к реальной действительности, оборачивающегося тем, что связано с «чудом, тайной и авторитетом».

Освобождая фантазию (которая сама по себе весьма содержательна) от рассматриваемой ситуации, идентифицируем образ с воспроизводимой им предметностью. Благодаря этому религия остаётся в стороне от научного миропонимания.

Ключевые слова: религия, образ, иллюзия, М. Ю. Лермонтов, В. И. Ленин, Г. В. Ф. Гегель, А. С. Пушкин, проблема «отвлечённых начал», сновидения, вечность.

Konoplyov Nikolay Sergeevich
Doctor of Philosophy, professor
Irkutsk state university
Irkutsk, Russia

RELIGION BEGINS WITH AN IMAGINAL REFLECTION OF THE WORLD

Abstract. An attempt has been made to derive the content of religion from the figurative situation, which is formed from the subject's reflection of the objective world. The image as a result of it, being a multilevel spiritual construct, is turned into a fantasy-rich perspective, and this serves as a kind of prerequisite for an illusory approach to reality, which turns into something associated with "miracle, mystery and authority."

Freeing fantasy (which itself is very meaningful) from the situation under consideration, we identify the image with the objectivity reproduced by it. Thanks to this, religion remains aloof from the scientific understanding of the world.

Key words: religion, image, illusion, M. Yu. Lermontov, V. I. Lenin, G. V. F. Hegel, A. S. Pushkin, problem of "abstract principles", dreams, eternity.

Земная жизнь и звёздное небо влекли наших предков в подверженные иллюзорным воздействиям дали. Время меняет религиозные ценности. Это связано с тем, что человечество эволюционирует физически и духовно. Физическая эволюция видна в сближении людей за счёт метисации или смены жизненных условий. Так жители севера, приспособленные к суровой природе, нежелательно почувствуют себя на экваторе. Наверное, те, кто там обитает, вряд ли сменят солнечный юг на непогоду вблизи Ледовитого океана. Трудно сказать, где сложились наши далёкие предки – вид Homo Sapiens, – однако твёрдо убеждены: сие случилось на Земле (а не где-то бескрайним Космосом). И хотя это так, тем не менее Космос привлекает нас чисто практически. Благодаря ему шло расселение человечества по Ойкумену. ... Те же сибирские аборигены десятки тысяч лет назад по звёздам определяли – через Берингию (тогда ещё не было Берингова моря) –

путь в Америку. Их ум, развиваясь повседневом, усиливал ориентацию – выразимся так – «по вдохновению свыше». В сознании людей земное и небесное, причудливо совмещаясь, открывали радость жизни. (Не эти ли – заметим в скобках – факторы-знамена позволили им небесным освятить земное – с выходом на религию?) Поскольку последняя, т.е. жизнь, первобытными условиями не отличалась продолжительностью, радость от неё возрастала расширением замещающих иллюзорных перспектив, связанных с усиливающейся религиозной поступью. Для этого у них были жизненные посылы, предрешённые опасным повседневом. Взглянем на деятельность раннего (т.е. отстоящего от нас длительным временным интервалом) коллектива повнимательней, поскольку она – с некоторыми вариациями – присуща сегодня и нам. ...Человек отличается от животных тем, что, обладая сознанием, смотрит на мир через призму эмпирически складывающегося образа. Образ служит посредником между индивидом и средой. Будучи прозрачным, он сливается с нею. Животные, приобщённые к среде инстинктами, не обладают способностью к удвоению мира на собственно *этот* мир и на его «образную статъ». Опирируя природной ситуацией, животные – тем не менее – лишь часть её. Они более целеположенно, нежели человек, соотнесены со своим окружением, поскольку между ними и ею (т.е. природной ситуацией) отсутствует посредник-образ. Человека же отмечаемый посредник принуждает внутренне притормозиться, и на это уходит время. Однако человек владеет большими, в сравнении с животными, ресурсами. Прежде всего он осознаёт, что располагает прочерчиваемой временем жизнью. Животные лишены такого «удовольствия». Оно и к лучшему. Только нужно иметь в виду, что животные, остро воспринимая опасность, всё-таки остаются «равнодушными» к уходу из жизни. Человек же, что называется, рвёт и мечет, лишь бы сохраниться «посюсторонним благополучием». Осознавая преходящий характер его (т.е. благополучия), он использует образное видение мира для своего – теперь уже посмертного – «счастья». Это и объединяет нас с выразителями ранней гомосапиентизации. Наш современник, как и его первобытные сородичи (правда, у них это носило довольно наивный характер), отягощённый достижениями НТР, хочет «забыться и заснуть» (М.Ю. Лермонтов, 1814-1841) «очертаниями»

сладостных иллюзий. Последние – в их многоуровневой репрезентативности – являются внутринасыщенным содержанием образа.

Образ как продукт неадекватного воспроизведения реальной действительности. Юный Лермонтов М. Ю. ...Образ – что это такое? – Это прежде всего результат отражения субъектом своего окружения – независимо от того, вызван ли он, т.е. упоминаемый результат, воспроизведением присутствующего рядом огромного мира, или же – особой разницы не видим – является «отголоском» нашего «внутреннего Я». Мир внешний и мир внутренний составляют здесь единое целое. Вместе с тем возникают сложности, о которых следует знать. Отметим, что мир внешний и мир внутренний переплетаются под влиянием образности, вне которой недостижимо индивидуальное самоутверждение. Какую нагрузку несёт образ и связанная с ним образность как система образов? Образ запечатлевает неадекватное восприятие реальной действительности: он всегда идеален как продукт духовности, и к этому сводима упомянутая неадекватность. Вследствие этого она предстаёт иллюзией. Неадекватное, впрочем, не означает, что его – образа – воплощением служит нечто ложное. Образ – это прежде всего воспроизведение реальной действительности (ею может стать также внутренний мир индивида), которая, образно возникнув, мгновенно исчезает. Будучи прозрачным, образ налагается на воспроизводимый субъектом предмет и сливается с ним: элиминируется. Об этом с художественной выразимостью размышляет юный М. Ю. Лермонтов: «Я видал иногда, как ночная звезда // В зеркальном заливе блестит; // Как трепещет в струях и серебряный прах // От неё, рассыпаясь, бежит. // Но поймать ты не льстись и ловить не берись: // Обманчивы луч и волна. // Мрак тени твоей только ляжет на ней – // Отойди ж, – и заблещет она. // Светлой радости так беспокойный призрак // Нас манит под хладною мглой; // Ты схватить – он шутя убежит от тебя! // Ты обманут – он вновь пред тобой» [3, с. 31-32]. ...Поэт избрал весьма показательную тему. Если изложить поэтический шедевр обычной прозой, окажется, что небеса, дарующие блеск человеку, на деле перекрываются его тенью. Светлая радость от возможного овладения беспокойным воздушным призраком неожиданно ступёвывается его шутивым от вас

убеганием. Мысль поэта представляется таковой, что живущий иллюзиями человек затерян жизнью. Последняя неподвластна здравому смыслу, поскольку своим дурнобесконечностным раскладом уводит нас от поисков подлинно истинного видения мира. Поэт показывает: зеркальный блеск звезды привносит в сознание человека неисполнимость его желания по-настоящему овладеть жизнью. Упоминаемый блеск звезды расцениваем в качестве посредника-образа, встающего между субъектом и воспроизводимым им предметом (который образностью заявляет о себе). Затрагивая иллюзорность, наблюдаем упомянутую выше её многоуровневость. Прежде всего неадекватно воспроизводимая реальная действительность явно ступёвывается вследствие подмены её иллюзией, обретающей в (под)сознании особую значимость. Оттесняя на периферию духовности отражаемый предмет, иллюзия оборачивается некоей реальностью. Дело осложняется – повторяем – за счёт того, что, будучи бесцветной, иллюзия способна подчинить сознание человека «обманом» своей бесцветности. На близких подступах в отношениях между субъектом и воспроизводимым предметом иллюзия не выполняет роль «подсадной утки». Большие расстояния такой обман берут на себя, и он непременно случается. Скажем, на расстоянии километра от меня вижу идущего человека. Он в моих глазах – «мальчик-с-пальчик». А иным – контекстом моего зрительного ощущения – он быть не может. Требуется решительное вмешательство рассудка, чтобы преодолеть ограниченность и связанное с ним несовершенство нашего зрения. Оно конечно же зависит от человеческой телесности, которая не может одновременно быть здесь и там. Пребывающий «здесь» субъект лишь с помощью зрения находится «там». Деятельность зрения функциональна по отношению к его носителю. Значит, «там» как предметно воспроизведённое место ещё подлежит освоению. Пока же оно дано в первом – неадекватном – приближении, т.е. весьма неточно. Отмечаемая неточность по сути своей иллюзорна, что непосредственно утверждает рассудок. Преодолевая ограниченность прямого «столкновения» ощущений с тем или иным вызовом природы, рассудок приучает их не «играть с огнём». Но бывает так, что чувственность берёт своё, и мы «подталкиваем» иллюзию к тому, чтобы она предстала реально воспроизведённой

объектностью. Приведём очередной пример. Вообразим, что, находясь в море, уже несколько дней гоняемся за «Летучим Голландцем». Мы было его настигли в ситуации, воспроизводимой лермонтовским шедевром, однако неуловимый «летун» снова ускользнул... Иллюзия заслуживает внимания потому, что, будучи «заряженной», спешит превратить нас в её «подопечных». В качестве заменителя образа она прививает им (т.е. «подопечным») различные уровни образности, воплощаемые фантазией, религией, эмоциональным освоением временных рядов... Иллюзия, однако, как чётко запечатлённый идеальный конструкт вполне реальна – так же, как реально наше сознание. И эта идеальная реальность имеет права на существование. Отделяваясь от иллюзии, мы терпим жизненное фиаско, поскольку неизбежно перекрываем – если не перечёркиваем – свою духовность. Последняя носит как эфемерный, так и – в то же время – действенный характер. Довольно часто действенность иллюзии перечёркивается её же эфемерностью, и это ставит «заблудившегося» в себе человека в неловкое – неестественное – состояние, родственное болезненным – к примеру шизофреническим – перекосам. Но человека спасает волевой настрой, которым может определиться его индивидуальность. Значит, нужно прибегнуть к самовоспитанию (или андрагогизации), которое формируется становлением личностного начала в индивидуе. Этот психологический закон должен стать нормой жизненного обустройства каждого из нас.

Иллюзия подводит сознание своего адепта к религиозному настрою. ...Складывающаяся благодаря сознанию иллюзия явно противоречива. Она – как было отмечено выше – является духовно насыщенным посредником в отношениях между человеком и его окружением. Это говорит о том, что уже на чувственном уровне индивид защищён от негативных воздействий извне. Воспринимая благодаря посреднической роли ощущений информацию, он соотносит рассудочность как результат внутреннего состояния своего «Я» – с внешними воздействиями. Осуществляется цельный контакт субъекта (будь то отдельно взятый индивид или коллектив) и среды. Этим подчёркивается положение, согласно которому образность личностного самовыражения является фокусом предстояния субъекта по отношению к самому себе. Образ здесь играет связующую роль между человеком и миром. Это позволяет

человеку интимно приобщаться к среде. Соотносясь с ней, он направляет сложившийся образ на осмысление своей близости к сущему (т.е. к тому, что открывает нам смысл жизни). Становится малоактуальной проблема «отвлечённых начал», рассмотрение которых человеческой духовностью может вывести её носителя за предметные рамки – образно говоря: по ту сторону земного бытия. При этом следует заметить, что такое поведение, помимо религиозного соблазна, таит возможность полёта фантазии (и это, как выше отмечено, является воспроизведением одного из уровней феномена образности). Последняя оказывается сопряжённой с тем срезом образности как иллюзии, вследствие чего фантазия предстаёт – о чём сказано данным текстом – носителем религиозности (но сама она ею не является). Такое случается, когда многоуровневая структура образа содействует реализации связи фантазийного компонента её с тем его (т.е. данного образа) иллюзорным срезом, который содержит упомянутую выше «отвлечённость».

Волевой накат многоуровневого образа. Возмечтаем о Высшем Существо. Раскрывая многоуровневость образа, имеем в виду, что он складывается как чётко фиксируемый духовный конструкт. Это обусловлено тем, что внутренний мир человека полифонично воспроизводит его – данного мира – «разноликостью». Её фиксирует, к примеру, шестирукий – а то и с большим их запасом – бог Шива, явно демонстрирующий, что социальный статус каждого из нас покоится на различных его носителях. Своеобразным подтверждением тому служат такие строки: «Я – семья // во мне как в спектре живут семь «я» // невыносимых как семь зверей // а самый синий свистит в свирель! А весной // мне снится что я – восьмой /1962/» [1, с. 35]. (Знаки препинания в тексте отсутствуют.) Поэт сполна осознаёт, что пребывающие в нём «семь я» – это выявляемые душою различные человеческие образы, среди которых седьмой по счёту забавляет «главу семьи» игрою на музыкальном инструменте. Что касается души, под нею понимаем содержание нашего внутреннего мира, структурирующего систему складывающихся образов – так, чтобы не терялась их иллюзорность (она, как мы помним, тяготеет к исчезновению). Самостоятельность образа заключается в том, что он полиморфически воспроизводимый внутренний мир того или иного человека «копирует» как нечто само собой разумеющееся.

Это можно замечать в себе, когда вы перебираете памятью цепь событий. Вы саморефлексируете, и в рамках этого состояния между вами и спектром всех ваших «Я» складываются образы, сменяющие друг друга – в зависимости от того, как это определено вашими желаниями, волей... Поиграв с одним фантазийно зачищенным «Я», вы усилием настроенной на активизацию воли обращаетесь к вашему очередному «Я». Он же взывает к Богу, как, возможно, тот, кто – и это видно из вышеприведённого стиха – занят музыкой. И поскольку многоипостасность образа непосредственно воспроизводима той или иной запечатлеваемой картинкой, одно из ваших «Я», если вдруг захотелось ему возмечтать о «Высшем Существо», раскрывает «божественную первосущность» опредмеченной верой. Но как её понимать?

Рассмотрим парменидово отсутствующее небытие в качестве некоего аналога Бога. На наш взгляд, опредмеченная религиозная вера есть нечто такое, что уподобляется содержанию *ничто*. Аналог этому находим у Парменида (ок. 540 до н. э. – ок. 470 до н. э.), утверждавшего, что бытие есть, небытия нет; и отсутствующее небытие может быть представлено Богом. Если в этом контексте внимательно присмотреться к «Богу», окажется, что «Бог» в «образе» есть наглядно запечатлеваемая невыразимость, которую можно идентифицировать с глубинным уровнем объективной реальности, философски воспроизводимой как «материя». ...«Бог» является тем глубинным срезом, обрисованным в образе, который, теряя собственно образные очертания, опредмечивается – повторимся – своеобразным ничто. Из статуса этого ничто Г. В. Ф. Гегель (1770-1831) выводит идеалистически преломляемую бытийность мира. ...Говоря об указанном срезе образа, мы подчёркиваем положение, соответствуя которому образно предстающий мир человека уже на уровне ощущений преисполнен глубин, раскрытие которых осуществляет интеллект. Действительно, нет ничего в интеллекте, чего бы не было в ощущениях. Образность, тесно с ними связанная, причастна – с присущей ей разумностью – к названным глубинам. Производимая информацией связь между ощущениями и рацио требует специального рассмотрения. Но для этого нужно вскрыть сущность информации, которая, т.е. сущность её, остаётся пока неуловимой.

Сложность с информацией по интересующей нас тематике. Дело в том, что складывающаяся на волновой процессуальности информация по своей природе вполне материальна, и биты здесь являются единицами её хранения. Согласно такому пониманию бит – нематериален, и он не может стать носителем сути информации. Суть кроется в чём-то другом. Можно, к примеру, предположить, что информация, как отмечал А. Д. Урсул (1936-2020), – это отражённое разнообразие, и информация – его фокус. Но упомянутое «отражение» лишь отодвигает действительное рассмотрение этого загадочного явления. Исходя из того, что информация является отражённым разнообразием, воспроизводимым за счёт взаимодействия материальных образований, в результате чего мир получает стимулы к совершенствованию, – исходя из этого можно предположить, что информация – это то, благодаря чему становящийся мир поднимается до уровня самоосознания, т.е. предстаёт духовно насыщенным. Значит, исходное качество информации, определяющее её суть, связано с её предрасположенностью к тому, чтобы открыть в себе нечто идеальное. Но тем самым не мистифицируем ли мы суть информации? Дойдя до осознания того, что – опять сошлёмся на А. Д. Урсула – информация тесно переплетается с отражением, находящимся «в фундаменте самого здания материи» [2, с. 40], остановимся на этом.

Уподобленность Бога глубинной действительности. Бог и Слово. ...Итак, спектр человеческого измерения многогранен, и отлаживаемый образ запечатлевает это. Воспроизводимый же на основе чувственного отражения образ, неся в себе иллюзию, вместе с тем хранит информационный багаж, достойный широкого рационального постижения. ...Многоаспектность образа обеспечивается человеческой духовностью. А. С. Пушкин так соотносил воздействие рационального начала на систему ощущений: «И мысли в голове волнуются в отваге, // И рифмы лёгкие навстречу им бегут, // И пальцы просятся к перу, перо к бумаге, // Минута – и стихи свободно потекут» [4, т. 103. – с. 345]. ...Свежие чувства по-своему заряжают нашу духовность творческим напряжением, и результат не замедляет сказываться. ...Возвращаясь снова к информации, видим, как на примере творчески воспроизводимой человеческой деятельности

обработанная внутренним миром информация предстаёт в своих совершенных результатах, именуемых творчеством. Следует, очевидно, выйти на более высокий уровень раскрытия информации. Информация – вид деятельности эволюционирующей природы, движением которого оживает Вселенная, одухотворяясь социальной формой движения материи. Благодаря ей информация достигает совершенства, представ фокусом духовности – интеллектом. Рассуждениями об информации мы, как на качелях, взлетаем вверх, чтобы потом незамедлительно спуститься вниз. Если воспримем «наши качели» как течение жизни, под влиянием которого тщетно «домогаемся» информационной прорисовки бытия, можно заметить наступившую неопределённость в поисках смысла жизни, которую, т.е. неопределённость, следует соотнести с результатами образного представления о Боге. Это вполне может соответствовать тому, что человеческий здравый смысл на уровне ощущений, обогащённых интеллектом, видит в Боге то, что идентично глубинной действительности, обычно воспринимаемой в качестве материального мира. Овладевая его, духовно опредмечиваемся Словом. Слово одаривает нас причастностью к миру. Религиозный человек божественную первосущность приоткрывает Словом: «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [5, с. 1009]. «Слово» и «Бог» здесь отождествлены, и паритетность двух значимых слов, когда вербально воспроизводимая данность Слова отзывается в Боге, делает Его вписанным в Слово. Отождествлённый с содержанием «Слова» его носитель, т.е. образно представленный «Бог», – границами Его многоаспектных интерпретаций – предстаёт выражением синтеза всех уровней образного раскрытия современной личности.

Бог нагляден уровнем его чувственного замещения; но обогащённый интеллектом образ Бога тождественен глубинам мироздания. Рассматривая Бога уровнем его чувственного замещения, мы сохраняем за ним возможность быть образно к нам расположенным. Это также говорит о том, что обогащённый интеллектом образ Бога сопоставим с глубинами мироздания. Наглядно раскрывая мир, мы ощущаем богатство его содержания. И главное: практическое использование слова «Бог» придаёт человеку уверенность, которая связана с образно-иллюзорным постижением среды обитания, где бытообустройству отведено ведущее место. На

чувственном уровне Бог – как бы мы ни желали иного – непременно воплощён для нас иллюзорным совершенством. Если же мы иллюзорность сменим интеллектуальным схватыванием сущности Бога (что практически маловероятно), открывается более высокий уровень исследования Божественной первосущности. Поиски Бога – с переменным успехом – продолжаются на новых спиралях образно-иллюзорной реальности. Такой подход для тех, кто хотел бы овладеть вселенским безмолвием сущего, подсказывает: начните с того, что позволяет разобраться в характере вашей соотнесённости с предметным миром. При этом не забудьте, что его образ в вашей душе пытается совместить внешнее (т.е. окружающую реальную действительность) и то, как оно, это внешнее, предстало вашему внутреннему «Я», способному осмыслить содержание образа. Сочетающаяся с информацией наглядность образа, передавая информацию для обработки внутреннему «Я», утрачивает наглядность, завершаясь иллюзорностью. Последнюю можно представить своеобразной тенью образа, заполняемую различными эмоциональными интенциями.

Религиозный опыт. Упование религиозно верующих на науку – что в том? Эмоционально возбудимая иллюзорность является средоточием «запредельных» устремлений субъекта, организующего с её помощью так называемый религиозный опыт. Его фантазийно насыщенный эмоциональный окрас рисует сладостно воспринимаемый нами «запредельный мир». Он – вневременный оттого, что вечный. Его содержимое, т.е. то, что связано с «вечностью», неплохо иллюстрируется сновидениями. В них мы тоже оперируем чем-то вечным – преодолевающим время. Можно ещё разыскать ряд жизненных факторов, аналогичных тем, которыми оперируем, уверяя себя в приобщённости к религии. И главное в полемике с религией как вариантом иллюзорно-компенсаторной деятельности, если серьёзно к ней подойти, окажется, что религия на полном серьёзе уповает на науку, которая, де, открывает ей – религии – сверхъестественную сферу. Однако наука не принимает такого подхода к предмету своего исследования, утверждая наличие ещё *непознанного* с предстоящим его раскрытием. А это – согласимся – выводит науку за пределы «чуда, тайны и авторитета». Признавая религиозную духовность в качестве определённого уровня иллюзорно-компенсаторной деятельности,

мы делаем это вследствие того, что последняя – не обязательно предстаёт в её «сверхъестественном» – религиозном – варианте.

Вместо заключения. Образность как иллюзия сохраняется; её религиозный уровень ступенька повседневном. От жизненно воспроизводимой иллюзорной образности нам никуда не уйти, но давать ей возможность управлять собой – тоже не дело. Поскольку субъектная данность – способ нашего проживания в макромире – неискоренима, мы не можем манипулировать образами по своему усмотрению. Однако возрастающее число их уровней вполне закономерно ввиду усиливающихся требований со стороны глубинных срезов нашего «Я». Перспектива такова, что если, к примеру, сравнить рассматриваемую ситуацию с тем, что происходит в теоретической физике по поводу квантовых струн – бесконечно тонких одномерных объектов, то можно анализ человеческого «Я» свести к подобным квантовым «одномерностям». Посмотреть бы тогда на специфику религиозного опыта, якобы ничего общего не имеющего с человеческой психикой. Но настанет момент, когда правда восторжествует, и «религиозный опыт» утвердится глубинными слоями психической реальности. Философским контекстом это будет соответствовать пантеизму – с его выходом на уровень диалектического и исторического материализма. Согласно традициям этой философии и путям, которыми утверждается её развитие, ожидаемая смена заключается в следующем. Осуществится переход от анализа субъектно-объектных отношений к раскрытию реальной действительности, фокусом которого, т.е. раскрытия, выстроится фундаментальное положение: «Всё во мне, и я во всём». Это станет свидетельством того, что Человек и Мир, в котором он живёт, выстраивают здание соборности с превалирующими в нём согласием и любовью. И та иллюзорная составляющая, о которой вели речь, характеризуя образ, станет содействовать нашему – более тесному – сближению с «Целым Вселенной» (Ф. М. Достоевский /1821-1881/).

Источники и литература:

1. Вознесенский А. А. «Я – семья...». - М.: «Молодая гвардия», 1991. —174 с.

2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // ПСС. Изд. 5-е. – М.: Гос. издат. полит. лит., 1961. – Т. 18. – 525 с.
3. Лермонтов М. Ю. Еврейская мелодия // Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1976. – Т. 93. – С. 31 – 32.
4. Пушкин А. С. Осень (Отрывок) // Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1976. – Т. 103. – С. 344 – 347.
5. Тематическая Библия с комментариями. – Минск: Библейская Лига в РБ, 1996. – 1776 с.

Ли Пин

*доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра по исследованию культуры
малочисленных народов в Хулунбуире,
Хулунбуирский институт, Хулунбуир,
район Внутренняя Монголия, КНР*

Юйшин Максим Александрович

*аспирант,
Забайкальский государственный университет Чита,
Россия*

**ТРЕХРЕЧЬЕ: РЕЛИГИОЗНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ
ЭМИГРАНТОВ В ХУЛУНБУИРЕ
(20-40 ГОДЫ XX ВЕКА)
DOI: 10.47905/s6461-3689-6190-e**

Аннотация. В данной статье с исторической точки зрения рассматривается процесс формирования и развития религиозной и культурной жизни русских, проживавших в бассейне трех рек Хулунбуир-Эргун в период 1920-40-х годов.

Предоставлена информация для изучения истории китайско-русских дипломатических отношений, важного влияния православной культуры на социальную деятельность русских диаспор. а также предоставляет понимание происхождения, формирования и культуры русских в бассейне Трехречья.

Ключевые слова: Трехречье, русское поселение, православие, КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога).

Li Ping
*Doctor of Philosophy, professor,
Head of the Center for the study of the culture of indigenous
peoples in Khulunbuir,
Khulunbuir Institute, Khulunbuir, Inner Mongolia, PR of China*

Yushin Maxim Alexandrovich
*post-graduate student,
Transbaikal state university, Chita, Russia*

THREE RIVERS: RELIGIOUS AND CULTURAL LIFE OF THE EMIGRANTS IN HULONBUIR (20-40 YEARS OF THE XX CENTURY)

Abstract. This article, from a historical point of view, examines the process of the formation and development of the religious and cultural life of Russians living in the basin of the three rivers Khulunbuir-Ergun during the 1920s and 1940s.

Information is provided for studying the history of Sino-Russian diplomatic relations, the important influence of Orthodox culture on the social activities of Russian diasporas. and also provides an understanding of the origin, formation and culture of Russians in the Three Rivers basin.

Key words: three rivers, Russian settlement, orthodoxy, KVZhD (Chinese-Eastern railway).

В статье мы рассматриваем процесс формирования и развития религиозной и культурной жизни русских эмигрантов, проживающих в 1920-40-х годах в Трехречье, знакомимся с культурой, отличительными особенностями и особым влиянием религиозной культуры.

Река Эргуна (или река Аргунь), протекает по территории города Хулунбуир во Внутренней Монголии, верховьем реки Хэйлуцзяна. Первые упоминания об этой реке в «Книге истории династии Тан». Река носила название Шицяннь, а в период «Южных и Северных династий» носила имя Ваншуй. В «Юань ши» также существует запись названия Ли Гуна, и Е эр Гуна.

В 1689 году был подписан «Нерчинский китайско-русский договор»: по договорённости река Эргуна становится границей между Китаем и Россией, восточный берег реки отходит Китаю, а западный берег – России.

Река Эргуна имеет чрезвычайно важный статус в истории китайско-русских отношений. Слияние трех рек Генхэ, Далбур и Хаур дало название местности Саньхэ «Трехречье».

В истории является важным местом проживания русских эмигрантов. Согласно демографическим данным на 1922 год, общая численность населения города Эргуна (округов Шивэй и Циган в этом году) насчитывала 2.429 дворов с населением 11.816 человек.

Бассейн трех рек Эргуна расположен в северной части пастбищ Хулунбуир. Богат лесом, минералами, плодородной почвой, имеет уникальные географические и экологические условия. Для занятия такими видами деятельности, как мелиорация, рыболовство и охота, добыча золота, заготовка леса. Основной поток переселения русских наблюдался в конце XIX века - начале XX века.

Согласно отчету наместника в Хулунбуире в 1907 году в 300 километрах к северо-востоку от Ямэня, открыты рудники по добыче золота в районах Дилалине и Олихопу Гоу. В связи с чем увеличился приток русских в эти районы, разработано более 10.000 га земель. На заработки ехали в основном крестьяне из Забайкалья. Преимущественно расселялись на берегу реки Эргуна, а затем постепенно переселились во внутренние районы Северо-Восточного Китая. Переезжали в основном семьями и даже целые деревнями. На какое-то время в бассейне реки Саньхэ возникли многочисленные поселения русских. Все поселения в Трехречье носили русские названия, например: «Ивановка (Ивановка) была основана в 1870 году, Ельнешская деревня (Ернишка) была основана в 1875 году, Суцин Тун (Щучье) была основана в 1880 году, Лесная деревня Шанху (Дубовая) была основана в 1880 году, Санхетун (Драгоценка) была основана в 1880 году, село Черноузин (Черноучиха) было основано в 1885 году, село Сяхулин (Ключевая) было основано в 1885 году, Тулунский курган (Тулунтуй) основан в 1890 году. Село Лабудалин (Лабдарин) было основано между 1895 и 1900 годами.

Следующий этап переселения русских в Трехречье произошел после Октябрьской революции 1917 года в России.

В 1930-е годы процесс объединения единоличных крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства вызвал массовое сопротивление крестьян и голод. Произошел массовый отток крестьян в Трехречье.

По статистике только в 1920-х и 1940-х годах в некоторых деревнях увеличилось количество русского населения, насчитывалось более 100 дворов. Примерно в начале XX века в бассейне Саньхэ образовалось около 20 русских деревень.

Существовало 5 районов, в которых насчитывалось более 200 хозяйств. В 1922 г. в Саньхэ насчитывалось 1.855 хозяйств, 5.367 мужчин и 4.526 женщин. Согласно записям, в 1922 году доля русского населения в уезде Шивэй составляла 92%, в то время как население ханьцев и других этнических китайских групп составляло только 8%. До 1945 года численность русских в Саньхэ достигало 2 – 2,5 миллионов. В 1953 году в Эргуна было 1.613 хозяйств, население 8.378 человек.

Одним из основных моментов в истории отношений между Россией и Китаем, это строительство КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога). Строительство дороги было шагом по увеличению влияния Российской империи на Дальнем Востоке, укреплению российского военного присутствия на берегах Жёлтого моря на фоне экспансии Японии в Корею и Китае. Железнодорожная магистраль, проходившая по территории Китая через следующие города: Маньчжурия, Хулунбуир, Харбин, Чанчун, Шэньян, Далянь и Порт-Артур. КВЖД принадлежала Российской империи и обслуживалась её подданными, где требовалось постоянное присутствие русских специалистов. Согласно статистике 1907 года, на станциях Китайской Восточной Железной Дороги от Маньчжурии до Чжаланьтуня находилось 15.790 русских жителей.

В этот период было построено большое количество церквей. Возникновение и распространение православной церкви в Хулунбуире началось в конце XIX и начале XX веков. Со строительством и открытием «китайской восточной железной дороги» большое количество российских техников, железнодорожников, бизнесменов и ремесленников были направлены в Хулунбуир.

После 1917 года общее количество русских иммигрантов в регионе достигло более 20.000. В начале XX века православные

церкви были построены в Маньчжурии, Хайларе и других местах, находящихся под юрисдикцией Хулунбуира. Первая церковь Серафима Саровского была построена в Маньчжурии в 1903 году. В 1940-х годах на территории Хулунбуира насчитывалось 38 православных церквей. Казанская церковь в Хайларе являлась центральной церковью в северо-восточной части Китая и вела контроль за православной деятельностью на территории Хулунбуира.

С 1920-х по 1940-х годы в Саньхэ было построено 18 церквей и молитвенных домов, насчитывающих более 10.000 прихожан.

Русские, живущие в Трехречье, сохранили этническую, религиозную, языковую культуру. Посещение православного храма для богослужения, крещения, венчания и заупокойной молитвы - основные составляющие русской жизни. В отдельных местах, где нет условий для посещения церкви, в каждом доме были иконы, все православные носили крестики и проводили семейные религиозные праздники.

Церковь - центр религиозной и культурной жизни русских. Жизнь русских в Саньхэ следует церковному календарю, проводятся двенадцать главных праздников Православной церкви.

По мере завершения строительства церквей во многих местах религиозная и культурная жизнь русских в Саньхэ становится все более и более насыщенной. Представители Харбинской епархии Нестор (Нестор) и архиепископ Мереди (Мелетий) неоднократно бывали в этих деревнях. Архиепископ Нестор приезжал на Трехречье и за 7 дней посетил 11 деревень. По просьбе каждого он также проводил религиозные обряды в окрестностях: освящал колодцы, источники и посеянные семена и молился о них.

В Саньхэ сохранились дореволюционные культурные традиции. Жизнь ничем не отличается от жизни деревень на забайкальской территории царского периода. Основное производство и образ жизни людей здесь - охота, животноводство и сельское хозяйство. Люди до сих пор живут в деревянных резных деревянных домах, построенных из бревен в русском стиле. Они отмечают различные праздники, в том числе религиозные: Рождество, Крещения, святки, масленица. На Троицу девушки, гадая на суженного бросали в реку венки, на Пасху пекли куличи и

красили яйца, поздравляя друг друга словами: «Христос воскресе!», и ответ «Воистину воскресе!»).

По выходным и праздникам пели русские народные песни и частушки, любимые танцы «Барыня», «Кадриль».

К 1954 году в Трехречье было 1.171 хозяйство, общее количество составляло 6.553 человека. К 1959 году 1.363 хозяйства, составляло 8.171 человек. К 1960 году осталось всего 461 хозяйство и 1.316 человек. Русские, проживавшие в Трехречье, сумели сохранить национальные традиции и культуру и приняли традиции и обычаи Китая, создавая прекрасный симбиоз.

Источники и литература:

1. 张晓兵, 内蒙古俄罗斯族. 内蒙古文化出版社, 2015.05, 第2页. [Чжан Сяобин Русские во Внутренней Монголии. — Хулунбуир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2015. — 354 с.].

2. 宋小濂《呼伦贝尔边务调查报告》(M) 天马出版有限公司 第7页. 2012.11. [Сун Сяолян Отчет о расследовании пограничных вопросов Хулунбуира. - Хулунбуир: Изд-во Тяньма, 2012]

3. 宋小濂《呼伦贝尔边务调查报告》(M) 天马出版有限公司 第4页. 2012.11. [Сун Сяолян Отчет о расследовании пограничных вопросов Хулунбуира. - Хулунбуир: Издательство Тяньма, 2012]

4. 《呼伦贝尔盟志》· (M) 《内蒙古文化出版社》, 1999.06, 第73页. [Записи Хулунбуирского аймака. - Хулунбуир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 1999]

5. Низовский А. Ю. Самые знаменитые храмы России. - М.: Вече, 2000.

6. 《额尔古纳右旗志》· (M) 《内蒙古文化出版社》, 1993年, 第104页. [Знамя Эргуны. – Хулунбуир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 1993]

7. 《额尔古纳右旗志》· (М) 《内蒙古文化出版社》, 1993年, 第666-667页。[Знамя Эргуны. – Хулунбуир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 1993]

Руденок Руслан Олегович
аспирант, журналист Иркутского радиоканала,
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Смирнов Алексей Евгеньевич
доктор философских наук, профессор,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

**РЕЛИГИОЗНАЯ ЭТИКА В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ
С ПОЗИЦИИ ПЛОСКИХ ОНТОЛОГИЙ**
DOI: 10.47905/d0552-7283-9830-g

Аннотация. Ставится цель – привлечь внимание к проблеме дисбаланса в сфере потребления, проанализировать процесс формирования ценностей в обществе, с точки зрения объектно-ориентированной онтологии. Намечаются основные смысловые направления экологичного мышления и формирования соответствующей идеологии и практики в условиях общества потребления.

Рассматривается роль религиозной этики и религиозных институтов в контексте формирования экологичного мышления, как одной из основ переоценки ценностей и потребностей человека и общества, в связке с другими гуманитарными науками и сферами жизни.

Ключевые слова: объектно-ориентированная онтология, эпоха потребления, производство ценностей, христианство, буддизм, гуманистическая психология.

Rudenok Ruslan Olegovich
*graduate student, journalist of Irkutsk Radio channel,
Irkutsk, Russia*

Scientific curator:
Smirnov Alexey Evgenievich
*Doctor of Philosophy, professor,
Irkutsk state university,
Irkutsk, Russia*

RELIGIOUS ETHICS IN A CONSUMER SOCIETY FROM THE POINT OF VIEW OF FLAT ONTOLOGIES

Abstract. The goal is to draw attention to the problem of imbalance in consumption, to analyze the process of building values in society from the perspective of object-oriented ontology. The directions of environmental thinking and the the creation of an associated ideology and practice in the conditions of a society of consumption are outlined.

Examines the role of religious ethics and religious institutions in the context of developing the environmental thinking as one of the foundations for reappraisal the values and needs of a person and society, in conjunction with other humanities and spheres of life.

Key words: object-oriented ontology, the era of consumption, the production of assets, Christianity, Buddhism, humanistic psychology.

Религия и религиозные институты, организации – всегда были источниками создания, формирования ценностей общества всю историю человечества. Формирование или переоценка ценностей – действительно всегда актуальная и важная задача общества, в том числе и задача политическая. Ценности мы рассматриваем не как абстрактные идеалы, а как основу для создания идеологии, состоящей из поведенческих установок, которые переходят в практику реальной жизни. Эта гибкая, экзистенциальная, общепринятая (насколько это вообще возможно) идеология в том числе формируется религией. Эта идеология жизненно важна обществу, ради его самосохранения, и сохранения каждого его члена, поэтому проблемы, и вопросы, которые мы будем обсуждать в данной статье актуальны, особенно в эпоху

потребления, а также глобальных проблем и вызовов, таких как в том числе сегодняшняя пандемия.

Исходя из этого, основная научная проблема здесь – что это за идеология, какой она может быть, возможна ли она в целом, и какую роль в её создании играет религия? Важно понять, на основе каких именно теоретических и практических учений такая идеология будет формироваться, в том числе религиозных. И самое главное – как такая идеология может переходить в практику.

Наша цель – привлечь внимание к проблеме дисбаланса в сфере потребления, наметить основные положения такой экологичной идеологии и жизненной практики, ответить на вопросы, как именно эта система мышления будет влиять на реальность, на поведение людей в самых разных сферах жизни. В зависимости от количества этих сфер, в будущем, будут формироваться наши задачи.

Узловой момент нашего исследования – это потребности человека, и связка потребностей с ценностями, где они взаимодействуют, где конфликтуют. Поэтому мы обращаем пристальное внимание на религию, особенно на традиционные религиозные учения и конфессии, потому что они накопили огромный опыт работы с потребностями, особенно в виде такого явления как аскетизм разного типа. Религию мы здесь рассматриваем в широком смысле, граница понимания религиозности не слишком четкая, и мы не будем её проводить грубо. Поэтому мы можем включать в религию, в нашем случае, любые формы ненаучного мировоззрения, но самое главное, из всех форм и направлений религии для нас важно вычленил общий корень, который, прежде всего, основан на этике и психофизических практиках, то есть на законе поведения, этикете, и на законе мышления и законе контроля и анализа эмоций, потребностей – это философия и философствование, медитация, молитва, и подобное.

Наше исследование проходит на границе философии, религиоведения, психологии, и даже таких прикладных сфер, как политика, экология и т.п. Со стороны философии мы используем метод, называемый объектно-ориентированная онтология (далее – ОО), который был сформирован группой современных философов, позже включенных в такое течение как спекулятивный реализм. Со

стороны психологии мы используем неопрейдизм и гуманистический, экзистенциалистский подход. Со стороны религиоведения мы делаем упор на изучение, прежде всего, буддизма, в продолжение традиций российской, а также западной и восточной буддологии. Отчасти мы касаемся и истории христианства. Экологическая проблематика нами рассматривается в контексте и с позиций ООН. В смысле общественно-политических процессов, взгляда на них, мы ориентируемся как на левые, так и умеренные, либеральные и консервативные течения.

Россия – страна многонациональная и многоконфессиональная, для нашего Восточно-Сибирского региона самыми важными традициями являются христианство и буддизм, его тибетская версия, который пришел к бурятам через Монголию. Так как мы ищем общее, то нужно сказать, что несмотря на многие различия, между христианством, в частности православным, и буддизмом, существуют и сходные установки, в том числе в сфере базовых ценностей и отношения к потребностям и потреблению. Общая устремленность буддизма и христианства к умеренному аскетизму, к экологичному (в широком смысле этого слова) отношению к сознанию, речи, телу, человеку, животным, растениям, природе в целом, к миру, то есть стремление ко внутренней и внешней чистоте – это и есть основное и сильнейшее влияние этих религий на ценности общества вообще.

Общество потребления, то, что складывалось с середины XX века, основанное на глобальном производстве, больших корпорациях, базой которого явился классический капитализм, либеральный экономический подход, борьба за ресурсы и рынки, торговые и реальные войны, борьба двух систем (капитализм-социализм), и то к чему это привело – от ядерного оружия до экологических проблем – всё это опасные тенденции, и не только в сфере внешнего мира, но и внутреннего: человек стал жадным и несчастным, он перестал получать от потребления внутреннюю пользу, массовое и бесконтрольное потребление его развратило, сделало несвободным, зависимым, и теперь он постепенно пытается выйти из этой ситуации. Здесь на помощь и приходит наша экологичная идеология, и конечно один из её главных столпов – религия.

Мы находимся в стадии переоценки ценностей общества потребления. В чём же здесь проблема и как религия в данном случае связана с современной философией? ООО, да и другие школы ранее говорили, что проблема – в антропоцентризме, а с психологической точки зрения – это и эгоцентризм. ООО говорит, что нет главных и неглавных объектов, потому эту онтологию называют горизонтальной или плоской. Буддизм и христианство говорят похоже: человек – не царь природы, не Бог, и не мера всех вещей, он сороботник Бога, он, как говорил Н. А. Бердяев, стремится творить как Бог, и хранить и возделывать мир, природу, причём природу, которая везде (не только в его доме), и за которую он несёт ответственность, как и за своё поведение, и за своё духовное здоровье и моральное состояние. Этот поворот в сознании очень важен, и конечно на это нужно время. Но экологическое мышление уже развивается, а также развивается осознанный подход ко всему в жизни. Итак, если человек не центр – то он уважает всех, и людей, и других живых существ, и неживое. И даже то, что Т. Мортон в своей книге называет гиперобъектами, то есть процессы, которые сильно влияют на нашу жизнь, но мы их может даже не видеть, такие как ядерная энергия или глобальное потепление. Он предупреждает, что надо научиться жить с подобными нечеловеческими сущностями, потому что они к нам интимно-близки, и уйти от них нельзя, так же, как и нельзя уйти от т.н. Природы. Причём антропоцентризм исчезает не только в смысле сосуществования в реальности, он исчезает и в плане познания, ООО говорит, что человек уже не может сказать, что только он познает, или что его познание обязательно истинно, и адекватно отражает реальность.

Чтобы проиллюстрировать связь ООО и экологического мышления, мы приведем слова одного из основателей этого направления Т. Мортон: «...любая вещь во многих отношениях напоминает чёрную дыру... Вам приходится изучать феномены, испускаемые такими вещами... ООО утверждает, что нельзя получить доступ ни к одной вещи в её целостности... Так же ООО утверждает, что мысль – не единственный режим доступа... Два этих принципа дают нам мир, в котором антропоцентризм невозможен, поскольку мысль долгое время была теснейшим образом связана с человеком и поскольку люди были, по сути, единственными, кому дозволялось иметь осмысленный доступ к

другим вещам» [3, с. 41–42]. Отсюда появляется ещё один принцип ООО, то, что такая онтология является горизонтальной или плоской. Как отмечает А. С. Ветушинский, в такой онтологии «1) не может быть никакого верхнего предела, то есть никакого супер-объекта, который возвышается над всем, всё объёмлет, тем самым лишая любой другой объект его автономии, 2) не может быть никакого нижнего предела, т.е. никакого супер-объекта, который лежит в основании всего, всё подпирает, тем самым лишая любой другой объект его автономии, 3) не может быть никакой исключительной середины, т.е. никакого супер-объекта, по отношению к которому любой другой возможный объект только и может получить статус существующего, тем самым лишаясь собственной автономии» [1, с. 1627].

В плоскости социальной психологии и политики эти принципы налагаются на реалии нашего времени, интерпретируются ими. Здесь мы вспоминаем пирамиду потребностей А. Маслоу или взгляд на потребление с позиции Э. Фромма: «счастье и всеобщее благоденствие не могут быть достигнуты путем безграничного удовлетворения всех потребностей... наши мысли, чувства и привязанности являются объектом манипулирования со стороны средств массовой коммуникации; экономический прогресс касается лишь богатых наций, а разрыв между богатыми и бедными становится все более вопиющим; технический прогресс принес с собой экологические проблемы и угрозу атомной войны...» [5, с. 8]. Далее Фромм рассуждает об эволюции гедонизма от Аристиппа и Эпикура до наших дней (справедливо отмечая, что Эпикур не являлся сторонником радикального гедонизма, более того, его позицию в этом контексте можно считать достаточно взвешенной). Такая позиция естественным образом должна иметь продолжение в политике, эта новая зеленая политика уже развивается, но её могут сдерживать как лоббизм корпораций, так и традиционные воззрения частей общества конкретных стран.

Итак, мы указали на основные черты новой экологичной идеологии. Религиозные институты, в этом контексте, играют огромную роль, они могут быть одной из основ этой идеологии, и проводниками её среди своих сторонников. Религиозный порыв – это всегда в некотором смысле протест против законов потребления

этого мира, глубинный и сложный путь человека к самому себе, к тому, что он считает нравственным идеалом своего существования. В этом смысле религия должна, в союзе с наукой, показать – каким будет этот идеал.

Источники и литература:

1. Ветушинский А. С. На пути к симметрии: как онтология стала плоской // Философия и культура. – 2016. – № 12. – С. 1625 – 1630.
2. Мортон Т. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира / пер. с англ. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 284 с.
3. Мортон Т. Статья экологичным. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. – 240 с.
4. Мортон Т. Экология без природы // Художественный журнал. – 2015. – № 96. – URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252> (дата обращения: 02.11.2021)
5. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. – М.: Изд-во АСТ, 2021. – 320 с.

*Сенюшкина Татьяна Александровна,
доктор политических наук, профессор,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия*

РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ DOI: 10.47905/f7621-4299-1924-i

Аннотация. В статье рассматривается роль религиозного мировоззрения в формировании российской правовой культуры.

Подчеркивается, что несмотря на углубление процессов, связанных с глобализацией культурного пространства и виртуализацией жизненного мира, религиозное мировоззрение по-прежнему является важным смыслообразующим компонентом социально-ценностной системы и продолжает выполнять регулятивную функцию.

Ключевые слова: российская правовая культура, философия права, православные ценности, традиционные конфессии, религиозные ценности.

*Senyushkina Tatyana Alexandrovna,
Doctor of Political Sciences, professor,
named after V. I. Vernadskiy Crimean federal university,
Simferopol, Russia*

RELIGIOUS WORLDVIEW AS A FACTOR IN THE FORMATION OF RUSSIAN LEGAL CULTURE

Abstract. The article examines the role of religious worldview in the formation of Russian legal culture.

It is emphasized that despite the deepening of the processes associated with the globalization of cultural space and the virtualization of the life world, religious worldview is still an important semantic component of the socio-value system and continues to perform a regulatory function.

Key words: Russian legal culture, philosophy of law, Orthodox values, traditional confessions, religious values.

Современная правовая культура российского общества функционирует в сложной системе культурно-ценностных взаимодействий, которые, в свою очередь, формируются под влиянием целого комплекса факторов – экономических, политических, социальных, религиозных, этнических и др. Несмотря на углубление процессов, связанных с глобализацией культурного пространства и виртуализацией жизненного мира, религиозное мировоззрение по-прежнему является важным смыслообразующим компонентом социальной системы и продолжает выполнять регулятивную функцию.

Историческое развитие разных типов общественных систем происходило под влиянием религиозных ценностей. Это подтверждает и история становления разных форм государственно-правовых отношений, начиная с цивилизаций древнего Востока. Формирование раннего египетского и ближневосточного государства и права, в пространстве которого источники права и

политической власти имели сакральный характер, «представляет собой большой общественный интерес с точки зрения истории права, так как именно эти правовые системы дают нам возможность понять, каким образом более развитые правовые нормы оказались в более древней эпохе развития человеческой культуры» [1, с. 21].

Античная Греция и Рим также не являются исключением в этом смысле. Экономические и политические успехи древнеримского государства во многом были обязаны системе ценностей, которая формировалась в контексте целого ряда факторов, в числе которых религиозное мировоззрение играло определяющую роль.

Средневековая культура христианской Европы и мусульманского Востока вывела религиозное мировоззрение на вершину социальной и политической иерархии ценностей, определив этим и существенные особенности правовой культуры в этот период. Эпоха Возрождения в Европе, пришедшая на смену Средневековью, в гегелевском смысле может быть описана с точки зрения закона «отрицания отрицания», так же, как и все последующие циклы исторического развития религиозного мировоззрения и его влияния на правовую культуру.

В целом европейская культура состоялась в контексте исторического наследия двух больших традиций – античности и христианства. Также можно утверждать, что в европейских странах «правовые системы сформировались под влиянием римского права, местных правовых обычаев, а также христианских религиозных ценностей» [6].

Вера кодифицирует культуру, — подчёркивал Э. Геллнер. [7, р. 68]. Религиозные ценности глубоко укоренены в культурном пространстве личности и социума. Применяя это положение к характеристике правовой культуры в России, отметим, что фундамент русской культуры составляет православная вера. Православие также определило и особенности русской философии. А.С. Панарин считал, что православный культурный тип воплотил то, что содержалось как заявка, но так и не получило реализации на почве немецкой культуры, — ценностную рациональность (М. Вебер). Весь русский интеллектуализм — это не целевая рациональность, а ценностная рациональность. В ней содержится

страстность, которой интеллект сам по себе не содержит, страстность интенций добра и красоты [4, с. 503].

Оценивая развитие российской правовой культуры, важно отметить, что российская философия права на сущностном уровне имеет отличия от классической немецкой рационалистической философии. Для обоснования этого тезиса сравним два подхода к праву: Иммануила Канта и Ивана Ильина.

И. Кант: «право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти. Здесь нет середины и нельзя измышлять среднее прагматически обусловленного права; всей политике следует преклонить колени перед правом» [3, с. 302].

И. Ильин: «иметь религию есть право человека, и это право — право быть духом — лежит в основе всех других его прав» [2, с. 390].

Как видим, Иммануил Кант определяет безусловный приоритет права. В концепции Ивана Ильина представлена принципиально иная иерархия: религия лежит в основе права. По сути дела, два высказывания, приведенные выше, демонстрируют нам два разных подхода к обоснованию сущности права: «в первом случае первична прагматическая обусловленность права, приобретающего священный ореол, во втором сущность права раскрывается через его религиозный смысл, являющийся изначальным условием существования права как такового» [5].

Подводя итог сказанному, сформулируем основные выводы:

Правовая культура России испытала на себе историческое влияние целого ряда внешних культурных заимствований, в том числе и римского права. Наряду с этим, русское правосознание тесным образом связано с традиционными ценностями, которые транслировались из поколения в поколение благодаря определяющей роли православной веры в жизни русского человека. Так как формирование правосознания в России исторически связано с православием, в недрах православного мировоззрения следует искать истоки русской правовой культуры.

Так как народ России является многонациональным, в разных регионах страны представлены разные традиционные конфессии, которые исторически также оказывали влияние на

формирование местных правовых обычаев и локальных вариантов правовых субкультур.

Данная тема обладает явным эвристическим потенциалом, что нацеливает на дальнейшие исследования влияния религиозного мировоззрения на формирование российской правовой культуры, в том числе, и в области сравнительного правоведения.

Источники и литература:

1. Аннерс Э. История европейского права / пер. со швед. – М.: Наука, 1994. – 397 с.

2. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. / сост. Ю. Т. Лисицы. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – С. 149-414.

3. Кант И. К вечному миру // Сочинения в 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1966.

4. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. - М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2003. - 541 с.

5. Сенюшкина Т. А. Православная система ценностей как фактор формирования правосознания в России [Электронный ресурс] // Электронное научное издание - альманах «Пространство и время». — 2015. — Т. 9. — Вып. 1: Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А. С. Панарина. Тематический выпуск кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast9-1.2015.43.

6. Сенюшкина Т. А. Православные ценности и русская правовая культура [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. - 2017. - № 4 (30). http://cr-journal.ru/rus/journals/423.html&j_id=33.

7. Gellner E. Nations and Nationalism. — Ithaca: Cornell University Press, 1983. - 164 p.

Степанов Андрей Васильевич
*протоиерей,
старший преподаватель кафедры теологии Иркутского
государственного университета, магистр религиоведения,
древлехранитель Иркутской епархии РПЦ (МП),
г. Иркутск, Россия*

Индуцкая Оксана Ивановна
*старший преподаватель кафедры теологии Иркутского
государственного университета, филолог, магистр
религиоведения,
г. Иркутск, Россия*

**ЦЕРКОВНОЕ ДРЕВЛЕХРАНИТЕЛЬСТВО КАК ОБРАЗЕЦ
СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА ЦЕРКВИ И
ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
DOI: 10.47905/f4780-0136-0701-i**

Аннотация. Статья посвящена вопросу взаимодействия и сотрудничества церкви и государства в сфере сохранения объектов культурного наследия и, прежде всего, религиозного назначения, на примере Иркутской области.

Особое внимание уделено реализации концепции по сохранению памятников деревянного зодчества. Рассмотрена история возникновения церковного древлехранительства, проблемы и перспективы на современном этапе. Делается акцент на миссионерской и просветительской функции древлехранительства. Также автор обращается к проблематике создания музеев под открытым небом, как инструменту сохранения памятников истории и культуры.

Ключевые слова: деревянное зодчество, епархиальный древлехранитель, объект культурного наследия, музей под открытым небом, церковно-археологический кабинет, патриарший совет по культуре.

Stepanov Andrey Vasilievich
archpriest,
senior lecturer of the department of theology of the Irkutsk state
university,
master of religious studies, ancient guardian of the Irkutsk
Diocese of the Russian Orthodox Church (MP),
Irkutsk, Russia

Indutskaya Oksana Ivanovna
senior lecturer of the department of theology of the Irkutsk state
university,
philologist, master of religious studies,
Irkutsk, Russia

CHURCH OLD STORAGE AS A MODEL OF SOCIAL PARTNERSHIP OF THE CHURCH AND THE STATE ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION

Abstract. The article is devoted to the issue of interaction and cooperation between the church and the state in the field of preservation of cultural heritage and, above all, religious purposes, using the example of the Irkutsk region.

Special attention is paid to the implementation of the concept for the preservation of monuments of wooden architecture. The article considers the history of the emergence of the church tree, problems and prospects at the present stage. The emphasis is placed on the missionary and educational function of the ancient preservation. The author also addresses the problems of creating open-air museums as a tool for preserving historical and cultural monuments.

Key words: wooden architecture, diocesan tree-keeper, cultural heritage object, open-air museum, church-archaeological cabinet, patriarchal Council for Culture.

Актуальность выбранной нами темы заключается в том, что сохранение и передача грядущим поколениям бесценного духовного наследия Русской Православной Церкви, запечатленного в памятниках архитектуры, иконописи, произведениях

изобразительного и ювелирного искусства, скульптуры, всегда было очевидной и насущной задачей Церкви. Согласно 38 правилу Святых Апостолов, гласящему: «Епископ да имеет попечение о всех церковных вещах, и оными да распоряжает, яко Богу назирающу», позднейшим церковно-каноническим постановлениям, а также в соответствии с главой XV Устава Русской Православной Церкви ответственность за сохранность церковного имущества, в том числе храмов и монастырей, лежит на епархиальном архиерее, осуществляющем начальствующее наблюдение за сохранением памятников церковной архитектуры и искусства во вверенной ему епархии.

Священное Предание является стержнем церковной жизни, а церковная реликвия – стержнем христианской культуры и в этом отношении можно говорить о включении понятия подлинной реликвии в церковное сознание. Древность и подлинность произведений прошлого являются также свидетельством неискаженного исповедания православного вероучения, при этом, церковное предание не определяет стилистику храмовой архитектуры, композиционные моменты, но предъявляет определенные требования к структуре внутреннего пространства, как единому священному пространству.

Создатели храмов вольны, сообразуясь с художественной традицией и представлениями о высоком художественном совершенстве, достойном дома Божия, формировать его облик, поэтому можно утверждать, что каждый храм является опытом духовного творчества их создателей, а из этого опыта складывается впечатление о характере благочестия той или иной эпохи [6].

Объектом нашего исследования является материально-культурное наследие Русской Православной Церкви. Предмет нашего исследования – церковное древлехранительство. В статье мы рассмотрим историю древлехранительства, модели взаимодействия церкви и государства в вопросах сохранения культурного наследия, ознакомимся современным положением дел на примере Иркутской области.

Историю церковного древлехранительства в России можно начать с середины XIX века, когда в русском обществе пробуждается огромный интерес к отечественным древностям, а обширные археологические исследования в стране способствуют

формированию различных обществ и комитетов археологической направленности.

В 1859 году учреждается Императорская археологическая комиссия, в 1864 году – Московское археологическое общество, по инициативе которого, начинают проводиться археологические съезды, где обсуждаются проблемы охраны памятников старины, в том числе и церковных.

Самостоятельное развитие получает организация во многих епархиях церковно-археологических обществ и уникальных собраний церковных древностей – древлехранилищ. Православная церковь пыталась найти свой путь сохранения национального достояния, не утрачивая первичной его религиозной составляющей. Церковные музеи – древлехранилища – несли, в первую очередь, христианские функции: «относясь к богослужебным предметам как святыне, в церковных музеях пытались сохранить их живое духовное наполнение и сакральность образа. Не только художественная и историческая ценность являлась там определяющей, но и соблюдался более целостный подход к экспозиционному представлению» [6, с. 218].

После 1917 года все академические, а также, епархиальные церковно-археологические общества и древлехранилища были упразднены, а их коллекции вошли в состав различных краеведческих, исторических музеев, часто на правах церковных отделов.

В 1930-е годы церковные отделы в советских музеях были закрыты или перепрофилированы для антирелигиозной пропаганды. В некоторых случаях и сами храмы превращались в антирелигиозные музеи. В качестве примера можно привести Крестовоздвиженский храм города Иркутска, который с 1934 по 1941 гг. был объявлен таким музеем. Справедливости ради, мы должны сказать о том, что превращение храмов в музеи, пусть даже и атеистической направленности, способствовало их сохранению, как это было в г. Иркутске во время «хрущевской оттепели», когда были спасены от уничтожения Богоявленский собор и Спасская церковь.

Что же касается характера церковно-государственных отношений, то «на всем протяжении своего существования Советское государство проводило в жизнь марксистско-ленинскую

идеологию, в соответствии с которой религия представляет собой отрицательное социальное явление, осуществляло тотальную антирелигиозную пропаганду, которая временами принимала характер откровенного глумления над религиозными святынями» – отмечает М. О. Шахов [7, с. 44].

Существенные изменения в отношениях между церковью и государством произошли накануне празднования 1000-летия крещения Руси в 1988 году. Высшим руководством страны после встречи 29 апреля 1988 года генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и Патриарха Московского и всея Руси Пимена было принято решение о проведении праздничных торжества, посвященных Крещению Руси, как крупнейшего историко-культурного события.

Именно с этого времени происходит существенная перемена модели взаимодействия церкви и государства. В результате были приняты: 1) 25.10.1990 года Закон РСФСР «О свободе вероисповедания» и 2) Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ. С тех пор государственно-конфессиональные отношения приобрели характер социального партнерства, когда государство решает социальные проблемы совместно с религиозными объединениями.

Отношения Российской Федерации и Русской Православной Церкви развиваются на данный момент в направлении кооперационного типа, т.е., социального партнерства. Федеральный закон от 22.10.2014 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) № 73-ФЗ регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (далее – ОКН) и направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия. Государство гарантирует сохранность ОКН в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации. Государственная охрана ОКН является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления [2].

В качестве меры, призванной обеспечить сохранность материального культурного наследия Русской Православной Церкви, согласно синодальному решению от 25 декабря 2014 года Патриаршим советом по культуре была выдвинута инициатива по учреждению в епархиях штатной должности епархиального древлехранителя, осуществляющего контроль за сохранением памятников истории и культуры – объектов недвижимого имущества со связанными с ними произведениями иконописи, живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, иными предметами церковного наследия, находящихся в собственности (пользовании) епархии и ее канонических подразделений.

В компетенцию епархиального древлехранителя входит: своевременное информирование епархиального архиерея и Патриаршего совета по культуре о значимых проблемах в епархии, связанных с сохранением недвижимых объектов культурного наследия религиозного назначения, а также движимого имущества религиозного назначения, относящегося к культурным ценностям; наблюдение за сохранностью, своевременным ремонтом, реставрацией переданных религиозным организациям Русской Православной Церкви в лице данной епархии недвижимых объектов культурного наследия религиозного назначения, а также движимого имущества религиозного назначения, относящегося к культурным ценностям; пресечение действий, направленных на повреждение или уничтожение недвижимых объектов культурного наследия религиозного назначения, а также движимого имущества религиозного назначения, относящегося к культурным ценностям (по согласованию с епархиальным архиереем); профессиональное взаимодействие с музейным сообществом и организациями культуры.

Епархиальный древлехранитель обязан соблюдать действующее законодательство, знать и соблюдать законодательство в области сохранения, использования и государственной охраны ОКН, по согласованию с епархиальным архиереем участвовать в переговорах канонических подразделений епархии с уполномоченными государственными органами по вопросам, связанным с установлением и соблюдением требований к сохранению объектов культурного наследия и культурных ценностей, находящихся в собственности (пользовании) данных

канонических подразделений, взаимодействует с уполномоченными государственными органами и организациями культуры (в том числе музеями) по вопросам сохранения объектов культурного наследия, находящихся в собственности (пользовании) епархии и ее канонических подразделений [3].

18 мая 2021 года в лектории Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева в рамках направления «Церковь и культура» XXIX Международных образовательных чтений «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа» прошло совещание епархиальных древлехранителей.

Выступающие особое внимание обратили на следующие моменты:

1) древлехранитель г. Москвы протоиерей Леонид Калинин подчеркнул важность всех периодов истории русского церковного искусства, как древних, так и близких к современности, а также обратил внимание на неправомерную практику замены памятников искусства XIX века некачественным современным новоделом, в то время, как Церковь должна демонстрировать пример бережного сохранения памятников предыдущих поколений;

2) иеромонах Павел (Щербачев) огласил приветственное слово председателя Патриаршего совета по культуре митрополита Псковского и Порховского Тихона, в котором владыка подчеркнул важность не просто ознакомления экскурсантов с памятниками русской духовной культуры, но и осуществления миссионерской деятельности и привлечения волонтеров. Сохранение ОКН должно стать, в том числе, и неким образовательным процессом как для школьников, так и студенческой молодежи.

В ходе дискуссии была подчеркнута важность налаживания контактов с региональными органами охраны памятников. По мнению выступивших, членство в Общественных советах при таких органах сделало бы эффективным сотрудничество государственных органов и епархий РПЦ.

В частности, древлехранитель Иркутской епархии, по предложению руководителя Службы по охране ОКН Иркутской области, выбран заместителем председателя Общественного совета при Службе.

Вирусная эпидемия, начавшаяся в феврале-марте 2020-го года, вкупе с принимаемыми по ее преодолению мерами, открыла неожиданные аспекты в деле сохранения ОКН.

Речь идет о развитии внутреннего туризма. На территории Иркутской области разработана концепция «Этнографические музеи под открытым небом: перспективы Прибайкалья», в рамках которой рассматриваются проекты: этнографический комплекс «Ёрд», музей деревянного зодчества «Ленская деревня», музейный комплекс голендров в Пихтинске.

Особый интерес представляет перспектива сохранения материально-культурного наследия поселка Большой Кашелак Куйтунского района Иркутской области в виде организации туристического маршрута «Этнографическое кольцо Московского тракта периода столыпинской аграрной реформы» [4; 5].

Целью этого проекта, по мнению разработчиков, является следующее:

- сохранение традиционной культуры населения в пределах Московского тракта Иркутской Области как решение общегосударственной социальной задачи сохранения и передачи будущим поколениям дошедших до нас материальных и духовных носителей культуры переселенческого населения периода столыпинской аграрной реформы;

- задействование отреставрированных историко-культурных объектов для решения социальных и экономических проблем депрессивной территории посредством вовлечения ее, по большей части, безработного населения в туристический и сопутствующий ему бизнес по обслуживанию последовательно формируемого во времени туристического потока [5]. Доминантой проекта должна стать Михаило-Архангельская церковь, освященная 30 июня 1915 года и являющаяся образцом аутентичного сибирского деревянного зодчества.

Таким образом, в современных реалиях сохранение историко-культурного наследия имеет важнейшее значение для привлечения в регион туристических инвестиций, без которых намерения туристической индустрии в области могут остаться всего лишь проектами [4].

Отрадно участие в реализации этого проекта Комиссии по национальным отношениям и свободе совести Общественной

палаты Иркутской области, экспертом которой является епархиальный древлехранитель.

Еще одним примером сотрудничества церкви и государства является организация распоряжение Правительства Иркутской области от 13 марта 2020 года № 192-рп о «Рабочей группе по сохранению объектов культурного наследия – памятников деревянного зодчества Иркутской области». Итогом работы явилось создание, совместно со Службой по охране ОКН ИО, концепции, цель которой заключается в предложении принципиального решения масштабных и актуальных проблем обеспечения сохранности, реставрации и включения в культурный оборот объектов культурного наследия – памятников деревянного зодчества Иркутской области. Концепция предполагает взаимодействие с общественными и религиозными организациями. Объекты культурного наследия – памятники деревянного зодчества религиозного назначения – представлены на территории Иркутской области церквями, домами причта, церковно-приходскими школами часовнями, всего таких объектов насчитывается чуть больше 50.

В качестве исключительной меры к объектам, которых невозможно сохранить на своем историческом месте, Концепция предлагает вопрос об их перемещении на другую территорию. Сохранение ОКН – ПДЗ (памятников деревянного зодчества) религиозного назначения может быть проведено за счет предусмотренного бюджетом Иркутской области финансового обеспечения части затрат на проведение работ по сохранению находящихся в собственности религиозных организаций, включенных в единый государственный реестр ОКН (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, и выявленных ОКН религиозного назначения [3].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Церковный институт древлехранительства РПЦ, созданный как ответ на вызовы времени, полностью оправдывает себя, в том числе, и в области сохранения ОКН (в том числе памятников деревянного зодчества религиозного назначения).

Сотрудничество штатных епархиальных древлехранителей с государственными структурами (в том числе образовательными), которые занимаются сохранением объектов культурного назначения

является социальным партнерством, носящим конструктивный характер, так как специальные знания в области религии (как культурной составляющей идентификационного кода российской истории и настоящего времени), позволяют штатным епархиальным древлехранителям выступать в качестве профессиональных консультантов имеющихся проектов по сохранению ОКН (в том числе памятников деревянного зодчества религиозного назначения), а также выдвигать собственные.

В частности, это сотрудничество хорошо иллюстрируется совместной работой Иркутской епархии и Правительства Иркутской области в области сохранения ОКН. Например, рабочая группа по сохранению объектов культурного наследия – памятников деревянного зодчества Иркутской области», работает в рамках Концепции, предполагающей взаимодействие с общественными и религиозными организациями.

Епархиальный древлехранитель (Иркутская епархия РПЦ МП) является экспертом Комиссии по национальным отношениям и свободе совести Общественной палаты Иркутской области, а также – заместителем председателя Общественного совета при Службе по охране ОКН Иркутской области, что делает значимым участие Иркутской епархии в вопросах сохранения ОКН по Иркутской области в рамках сотрудничества Иркутской епархии и Правительства Иркутской области, как примера социального партнерства церкви и государства.

Источники и литература:

1. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации // base.garant.ru (дата обращения 25.11.2021).

2. Положение о должности епархиального древлехранителя. Принято 25.12.2014 г. // [patriarhia.ru / db / print / 3891562.html](http://patriarhia.ru/db/print/3891562.html) (дата обращения 25.11. 2021).

3. Правительство Иркутской области. Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Концепция сохранения объектов культурного наследия – памятников деревянного зодчества Иркутской области. - Иркутск, 2020.

4. Тихонов В. В., Чертилов А. Этнографические музеи под открытым небом: перспективы Прибайкалья. Архитектура, дизайн, градостроительство, технологии, проект Байкал // project Baikal. Вып. 22. Архитектурный журнал для Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2009. - 181 с.

5. Тихонов В. В., Колганова Е. Ю. Перспектива сохранения материально-культурного наследия поселка Большой Кашелак Куйтунского района Иркутской области (для организации туристического маршрута «Этнографическое кольцо Московского тракта периода столыпинской аграрной реформы»). – Иркутск, 2012. – 22 с.

6. Церковный древлехранитель. Методическое пособие по сохранению памятников церковной архитектуры и искусства. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – 264 с.

7. Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – 3-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. – 880 с.

Федоров Михаил Александрович

кандидат философских наук, доцент

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Россия

**РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ О ПРОТЕСТАНТИЗМЕ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
DOI: 10.47905/z1967-6166-9454-1**

Аннотация. В статье подробно разбираются темы греха и спасения, являющиеся системообразующими для христианства, и их влияние на экклесиологию протестантских деноминаций. Через призму этих тем рассматриваются общие черты протестантских деноминаций, выделяемые всеми авторами учебников по религиоведению для высшей школы.

Автор приходит к выводу, что мозаичность современного протестантизма является следствием свободно-конкурентного поиска оптимальных путей реализации христианских максим.

Ключевые слова: протестантизм, деноминации, религиоведение, хамартиология, сотериология, характерные черты.

Fedorov Mikhail Alexandrovich
PhD in Philosophy, associate professor named after Dorzhi Banzarov
Buryat state university,
Ulan-Ude, Russia

RELIGIOUS STUDIES ABOUT PROTESTANTISM: TRENDS AND PERSPECTIVES

Abstract. The article examines in detail the themes of sin and salvation, which are system-forming for Christianity, and their impact on the ecclesiology of Protestant denominations. Through the prism of these themes, the general features of Protestant denominations, which are highlighted by the authors of the textbooks on religious studies for higher education, are considered.

The author comes to the conclusion that the mosaicism of modern Protestantism is a consequence of a free-competitive search for optimal ways to implement Christian maxims.

Key words: Protestantism, denominations, religious studies, hamartiology, soteriology, specific traits.

Христианство традиционно рассматривается в религиоведении через призму трех направлений — православия, католичества и протестантизма. Знакомство с учебниками религиоведения для высшей школы показало, что авторы не придерживаются единой концепции, как ознакомить читателя с каждым из направлений, что ярко демонстрируется не только на примере православия [15], но и протестантизма. Это выражается как в порядке раскрытия его ключевых характеристик, так и в их наборе.

И здесь можно выделить несколько элементов, рассматриваемых как определяющие в отношении данного направления, которые встречаются практически у всех авторов:

- рассказ о предшественниках М. Лютера — Я. Гусе и Дж. Уиклифе [12, с. 271; 7, с. 464-468; 10, с. 215; 13, с. 179-183],
- изложение биографии М. Лютера [12, с. 271-274; 16, с. 318-322; 7, с. 469; 13, с. 184],
- ознакомление с общими для вероучения протестантских деноминаций догматами, включающими в себя оправдание верой,

всеобщее священство, исключительной авторитет Библии и отвержение Св. Предания [12, с. 282; 11, с. 412, 419, 443; 16, с. 321, 323; 7, с. 472; 10, с. 212; 13, с. 184-186];

- специфика учения о церковном устройстве [11, с. 418-419; 7, с. 473; 10, с. 212];

- описание отличительных черт протестантских конфессий и деноминаций [12, с. 282-288; 7, с. 471—502; 10, с. 213; 13, с. 187-207].

Следующие элементы религиозоведческого дискурса, посвященного протестантизму, привлекли внимание далеко не всех авторов:

- исторические предпосылки возникновения Реформации [12, с. 270; 11, с. 409];

- вклад в Реформацию У. Цвингли и Ж. Кальвина [12, с. 272-275; 7, с. 477-479];

- создание особой трудовой этики, основанной на практическом осмыслении евангельских максим, и их влияние на жизнь общества [12, с. 279; 16, с. 322-323];

- специфика распространения протестантизма в России [12, с. 289; 11, с. 412-416].

При этом без достаточного внимания авторов оказалась такая важная тема, как тема греха, которой в систематической теологии посвящен целый раздел — хамартиология, играющая важную роль в раскрытии проблематики как протестантизма, так и христианства в целом. В рассматриваемых учебниках по высшей школе авторы касаются ее вскользь, а именно упоминается то, что Иисус Христос принял распятие за грехи людей [10, с. 114-115] и грешнику необходимо чистосердечное раскаяние [12, с. 271]. При этом некоторые авторы говорят об искуплении первородного греха [12, с. 203; 16, с. 271, 277], что не находит подтверждения ни в православной, ни в протестантской догматике [6, с. 350-351; 5, с. 641-655]. Только в одном источнике делается попытка раскрыть понятие первородного греха как эгоизма [16, с. 272], которая, к сожалению, далека от христианского вероучения.

Общая тенденция выражается в представлении христианства как морально-этической системы, где грехи выступают как примеры нарушения общечеловеческих норм поведения, а искупительная

жертва Иисуса Христа — как обнуление индивидуального «счета», создающее равенство всех перед Богом, потому как все прощены, и являющееся основанием для начала жизни по новым канонам.

Сущность греха выражена в словах ап. Павла как испорченность человека, лежащая в основе человеческого существа: «доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» [1, Рим 7: 19-23]. Грех, таким образом, не единичное аморальное действие, а глубинная испорченность, противоречащая этическим представлениям и воздействующая на сферу мотивации. Эта испорченность искажает образ Божий в человеке и ставит непреодолимое препятствие между человеком и Богом, являющимся источником любви, радости и милосердия.

Реальность греха подтверждается постоянным обличением совести в том, что некоторые мысли, слова и дела не соответствуют внутреннему нравственному идеалу. Именно эта базовая человеческая особенность делает привлекательным евангельский призыв, с которым Иисус из Назарета и Его ученики обращались к людям — «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» [1, Мф 4:17, Мр 6:7, 12], где покаяние означало освобождение от постоянной внутренней борьбы.

Понятие греха тесно сопряжено с понятием воздаяния: человек боится не смерти не потому, что боится окончания бытия. Как раз напротив, в религиях Древней Греции и Древнего Рима, не говоря уже об иудаизме, отчетливо представлена идея наказания за неправедную жизнь, поэтому скорее можно говорить о страхе посмертной участи, следующей за неправедной жизнью. Таким образом, на самый актуальный вопрос, встречающийся в Новом Завете — что делать, чтобы спастись [1, Деян 2:37] — Библия предлагает простой и понятный ответ на актуальный вопрос — покайтесь и веруйте в Сына Божия Иисуса Христа [1, Ин 3:16, Деян 2:38].

Основная идея евангелий и апостольских творений — путь к примирению с Богом, который начинается с рождения свыше и продолжается как с чистого листа, что представлено многочисленными Библейскими образами, из которых уместно представить три самых ярких:

– верующий умер для греха, а потому должен жить для праведности [1, Рим 6:1-16, Гал 2:20];

– верующий должен снять с себя ветхого человека и одеться в нового [1, Еф 4:22-24];

– верующий должен учиться преодолевать внутреннюю порчу греха, что ярко представлено в словах ап. Павла «ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось» [1, Евр.12:13].

Именно в контексте реальности греха, наказание за который — духовная смерть, геенна огненная, назначенная падшим ангелам, восставшим против Бога и увлекающим человечество за собой, становятся понятны душевные метания Лютера, не удовлетворенного католическими религиозными практиками, и его мучительный поиск ответа на вопрос о спасении. Нужно отметить, что Лютер не уникален в своих духовных метаниях: ему предшествует большое количество христианских мыслителей, самый известный из которых — еп. Гиппонский Августин. Его Исповедь, включающая глубочайшее раскаяние и преклонение перед любовью Бога, как раз выражает стремление к цели предназначения человека, которая в православном богословии представлена в понятии обожения, в протестантском — освящения.

Также в контексте поиска избавления от порчи греха нужно рассматривать упомянутые выше общие для протестантизма догматы, которые в данном контексте детерминируют друг друга. Так, вера в христианстве понимается как изменяемая величина: Св. Писание говорит о живой и мертвой вере, зрелой и младенческой [1, 1 Кор 3:1, 13:11]. Следовательно, вера — понятие динамическое: родившись, она должна возрастая. Самой частой метафорой для описания веры является растительная: вера — как растение, произрастающее из семени [1, Лук 8:5-8], как ветви виноградной лозы, которые должны приносить плоды [1, Ин 15:1-8].

В протестантизме рост веры рассматривается через максиму, выраженную ап. Павлом: «вера от слышания, а слышание от слова Божия» [1, Рим. 10:17]. Это проявляется как в структуре самого богослужения, так и всей церковной жизни в общем. Львиную долю собрания в евангельских церквях занимает проповедь (50-75 % в зависимости от деноминации), нацеленная на углубление в

вероучение. Кроме того, в различных деноминациях имеют место встречи на неделе для изучения Библии, не говоря уже о том, что верующие побуждаются к ее ежедневному изучению самостоятельно.

Понятие всеобщего священства не исчерпывается отказом от иерархии в пользу демократического устройства христианских общин [10, с. 212]. Священство верующих, прежде всего, понимается как личная ответственность за реализацию в своей жизни нравственных идеалов — совершение дел веры. Это проявляется как в личной жизни, так и в участии в церковном служении, особенно ярко представленное у не прямых последователей магистерской реформации, где от 50% до 100% членов общин участвуют в церковном служении.

Собственно, приобретшая широкую известность трудовая этика протестантизма имеет сотериологическое основание: реформация декларирует равное достоинство труда священника и крестьянина, где каждая профессия должна быть направлена к достижению оптимального результата и прославлению Бога. Смещение границ между клерикальным и светским приводит к сакрализации повседневности, где верующий ответственен за качество прожитого земного времени, свидетельствующее о силе его веры.

И наконец, исключительный авторитет Библии, явившийся результатом протеста против Церковного Предания, противоречащего, по мнению реформаторов, духу ранней церкви, имеет в своей основе и вполне утилитарный смысл: вера как исполнение воли Бога предполагает хорошее знание Библии. В итоге за годы движения Реформации ситуация, на которую жаловался М. Лютер в предисловии к своему катехизису [8, с. 312], в корне изменилась: сегодня протестанты являются наиболее наставленными в плане вероучения. Это проявляется как в массовом участии рядовых евангельских верующих в миссионерской деятельности, так и в том, что некоторые священники не рекомендуют своим прихожанам вступать в дискуссии с протестантами по причине того, что их могут переубедить в преимуществе «простоты» безобрядности евангельской традиции.

Неизбежным и печальным следствием отказа от церковной традиции — в первую очередь экзегетической — является

упомянутое выше отсутствие полного догматического единства протестантских деноминаций, проявившее себя в первый период Реформации, примером чего может служить известный диспут между Лютером и Цвингли. Протестантизм предстает как мозаичная совокупность вариантов реализации евангельского откровения — при отсутствии открытого межденоминационного прозелитизма сохраняется некая конкуренция деноминаций, в основе которой лежит сотериологическая максима. В этой связи большой интерес представляют не столько внешние отличия — оформление религиозных зданий или количество священнодействий и специфика их осмысления, сколько внутренние, к которым можно отнести степень и характер влияния догматов на повседневную жизнь протестантов.

Относительно обращения к персоналиям стоит отметить, что обращение к личности Лютера, равно как и других реформаторов, имеет ограниченную ценность, хотя нельзя не признать удачность раскрытия принципов *sola fide* и *sola scriptura* именно через призму жизни отца Реформации в учебнике под редакцией М. М. Шахнович [12, с. 272]. Тем не менее, для рядового евангельского христианина имя Лютера связано, как правило, с отвержением антибиблейских церковных преданий, тогда как с содержанием его работ мало кто знаком. К тому же его взгляды, легшие в основу лютеранских доктрин, не во всем разделяются большей частью протестантских деноминаций.

Равным образом это относится к именам Цвингли и Кальвина, чьи взгляды, как нам кажется, лучше рассматривать в рамках конфессий, возникших под их влиянием. Более эффективным способом рассмотрения протестантских конфессий и деноминаций является обращение непосредственно к вероучительным документам [2; 3; 4; 9; 14]. В этой связи хочется заметить, что исторические предпосылки Реформации протестантизма должны учитывать не только те персоналии, которые решались выступать против внутренней политики католической церкви — Дж. Уиклифа, Я. Гуса, но и те, которые, оставаясь в пределах Церкви, призывали к реализации идеалов ранней церкви. Можно только приветствовать упоминание имен Петра Дамиани и Пьера Абеляра, а также вальденсов, лоллардов, за исключением катаров [7, с. 339-349], догматика которых выводит их за пределы христианства.

Объединяющим эти персоналии и группы признаком является направленность на реализацию евангельских принципов в повседневной жизни.

Приведенные примеры показывают то, что христианское учение о грехе является необходимым контекстом, который демонстрирует обусловленность концепции спасения, являющейся краеугольным камнем христианского вероучения. Спасение как избавление от испорченности человека и ее преодоление выводит христианство из череды морально-этических учений и конституирует его как религию, т. е. систему практик, направленных на взаимодействие с духовным миром.

Выявленная тенденция к раскрытию протестантских деноминаций посредством перечисления вероучительных и культовых характеристик является недостаточным, поскольку игнорирует деятельностный характер религии. Недостаточное раскрытие хамартиологии представляет протестантские деноминации как упрощенные версии исторических конфессий, где сохранившиеся элементы вероучения и культа носят спорадический характер. Истоки протестантизма, динамика развития конфессий и деноминаций должна рассматриваться не только как неизбежное следствие отсутствия экзегетического единства, но и как свободно-конкурентный поиск оптимальных путей реализации христианских максим.

Источники и литература:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. - М.: Российское библейское общество, 2016. - 1295 с.
2. Вероучение евангельских христиан-баптистов [Электронный ресурс] // сайт. URL: <https://baptist.org.ru/faith/verouchenie> (дата обращения: 04.08.2021)
3. Вероучение РЦХВЕ [Электронный ресурс] // сайт. - URL: <https://hve.ru/church/verouzhnie/3838-verouchenie-rts-khve> (дата обращения: 04.08.2021)
4. Вероучение Церкви Адвентистов Седьмого дня. [Электронный ресурс] // сайт. - URL: <https://adventisty.ru/church/> (дата обращения: 14.08.2021).
5. Грудем У. Систематическое богословие: введение в

библейское учение: / пер. с англ. - 2-е изд. - СПб.: Мирт, 2010. - 1453 с.

6. Давыденков О., прот. Догматическое богословие: учебное пособие. - М.: Изд-во ПСГТУ, 2015. - 624 с.

7. История религий в 2 т. Т. 2 / под ред. И. Н. Яблокова. - 4-е изд. - М.: Юрайт, 2015. - 783 с.

8. Книга согласия. Вероисповедание и учение лютеранской церкви. Издание электронное, исправленное. Фонд «Лютеранское наследие». 1998. — 617 с.: сайт. - URL: http://www.lhf.ru/pdf/BOFC6_1.pdf (дата обращения: 12.09.2021).

9. Основы вероучения РОСХВЕ [Электронный ресурс] // сайт. - URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1378304> (дата обращения: 04.08.2021)

10. Религиоведение: учеб. пособие / под ред. М. А. Ленсу. Минск: Новое Знание, 2003. - 446 с.

11. Религиоведение: учеб. пособие. - 4-е изд. / науч. ред. проф. А. В. Солдатов. - СПб.: Изд-во «Лань», 2003. - 800 с.

12. Религиоведение / под ред. М. М. Шахнович. - СПб: Питер, 2009. - 432 с.

13. Соловьев К. А. Религиоведение: учеб. пособие. - М.: ИНФРА-М, 2016. - 370 с.

14. Тридцать девять статей Англиканской церкви // Реформатский взгляд [Электронный ресурс] // сайт. - URL: <https://www.reformed.org.ua/2/385/> (дата обращения: 16.08.2021)

15. Федоров М. А. Религиоведение о православии: тенденции и перспективы // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона —2020. — С. 157-162.

16. Шелковая Н.В. Введение в религиоведение / Н.В. Шелковая. Ростов-на-Дону.: Феникс, 2007. 416 с.

РАЗДЕЛ III.
ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ

Брылева Татьяна Вадимовна
студент 3 курса (уровень бакалавриата)
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Самусевич Алексей Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский национальный исследовательский
технический университет
г. Иркутск, Россия

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МОНИТОРИНГА СОЦИАЛЬНЫХ
СЕТЕЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОПОРЯДКА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
DOI: 10.47905/a1338-7619-9650-k

Аннотация. В рамках представленного доклада автор предпринимает попытку анализа деятельности правоохранительных органов в социальных сетях и в Интернете с целью обеспечения безопасности государства и общества. Выявляются некоторые проблемные вопросы достижения эффективности данной деятельности.

Делаются выводы о том, что деятельность правоохранительных органов в социальных сетях и Интернете нуждается в более строгой правовой регламентации. Возникает необходимость внесения в законодательство норм, которые в полном объеме могут позволять правоохранительным органам осуществлять свою деятельность в социальных сетях.

Ключевые слова: эффективность, правоохранительная деятельность, безопасность, Интернет, социальные сети, мониторинг.

Bryleva Tatyana Vadimovna
3rd year student (bachelor's level)
Irkutsk national research technical university,
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Samusevich Alexey Gennadievich
PhD in Law, associate professor
Irkutsk national research technical university,
Irkutsk, Russia

**THE EFFECTIVENESS OF MONITORING SOCIAL
NETWORKS IN THE IMPLEMENTATION OF LAW AND
ORDER:
THEORETICAL AND LEGAL ASPECT**

Abstract. Within the framework of the presented report, the author attempts to analyze the activities of law enforcement agencies in social networks and on the Internet in order to ensure the security of the state and society. Some problematic issues of achieving the effectiveness of this activity are identified.

Conclusions are drawn that the activities of law enforcement agencies in social networks and the Internet need stricter legal regulation. There is a need to introduce norms into the legislation that can fully allow law enforcement agencies to carry out their activities in social networks.

Key words: efficiency, law enforcement, security, internet, social networks, monitoring.

Актуальность представленного исследования обусловлена тем, что в настоящее время с развитием информационных технологий появляются все больше способов реализации правоохранительными органами своей деятельности, в том числе и по выявлению, предупреждению и раскрытию административных правонарушений и преступлений. Стоит отметить, что правоохранительные органы не стоят на месте и развиваются вместе с обществом, пронизывая все сферы жизнедеятельности, реализуя функции правопорядка, в том числе и в информационной среде. Как справедливо отмечено авторами: «Интернет-ресурсы становятся

одним из важнейших способов взаимодействия между людьми, способствуя получению практически любой интересующей информации (вплоть до сведений ограниченного доступа), содействуют формированию общественного мнения и активно воздействуют на социальную осведомленность в пользу определенных субъектов (включая злоумышленников), правоохранительным органам целесообразно использовать данный инструментарий в своей практической деятельности» [7, с. 124].

Очевидно, что всемирная сеть Интернет и различные социальные сети связывают людей со всего мира в одно целое, где находятся масштабные объёмы информации. Безусловно, многие сведения представляют ценность, как для конкретного человека, так и для всего человечества в целом. Виртуализация общественных отношений вносит определенные изменения в тактику расследования и раскрытия преступлений, обязывает сотрудников правоохранительных органов разрабатывать и внедрять в свою деятельность новые методы работы в сложившихся обстоятельствах.

В этой связи согласимся с мнением авторов о том, что «практически неограниченные возможности социальных сетей по установлению коммуникаций между людьми используют в своих целях преступные сообщества, террористические организации, религиозные фанатики и иностранные разведки. Цели, которые они преследуют, часто имеют противоправный характер, несут угрозу жизни и здоровью граждан, безопасности государства» [5, с. 58].

Тем не менее, отметим, что на сегодняшний день немаловажной проблемой остается определение сущности такой деятельности, как мониторинг социальных сетей со стороны правоохранительных органов. Кроме того, стоит отметить, что правовое регулирование такой деятельности также имеет определенные пробелы. Например, само понятие «мониторинг» в рассматриваемой сфере, не закреплено на законодательном уровне.

В рамках данного сообщения нам представляется возможным рассмотреть общие торические аспекты понимания и сущности мониторинга социальных сетей правоохранительными органами России, а также определить эффективность такой деятельности.

Анализ законодательства позволяет нам выявить сущностные черты данной деятельности. Например, в соответствие со ст. 96 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», мониторинг – это режим дистанционного государственного контроля (надзора), заключающийся в целенаправленном, постоянном (систематическом, регулярном, непрерывном), опосредованном получении и анализе информации о деятельности граждан и организаций, об объектах контроля с использованием систем (методов) дистанционного контроля, в том числе с применением специальных технических средств, имеющих функции фотосъемки, аудио- и видеозаписи, измерения, должностными лицами контрольного (надзорного) органа в целях предотвращения причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

Исходя из приведенного, можно выявить сущностные черты мониторинга:

во-первых, мониторинг основан на добровольном участии контролируемых лиц;

во-вторых, осуществляется в случаях, установленных положением о виде контроля, по заявлению контролируемого лица на условиях соглашения между контролируемым лицом и контрольным (надзорным) органом и др.;

в-третьих, осуществляется в целях выявления нарушений законодательства объектами контроля (надзора);

в-четвертых, осуществляется при помощи технических средств, которые фиксируют нарушения.

Причем, перечисляя инструменты мониторинга, указанным Законом не установлено, что данная деятельность может быть произведена с применением информационных технологий в сети Интернет. Как видно из приведенного, законодатель вообще не допускает использование социальных сетей в системе мониторинга со стороны государственных органов.

Несмотря на некоторые правовые пробелы регулирования мониторинга, определимся с вопросом эффективности такой деятельности. При этом стоит сказать, что отличительной особенностью понятия «эффективность» является отсутствие однозначного определения. Как справедливо отмечают Е. А. Штеле

и О. Б. Вечерковская: «сама трактовка понятия «эффективность», является предметом научных дискуссий в разных сферах [9, с. 940].

Тем не менее, более распространенным является подход к определению эффективности с точки зрения соотношения полученного эффекта (результата) к затратам, связанным с его получением [6, с. 255]. Стоит отметить, что эффективность всегда заключается в получении положительного результата за короткий промежуток времени и при минимальных материальных затратах.

Соответственно, эффективность мониторинга – это достижение в ходе проведенного анализа информации, определенных и необходимых результатов. В частности, мониторинг со стороны правоохранительных органов позволяет оперативно обнаружить, зафиксировать и раскрыть некоторые административные правонарушения, а в отдельных случаях и преступления, которые появляются в распространенных социальных сетях в виде фотографий и видеороликов.

В дополнение наших рассуждений, приведем точку зрения О. А. Карпенко и Ю. В. Броненковой, которые отмечают: «мониторинг социальных сетей относится к сбору и обработке персональных данных, полученных с цифровых коммуникационных платформ, часто с помощью автоматизированных технологий, которые позволяют в режиме реального времени агрегировать, организовывать и анализировать большие объемы метаданных и контента. Миллиарды людей по всему миру используют цифровые платформы для общения с близкими, друзьями и коллегами, а также для выражения своих политических, социальных и религиозных убеждений. Даже когда речь идет о людях, которые редко взаимодействуют с технологиями, имеющими доступа в Интернет, информация, которая собирается, генерируется и выводится о них, имеет огромную ценность для правоохранительных органов» [2, с. 43].

Кроме того, нельзя не указать тот факт, что анализ социальных сетей с целью установления общественного мнения о деятельности подразделений ОВД, а также фактов нарушений прав человека, предполагает возможность широкого охвата пользователей, а также оперативность распространения информации, что позволит отобразить реальную и полную картину

общественного мнения о работе органов внутренних дел, а также возможных нарушений прав граждан в Российской Федерации.

Таким образом, можно отметить, что для реализации указанных целей, практически все российские правоохранительные органы на сегодняшний день активно используют в своей деятельности социальные сети и Интернет. Подобная практика уже имеет широкое распространение и за рубежом. Так, анализ зарубежного опыта свидетельствует, что социальные сети являются важным каналом коммуникации между правоохранительными органами и гражданами [1, с. 48].

Как видно из приведенного, правоохранительные органы на Западе также активно используют для поиска преступников информатию, которая содержится в социальных сетях.

Повышенный интерес у спецслужб не только США, но и других стран, к информации, содержащейся в сетях, подтверждается ростом числа запросов от правоохранительных структур. Так, согласно отчету Google за второе полугодие 2011 года, компания получила свыше 6 тыс. запросов от американских правоохранителей на передачу им персональной информации пользователей, что более чем на треть превышает аналогичный показатель первого полугодия. Среди других стран-лидеров по таким запросам числятся Великобритания, Германия, Франция и Бразилия. Так, в Великобритании анализ общественного мнения, в частности с помощью социальных сетей, лежит в основе взаимодействия с общественностью. Уполномоченные должностные лица выступают от имени организаций в различных социальных сетях: Facebook, Twitter, LinkedIn и т.д. [1, с. 49]

В свою очередь, отметим, что сотрудники правоохранительных органов в результате мониторинга социальных сетей могут получить в своё распоряжение и самые различные данные. Здесь можно привести один из самых негативных примеров использования социальных сетей. Так, гражданином И. Г. был использован Телеграмм-канал, который был создан им накануне совершенного жестокого преступления – нападения на учеников и учителей школы-гимназии № 175 г. Казани. На своей странице преступник за 20 минут до совершенного им преступления призывал к насилию. По данным основателя социальной сети «В контакте» и «Телеграмм» – Павла Дурова – за 15 минут до осуществления

роковых выстрелов И. Г. сделал публичным (общедоступным) свой канал, открыв доступ к призывам широкой аудитории. Одним из важных моментов этой страшной трагедии стало то, что сотрудниками правоохранительных органов в течение одного часа данный канал был заблокирован [4, с. 219]. Однако избежать трагедии не удалось.

Таким образом, использование социальных сетей для получения информации о криминальном событии российскими правоохранительными органами, в силу стремительного развития информационных технологий, становится более актуальным и требует дальнейшего развития и изучения. Кроме того, использование таких систем службами собственной безопасности правоохранительных органов может помочь выявлению нарушений среди личного состава сотрудников [3, с. 148].

Также следует иметь в виду, что социальные сети на сегодня – это мощнейший ресурс, который уже нельзя игнорировать. Эпидемиологическая обстановка в апреле-мае 2020 года это ясно продемонстрировала. Мониторинг социальных сетей должен стать процессом управляемым и законодательно обеспеченным. Именно благодаря постоянному мониторингу социальной сети удастся не только выявить проблемное поле и решить часть проблемных вопросов, но и оценивать деятельность сотрудников органов власти в данном направлении [8, с. 1664].

Для регулирования деятельности правоохранительных органов в социальных сетях на законодательном уровне, необходимо внести в законодательство норму об использовании социальных сетей правоохранительными органами для реализации своих полномочий.

В заключении отметим, что данное исследование производилось в рамках научно-исследовательского проекта «Применение информационных технологий в деятельности правоохранительных органов в сфере выявления правонарушений и преступлений», реализуемого командой студентов Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНТУ). В рамках данного проекта будут подготовлены законодательные предложения для устранения проблемных вопросов в сфере осуществления мониторинга социальных сетей правоохранительными органами.

Источники и литература:

1. Березовская Е. В. Анализ социальных сетей в механизме мониторинга общественного мнения о деятельности органов внутренних дел // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (8). – С. 47–50.
2. Карпенко О. А. Возможности современных социальных сетей в поисковой деятельности следователя // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 4 (16). – С. 39–45.
3. Михед А. Д. Использование правоохранительными органами интернета и телекоммуникационных систем для получения информации о криминальном событии // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 3-2. – С. 146–150.
4. Очеретько Е. А. Проблемы правового регулирования публичного использования сети интернет, социальных сетей и медиаресурсов // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы III Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2021. – С. 217–222.
5. Прокопенко А. Н. Особенности осуществления правоохранительными органами мероприятий по противодействию информационным угрозам в социальных сетях // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 4 (42). – С. 55–61.
6. Самоделкина А. В. Основные подходы к определению понятия эффективности // Новая наука: проблемы и перспективы. – 2016. – № 8 (97). – С. 252–255.
7. Самусевич А. Г. Мониторинг социальных сетей в деятельности органов полиции по выявлению правонарушений: проблемные вопросы // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 4 (155). – С. 123–125.
8. Тихонова А. В. Мониторинг социальных сетей как современный инструмент работы с обращениями граждан // Научный аспект. – 2020. – № 2. – С. 1657–1665.
9. Штеле Е. А. К вопросу о понятии «эффективность» // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – № 5. – С. 935–947.

Виноградова Юлия Денисовна
*студент 1 курса экономического факультета (уровень
бакалавриата)*
Байкальский государственный университет
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Кузьмин Игорь Александрович
кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет
г. Иркутск, Россия

ПОНЯТИЕ КОРРУПЦИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

DOI: 10.47905/k3444-9707-0532-v

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к пониманию феномена коррупции. Проведен общий анализ причин возникновения коррупции. Продемонстрирована схема изменения индекса коррупции за длительный период времени в России.

Сформулированы итоговые выводы.

Ключевые слова: коррупция, социальные предпосылки коррупции.

Vinogradova Yulia Denisovna

1st year student of the faculty of economics (bachelor's level)

Baikal state university,

Irkutsk, Russia

Scientific curator:

Kuzmin Igor Alexandrovich

PhD in Law, associate professor

Baikal state university,

Irkutsk, Russia

THE CONCEPT OF CORRUPTION AND ITS SOCIAL PREREQUISITES

Abstract. The article discusses approaches to understanding the phenomenon of corruption. A general analysis of the causes of corruption has been carried out. The scheme of the corruption index period for a long time in Russia is shown.

The final conclusions are formulated.

Key words: corruption causes.

Проблема коррупции является актуальной в современном обществе. Она проникла практически во все сферы жизнедеятельности. С политической точки зрения коррупция приводит к тому, что нарушается принцип верховенства закона, происходит неэффективность политических и судебных институтов, падает престиж страны. В экономической сфере она влияет на неэффективное распределение и расходование государственных средств и ресурсов, появляется рост теневой экономики, налоговые потери, ухудшение инвестиционного климата, снижение инвестиций, также происходит снижение конкуренции в ущерб экономическому развитию. С точки зрения социальных институтов коррупция существенно снижает уровень доверия населения к власти, возникает рост неравенства, бедность, усиливается организованная преступность, морально-нравственные нормы теряют свое значение.

В настоящее время взятки, как одно из проявлений коррупции, становятся все более обыденной вещью, несмотря на то,

что борьба с ними ужесточается. Коррупция является препятствием для становления гражданского общества, для повышения уровня жизни населения. В результате совершения коррупционных преступлений подрываются авторитет и иные интересы публичной власти, зачастую причиняется значительный материальный ущерб, ущемляются права и законные интересы граждан или организаций.

В России официальное определение понятия «коррупция» дано в Федеральном законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Данное определение неудачное, поскольку оно не раскрывает специфики коррупции с точки зрения ее рода и видовых отличий, а лишь перечисляет возможные виды коррупционного поведения, и это приводит к тому, что часть составов рассматриваемой направленности выпадают из соответствующей статистики. Так как этого недостаточно, исследователями предлагаются дополнительные определения, чтобы компенсировать недостаток указанного.

Различными исследователями предлагаются авторские определения коррупции, призванные компенсировать недостатки официальной дефиниции. Так, по мнению Ю. А. Бурцева, коррупция в широком смысле — это использование служащим органа власти и управления своих властных полномочий в личных интересах, а также в интересах третьих лиц или групп [1]. С позиции М. Б. Горного, коррупция – это многосложное и многоаспектное явление общественной и государственной жизни, когда использование должностным лицом своих полномочий в целях личной выгоды противоречит закону и нравственным установка [4]. А. Б. Артемьев рассматривает коррупцию в трех воплощениях: а) как

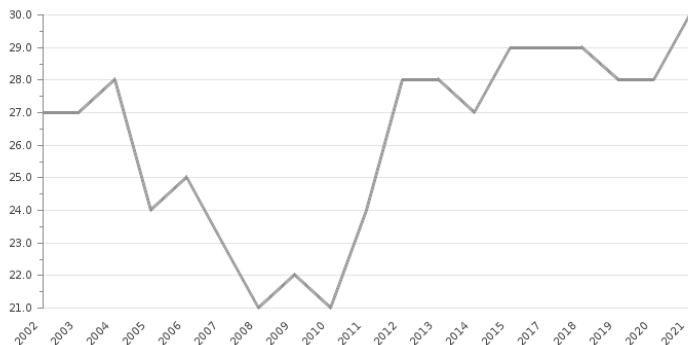
осуществление произвола лиц, обладающих властью, с обращением чужих и/или общественных благ в свою пользу - корыстный произвол; б) как элемент неофициального (теневого) механизма перераспределения благ в государственно-организованном обществе с использованием служебных возможностей; в) как порицаемое социальными нормами деяние (коррупционное явление) [4].

На наш взгляд коррупцию следует рассматривать в широком и в узком смысле. В узком смысле коррупция будет сводиться к даче и получению взятки, а в широком данное понятие охватывает любые противоправные действия должностных лиц, совершенные с корыстной целью. В этой связи коррупцию следует рассматривать как комплексное социально-правовое явление [5, с. 94-95, 96].

Важное значение имеет такой показатель коррупции, как ее динамика, то есть изменение во времени. Динамика коррупционных преступлений определяется путем расчёта ее характеристик как абсолютный рост (снижение, тем ее роста и прироста). Темп прироста коррупционных преступлений выражается в процентах и показывает на сколько увеличился или уменьшился последующий уровень коррупционных преступления по сравнению с предыдущим периодом.

Число коррупционных преступлений в России в первой половине 2021 года выросло на 16,5% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего 2020 года, говорится в сборнике Генпрокуратуры России «О состоянии преступности в России за январь—июль 2021 года».

С января по июль в России выявили 24,5 тыс. преступлений в сфере коррупции. С начала 2021-го ущерб от преступлений в сфере коррупции составил 39,4 млрд. руб.

Индекс коррупции в России вырос до 30 инд. п. в 2020. Максимальный уровень достигал 30 инд. п., а минимальный 21 инд. п. [6].

Представленная диаграмма отражает изменения индекса коррупции с 2002 по 2021 года. На графике видно, как и в какой период индекс коррупции становится меньшим или возрастает. Из этого можно сделать вывод, что в 2008 и 2010 году индекс коррупционных преступлений был минимальным, а в 2021 году было совершено рекордное число коррупционных преступлений за последние 8 лет.

Часто отмечается, что одной из причин коррупции, которая лежит на поверхности – желание одних жить за счет других, а самое главное – лучше других. Достижение хорошей жизни очень тяжело, как в физическом плане, так и в интеллектуальном, поэтому проще извлекать из своего должностного положения дополнительные доходы и блага путем создания определенных трудностей обычным гражданам [3].

Ещё одним из источников коррумпированности общества является низкий уровень образования, воспитания, социальной ответственности, самосознания, отсутствие чувства долга и другие личные характеристики участников акта коррупции. Многие люди не считают коррупцию делом аморальным, они продолжают жить по своим принципам, отмахиваясь от совести. Они хотят жить на «широкую ногу», не боясь «угрызений совести».

Другая причина коррупции – низкая заработная плата. На сегодняшний день часть населения имеет низкий уровень дохода, это может служить поводом к коррупционным правонарушениям.

Развитию коррупции способствует личная жадность. Человек стремится присвоить себе как можно больше всевозможных благ, как материальных, так и нематериальных, не обращая внимания на моральные принципы [7].

Еще одна причина коррупции — низкие возможности самореализации. В связи с тем, что у людей отсутствуют возможности для работы по желанию, они идут работать в государственные структуры, чтобы заработать на коррупционных схемах. Довольно часто эти люди дают взятки, для получения подобных «теплых» должностей [7].

Можно также сказать, что причиной распространения коррупции — неблагоприятная обстановка, складывающаяся на работе или службе. Человек, попадая в среду, в которой есть атмосфера коррупции, то есть каждый член коллектива совершал или совершает коррупционные действия, начинает приспосабливаться к этой среде, становится частью механизма.

Важной причиной появления коррупционных преступлений является несовершенство законодательства, в котором есть противоречия, двусмысленности, что создает благоприятные условия для использования должностными лицами, принимающими решения, предоставленных им полномочий в личных или групповых интересах, вымогательства и шантажа граждан, создающих дополнительные условия для коррупции.

Другой причиной развития коррупции является недостаточный контроль за деятельностью должностных лиц и государственных служащих. Здесь можно сказать о некачественном контроле со стороны соответствующих органов. Органы, подразделения и должностные лица, ответственные за профилактику коррупционных и иных правонарушений, обязаны осуществлять анализ поступающих сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. При анализе справок о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера подразделениям и должностным лицам, ответственным за профилактику коррупционных правонарушений следует обратить внимание на полноту сведений, внесенных в справку, и на соответствие сведений друг другу, что подтверждается изучением характерных недостатков, выявленным в ходе анализа справок.

Отсутствие строгих и быстрых наказаний также является предпосылкой коррумпирования общества. Данная причина связана с тем, что если кто-то признан виновным, то судебная система затягивает процесс. В случаи, когда судебный процесс длится очень долго, напряжение в обществе спадает, и как правило дело начинают затягивать. Еще одной проблемой являются слишком мягкие наказания. К примеру, коррупционера могут не посадить в тюрьму, а перевести на менее престижную должность. Это способствует процветанию коррупции, так как отсутствует реальное наказание за преступление.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, коррупция на сегодняшний день является серьезной проблемой, которая тормозит развитие государства, уровень жизни населения, нарушается принцип социальной справедливости.

Во-вторых, понятие коррупции давно выходит за рамки взятничества, это также использование государственным, муниципальными и иными публичными служащими своего статуса для незаконного получения каких-либо преимуществ, либо предоставление таких преимуществ.

В-третьих, коррупция имеет большой ряд причин, с которыми должно бороться не только государство, но и население в целом.

Источники и литература:

1. Бурцев Ю. А. Коррупция в России: причины возникновения и методы борьбы // Транспортное дело России. – 2017. – № 2. – С. 66-67.

2. Ванюхина Н. В. Психологические предпосылки коррупции // Транспортное дело России. – 2010. – № 4. – С. 16-26.

3. Жаглин А. В., Иванченко Р. Б., Иванченко О. С. О причинах коррупции и мерах по ее предупреждению // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 255-260.

4. Коррупция: основные тенденции противодействия / под ред. Л. А. Андреевой. – Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2015. -196 с.; Артемьев А.Б., Комаров С.А. Коррупция как научная категория:

статья // Право и государство: теория и практика. 2012. № 4. С. 6-10; Артемьев А.Б., Комаров С.А. Коррупция как объективное явление: концепция исследования: статья // Юридическая мысль. 2010. № 4. С. 14-19.

5. Спириин М. Ю. Понятие и истоки коррупции как социального делинквентного явления // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 93-97.

6. В России выявили рекордное за 8 лет число коррупционных преступлений. - URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/08/2021/612d07919a79470efb759237> (дата обращения: 01.11.2021)

7. Что такое коррупция. - URL: <https://chto-takoe.net/chto-takoe-korrupciya/> (дата обращения: 03.11.2021)

Гашикова Евгения Николаевна
студент 2 курса юридического факультета (уровень магистратуры)
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Научный руководитель:
Мерзлякова Ирина Станиславовна
кандидат культурологии, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

**ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УСЫНОВЛЕНИЯ
(УДОЧЕРЕНИЯ) РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ
ГРАЖДАНАМИ, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ
УСЫНОВИТЕЛЕЙ, ПРАВОВОЙ СТАТУС
УСЫНОВЛЕННЫХ ДЕТЕЙ**
DOI: 10.47905/w5899-8247-7090-k

Аннотация. Статья посвящена исследованию такого социально значимого института как усыновление (удочерение) российских детей иностранными гражданами. Рассмотрены отличительные черты правовых последствий международного усыновления и его отмены.

Анализируется функционирование института усыновления (удочерения) российских детей иностранными гражданами на современном этапе, возникающие после данной процедуры права и обязанности, а также правовой статус усыновленных детей.

Ключевые слова: гражданство, дети, иностранный гражданин, международное усыновление (удочерение), правовой статус, правовые последствия, социальная защита.

Gashkova Evgeniya Nikolaevna

2nd year student of the faculty of law (master's degree level)

Transbaikal state university,

Chita, Russia

Scientific curator:

Merzlyakova Irina Stanislavovna

PhD in Cultural Science, associate professor,

Transbaikal state university,

Chita, Russia

LEGAL CONSEQUENCES OF ADOPTION OF RUSSIAN CHILDREN BY FOREIGN CITIZENS, RIGHTS AND OBLIGATIONS OF ADOPTIVE PARENTS, LEGAL STATUS OF ADOPTED CHILDREN

Abstract. The article is devoted to the study of such a socially significant institution as the adoption of Russian children by foreign citizens. The distinctive features of the legal consequences of international adoption and its cancellation are considered.

The article analyzes the functioning of the institute of adoption of Russian children by foreign citizens at the present stage, the rights and obligations arising after this procedure, as well as the legal status of adopted children.

Key words: citizenship, children, foreign citizen, international adoption, legal status, legal consequences, social protection.

Усыновление (удочерение) ребенка производится в его интересах для обеспечения стабильных и гармоничных условий жизни. Усыновление (удочерение) является неотъемлемой частью

жизни общества и считается мерилем гуманности государства, главной его задачей является предоставление детям-сиротам и детям, оставшимся в силу тех или иных обстоятельств без родительской опеки, благополучных условий воспитания в семье.

Особый интерес вызывает усыновление российских детей иностранными гражданами, что на сегодня является обычной практикой. Детальный анализ международного усыновления позволит лучше понять юридическую природу этого явления, выяснить, какие факторы влияют на него и какие проблемные аспекты возникают.

После усыновления (удочерения) ребенок уравнивается в личных и имущественных правах с родными детьми усыновителя (если такие имеются), его родственниками, между которыми возникают такие же права и обязанности, как между родственниками по происхождению.

Таким образом, усыновление (удочерение) иностранцами является самостоятельным институтом гражданского и международного частного права, главной задачей которого является предоставление детям, которые остались без родительской опеки, семейных условий и долгожданных родителей. То есть межгосударственное усыновление (удочерение) является основанием для возникновения гражданских отношений как юридического акта с участием иностранного гражданина.

Предоставление семейной заботы детям, которые не имеют должного семейного воспитания и лишены родительской опеки, имеет государственное значение. Согласно статье 38 Конституции РФ, материнство и детство, семья находятся под защитой государства [3].

За последние годы с целью обеспечения реализации прав ребенка на жизнь, здравоохранение, образование, социальную защиту и всестороннее развитие в России было принято много нормативных актов, которые устанавливают основные принципы и направления защиты прав детей, а также основы государственной политики в этой сфере [8, с. 196].

Следствием усыновления становится потеря ребенком юридического статуса ребенка-сироты или ребенка, лишённого родительской опеки. Процедура усыновления устанавливает между усыновителями (родителями) и усыновленным ребенком взаимные

права и обязанности. В научно-экспертной среде существуют различные трактовки понятия «усыновление».

В рамках института усыновления российских детей иностранными гражданами непосредственно затрагивается публичный интерес Российской Федерации, поскольку будущее ребенка после его усыновления находится вне юрисдикции национального государства. В соответствии со ст. 165 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (далее – СК РФ) [5], усыновление (удочерение) российского ребенка иностранцем на территории РФ производится в согласии с законами страны гражданства усыновителя. То же самое относится к отмене усыновления (удочерения). Усыновлением признается юридический акт, приводящий к возникновению между усыновителем и усыновленным таких же обязанностей и прав, которые имеют место между биологически родными родителями и детьми. Предполагается, что усыновление должно отвечать интересам ребенка и не нарушать его права [10, с. 114]. Но на практике бывает так, что усыновление может нарушать права усыновленного. В таком случае оно недопустимо и гражданство усыновителя не играет никакой роли. Это общее правило закреплено в п. 2 ст. 165 СК РФ и подлежит применению в любом случае нарушения прав детей усыновлением. Если же усыновление состоялось, но впоследствии было выявлено, что оно нарушает права усыновленного, то оно должно быть отменено. Отмена усыновления всегда осуществляется через суд.

Согласно закону «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» охрана детства является в России стратегическим общенациональным приоритетом [6].

Усыновленный ребенок имеет право на сохранение своей национальной идентичности в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и другими международными договорами [1]. Усыновление ребенка, который является гражданином РФ, производится решением суда в установленном порядке на общих основаниях, установленных Семейным кодексом РФ, независимо от гражданства лица, желающего усыновить этого ребенка. Документы, выданные за рубежом, предоставляемые суду непосредственно заявками, нуждаются в консульской легализации, если иное не установлено международным договором, участником которого является Россия.

Ссылаясь на пункт «с» Конвенции о правах ребенка, государства-участники обеспечивают при усыновлении ребенка в другую страну применение таких же гарантий и норм, которые применяются при усыновлении внутри страны. Для обеспечения этого требования суд может требовать от заявителя предоставления соответствующих нормативных актов законодательства его государства, которые будут обеспечивать ребенку его основные права, которые он имеет в России [9, с 107]. Если дети усыновлены иностранцами и проживают за пределами РФ, то соответствующее консульское учреждение по поручению Министерства иностранных дел РФ ведет учет этих детей и осуществляет надзор за соблюдением их прав до достижения ими восемнадцати лет.

Если российский ребенок на момент усыновления иностранцами проживает на территории иностранного государства, то процедура проводится уполномоченными органами страны проживания. В этой стране процедура усыновления будет признана действительной. Но для того, чтобы усыновление было признано действительным и в России, необходимо получить предварительное письменное разрешение на передачу ребенка от органов исполнительной власти субъекта РФ, в котором проживал ребенок или его родители до того, как переехали в другую страну (абз. 4 ст. 146 СК РФ). Если усыновители являются гражданами разных стран, то применению подлежит законодательство обеих стран [12, с. 11].

В п. 1 ст. 165 СК РФ установлено, что при усыновлении российского ребенка с целью защиты его прав и интересов должны соблюдаться требования, закрепленные в ст. 124-126, 127 (исключая подп. 7 п. 1), ст. 128, 129 и 130 (исключая абзац 5), ст. 131-133 СК РФ.

Соответственно, к усыновлению (удочерению) российских детей должно применяться семейное законодательство РФ, так как дети, которые подлежат усыновлению, учет таких детей и будущих усыновителей, порядок усыновления, правила о получении согласия на усыновление со стороны родителей ребенка и его самого – все это определяется российскими законами.

В соответствии со ст. 124 СК РФ, усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской

Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников. Из данного положения следует, что законодатель устанавливает приоритет российского усыновления перед международным.

В процессе рассмотрения дела о международном усыновлении, суд должен установить, какие меры были приняты органами опеки и попечительства, для устройства ребенка в семье родственников, если таковые имелись, а также в семье граждан Российской Федерации, кому и когда из российских граждан предлагалось взять ребенка на воспитание в семью, какое время информация о ребенке находится в федеральном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и верны ли указанные о нем сведения.

В соответствии с пп.1-2 ст. 274 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4] суд, рассмотрев заявление об усыновлении, принимает решение, которым удовлетворяет просьбу усыновителей об усыновлении ребенка или отказывает в ее удовлетворении.

После удовлетворения заявления об усыновлении права и обязанности усыновителей и усыновленного ребенка возникают со дня вступления решения суда в законную силу об усыновлении ребенка.

С учетом того, что решение об усыновлении принимается судом государства-происхождения ребенка, необходимо, чтобы такое решение было признано на территории других государств. Таким образом, после завершения судебной процедуры по усыновлению, усыновителю необходимо снова обращаться в суд, но уже на территории страны своего гражданства, для того, чтобы усыновление считалось установленным и в его стране.

Кроме этого, усыновление (удочерение) российского ребенка иностранным гражданином влечет и правовое последствие, не предусмотренное Семейным кодексом РФ – решение о гражданстве ребенка. Согласно ст. 26 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», ребенок сохраняет гражданство Российской Федерации [6]. Гражданство Российской Федерации ребенка, усыновленного иностранными гражданами или иностранным гражданином, может

быть прекращено в общем порядке по заявлению обоих усыновителей или единственного усыновителя при условии, что ребенок не станет лицом без гражданства.

Контроль за жизнью ребенка после осуществления международного усыновления является одним из самых проблемных вопросов. После того, как судом принято решение о международном усыновлении, государство происхождения ребенка до возраста восемнадцати лет продолжает следить за его жизнью в семье. Такой контроль осуществляется через консульский учет и предоставляемые отчеты об условиях развития и воспитания ребенка [11, с. 225].

В ситуации, когда усыновление производится с участием представительств аккредитованной организации, отчет о жизни ребенка передается в страну происхождения именно через такую организацию, хотя его составление является обязанность компетентного органа государства, в котором ребенок проживает после усыновления.

В случае же, когда усыновление осуществляется без участия представительства аккредитованной организации, отчеты о жизни ребенка должны предоставляться компетентным органом иностранного государства, которым было дано такое обязательство. Однако, данный вид отчетности сопряжен с рядом проблем, которые вызваны прежде всего тем, что реального рычага воздействия на органы иностранного государства у страны нет.

В связи с этим, следует в очередной раз отметить необходимость ратификации Россией Гаагской конвенции 1993 г. Согласно нормам Конвенции, государственные органы иностранных государств выполняют функции контроля за жизнью ребенка после переезда в страну гражданства усыновителя [2].

Одним из способов решения сложившейся ситуации может быть введение санкционных процедур, например, приостановления приема документов от кандидатов в усыновители иностранного государства, органы которого не предоставляют вовремя или вовсе отчеты о жизни усыновленных детей.

Также разрешить данную ситуацию могла бы и возможность создания в странах гражданства усыновителей специальной комиссии, в которую мог бы входить представитель страны-происхождения ребенка, которая могла бы объективно оценивать

состояние условий развития и воспитания ребенка в иностранной семье, исключая излишний формализм в своей деятельности и руководствуясь интересами ребенка.

Следует отметить, что решение проблем усыновленного ребенка не стоит сводить только к правовым аспектам. Дети, переезжающие в другую страну, сталкиваются с трудностями незнания языка, культуры и обычаев. Многие иностранные усыновители считают, что русский ребенок приезжает без значительного «культурного багажа», поэтому, по их мнению, может легко адаптироваться в чужой стране. Поэтому необходимо заботиться и психологической стороне вопроса, организовывая центры адаптации и поддержки, которые будут полезны детям и усыновителям в первое время после переезда.

В случае, если жизнь усыновленного ребенка в новой семье не складывается, социальные службы в стране проживания ребенка должны принять меры по его устройству в другую семью. Одной из наиболее распространенных причин переустройства детей является отсутствие совместимости между ребенком и усыновителями, сложная адаптация ребенка в новой семье. Если переустройство невозможно, либо если ребенок отказывается от переустройства в другую семью, его возвращают на родину.

В соответствии с пунктом 1 статьи 141 Семейного кодекса РФ усыновление ребенка может быть отменено в случаях, если усыновители уклоняются от выполнения возложенных на них обязанностей родителей, злоупотребляют родительскими правами, жестоко обращаются с усыновленным ребенком, являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией. Суд вправе отменить усыновление ребенка и по другим основаниям исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка.

В соответствии со ст. 142 Семейного кодекса РФ право требовать отмены усыновления принадлежит самому ребенку, при достижении им возраста четырнадцати лет, его родителям, усыновителям, а также органам опеки и попечительства и прокурору.

При международном усыновлении случаи отмены усыновления крайне редки. Данная процедура производится в общем порядке, аналогичном при отмене усыновления российскими

гражданами. Однако, и отмена международного усыновления имеет свои особенности.

В частности, п. 2 ст. 165 Семейного кодекса РФ содержит дополнительное основание для отмены международного усыновления - нарушение усыновлением прав ребенка, установленных международными договорами Российской Федерации.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что несмотря на важность рассматриваемых правоотношений, институт международного усыновления имеет множество пробелов правового регулирования, что в свою очередь, обусловлено отсутствием единых механизмов гарантий прав и интересов усыновляемых детей. Одним из шагов к решению данной проблемы могла бы выступить ратификация Гаагской конвенции 1993 г., нормы которой предусматривают обязанность создания государством типового контролирующего органа, обязанности которого предполагают ведение кандидата в усыновители как до так и после процедуры международного усыновления.

Источники и литература:

1. Конвенция о правах ребенка, принята и открыта для подписания, присоединения и ратификации резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 44/25 от 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. – М., 1993. – Выпуск XLVI.

2. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 г.) // СПС КонсультантПлюс.

3. Конституция Российской Федерации: принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – № 237.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 16.

6. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3802.

7. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 22. - Ст. 2031.

8. Александрович Я. П., Бакуленко Е. И. Международное усыновление: условия, проблемы, тенденции // Вторые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пянова: материалы конференций. Иркутск, 2021. – С. 195-202.

9. Калмыкова П. С., Варенникова В. А., Кадырова Л. Ф. Основы усыновления детей иностранными гражданами по законодательству Российской Федерации // Интерактивная наука. 2021. – № 5 (60). – С. 105-107.

10. Максимова В. И., Махмутова С. А., Жданов С. З. Вопросы усыновления в международном частном праве // Интерактивная наука. 2021. – № 5 (60). – С. 113-114.

11. Сафронова С. С., Мородумов Р. Н. Усыновление (удочерение) ребенка иностранными гражданами в Российской Федерации // Гуманитарная наука в Политехническом университете. – СПб., 2021. – С. 224-229.

12. Чернова К. С. Правовой статус детей, оставшихся без попечения родителей, при передаче их на усыновление иностранным гражданам // Человек и природа. – Омск, 2021. – С. 115-116.

Егорова Екатерина Евгеньевна
студент 3 курса факультета истории и права (уровень
бакалавриата)
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета,
г. Новокузнецк, Россия

Научный руководитель:
Горбуль Юлия Александровна
кандидат юридических наук, доцент
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета,
г. Новокузнецк, Россия

**СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ДЕМОКРАТИЯ»
В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ СОВРЕМЕННОСТИ
И ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ**
DOI: 10.47905/u5246-4734-5924-1

Аннотация. На сегодняшний день демократия является наиболее «популярной» формой государственного устройства, однако не во все времена она воспринималась обществом и политическими деятелями как самая благоприятная и предпочтительная.

В статье рассматривается сущность демократии, ее основные принципы и идеалы, характерные для современной политико-правовой мысли в сравнении с политическими концепциями знаменитых античных философов.

Ключевые слова: демократия, современность, античность, история, форма правления, форма государственного устройства, принципы демократии.

Egorova Ekaterina Evgenievna

3rd year student of the faculty of history and law (bachelor's level)

*Kuzbass humanitarian pedagogical institute,
Kemerovo state university,
Novokuznetsk, Russia*

Scientific curator:

Gorbul Yulia Alexandrovna

*PhD in Law, associate professor
Kuzbass humanitarian pedagogical institute,
Kemerovo state university,
Novokuznetsk, Russia*

THE CONTENT OF THE CONCEPT OF «DEMOCRACY» IN THE POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF MODERN AND ANTIQUE ERA

Abstract. Today democracy is the most "popular" form of government, but not at all times it was perceived by society and politicians as the most favorable and preferable.

The article examines the essence of democracy, its basic principles and ideals characteristic of modern political and legal thought in comparison with the political concepts of famous ancient philosophers.

Key words: democracy, modernity, antiquity, history, form of government, form of government, principles of democracy.

Широкое распространение демократии в мире – несомненно, наиболее важный политический феномен последних десятилетий XX в. – начала XXI в. И это неудивительно, ведь демократия как социально-политическое явление известно миру несколько тысячелетий. За этот продолжительный период времени люди могли сравнить различные формы правления и государственного устройства, методы осуществления власти, взаимоотношения власти и общества. Такое сравнение все в большей степени приводило к мнению о том, что демократия является наиболее предпочтительной для комфортного проживания людей формой организации власти.

Термин демократия происходит из двух греческих слов: «demos» – народ и «kratos» – власть, что буквально означает «власть народа». В мировой политологии не существует единого общепризнанного определения демократии, в частности это связано с неопределенностью и многозначностью данной политической категории.

В настоящее время термин «демократия» используется в нескольких значениях.

Во-первых, это форма правления, при которой право принятия политических решений принадлежит непосредственно всем без исключения гражданам.

Во-вторых, это форма правления, где право граждан на управление государством осуществляется не лично, а через передачу соответствующих полномочий, избранным представителям.

В-третьих, это форма правления, где власть большинства реализуется в рамках конституционных ограничений, с целью гарантировать меньшинству условия для осуществления гражданских, политических и иных прав человека.

В-четвертых, термин «демократия» часто используется для характеристики любой политической и социальной системы, которая независимо от того является ли она действительно демократической или нет, ставит своей целью свести к минимуму социальные и экономические различия [4, с. 172].

В условиях реальной жизни демократия как «власть народа» невозможна, поскольку одновременно выполнять функции политического властвования весь народ не может. Поэтому наиболее популярная дефиниция современной демократии – полиархия (правление многих). Это не система власти, которая воплощает в себе демократические идеалы во всей их полноте, но правление, в достаточной степени приближающееся к таким идеалам [8, с. 210].

Среди основных демократических идеалов современности стоит выделить принцип политического и правового равенства граждан, справедливость, а также возможность общества «корректировать деятельность управителей» [2, с. 13].

Принцип политического и правового равенства граждан предполагает фактическое наличие общегражданских стандартов

политического использования так называемых прав человека. Правовое равенство – это равенство граждан в правах и перед законом. В свою очередь, политическое равенство граждан – это одинаковые возможности в приобретении знаний, статуса, нужных для получения власти, равные права (голосовать, влиять на процесс принятия решений, баллотироваться на пост и т.д.), равный доступ к ресурсам власти. Любые ограничения на политическую деятельность могут быть установлены лишь на основе закона.

Главные позиции в демократии занимают право и идея справедливости. В качестве основного критерия справедливости рассматривается максимум свободы для возможно большего числа индивидов. В демократии наиболее ценится отдельная личность, ее мнение и интересы.

Демократия представляет собой такой способ организации власти, при котором общество имеет возможность на регулярной основе посредством юридически закрепленных процедур регулировать деятельность органов государственной власти, а также персональный состав правящей группировки и политической элиты.

Исходя из этого, под демократией, как правило, понимают форму правления государства, характеризующуюся признанием народа источником власти, равноправием граждан, подчинением меньшинства большинству при принятии решений и признанием ценности интересов меньшинства, выборностью основных органов государственной власти и другими характерными признаками, основными из которых выступает соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Именно такому ценностному содержанию демократия обязана такой популярностью в современном мире.

Однако, демократия не всегда воспринималась обществом как одна из самых лучших и благоприятных форм правления. Первые демократии, как отмечали их исследователи, были сложным и противоречивым явлением.

Так, древнегреческий мыслитель Платон в своем известном трактате «Государство» рассматривает демократию как особую форму правления, где власть принадлежит бедным и невежественным людям. «Демократия ... осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при

демократическом строе происходит большей частью по жребию», – писал философ [7, с. 492].

Казалось бы, демократия – самый лучший государственный строй, ведь в государстве появляется полная свобода, откровенность и возможность делать что хочешь, каждый вправе устроить себе жизнь по своему вкусу [7, с. 492-493]. Однако, по мнению мыслителя, в этом и состоит главная беда демократии.

Согласно учению Платона об идеальном государстве, каждый человек по своей природе предназначен к какому-либо занятию: одни должны управлять, другие охранять общество, третьи создавать материальные блага. При демократии фактически не действуют законы, и нет должного управления. Люди, не желающие подчиняться, не подчиняются, не желающие воевать, когда другие воюют, не воюют, приговоренные к смерти или изгнанию разгуливают на свободе [7, с. 494]. Это, в свою очередь, приводит к полному хаосу, где каждый вправе не соблюдать законы, но при этом управлять и судить других. В таком государстве, по мнению философа, существует своеобразное равенство – уравнивающее равных и не равных, но отсутствует справедливость [7, с. 495].

Платон критикует демократию еще и потому, что она приводит к власти непросвещенную толпу. Толпа – это не специально обученные и подготовленные для решения государственных дел люди, а любой желающий человек, лишь бы он «обнаружил свое расположение к толпе» [7, с. 495].

Помимо Платона демократия, как форма политического устройства, интересовала и других античных мыслителей. Так, наиболее глубокий и развернутый анализ демократии содержится в трудах современника и ученика Платона - Аристотеля.

Важным достижением политической теории Аристотеля, изложенной в сочинении «Политика», является классификация форм государства на правильные, в которых правители служат общему благу (монархия, аристократия, полития) и неправильные, в которых правители преследуют цели личной выгоды (тирания, олигархия, демократия) [5, с. 77-78].

Демократию мыслитель рассматривает как одну из худших форм государственного строя по сравнению с тремя идеальными, правильными, но как лучшей по сравнению с другими извращенными формами, аргументируя это тем, что «демократии ...

пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних граждан», кроме того «лучшим видом государственного устройства всегда будет то, которое будет приближаться к совершеннейшему, а худшим – то, которое будет удаляться от среднего» [1, с. 117, 119].

Аристотель дает определение демократии через ее главные признаки: «демократия обыкновенно определяется двумя признаками: сосредоточением верховной власти в руках большинства и свободой» [1, с. 154].

Основным началом демократического строя является свобода. Только при власти большинства все граждане пользуются свободой, так как они могут не жить в постоянном подчинении. А одно из условий свободы – по очереди быть управляемым и править. Аристотель считает предпочтительным, чтобы верховная власть находилась в руках большинства. Но речь не должна идти о занятии высших должностей. Большинству предоставляется возможность участвовать в совещательной и судебной власти, выбирать должностных лиц и принимать отчеты об их деятельности [6, с. 40].

Однако общество понимает эти признаки неправильно. Свобода – для толпы является лишь возможностью «делать всякому что угодно» [1, с. 154], жить по своему желанию. Такие характерные черты демократии как справедливость и равенство, вовсе объединяются в единое понятие и никак не разделяются, «справедливость, как им представляется, совпадает с равенством; равенство понимается же в то смысле, что решения народной массы должны иметь силу» [1, с. 154].

Именно такое ошибочное толкование указанных признаков становится причиной, по которой в демократиях устанавливаются порядки противоположные тем, которые для демократии «полезны».

Исходя из этих основных положений, античные философы демократическими признают следующие установления:

- 1) все должностные лица назначаются из всего состава граждан;
- 2) все управляют каждым, в определённости взятым, каждый – всеми, когда до него дойдёт очередь;

3) должности замещаются по жребию либо все, либо за исключением тех, которые требуют особого опыта и знаний;

4) занятие должностей не обусловлено никаким имущественным цензом или обусловлено цензом самым невысоким;

5) никто не может занимать одну и ту же должность дважды, за исключением военных должностей;

6) все должности либо те, где это представляется возможным, краткосрочны;

7) судебная власть принадлежит всем, избираются судьи из всех граждан и судят по всем делам или по большей части их, именно по важнейшим и существеннейшим, как то: по поводу отчётов должностных лиц, по поводу политических дел, по поводу частных договоров;

8) если олигархия характеризуется благородным происхождением, богатством и образованием, то признаками демократии должны считаться безродность, бедность и грубость;

9) ни одна из должностей не должна быть пожизненной, а если какая-нибудь остается таковою по причине какого-нибудь давнишнего переворота, то следует лишить её значения и замещать её уже не путём выборов, а по жребию [3, с. 44].

Стоит отметить, что взгляды Платона и Аристотеля формировались под влиянием исторической действительности в условиях реально существующей на тот момент демократии, поэтому сказанное вовсе не означает, что мыслители были принципиально противниками демократического строя. Они гордились своим общественным строем и ценили его намного выше других.

Таким образом, древнегреческое понимание демократии, нашедшее отражение в трудах античных философов, во многом отличается от современной концепции и собственно категории «демократия», которой оперируют политические науки и общественное мнение. Демократия, безусловно, не совершенна и не идеальна, но основное ее преимущество состоит в том, что она наиболее полно соответствует устремлениям человека к самореализации, предоставляя возможность каждому проявить творческую инициативу в экономической, социально-политической и духовной сферах человеческой жизни.

Источники и литература:

1. Аристотель Политика / под общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – 297 с.
2. Баранов Н. А. Трансформации современной демократии. – СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2006. – 215 с.
3. Буйчик А. Г. История социума и демократии: в 2 кн. Кн. 1: Древний мир, Средневековье и эпоха Возрождения. – 3-е изд. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. — 140 с.
4. Гаджиев К. С. Политология. – 2-е изд. – М.: Логос, 2011. – 431 с.
5. Исаев Б. А. Политическая история. Демократия. – 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2021. – 490 с.
6. Омеличкин О. В. Теория демократии. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2014. – 160 с.
7. Платон Афинский Государство. – М.: Директ-Медиа, 2002. – 635 с.
8. Политология: учеб. пособие. – М.: Московский гос. ин-т международных отношений МИД России, ТК Велби, Проспект, 2008. – 618 с.

Кузнеченков Андрей Анатольевич
студент 3 курса (уровень магистратуры)
Юридический институт
Самарского национального исследовательского
университета им. С. П. Королёва
г. Самара, Россия

Научный руководитель:
Спирин Михаил Юрьевич
кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт
Самарского национального исследовательского
университета им. С. П. Королёва,
г. Самара, Россия

**РЕКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРАВА
DOI: 10.47905/r8852-4460-3529-t**

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования рекурсивного подхода при исследовании цифровой трансформации права.

Ключевые слова: цифровая трансформация права, рекурсивная парадигма, аксиоматизация права.

Kuznechenkov Andrey Anatolievich
3rd year student (master's level)
Law institute of named after S. P. Korolyov
Samara national research university,
Samara, Russia

Scientific curator:
Spirin Mikhail Yurievich
PhD in Law, associate professor,
Law institute of named after S. P. Korolyov Samara national
research university,
Samara, Russia

RECURSIVE PARADIGM IN THE RESEARCH OF DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW

Abstract. The article considers the possibility of using a recursive approach in the research of digital transformation of law.

Key words: digital transformation of law, recursive paradigm, axiomatization of law.

Цифровая трансформация – явление актуальное и одновременно глобальное, что говорит о масштабе и потенциале идей, содержащихся в цифровом пространстве. Цифровое пространство как реализация идеи логического позитивизма представляет собой прикладной результат многолетних исследований, которые проходили в достаточно широкой области знания: от философских оснований математики до создания прикладных теорий автоматов, алгоритмов, формальных языков и, собственно, создания самих вычислительных машин.

Особенностью современного этапа развития права является его «погружение» в цифровое пространство и, связанная с этим погружением, его цифровая трансформация. Значительная часть общественных отношений уже «погрузилась» в цифровое пространство, экосистемы находятся в активной фазе своего развития. Человеку все чаще приходится взаимодействовать с цифровыми платформами и при этом, что важно отметить, поведение человека попадает под контроль цифровых систем.

Увеличение объемов правового регулирования и повышение точности правового воздействия – это именно те общественные запросы, которые возможно удовлетворить с использованием цифровых технологий в праве. Использование в правовом регулировании автоматизированных систем означает для права важнейший качественный переход от косвенных методов правового регулирования к прямым, как наиболее эффективным: от правового воспитания – к правовому регулированию, от формирования поведения субъекта – к регулированию поведения субъекта.

Решение задачи «погружения» права в цифровое пространство находится в области синтеза общей теории права и теории формальных систем. Проведенный анализ позволяет сделать вывод об отсутствии в общей теории права и теории формальных систем совместимых понятий: в общей теории права основным структурообразующим понятием является понятие правоотношения, в теории формальных систем – понятие высказывания. В качестве совместимого предлагается рассмотреть понятие процесса (правопроцесса) [1]. Философской предпосылкой в выборе понятия процесса в качестве совместимого понятия является то, что именно действие (процесс) приводит к изменениям, которые значимы как в праве, так и в теории формальных систем.

К несомненным достижениям теории формальных систем можно отнести аксиоматический метод. Стоит отметить, что требования к идеальной аксиоматической теории в части непротиворечивости, полноты и независимости аксиом наиболее полно раскрывают содержание критерия законности в праве. Разрешение вопросов аксиоматизации отдельных отраслей математического знания сложно переоценить, как и саму идею выводимости прикладного знания из формальной логики. Одним из мощнейших практических результатов цифрового пространства, подтвердивших гносеологические предположения о формально-логической природе познания в целом, является то, что цифровые динамические модели реализуется битом информации, принимающим значения «0» или «1», соответствующие логическим понятиям «ложь» или «истина».

Следует обратить внимание на необходимые структурные изменения в праве, связанные с цифровой трансформацией:

1. Переход от косвенных методов правового регулирования к прямым методам, как более эффективным (что напрямую влияет на структуру правовой нормы через отсутствие санкции).

2. Понятие правопроецесса как развитие понятия правоотношения.

3. Понятие формального субъекта в праве.

4. Приведение языка права к формальному языку исчисления, отвечающего требованиям полноты и непротиворечивости.

5. Аксиоматизация права.

В вопросе синтеза общей теории права и теории формальных систем нельзя не упомянуть о кризисе в основаниях математики, который связан со второй теоремой Гёделя о неполноте [2]. За прошедшее столетие формальная логика и математика проделали тяжелый и интересный путь, одним из значимых результатов которого является тот факт, что в случае использования рекурсивных понятий (определений) возникают логические парадоксы, которые не имеют решения в существующей парадигме. Это относится в том числе и к структурообразующим понятиям в основаниях математики, таким как «число» и «множество», в том случае, если они определяются сами через себя («натуральное число есть натуральное число +1», «множество состоит из элементов, которые (элементы) являются множествами»).

Рекурсия всегда имела место как одно из проявлений бесконечного в нашем мире. Интуитивно люди старались избегать рекурсивных проявлений материи, поскольку не имели достаточных средств для их изучения. Только бесстрашные люди – философы и математики, которые уже имели опыт обращения как с бесконечно малыми, так и с бесконечно большими величинами, могли начать разрабатывать подходы к изучению рекурсивных объектов и процессов. Отсюда возникло понятие «вещь в себе» (по уточненному толкованию Иммануила Канта), поиск а priori познания, рекурсивные определения и функции в математике и программировании и т.д.

В результате анализа выявляются следующие рекурсивные свойства права:

1. Процесс формирования правом своей структуры является рекурсивным процессом. Формирование государственных

территориальных субъектов служит тому ярким примером. Формальные субъекты в праве имеют одинаковую структуру (природу) что является условием их взаимодействия.

2. Саморегулирование права (право само себя изменяет) – важнейшая функция, обеспечивающая развитие (полноту) права и сохранение его непротиворечивости. Саморегулирование происходит на всех уровнях от регионального до конституционного. Реализацию рекурсивного процесса саморегулирования правом акта, находящегося в основаниях правовой системы России, мы имели возможность наблюдать не так давно.

3. Рассматривая различные формы реализации права в виде нормативных текстов, обычаев, и, в конечном итоге, в правосознании субъектов, можно сделать предположение о существовании своеобразной «сансары права», в рамках которой процесс правового регулирования представляется как процесс взаимодействия множества реализаций (итераций) права в контексте рекурсивного развития философских категорий «форма» и «содержание».

4. Принцип правовой определенности проявляет себя в ходе обжалования судебных решений (ступенчатая система (апелляция, кассация, надзор), при этом каждая инстанция находится в своей собственной системе аксиом, а предметом рассмотрения является непротиворечивость судебных актов). В рамках рекурсивной парадигмы принцип правовой определенности может развиваться в принцип рекурсивной определенности.

Очевиден вывод о необходимости рекурсивного расширения существующей парадигмы. Значимым для формирования и развития рекурсивной парадигмы как в праве, так и в научном познании в целом является тот факт, что цифровое пространство выступает средством представления формальных объектов, которое по своим свойствам значительно превосходит символическое представление информации, так как может фиксировать структуру (семантику) формальных объектов.

В результате исследований в рамках рекурсивной парадигмы право может обрести основание в форме рекурсивного формального исчисления, предполагающего автоматическую реализацию. Автоматическая реализация формального исчисления позволит зафиксировать структуру (семантику) формальных объектов, сделав

их доступными для автоматических реализаций формального исчисления.

Цифровая трансформация права в рамках рекурсивной парадигмы может приблизить право к разрешению вопросов непротиворечивости и полноты правовых норм, а также определить подходы для формирования единой структуры принципов реализованного права. Рекурсивная парадигма приближает исследователя к разрешению вопросов а priori права, аксиоматизации права, «чистого права» Ганса Кельзена [3].

Источники и литература:

1. Спирин М. Ю., Кузнеченков А. А. Категория «правопроецесс» как развитие понятия «правоотношение» в контексте рекурсивной парадигмы в правовом регулировании // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 7 – 14.

2. Gödel K. Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I // Monatshefte für Mathematik und Physik. – 1931. – Band 38. – Ausgabe 1. – S. 173 – 198.

3. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – 2-е изд. / пер. с нем. – СПб.: Издат. дом «Алеф-пресс», 2015.

Лецевская Дарья Михайловна
студент 2 курса юридического факультета
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Научный руководитель:
Мерзлякова Ирина Станиславовна
кандидат культурологии, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

**ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ
ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СУПРУГОВ**
DOI: 10.47905/z8891-5720-9958-d

Аннотация. В связи с недостаточной защитой личных прав и интересов супругов, наличием пробелов в законодательстве, правовых противоречий, неполным решением вопросов защиты личных неимущественных прав супругов, их декларативностью возникла необходимость в более детальном изучении данного вида прав супругов.

В статье перечисляются личные неимущественные права и обязанности супругов, приводится их понятие.

Ключевые слова: личные неимущественные права супругов, личные неимущественные обязанности супругов.

Leschevskaya Darya Mikhailovna

2nd year student of law faculty

Transbaikal state university,

Chita, Russia

Scientific curator:

Merzlyakova Irina Stanislavovna

PhD in Cultural Science, associate professor,

Transbaikal state university,

Chita, Russia

PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS AND DUTIES OF SPOUSES

Abstract. In connection with the insufficient protection of the personal rights and interests of the spouses, the presence of gaps in the legislation, legal contradictions, incomplete solution of the issues of protecting the personal non-property rights of the spouses, their declarative nature, it became necessary to study this type of spouses' rights in more detail.

The article lists the personal non-property rights and obligations of spouses, and provides their concept.

Key words: personal non-property rights of spouses, personal non-property obligations of spouses

Заключение брака является правоустанавливающим юридическим фактом. Именно с момента государственной регистрации заключения брака у супругов возникают права и обязанности. Причем каждый из супругов становится в равной степени обладателем прав и обязанностей. Нормы семейного права разделяют совокупность всех прав и обязанностей супругов на две группы – личные неимущественные и имущественные.

Настоящая статья посвящена второй группе — личным неимущественным правам и обязанностям супругов.

Забегая вперед, скажем, что существуют следующие неимущественные отношения в браке:

– по вопросу выбора профессии, рода деятельности, места жительства и пребывания;

- по поводу воспитания детей и планирования семьи;
- по вопросам общения в семье;
- связанные с разводом и совместным проживанием.

Так, личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов регулируются ст. 161 Семейного кодекса Российской Федерации. Согласно данной норме, личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства, а при отсутствии совместного места жительства законодательством государства, на территории которого они имели последнее совместное место жительства. Личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов, не имевших совместного места жительства, определяются на территории Российской Федерации законодательством Российской Федерации.

При заключении брачного договора или соглашения об уплате алиментов друг другу супруги, не имеющие общего гражданства или совместного места жительства, могут избрать законодательство, подлежащее применению для определения их прав и обязанностей по брачному договору или по соглашению об уплате алиментов. В случае, если супруги не выбрали подлежащее применению законодательство, к брачному договору или к их соглашению об уплате алиментов применяются положения пункта 1 статьи 161 СК РФ [1].

Стоит отметить, что личные неимущественные права и обязанности супругов, регулируемые семейным правом, основываются на общеконституционных правах человека, составляющих государственно-правовой статус личности в Российской Федерации [3].

Рассмотрим личные права супругов подробнее.

Так, Семейный кодекс РФ выделяет следующие виды личных неимущественных прав супругов:

– право на свободный выбор рода занятий, профессии, места пребывания и жительства – в соответствии с п. 1 ст. 31 СК РФ, при заключении брака за каждым из супругов сохраняется правоспособность в полном объеме и никто не вправе ее ограничивать. Таким образом, каждый из супругов выбирает род занятий и профессию по своему собственному желанию, независимо

от воли другого супруга. Никто не вправе ограничивать супругов в выборе места пребывания и жительства. Если у супругов возникла необходимость в раздельном проживании по каким-либо объективным или субъективным причинам, вопрос об этом решается самими супругами свободно, без каких-либо ограничений;

– право на совместное решение вопросов семейной жизни – перечень таких вопросов в законодательном порядке не определен в связи с тем, что право супругов на совместное решение вопросов жизни семьи относится к довольно емким понятиям. Данные вопросы могут иметь имущественный либо личный характер. Одни из них охватываются правовым воздействием (например, совершение большинства гражданско-правовых сделок), другие находятся вне сферы правового регулирования (выбор способа проведения досуга, отпуска, порядок ведения домашнего хозяйства). Значимость вопросов является индивидуальной для той или иной семьи. Поэтому закон в общем виде формулирует наиболее приемлемый вариант поведения: совместное решение всех вопросов семейной жизни. Среди них в законе выделен лишь круг вопросов, связанных с воспитанием детей (п. 2 ст. 31 СК РФ);

– право выбора супругами фамилии – при государственной регистрации заключения брака супруги вправе выбрать по своему желанию фамилию. Так, ими может быть выбрана фамилия одного из супругов в качестве общей либо каждый из супругов оставляет свою добрачную фамилию. В качестве общей фамилии супругов может быть записана и фамилия, образованная посредством присоединения фамилии жены к фамилии мужа. При этом общая фамилия супругов может состоять не более чем из двух фамилий, соединенных при написании дефисом (ст. 32 СК РФ, ст. 28 ФЗ «Об актах гражданского состояния»).

Обязанностям супругов нематериального свойства посвящается п. 3 ст. 31 СК РФ. Законодатель в п. 3 ст. 31 СК РФ наделяет супругами следующими личными обязанностями:

– строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения;

– содействовать благополучию и укреплению семьи;

– заботиться о благосостоянии и развитии своих детей [1].

Исходя из вышеизложенного, мы можем определить особенности личных неимущественных прав и обязанностей

супругов: возникают только после регистрации брака; лишены экономического содержания; возможны только между супругами; неотчуждаемы и непередаваемы; не могут быть предметом соглашений между супругами, в том числе посредством брачного договора.

Действующий Семейный кодекс запрещает регулировать брачным договором личные неимущественные отношения супругов и регламентировать неимущественные права. Брачные договоры, в соответствии с условиями которых супруги обязуются хранить друг другу супружескую верность, отказаться от каких-либо вредных привычек, повысить свой общеобразовательный и культурный уровень, не допускать совершения противоправных или просто неуважительных поступков по отношению друг к другу и т.п., отвечают нормам этики, но противоречат требованиям законодательства, предъявляемым к заключению брачных договоров. Вместе с тем, п. 2 ст. 42 СК РФ позволяет супругам ставить права и обязанности, предусмотренные брачным договором, в зависимость от наступления или ненаступления определенных условий, в том числе и неимущественного характера.

То есть, проблема регулирования личных брачных правоотношений заключается в том, что супруги не могут закрепить документально свои отношения в неимущественной сфере.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что под личными неимущественными правами и обязанностями понимаются те, которые затрагивают личные интересы супругов. Личные права не могут быть отменены или ограничены путем заключения соглашения между супругами. Для личных неимущественных прав супругов характерны следующие черты: неотделимость от их носителей; неотчуждаемость по воле их обладателя; они не могут быть предметом каких бы то ни было сделок; не имеют денежного эквивалента.

Анализ норм семейного законодательства показывает, что необходимы разработка и включение в семейное законодательство положений о семейно-правовых договорах в сфере регулирования личных неимущественных отношений. В связи с этим в целях сохранения семьи и разрешения возникающих проблем, связанных с реализацией личных неимущественных прав, предлагается предоставить супругам и лицам, образующим семью, право

самостоятельно определять объем своих неимущественных прав и обязанностей в семье с помощью договора и неблагоприятные последствия в случае их нарушения.

Таким образом, не все имеющиеся проблемы в сфере имущественных и личных (неимущественных) отношений супругов, установлены на законодательном уровне. Несмотря на то, что Семейный кодекс РФ содержит довольно детальную регламентацию, особенно имущественных отношений супругов, существует объективная потребность усовершенствования данных норм.

Источники и литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2021).

2. Воропинова О. А., Власов А. В. Личные неимущественные права и обязанности супругов // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества. – 2019. – № 1. – С. 62–67.

3. Зыков С. В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 189–208.

4. Шайхабзалова М. Э. Проблемы правового регулирования имущественных и личных неимущественных прав супругов // ADVANCED SCIENCE. – 2019. – № 1. – С. 157–159.

Негамутзянова Анастасия Сергеевна
студент 4 курса юридического факультета (уровень
бакалавриата)
Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Самусевич Алексей Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент Иркутский институт
(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
г. Иркутск, Россия

**QR-КОД В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРОНОВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ**
DOI: 10.47905/y2897-2150-9122-u

Аннотация. Рассматривается QR-код как правовое средство, с помощью которого реализуется возможность пользоваться некоторыми правами и свободами. Вопрос, который касается законности такого элемента, остается дискуссионным, поскольку многие аспекты его использования не регламентированы.

Автор приходит к выводу, что возникает необходимость в четком правовом регулировании данного инструмента, определении его правового статуса.

Ключевые слова: официальный документ, технический документ, QR-код, законность, коронавирусная инфекция, пандемия.

Negamutzyanova Anastasiya Sergeevna
4th year student of the faculty of law (bachelor's level)
Irkutsk institute (branch) of All-Russian state university of
justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Samusevich Alexey Gennadievich
PhD in Law, associate professor
Irkutsk institute (branch) of All-Russian state university of justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Irkutsk, Russia

QR-CODE IN THE MECHANISM OF COUNTERING CORONAVIRUS INFECTION

Abstract. The QR code is considered as a legal means by which the opportunity to enjoy certain rights and freedoms is realized. The question concerning the legality of such an element remains debatable, since many aspects of its use are not regulated.

The author comes to the conclusion that there is a need for a clear legal regulation of this instrument, determining its legal status.

Key words: official document, technical document, QR-code, legality, coronavirus infection, pandemic.

На сегодняшний день всё мировое сообщество переживает сложную эпидемиологическую ситуацию, которая вызвана повсеместным распространением коронавирусной инфекции. Практически второй год в сфере реализации правовой политики в механизме противодействия данной инфекции государством устанавливаются различные запреты и ограничения для физических и юридических лиц. Так, например, установлена и административная ответственность за невыполнение поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения, о проблемах реализации которой мы говорили ранее [8, с. 77-83].

Стоит согласиться с тем, что самым резонансным аспектом на сегодняшний день является вопрос введения и использования QR-кода в административно-правовых отношениях, которые возникают в сфере регулирования общественных отношений при противодействии короновирусной инфекции. Вполне очевидно, что введение такого средства вызвало социальную напряженность в обществе. Это обусловлено тем, что данный инструмент регулирования общественных отношений является относительно новым и не понятным населению.

Таким образом, полагаем, что необходимо определить QR-код как правовое средство в административно-правовых отношениях в сфере противодействия распространению короновирусной инфекции.

Начнем с того, что QR-код (Quick Response) – это новый вид штрих-кода, в котором кодируется разная информация. Его используют для компактного кодирования определенной информации, которую можно быстро считать с помощью специальных сканеров [9, с. 34]. Кроме того, данный инструмент дает возможность автоматически считывать различные данные, а также помещать большое количество информации в небольшую картинку [10].

Если рассматривать QR-код как административно-правовую категорию, то для начала следует определить, что он представляет из себя с точки зрения правового средства или документа, если он таковым является. Говоря о QR-коде, как о документе, мы исходим из того, что с его помощью устанавливаются и реализуются права и обязанности.

Итак, по общему правилу, официальный документ – это документ, который создан юридическим или физическим лицом, оформленный и удостоверенный в установленном порядке. Однако, если бумажные сертификаты вакцинации или справки о ПЦР-тестах очевидно являются официальными документами, то в отношении QR-кодов ситуация выглядит не такой однозначной, поскольку информация, содержащаяся на таком носителе, содержится в электронной форме.

В свою очередь, в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», электронный документ – это

документированная информация, представленная в электронной форме, которая пригодна для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [5].

Как видно из приведенного, законодательство позволяет использовать QR-код как документ в электронной форме, который удостоверяет факт вакцинации гражданина или содержит информацию о перенесенном заболевании.

Особенностью QR-кода является то, что он воспринимается с помощью специализированных программ-дешифраторов, которые переводят черные и белые точки в воспринимаемые человеком символы. Современные смартфоны, которые представляют собой портативные ЭВМ, обладают функциями распознавания QR-кодов. В случае с QR-кодом вакцинированного гражданина закодированной является гиперссылка на страницу официального сайта.

Важным критерием соответствия официальному документу является характер предоставляемой информации. Официальный электронный документ должен содержать информацию документированную, то есть с определенными реквизитами. QR-кодом подтверждается наличие сведений об одном из фактов: полной вакцинации; выздоровлении от COVID-19 в течение последних шести месяцев; сдаче ПЦР-теста в аккредитованной лаборатории. Оформление QR-кода происходит в автоматическом режиме путем обращения к государственным информационным системам. QR-код не содержит информации о персональных данных владельца, его личных данных и вакцинации (перенесенной болезни, тестировании). Есть только гиперссылка на страницу в Интернете.

Как сам QR-код в графическом виде, так и закодированная гиперссылка, могут быть переданы через Интернет. Более того, при отсутствии доступа к сети-Интернет виртуальный пропуск становится бесполезен, так как проверяющий не сможет получить доступ к информации на государственном Интернет-портале.

На данный момент именно наличие QR-кода предоставляет человеку право на посещение заведений общественного питания, а также других общественных мест, где предполагается, что должны

соблюдаться антиковидные правила. QR-код в условиях пандемии в России является неким паспортом, влияющим на то, что гражданин может делать [1, с. 66].

Так, например, указом губернатора Иркутской области от 2.11.2021 г. № 293-уг «О внесении изменений в указ Губернатора Иркутской области от 12 октября 2020 года № 279-уг», установлено, что для посещения многих общественных мест необходимо наличие паспорта и одного из следующих документов:

- сертификат о вакцинации против COVID-19, подтверждаемый QR-кодом, полученный с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг (www.gosuslugi.ru);

- сертификат о перенесенном заболевании COVID-19, подтверждаемый QR-кодом [7].

Как и было отмечено ранее, данное нововведение обуславливает вполне резонный вопрос среди граждан о законности введения подобных ограничений, на что обращают свое внимание многие исследователи. Так, Л. А. Делова, занимающаяся вопросами отношения общества к вакцинации и коронавирусной инфекции в целом, справедливо отмечает, что среди молодого населения активно демонстрируется нигилизм, а также неоднозначное отношение к вакцинации в нашей стране, провоцируемое многочисленными публикациями в сети Интернет [2, с. 266]. В данной ситуации граждане, отказавшиеся от вакцинирования в силу различных причин, и не имеющие возможности получить указанный QR-код, претерпевают некоторые ограничения своих возможностей. А в отдельных случаях идут на уголовные преступления, покупая сертификаты о вакцинации.

Стоит отметить, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [3]. Также, в Основном законе закрепляется и право со стороны государственных органов, при угрозе населению, вводить ограничения для того, чтобы защитить своих граждан.

В этой связи, указами глав регионов, во всех субъектах Российской Федерации на основании Федерального закона от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» был введен режим «повышенной готовности» [4].

Данный факт является основанием для ограничения некоторых прав граждан в определенный период времени. Губернаторы же действуют на основании указа Президента Российской Федерации от 11.05.2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [6].

Исходя из этого, приведенные выше ограничения, необходимы, с целью уменьшения угрозы распространения коронавирусной инфекции в регионах, поскольку согласно ежедневной статистике, заболеваемость и смертность стремительно увеличиваются. Государство в таком случае берет на себя ответственность за санитарно-эпидемиологическое благополучие населения.

На основе вышеизложенных данных, можно сделать вывод, что введение ограничительных мероприятий, связанных с передвижением граждан, у которых отсутствует наличие QR-кода, в условиях угрозы распространения заболевания, согласно законодательству о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, является правом региональных властей. Как видится, принятие соответствующих решений – вынужденная мера на фоне сложной ситуации с коронавирусом в субъектах Российской Федерации.

Таким образом, в современных реалиях QR-код выступает в качестве контролирующего цифрового инструмента в условиях пандемии, который дает возможность гражданину полноценно пользоваться объемом своих прав, в том числе, и на посещение различных общественных мест, культурно-досуговых мероприятий.

Однако сегодня, нормативная регламентация в данной сфере требует совершенствования. До сих пор законодатель не принял соответствующего закона, который в полной мере закреплял бы статус QR-кода.

На наш взгляд, возникает острая необходимость в законодательном закреплении самого понятия QR-код, определяя его ключевые элементы и порядке использования информации, которая в нем содержится. В этой связи, как минимум, целесообразно будет внесение изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где определить QR-код как инструмент закрепления и считывания различной информации, не нарушая при этом основные права и свободы граждан. Данные нововведения позволят эффективно применять QR-коды в административно-правовых отношениях и будут понятны населению.

Источники и литература:

1. Болотнова Е. А. Анализ современных методов влияния QR-кодов на жизнь человека в современном мире // Естественно-гуманитарные исследования. – 2020. – № 29 (3). – С. 64–67.

2. Делова Л. А. Особенности восприятия и соблюдения антиковидных мер (в период до начала «третьей волны» пандемии) // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XLVII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и просвещение, 2021. – С. 265–267.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2021).

4. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 35. – Ст. 3648.

5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (Ч. 1). – Ст. 3448.

6. Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия

населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента Российской Федерации от 11.05.2020 г. № 316 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 20. – Ст. 3157.

7. О внесении изменений в указ Губернатора Иркутской области от 12 октября 2020 года № 279-уг: указ губернатора Иркутской области от 2 ноября 2021 года № 293-уг // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2021/11/02/irkutsk-ukaz293-reg-dok.html> (дата обращения 10.12.2021).

8. Самусевич А. Г. Проблемы реализации административной ответственности за невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения (ст. 20.6.1 КоАП РФ) // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы IX Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. М. Бычкова, С. И. Сулова. – Иркутск, 2020. – С. 77–83.

9. Уварова А. А. Принцип использования QR-кода и применение его в современности // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей XXX Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и просвещение, 2021. – С. 34–36.

10. Что такое QR-код и как им пользоваться [Электронный ресурс]. – URL: <https://ittechnolog.com/hardware/scho-take-qr-kod-ta-yak-nim-koristuvatisya> (дата обращения 10.12.2021).

Носырев Роман Вячеславович
студент 4 курса юридического факультета (уровень
специалитета)
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Кузьмин Игорь Александрович
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И НАЗНАЧЕНИЕ АКТОВ
СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ
DOI: 10.47905/и6906-2689-1250-у**

Аннотация. В данной работе автором раскрываются юридическая природа и назначение актов судебного толкования правовых норм. Рассматривается понятие актов официального толкования правовых актов и классификация судебного толкования.

В заключении автором делается вывод о значимости и специфики актов судебного толкования.

Ключевые слова: акты толкования, право, правовая норма, судебное толкование, субъекты толкования.

Nosyrev Roman Vyacheslavovich
4th year student of the faculty of law (specialist level)
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Kuzmin Igor Aleksandrovich
PhD in Law, associate professor
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

THE LEGAL NATURE AND PURPOSE OF ACTS OF JUDICIAL INTERPRETATION OF LEGAL ACTS

Abstract. In this work the author reveals the legal nature and purpose of acts of judicial interpretation of legal norms. The concept of acts of official interpretation of legal acts and the classification of judicial interpretation is considered.

In conclusion, the author concludes about the significance and specificity of acts of judicial interpretation.

Key words: acts of interpretation, law, legal norm, judicial interpretation, subjects of interpretation.

Акты официального толкования права представляют собой одну из разновидностей актов толкования права и являются сложной многоуровневой системой «особых правовых актов, вспомогательных по своему назначению, призванных обслуживать процессы издания и реализации правотворческих и правоприменительных актов» [6].

В теории государства и права акты толкования права рассматривают как некую разновидность правовых актов. Акты толкования правовых норм по форме выражения могут быть представлены в форме действий (например, устное разъяснение смысла правовой нормы) и в форме письменных документов. По субъекту, толкующему правовой акт (правовую норму), выделяется официальное и неофициальное толкования. Особый интерес для

науки и для правоприменительной деятельности представляют письменные акты толкования права, особенно акты официального толкования.

Н. А. Пьянов определяет акты официального толкования права, как «вынесенные в процессе толкования права официальные документы, содержащие предписания, разъясняющие действующие правовые нормы» [6].

В. О. Левит в своем диссертационном исследовании акты официального толкования норм права рассматривает, как «разъяснение смысла правовых норм, исходящее от государственно-властного компетентного субъекта, имеющее обязательный характер для всех субъектов, чьи взаимоотношения и деятельность регулируются разъясняемыми нормами» [4].

Нами в процессе изучения данной проблемы было предложено авторское определение данной категории. Мы под актами официального толкования права понимаем результат разъяснения правовых актов (правовых норм) уполномоченными на то субъектами, выраженный в официальном документе.

На основе предложенных определений и после изучения научной литературы по данной теме, представляется возможным выделить ряд признаков, которые присущи актам официального толкования норм права.

1. Акты официального толкования права представляют собой официальные документы, к которым предъявляются требования по их составлению и оформлению;

2. Акты официального толкования права выносятся уполномоченными на то субъектами. По субъектам толкование права бывает аутентическим (когда толкованием занимается сам правотворческий орган, принявший нормативный акт) и легальным (субъекты, которым делегировано право на толкование правовых актов).

3. Акты официального толкования права содержат предписания, которые разъясняют действующие нормы права (это могут быть как нормативные предписания, обращенные к неопределенному кругу субъектов, так и индивидуальные предписания, которые адресуются конкретному субъекту).

4. Акты официального толкования права носят государственно-властный характер. «Они являются обязательными

к исполнению и обеспечены различными средствами юридической защиты, включая меры государственного воздействия» [6].

5. Акты официального толкования права обладают определенной юридической силой.

Акты официального толкования права, как разновидность правовых актов, имеют достаточно схожие признаки с нормативными правовыми актами и актами применения права .

Представляется необходимым выделить некоторые основания для классификации актов официального толкования права для их полного понимания.

1. Так, акты официального толкования права в зависимости от их юридической значимости (исходя из их нормативности) можно разделить на акты нормативного и акты казуального толкования. «Акты нормативного толкования носят общеобязательный характер. Они распространяют свое действие на неопределенный круг субъектов и рассчитаны на неоднократное применение» [7]. Когда как акты казуального толкования носят определенно индивидуальный характер и относятся к конкретным лицам и относятся к конкретному случаю.

2. По субъекту, толкующему норму, акты официального толкования права делятся на аутентические и легальные. Ранее уже было замечено, что аутентическое толкование проводится субъектами, принявшими толкуемые правовые акты (или отдельные нормы права), а легальные – субъектами, которым было делегировано право толковать нормы.

3. По отрасли права, акты толкования права можно разделить на конституционно-правовые, финансово-правовые, международно-правовые, уголовно-правовые и т. д.

В данной статье были рассмотрены определения ученых по поводу понимания актов официального толкования права, а также было предложено авторское определение данному феномену. Помимо этого, нами были выделены признаки, которые присущи актам официального толкования норм права и было проведено отграничение актов официального толкования права от нормативных правовых актов и актов применения права. Также были выделены основания для классификации актов официального толкования права.

Прежде чем переходить к актам судебного толкования права, необходимо разобраться, что представляет собой само судебное толкование, что это за деятельность и насколько эта деятельность имеет практическое значение.

Необходимо для начала определиться с понятием судебного толкования. Е. В. Пирмаев рассматривает судебное толкование как интеллектуальную деятельность, осуществляемую судом (или единолично судьей), которая направлена на уяснение и разъяснение истинного смысла правовых предписаний, результатом которой является судебное решение, которое по форме выражения может быть, как письменной, так и устной [5].

Также Е. В. Пирмаев предлагает классификацию видов судебного толкования по следующим основаниям:

1. В первом основании для классификации, а именно по степени обязательности судебного толкования, названный автор выделяет официальное судебное толкование и неофициальное судебное толкование.

На данном делении классификация по данному основанию не заканчивается, так как Е. В. Пирмаев официальное и неофициальное судебное толкование подразделяет еще на виды. Официальное судебное толкование может быть аутентическим и легальным, которые в свою очередь могут быть нормативными, либо казуальными. Из неофициального судебного толкования автор предлагает выделить компетентное (иначе быть не может, так как судебные органы компетентны разъяснять смысл правовых норм), которое делится на профессиональное и доктринальное.

Данная классификация при таком ее описании является сложной для восприятия, в то же время классификация является весьма содержательной и интересной с практической и теоретической сторон. Но, с другой стороны, выделяя критерий для классификации по обязательности, необходимо выделять обязательные и необязательные для применения акты. А в теории государства и права официальное и неофициальное толкования выделяют по субъекту, толкующему правовой акт. Поэтому, по нашему мнению в данной классификации недостаточно верно указано основание.

2. По форме судебное толкование может быть письменным и устным.

3. Следующее основание для классификации – по характеру толкуемых предписаний. По данному основанию выделяют толкование императивных норм и толкование диспозитивных норм.

Указанные основания для классификации судебного толкования не является исчерпывающим, последующие классификации в работе помогут более глубоко разобраться с видами судебного толкования.

Вызывает особый интерес выделение критериев эффективности судебного толкования:

Первым критерием будет названа однозначность судебного толкования. Это означает, что судебное толкование не вызывает сомнения в его истинности и объективности. В развитие данной позиции можно сослаться на принцип объективной истины при осуществлении правосудия.

Второй критерий характеризуется устойчивостью судебного толкования. Данный критерий характеризует механизм обжалования судебного решения: об устойчивости можно говорить, если конкретное судебное толкование было оставлено в силе судами вышестоящих инстанций.

Третьим критерием называется применимость судебного толкования. Применимость означает использование судебного толкования другими судами при разрешении подобных дел (для рассмотрения вопроса о квалификации, о позиции по тому или иному вопросу) [5].

Проанализировав сущность судебного толкования, необходимо перейти к результату данного толкования – актам судебного толкования права.

Для начала необходимо разобраться с определением актов судебного толкования права.

А. Ю. Тимофеева определяет акты судебного толкования права как вид правовых актов, издаваемых судебными органами «в процессе их правоприменительной и контрольной деятельности и содержащий в себе официальное разъяснение смысла и содержания правовых норм в целях их наиболее правильного и единообразного применения» [8, с. 73].

А. И. Александров определяет акты судебного толкования применительно к толкованию уголовного закона. Так, он указывает,

что акты судебного толкования являются документами, которые содержат в себе результаты интерпретационной деятельности правовых норм и (или) нормативных предписаний [1, с. 76].

Нами акты судебного толкования права определяются как правовые акты, которые изданы в результате интеллектуальной деятельности суда (судьи) и содержащие в себе разъяснение истинного смысла правовых предписаний для их правильного применения.

Анализ изученной литературы позволяет выделить основные признаки актов судебного толкования права:

Во-первых, акты судебного толкования правовых норм являются результатом процесса толкования, в котором разъясняются содержания норм права;

Во-вторых, акты судебного толкования правовых норм выступают как результат правоприменительной деятельности суда;

В-третьих, акты судебного толкования правовых норм находятся во взаимосвязи с толкуемым актом, т.е. «в случае отмены нормы прекращает действие и ее разъяснение» [2, с. 140];

В-четвертых, акты судебного толкования правовых норм способствуют разрешению конкретных юридических вопросов и ситуаций [3, с. 105].

Акты судебного толкования правовых норм являются разновидностью правовых актов. Помимо их общих признаков (имеют волевой характер, обладают государственной обязательностью, характеризуются наличием строго определенной формы выражения и т. д.), они обладают своими специфическими чертами (издаются судебными органами в их деятельности, содержат в себе уточнения и рекомендации, не могут быть положены в основу решения юридического дела в отрыве от соответствующего закона или подзаконного нормативного акта или вопреки ему и др.).

Таким образом,

1) акты судебного толкования правовых норм определяются нами как правовые акты, которые изданы в результате интеллектуальной деятельности суда (судьи) и содержащие в себе разъяснение истинного смысла правовых предписаний для их правильного применения.

2) акты судебного толкования правовых норм являются одним из видов актов толкования права. Акты судебного толкования, будучи одной из разновидностей актов как официального, так и неофициального толкования, занимают особое место в системе юридических актов, так как они представляют собой особую категорию правовых актов необходимых для правильного правоприменительного процесса.

3) в ходе изучения особенностей актов судебного толкования нами были рассмотрены различные мнения ученых по вопросам определения и предложили свое определение актам судебного толкования права.

Источники и литература:

1. Александров А. И. Акты судебного толкования уголовного закона: понятие и основания классификации // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 3. – С. 75–79.

2. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

3. Власова Т. В. Юридическая природа актов судебного толкования // Евразийское научное объединение. – 2016. – № 1. – Т. 2. – С. 105–106.

4. Левит В. О. Дефиниции в актах официального толкования норм права: доктрина, практика, техника. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2012. – 177 с.

5. Пирмаев Е. В. Судебное толкование (теоретико-правовое исследование). Дисс. ... канд. юрид. наук. – Пенза, 2019. – 194 с.

6. Пьянов Н. А. Теория государства и права. – 2-е изд. – Иркутск: Изд-во ИИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста РФ), 2015. – 528 с.

7. Теория государства и права / под ред. А. В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. – 620 с.

8. Тимофеева А. Ю. Акты судебного толкования как разновидность юридических актов // Ленинградский юридический журнал. – 2006. – № 1. – С. 70–78.

Пронина Вероника Владимировна
студент 1 курса юридического факультета (уровень
специалитета)
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России),
г. Москва, Россия

Научный руководитель:
Никитин Павел Владиславович
кандидат юридических наук, доцент,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России) г. Москва, Россия

**ПРАВО, МОРАЛЬ И ЭТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**
DOI: 10.47905/o1658-1458-2626-e

Аннотация. В данной научной статье автор попытался разобраться в понятии цифровая этика, ее взаимосвязи с правом и моралью, выделяет преимущества и недостатки стремительного темпа развития цифровых технологий. Автор приводит примеры правонарушений в цифровой сфере, обращает внимание на меры, применяемые странами для защиты информационного пространства и граждан в нем.

Автор предлагает ряд рекомендаций по внедрению и дальнейшему правовому регулированию цифровой этики, что будет способствовать обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: право, мораль, цифровая этика, цифровое право, цифровизация, этические проблемы.

Pronina Veronika Vladimirovna
1st year student of the faculty of law (specialist level)
All-Russian state university of justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Moscow, Russia

Scientific curator:
Nikitin Pavel Vladislavovich
PhD in Law, associate professor,
All-Russian state university of justice (RPA of the Ministry of
Justice of Russia),
Moscow, Russia

LAW, MORALITY AND ETHICS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TECHNOLOGIES: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. In this scientific article, the author tried to understand the concept of digital ethics, its relationship with law and morality. Highlights the advantages and disadvantages of the rapid pace of development of digital technologies. The author gives examples of offenses in the digital sphere, draws attention to the measures applied by countries to protect the information space and citizens in it.

It offers a number of recommendations on the implementation and further legal regulation of digital ethics, which will contribute to ensuring the national security of the Russian Federation.

Key words: law, morality, digital ethics, digital law, digitalization, ethical problems.

Человечество за последнее столетие совершило огромный скачок в развитии науки и техники, что повлекло за собой открытие новых просторов для деятельности человека. Внедрение в жизни людей цифровых технологий привело к изменению нравов, всего общества в целом и закономерностей его существования. Меняются и принципы взаимоотношений между государством и гражданином: появляются новые нормативные правовые акты, способы получения медицинской помощи и образования, формы контроля (видеонаблюдение и т.п.), разрабатываются цифровые

платформенные решения по масштабному управлению государством и другие. Как верно заметил председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, возникла новая цифровая реальность, зарождается новое право, «регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта» [2].

Однако применяемых для адаптации к цифровому обществу, к жизни в государстве с развитой цифровой системой методов не хватает. Из-за слишком стремительного темпа развития цифровых технологий современная правовая система не способна моментально реагировать, поскольку требует принятия продуманных решений, соответственно, совершенствуется значительно медленнее. Это создает определенную проблему: остается множество нерешенных вопросов, уязвимых зон со слабым правовым регулированием.

Правовое регулирование должно постоянно подстраиваться под практические нужды общества. В условиях новой реальности право становится не только инструментом, обеспечивающим благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, цифровизацию экономики, управления и других сфер общественной жизни, но и объектом воздействия цифровизации, в следствие чего оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, механизма действия и т.д. Цифровизация приводит к появлению отношений, субъектами которых становятся «цифровые личности» - система взаимосвязанных данных, моделей и априорных механизмов вывода, которая позволяет имитировать процессы сознательной деятельности человека при работе с различными объектами предметной области и другими личностями [3]; возникающих в связи с реализацией прав человека в виртуальном пространстве, то есть «цифровых прав»; связанных с совершением действий в виртуальном пространстве, направленных на возникновение, изменение и прекращение правоотношений, реализацию прав и исполнение обязанностей, образующих юридическое содержание и др.

Нельзя не согласиться с тем фактом, что наступившая цифровая эпоха принесла человечеству огромную пользу.

Например, в период пандемии COVID-19 миллиард учеников и студентов закончили учебный год онлайн, что привело бы к коллапсу каких-то десять – пятнадцать лет назад. Кроме того, и такая неотъемлемая часть жизни людей, как медицина, вышла на новый уровень: получила свое развитие цифровая медицина.

Однако технологии, влияющие на жизнь, здоровье и экономическое положение миллионов людей, зачастую внедряются бесконтрольно, без параллельного введения каких-либо правил, ограничений. Это и создает условия для появления неконтролируемой «серой» зоны в цифровом пространстве, где создаются благоприятные условия для неэтичных, но формально законных (не запрещенных законом) действий, которые впоследствии могут вызвать не только недовольство населения, но и иметь серьезные последствия для граждан. В связи с этим возникает необходимость в раскрытии и изучении такого понятия как цифровая этика:

«Цифровая этика – это область исследований, изучающая то, как технологии формируют и будут определять политическое, социальное и моральное существование людей. Цифровая этика или информационная этика в более широком смысле имеет дело с влиянием цифровых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) на общество и окружающую среду в целом» [1]. Этическая трансформация способна подтолкнуть человека, общество, мир к совершению необдуманных решений, приводящих к катастрофическим последствиям как для индивида или небольшой группы лиц, так и для государства. Поэтому растет количество не только полезных услуг и продуктов, но и утечек, случаев мошенничества в цифровом пространстве, злоупотребления данными. Это нарушает личные права человека, приватность его жизни, возможность контролировать распространение информации о себе, создает риски для национальной безопасности и цифрового суверенитета государства, а также риск зависимости от иностранных технологий и оборудования.

В современном обществе противоречия между правом и этикой и цифровыми новшествами резко обострились, что связано с изменением ценностей общества, его стремлением, в частности с борьбой за информацию, переосмысление моральных и духовных ценностей. Мораль имеет внутренний и внешний аспекты: первый

отражает отношение человека к самому себе и включает в себя осознание своего собственного «Я», чувство собственного достоинства, меру духовности человека, его общественного долга, второй предполагает отношение личности к другим, проявление ее качеств в поступках. Именно моральные качества индивида ограничивают его от собственного произвола по отношению к обществу, проявляется «золотое правило нравственности», смысл которого заключается в следующем: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе». При этом существует две разновидности моральных требований: требования человека к самому себе и требования общества к человеку. Нарушение первой категории требований наказывается совестью, личным судом человека, а нарушение второй категории – порицанием и осуждением со стороны общества. Однако не всегда санкционирование, опирающееся на силу общественного мнения, может заставить человека выполнить тот или иной поступок. Г. В. Ф. Гегель говорил следующее: «чтобы мой поступок имел моральную ценность, с ним должно быть связано мое убеждение. Аморально делать что-то из страха перед наказанием или для того, чтобы приобрести у других хорошее мнение о себе». Таким образом, все зависит от внутренних убеждений человека, его моральных ценностей, которые определяют нравственность и социальную значимость всех поступков, подталкивают к тому или иному поведению. Таким образом, право сформировалось на основе социальных норм, в том числе и моральных.

В связи с изменениями общества, в том числе его нравов, моральных убеждений, правовая система, какой бы развитой и совершенной она ни была, в цифровых реалиях действует неэффективно. В цифровом мире можно сделать то, что невозможно в физическом: тотальная слежка, профайлинг и т.д. Кроме того, роботы, глобальные сети помнят все, что приводит к следующим рискам: риск распространения экстремизма, нацизма, дезинформации, монополии на сервис от больших корпораций и др.

Ярким примером одного из рисков является 9 мая 2020 года, когда во время онлайн-шествия «Бессмертного полка» пользователи интернета заметили среди изображений героев-победителей фюрера нацистской Германии Адольфа Гитлера, генерала-предателя Андрея Власова и других нацистских преступников, которые были

осуждены Нюрнбергским трибуналом. Информация сразу была передана следователям, которые возбудили дело по статье «Реабилитация нацизма». Благодаря оперативным действиям в цифровой системе удалось быстро вычислить IP-адреса, с которых загружались изображения, найти подозреваемых.

Для решения подобных проблем, которое должно быть своевременным и эффективным на всех уровнях: регулирования, правоприменения, создания инфраструктуры, внедрения культуры работы с данными и т. д., необходимо повышать правовую и нравственную культуру граждан, своевременно отвечать на этические вопросы, возникающие при использовании цифровых технологий путем создания нормативных, методических документов, описывающих общие принципы разработки и использования цифровых технологий и отдельные правила, обеспечивающие этичность продукта, создание специализированного органа, уполномоченного оказывать помощь в сфере этики и осуществлять надзорную функцию - контроль соблюдения этических принципов при разработке и использовании цифровых технологий.

Не только в России, но и во всем мире на первый план вышли этические проблемы, связанные со слежкой, мошенничеством в цифровой сфере, неравным доступом к технологиям. Правительства стран уделяют особое внимание этике применения цифровых технологий в государственном управлении, созданию документов, руководств и кодексов, наработке практики их использования, стремятся к достижению универсальности нормативного правового регулирования не только на национальном, но и на международном уровне. Так, в Германии при федеральном правительстве работает Комиссия по этике данных. Она разрабатывает этические принципы для защиты личности, сохранения единства общества и развития информационных технологий. В Швеции за внедрением цифровых технологий следит Комитет по технологическим инновациям и этике, в случае необходимости предлагает правительству внести соответствующие изменения в нормативные правовые акты.

В 2013 году по заказу Евросоюза международная команда ученых разработала и запустила систему ePOOLICE (early Pursuit against Organized crime using envirOnmental scanning, the Law and IntelligenCE systems) [4], предназначенную для сканирования

страниц сайтов, электронных переписок, полицейской информации с целью нахождения признаков деятельности организованной преступности и оценивания риска совершения преступления.

В Российской Федерации первым нормативным правовым актом, определяющим основы нормативного регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники, стала Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, где были закреплены основные подходы в различных сферах экономики с соблюдением прав граждан, обеспечением безопасности личности, общества и государства. В Государственной Думе продолжается рассмотрение законопроектов с целью создания нормативной базы для работы с электронными документами, уточнения процедур идентификации и аутентификации, дистанционного участия в судебном заседании, онлайн-урегулирования споров в досудебном порядке и другие. Данные действия правительства Российской Федерации стали первыми шагами в развитии цифрового пространства, правового регулирования в его рамках.

Поскольку Интернет превратился в основную инфраструктуру социальной коммуникации, и информационные технологии проникли во все сферы жизни без исключения, я считаю необходимым дальнейшее правовое и моральное регулирование этой сферы. Нужно учитывать такие права, как право на свободу мысли, совести, религии, на свободу убеждений и их свободное выражение и многие другие, но уже с учетом новых возможностей, которые используются в цифровом пространстве.

Вот несколько вариантов решения раскрытой проблемы:

Во-первых, внедрение в образовательный процесс предметов, посвященных цифровой культуре, разбору этических вопросов работы с данными в рамках ИТ-образования, чтобы учащиеся школ и ВУЗов знали об этических рисках и последствиях применения цифровых технологий, с раннего возраста осознавали серьезность и важность вопроса. Следовательно, необходимо проведение постоянных занятий по цифровой этике, организация встреч со специалистами в сфере компьютерной безопасности с детьми, подростками.

Во-вторых, следует разработать и внедрить национальное программное обеспечение, которое поможет точнее

спрогнозировать поведение людей в сети, выявить потенциальные ошибки в цифровом регулировании, позволит отбирать только правомерную и достоверную информацию перед тем, как она станет общедоступной, избежать правонарушений в данной сфере. Кроме того, отдельное место в жизни людей занимают социальные сети, где граждане публикуют информацию о себе, о своей личной жизни, «тайно» делятся информацией с друзьями, знакомыми. Во избежание частых случаев взлома аккаунтов необходимо усовершенствовать процесс идентификации: производить регистрацию граждан в социальных сетях по паспорту, что будет являться кодом доступа при входе с неизвестного устройства; ввести вход в аккаунт при помощи распознавания лица. Все это поможет в обеспечении международной и национальной информационной безопасности Российской Федерации и ее граждан.

И, в-третьих, необходимо разработать Кодекс цифровой этики, который бы закрепил правила поведения в цифровой сфере не только с правовой, но и с моральной точки зрения. Потому что, на мой взгляд, первостепенным является нравственное воспитание членов цифрового общества, потому что как сказал выдающийся русский поэт и государственный деятель Г. Р. Державин: «хорошие законы могут исправить заблуждения в душе, счастливо рожденной и невоспитанной; но они не могут добродетелью оплодотворить худое сердце».

Источники и литература:

1. Henshall A. What is digital ethics? // Process.st: сайт. - Режим доступа: <https://www.process.st/digital-ethics/>
2. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. – № 7578. – 2018.
3. Как происходит оцифровка человеческой личности и какие виды уже существуют? // ITMO.NEWS: сайт. – Режим доступа: [https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/8695/#:~:text=Что%20такое%20цифровая%20личность%3F%20Если,два%20класс а%20цифровых%20личностей%20\(ЦН\)](https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/8695/#:~:text=Что%20такое%20цифровая%20личность%3F%20Если,два%20класс а%20цифровых%20личностей%20(ЦН))

4. Овчинский В. С. Этика цифровых технологий в полиции // Центр CDTO: сайт. - Режим доступа: https://ethics.cdto.center/7_4

Рожков Александр Олегович
*студент магистратуры Института подготовки научных кадров
(социология)
Национальной Академии наук Белоруссии,
г. Минск, Белоруссия*

Научный руководитель:
Шарый Игорь Николаевич
*кандидат социологических наук, заведующий сектором
социологии науки и научных кадров Национальной Академии наук
Белоруссии
г. Минск, Белоруссия*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БЕЛАРУСИ: НАЛИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.47905/y6864-1741-8774-x

Аннотация. Законодательство в области религии необходимо для регуляции взаимоотношений религиозных организаций; отношений с иными социальными институтами, соблюдая при этом принципы свободы вероисповедания. Но иногда законы некоторых государств могут создавать такие условия, в которых логика развития религиозных институтов нарушается.

В данной статье автор принимает попытку дать социологическую и религиоведческую оценку белорусскому законодательству в области религии.

Ключевые слова: религиозное законодательство, Беларусь, нетрадиционные религиозные движения, религиозные объединения, религиозные товарищества.

Razhkov Alyaxandr Alegavich
*master's student at the Graduate School
of the National Academy of sciences of Belarus (sociology)
Minsk, Republic of Belarus*

Scientific curator:
Sharyi Igar Mikalaevich
*PhD in Sociology,
Head of the sector of sociology of science and scientific
personnel
of the National Academy of sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus*

LEGAL REGULATION OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN BELARUS: AVAILABLE PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. Legislation in the field of religion is necessary to regulate relations between religious organizations; relations with other social institutions, while respecting the principles of freedom of religion. But sometimes the laws of some states can create conditions in which the logic of the development of religious institutions is violated.

In this article the author makes an attempt to give a sociological and religious assessment of the Belarusian legislation in the field of religion.

Key words: religious legislation, Belarus, non-traditional religious movements, religious associations, religious partnerships.

Прежде чем начинать анализ белорусского законодательства в области религии, необходимо дать ему описательную характеристику с целью выявления особенностей рассматриваемого предмета.

Законодательная база представлена следующими документами: «Закон об свободе вероисповедания» (2002 г.); «Положение об порядке приглашения в Республику Беларусь иностранных священнослужителей и их деятельность на её территории» (1999 г.); «Положение об порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания» (1999 г.); «О

взаимоотношениях государственных образовательных учреждений с религиозными организациями и противодействию деятельности деструктивных сект в образовательных учреждениях Республики Беларусь» (1999 г.); «О духовно-нравственном воспитании и преодолении влияния деструктивных сект и организаций на школьников и студентов» (2000); пункт №14 концепции национальной безопасности Республики Беларусь 2010-го года [2].

Религиозная организация – это термин, который объединяет все зарегистрированные типы религиозных сообществ на территории Республики Беларусь. Религиозная организация является таковой, если она соответствует следующим критериям: она имеет своё ретранслируемое через институты духовного просвещения мировоззрение, которое проявляется в религиозном культе и богослужениях, а также её руководитель является гражданином Республики Беларусь.

Существует два типа религиозных организаций: товарищества и объединения.

Первые – это объединение от 20 и более верующих, проживающих примерно в одной геолокации и объединяются общими религиозными целями; регистрируются местными исполкомами. Если вероучение, транслируемое потенциальным товариществом является новым на территории Республики Беларусь, то оно проходит религиоведческую экспертизу аппарата при уполномоченным по делам религии. Если по итогам экспертизы товарищество не проходит регистрацию, то её деятельность на территории Беларуси, де-факто, запрещается (т.к. деятельность незарегистрированных религиозных организаций в республике Беларусь запрещена). Чтобы пройти успешно регистрацию необходимо предоставить следующий перечень бумаг: заявление, список граждан-создателей товарищества в трёх экземплярах, протокол с учредительного собрания организации, документ подтверждающий право нахождения организации в определённой локации. Срок регистрации составляет до 6 месяцев.

Вторые – включают в своём составе от 10 товариществ, одно из которых должно работать минимум 20 лет на территории Республики Беларусь. Именно Религиозные объединения имеют право создавать монастыри, учебные учреждения и т.д. Если объединение имеет свои структурные части на территории всех

областей Республики Беларусь, то оно получает статус Республиканского, который позволяет им объединять товарищества путём создания местных религиозных объединений (отличаются от обычных религиозных объединений только своим происхождением, а значит подчинённым статусом к РРО). Все типы религиозных объединений регистрируются аппаратом при уполномоченным по делам религии и также могут при необходимости проходить религиозоведческую экспертизу. Срок регистрации составляет максимум 6 месяцев, для которой необходимо приложить схожий список документов, что был у товариществ.

Документация отличается от товариществ, которые могут быть созданы республиканским объединением, а именно монастыри (для создания которых также потребуется дополнительно предоставить список участников общины) и духовные учреждения образования (для которых необходимо предоставить документы, подтверждающие наличие у организации специальных кадров и помещений для проведения образовательной деятельности).

В регистрации организаций может быть отказано на следующий основаниях: организация не соответствует критериям религиозной (см. выше), устав не соответствует критериям (или является недействительным), экспертиза выдвинула отрицательный вердикт, были допущены нарушения хода регистрации.

Каждый тип из вышеназванных религиозных организаций обязан иметь свой устав (созданный основателями организации), в котором прописываются: точное наименование организации, геолокация деятельности и её характеристика, подчинённость да вышестоящей структуры (если таковая имеется), структура организации, источники дохода, ответственность при приобретении имущества и её распределение в случае ликвидации организации, процесс ликвидации/реорганизации организации и устава, отличительные особенности организации.

Следует отметить, что некоторые положения устава должны соотносится с законодательством Республики Беларусь: например, имущество после ликвидации организации должно быть возвращено первоначальным владельцам (если имущество было передано государством на правах пользования, то национализировано, равно как объекты исторического значения).

Аналогичные требования соответствия законодательству относятся и да взаимоотношений религиозной организации с людьми, осуществляющими в рамках религиозных организаций трудовую деятельность.

Особенным тут видится статус духовных учреждений образования, учащиеся которых хоть и имеют льготы студентов светских учреждений образования, однако диплом ДУО не имеет государственной аккредитации (т. е. диплом этот является релевантным только для религиозной организации).

Организация ликвидируется после того как: организация допустила серьёзное правонарушение, выступила против территориальной целостности и суверенитета Республики, выступает против прав человека. Первое подобное нарушение впоследствии приводит к появлению предупреждения, в котором изъясняется суть нарушения, а также очерчивает сроки ликвидации нарушений (полгода). Если требования не были выполнены, то орган регистрации имеет право падать в суд иск об ликвидации религиозной организации.

Следует отметить, что серьезными нарушениями может являться нарушение проведения правил религиозных мероприятий, согласно которым культовые действия могут происходить только на специальной территории (культовые комплексы, места захоронений). На территории частных жилищ богослужения могут проходить, но не на регулярно-системной основе, ведущей к их многочисленности. Богослужения вне специальных территорий могут быть разрешены только при регистрации их в качестве массового мероприятия в местных органах исполнительной власти. Также нарушением будет являться ввоз религиозной литературы из-за границы, которая не прошла религиозоведческую экспертизу (все книги религиозного содержания перед их ввозом в Республику Беларусь должны проходить экспертизу).

Ознакомившись с кратким содержанием вышеназванных законодательных актов, отметим теперь недостатки описанной парадигмы.

Общественная организация «Белорусский Хельсинкский Комитет» в своём специальном докладе 2013 года «За полчаса до весны» [1], ссылаясь на международный пакт о политических, гражданских правах, отмечали, что запрещать деятельность

религиозных организаций на уровне международного права разрешено только в том случае, когда религиозная организация угрожает национальной безопасности страны. Докладчики считают, что белорусское законодательство в области религии противоречит этому по следующим причинам [1]:

1) белорусское законодательство предусматривает запрет деятельности незарегистрированных религиозных организаций;

2) белорусское законодательство предусматривает запрет деятельности РА на основании количественного критерия (от двух и более нарушений законодательства, которые не предусматривают угрозу общественной безопасности);

3) процедура обжалования решения об ликвидации РА законодательством не предусмотрена.

Также белорусское законодательство в области религии имеет следующие недостатки:

1) «высокий порог вхождения» для получения статуса религиозного объединения;

2) юридическая неравнозначность религиозных товариществ и религиозных объединений;

3) исходя из законов, православная церковь имеет привилегированный статус, нежели иные традиционные, но немногочисленные религиозные организации (например, иудеи и мусульмане не могут создать своё учреждение духовного образования).

Почему же вышеприведенные положения считаются автором недостатками? Представленные нюансы препятствуют свободному развитию нетрадиционной религиозности в рамках белорусского общества, вынуждая его действовать относительно подпольно. Это подтверждается доводами В. А. Мартиновича, согласно которому, на территории Республики Беларусь на сегодняшний день было зафиксирована деятельность около 1000 НРД, однако зарегистрированных организаций всего насчитывается около 3% [4]. Невозможность публичной деятельности и невозможность обрести статус МРО (или хотя-бы РТ) приводит к тому, что НРД не имея возможности официально создавать формальные структуры, вынуждено существовать на уровне «религиозной среды общества», а отсутствие формализации идей

КСО рано или поздно её перегревает, что, при определённой социально-политической ситуации может вызвать её «взрыв», что повлечёт за собой резкий рост НРД на территории Республики, а также ослабевание позиций традиционных религиозных институтов [5].

Схема 1.1 – «Круговорот» развития нетрадиционной религиозности по В. А. Мартиновичу

Составлено по: [5]

Приведенную выше схему можно расшифровать следующим образом: рост сектантских структур приводит к уменьшению уязвимых несектантских идей в обществе, что уменьшает и само количество сектантских идей в обществе, что приводит к уменьшению сектантских структур в обществе, что, в свою очередь, приводит к росту уязвимости несектантских идей в обществе, увеличивая потенциальное количество исповедуемых сектантских идей в обществе [5].

Речь идёт о том, что из-за своих особенностей, законодательство Республики Беларусь вставляет «перегородку» в данной автопоэтической схеме, из-за чего лишняя «энергия» накапливается в КСО, что в дальней перспективе может породить резкие изменения в религиозной картине Республики и эти изменения будут очень тяжело переживаться самим государством (вплоть до аномии в религиозной сфере). Исходя из этого автору исследования видится необходимость либерализации законодательства Республики Беларусь в области религии с целью

«высвобождения лишней энергии» из КСО и поддержания адекватной работы автопоэтического «круговорота НРД». Для противодействия потенциально деструктивным НРД (которые составляют минимальный процент [3]) следует заботиться о качественном развитии института религиоведческой экспертизы, а также интегрировать специальные уроки-тренинги в образовательный процесс, чтобы потенциально уязвимая группа населения – молодёжь – могла отличать деструктивные секты от иных форм религиозности. Борьба с НРД в условиях «еретического императива» видится в старой её формулировке не только бесполезным, но и вредным для «религиозного рынка», как писал П. Бергер [6].

Источники и литература:

1. За полчаса до весны. Доклад о неравенстве и дискриминации в Беларуси // Equal Rights Trust [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.equalrightstrust.org/ertdocumentbank/belarus%20cr_russia_n_4web.pdf – (Дата доступа: 23.02.2021).
2. Законодательный национальный портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/> – (Дата доступа: 04.05.2020).
3. Мартинович В. А. Нетрадиционная религиозность в Беларуси: тенденции и опасности. — Минск : Белорусская Православная Церковь. 2010. — 143 с.
4. Мартинович В. А. Нетрадиционная религиозность в Республике Беларусь // Социология – 2016. - № 2. – С. 77-87.
5. Мартинович В. А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. — Минск: Минская духовная академия, 2015. – 560 с.
6. Berger P. Heretical imperative: contemporary possibilities of religion. – L.: Doubleday, 1980. – 368 p.

Терентьева Дарья Петровна
студент 3 курса юридического факультета (уровень
бакалавриата)
Российский государственный университет правосудия,
г. Иркутск, Россия

Пьянкова Анна Алексеевна
студент 3 курса юридического факультета (уровень
бакалавриата)
Российский государственный университет правосудия,
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Заиченко Яна Ивановна
кандидат экономических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия,
г. Иркутск, Россия

ПРАВО И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI: 10.47905/x8816-9766-1983-u

Аннотация. В статье выделена необходимость включения определения «экономическая деятельность» в российское законодательство. Авторами отмечено, что отсутствие в законодательстве данного определения приводит к трудностям на практике. В настоящее время в правовых и судебных актах сформировался ряд доктринальных суждений, которого недостаточно для полного понимания экономической деятельности с точки зрения права.

В статье проанализирована категория «экономическая деятельность» с различных позиций и предложена своя формулировка данного понятия.

Ключевые слова: экономическая деятельность, предпринимательская деятельность, арбитражный суд, ресурс, производственный процесс.

Terentieva Daria Petrovna

*3rd year student of the faculty of law (bachelor's level)
Russian state university of justice
Irkutsk, Russia*

Pyankova Anna Alexeevna

*3rd year student of the faculty of law (bachelor's level)
Russian state university of justice
Irkutsk, Russia*

Scientific curator:

Zaichenko Yana Ivanovna

*PhD in Economics, associate professor
Russian state university of justice
Irkutsk, Russia*

LAW AND ECONOMIC ACTIVITY

Abstract. The article highlights the need to include the definition of "economic activity" in Russian legislation. The authors noted that the absence of this definition in the legislation leads to difficulties in practice. Currently, a number of doctrinal judgments have been formed in legal and judicial acts, which is not enough to fully understand economic activity from the point of view of law.

The article analyzes the category of "economic activity" from various positions and offers its own formulation of this concept.

Key words: economic activity, entrepreneurial activity, Arbitration court, resource, production process.

Термин «экономическая деятельность» широко применяется в различных нормативных правовых актах, при этом законодатель не раскрывает его.

Так в УК РФ законодатель выделил отдельную главу посвященную преступлениям в сфере экономической деятельности. К таким преступлениям, например, относится незаконная банковская деятельность, незаконное получение кредита и т.д. Что же понимать под самой «экономической деятельностью» УК РФ не определил [7].

В статье 1 АПК РФ установлено, что рассмотрение дел в сфере предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности осуществляет Арбитражный Суд РФ [1]. Опять-таки не указано: а что понимать под «экономической деятельностью».

Статья 3 НК РФ содержит запрет на установление налогов и сборов, которые препятствуют или ограничивают свободу на осуществление не запрещенной законодательством РФ экономической деятельности физических лиц и организаций [2]. Из данной нормы можно сделать вывод, что «экономическая деятельность» осуществляется как юридическими лицами, так и физическими.

Отсутствие в законодательстве определения «экономическая деятельность» является проблемным вопросом, ведь именно данный недостаток приводит к затруднению на практике. Сложности правоприменения подчеркнул Второй арбитражный апелляционный суд, указав в постановлении от 10 марта 2016 г. по делу № А82-14451/2015 следующее: «действующий Арбитражный процессуальный кодекс не дает понятия экономического или предпринимательского спора, равно как и экономической деятельности. Отсутствие таких понятий затрудняет определение подведомственности, поскольку любая деятельность субъектов гражданского оборота имеет экономическую основу. При этом понятие "иная экономическая деятельность" не имеет точного определения и носит субъективный, оценочный характер» [4].

В связи с этим авторами были изучены нормативные правовые акты, научная доктрина, мнение суда по настоящему вопросу, и разработано собственное определение понятия, подлежащее включению в законодательство Российской Федерации.

Так, проанализировав Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, утвержденный приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст, авторы отметили, что экономическая деятельность имеет цель производство продукции. Достигается она путем объединения ресурсов в производственный процесс [6].

Изучив постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 сентября 2006 г. № А56-57150/2005,

разграничили предпринимательскую и экономическую деятельность, как часть и целое. Экономическая деятельность трактуется шире, чем предпринимательская: это совокупность систематически совершаемых действий, направленных на достижение определенного экономического и общественно полезного результата и не имеющих единственной целью извлечение прибыли [5].

Разработана также и научная доктрина по данному вопросу. Так О. М. Олейник указывает, что «экономическая деятельность – один из видов экономической активности человека, форма участия индивида в общественном производстве и способ получения финансовых средств для обеспечения своей жизнедеятельности» [3].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что назрела острая потребность включения понятия «экономическая деятельность» в законодательные акты, поскольку квалификация деятельности в качестве экономической влечет за собой наделение субъекта, ее осуществляющего, правами, возложения на него обязанностей, установление правовых механизмов обеспечения и защиты прав, а также иные правовые последствия.

Авторами предлагается формулировка данного определения:

Экономическая деятельность – непрерывный процесс деятельности человечества, направленный на создание материальных благ, необходимых для благоприятного существования общества, включающий в себя производство, обмен и потребление производимых благ.

Источники и литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 27.11.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. - № 31. - 1998. - Ст. 3824.
3. Олейник О. М. Понятие предпринимательской деятельности: теоретические проблемы формирования // Предпринимательское право. — 2015. — № 1.

4. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 22.04.2016 г. № 02АП-1010/2016 по делу № А82-6070/2015// <https://sudact.ru/arbitral/doc/r9gOxDWTZfdQ/> (дата обращения: 30.10.2021)

5. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 сентября 2006 г. № А56-57150/2005// <https://base.garant.ru/33147023/> (дата обращения: 30.10.2021)

6. Приказ Росстандарта от 31.01.2014 г. № 14-ст (ред. от 16.10.2018 г.) "О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008)" // СПС КонсультантПлюс.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

Толмачева Ярослава Дмитриевна
студент 2 курса юридического факультета
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Евдокимов Константин Николаевич
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

**ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО
СТАТУСА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
DOI: 10.47905/u4530-7003-9465-m

Аннотация. В настоящее время в Российской Федерации продолжается широкомасштабная конституционная реформа, которая затронула наиболее социально значимые сферы жизни

общества. При этом изменения и дополнения, внесенные в основной закон России, затронули организацию и деятельность правоохранительных органов, включая прокуратуру. В связи с этим возрастает интерес к конституционно-правовому статусу прокуратуры Российской Федерации.

В статье проводится историко-правовой анализ конституционно-правового статуса прокуратуры России. Автором делаются выводы о месте органов прокуратуры в системе государственных органов и вносятся предложения по совершенствованию прокурорской деятельности.

Ключевые слова: Генеральная прокуратура Российской Федерации, государственные органы конституция, конституционно-правовой статус, органы государственной власти, органы прокуратуры, прокуратура, прокурорская деятельность.

Tolmacheva Yaroslava Dmitrievna
2nd year student of the faculty of law
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Evdokimov Konstantin Nikolaevich
PhD in Law, associate professor
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. Currently a large-scale constitutional reform is underway in the Russian Federation, which has affected the most socially significant spheres of society. At the same time, the amendments and additions made to the basic law of Russia affected the organization and activities of law enforcement agencies, including the prosecutor's office.

In this regard, there is an increasing interest in the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

The article provides a historical and legal analysis of the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of Russia. The author draws conclusions about the place of the prosecutor's office in the system of state bodies and makes proposals for improving prosecutorial activities.

Key words: Prosecutor General's Office of the Russian Federation, state bodies' constitution, constitutional and legal status, public authorities, prosecutor's offices, prosecutor's office, prosecutorial activity.

Прокуратура Российской Федерации занимает важное место в системе органов государственной власти. Одной из особенностей ее статуса является многофункциональный характер деятельности прокуратуры, которая направлена на обеспечение законности, единства и укрепление законности в Российской Федерации, защиту прав и свобод человека и гражданина, защиту охраняемых законом интересов общества и государства [1].

Зарождение прокуратуры берет свое начало с времен Петровской эпохи. Прокуратура Российской империи была основана тремя главными указами Петра I от 1722 года. Особое внимание Петр I придавал должности прокурора как блюстителя закона.

Полномочия петровской прокуратуры были близки к тому, что сейчас называют «общим надзором». При создании прокуратуры Петром I перед ней ставилась задача «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония».

С 1802 года прокуратура входила в состав Министерства юстиции, а Министр юстиции исполнял полномочия Генерал-прокурора. Принцип разделения властей еще не существовало, но можно говорить, что во времена Александра I прокуратура выполняла роль исполнительного органа в составе Министерства юстиции.

Судебная реформа 1864 года также оказала влияние на статус прокуратуры. Она установила "Основные начала судебных преобразований", которые определяли, что "при судебных местах

необходимы особые прокуроры, которые по множеству и трудности возлагаемых на них занятий, должны иметь товарищей", а также, что "власть обвинительная отделяется от судебной

В советский период, в мае 1922 года постановлением Центрального исполнительного комитета было принято первое «Положение о прокурорском надзоре», согласно которому прокуратура была создана в составе Народного комиссариата юстиции. В то же время прокуратуре были поручены следующие функции:

- осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, экономических учреждений, государственных, частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования в отношении виновных и протеста против решений, нарушающих закон;
- прямой контроль за деятельностью следственных органов в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью государственных органов политического управления;
- поддержание уголовного преследования в суде;
- контроль за правильностью содержания заключенных под стражей.

«Положение о Прокуратуре Союза ССР» 1933 года определило правовой статус прокуратуры СССР как самостоятельного государственного органа.

В нем были определены отрасли прокурорского надзора, ставшие традиционными: общий надзор, контроль за правильным и единообразным исполнением законов судебными органами; контроль за исполнением законов следственными и следственными органами; контроль за законностью и правильностью действий ОГПУ, полиции, исправительных учреждений. Система и структура органов прокуратуры были определены по месту нахождения. В качестве структурных подразделений в состав прокуратуры входили военная и транспортная прокуратуры [2].

Конституция СССР, принятая в декабре 1936 года, впервые в истории конституционного законодательства вводит понятие высшего надзора за точным исполнением законов. И эта прерогатива была закреплена только за прокурором Союза ССР [3].

Таким образом, в 1936 году произошло окончательное выделение прокуратуры из судебной системы в независимую, единую централизованную систему, аналогичную петровской модели прокуратуры.

В 1970-е годы принимаются Конституция Союза Советских Социалистических Республик (принята СССР 07.10.1977 г.) и Закон СССР от 30.11.1979 г. "О прокуратуре СССР".

В июле 1993 года был установлен новый правовой статус прокуратуры: «Контроль за законностью расследования преступлений, поддержание прокуратуры в суде, подача исков в защиту интересов государства, прав и свобод граждан, обжалование незаконных действий государственных органов, местного самоуправления и должностных лиц осуществляется Прокуратурой Российской Федерации, которую возглавляет Генеральный прокурор Российской Федерации. Генеральный прокурор Российской Федерации назначается на должность и освобождается от должности Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации» [4].

Таким образом, Прокуратура Российской Федерации полностью утратила надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, координацией работы правоохранительных органов и правоохранительных органов. Он, по сути, стал придатком судов и был наделен только судебными и процессуальными полномочиями. Поэтому включение статьи 129 Конституции Российской Федерации в главу о судебной власти было вполне логичным и оправданным [5].

Но после упорной борьбы с властью за статус прокуратуры Генерального прокурора РФ А. И. Казанника была введена привычная для нас сейчас ст. 129, которая закрепила принцип единства и централизации системы органов прокуратуры.

В результате законодательных изменений прокуратура Российской Федерации окончательно структурно и функционально сформировалась в самостоятельный государственный орган, не относящийся ни к одной из ветвей власти. Это как раз и дает ей возможность самостоятельно осуществлять полномочия прокуратуры [6].

Прокуратура России как самостоятельная ветвь государственной власти является важным и неотъемлемым

элементом системы «сдержек и противовесов», уравновешивающей другие ветви власти и их согласованное функционирование. Средством достижения такой важной цели является прокурорский надзор, который обеспечивает соблюдение Конституции, соблюдение законов всех федеральных министерств и ведомств, представителей законодательных и исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также соблюдение опубликованных правовых актов, положений действующего законодательства, в соответствии со статьей 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Сегодня борьба с преступностью и коррупцией, защита прав и законных интересов граждан и обеспечение единства правового пространства страны входят в число приоритетных направлений деятельности прокуратуры.

В 2020 году Президент Российской Федерации В. В. Путин выступил с инициативой проведения голосования по поводу принятия поправок в Конституцию РФ. 1 июля 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены изменения, которые, в частности затронули статью 129.

Таким образом закрепились основные функции прокуратуры Российской Федерации, требования, предъявляемые к прокурорам, порядок назначения на должность и освобождения от должности Генерального прокурора Российской Федерации, его заместителей, прокуроров субъектов Российской Федерации и приравненных к ним по правовому статусу специализированных прокуроров.

Рассмотрев особенности конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации в разные периоды истории, проанализировав ряд научных и учебных работ по данной [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12], автор приходит к следующим выводам:

1. Прокуратура как орган надзора уполномочена выступать при его осуществлении от имени государства, при этом она осуществляет надзор от имени Российской Федерации за соблюдением конституции страны, об этом говорится в ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ». Такое положение требует, чтобы деятельность и полномочия, роль и положение прокуратуры, были регламентированы в виде отдельной главы в Конституции РФ.

2. Восстановление права Генерального прокурора на законодательную инициативу в Федеральном Собрании, поскольку именно Генеральный прокурор, руководя органами надзора, анализируя состояние законности, исполнение законов, причины и условия, порождающие и способствующие совершению преступлений и правонарушений, обладает информацией, позволяющей наиболее компетентно вносить предложения по созданию, улучшению и развитию законодательства. Тем более, что закон предусматривает право и обязанность прокурора участвовать в правотворчестве в соответствии со статьей 9 Федерального закона «О прокуратуре РФ».

3. Сохранение важной функции прокуратуры - надзор за исполнением законов всеми органами, учреждениями, их должностными лицами и руководителями, в том числе надзор за соответствием закону издаваемых ими правовых актов, в том числе и осуществление прокурором от имени Российской Федерации надзора за соответствием Конституции и другими нормативными правовыми актами. При этом стоит отметить, что правовой акт, не соответствующий Конституции или закону, по мнению прокуратуры, передается на рассмотрение полномочного органа - Президента либо Правительства РФ.

4. Необходимость возвращения прокуратуре функции расследования преступлений, строго ограниченной подследственностью и, прежде всего, по делам о коррупционных преступлениях, совершенных следователями и некоторыми отдельными категориями лиц (гл. 52 УПК), прямо обусловлена статусом прокуратуры в общей системе государственных органов и задачами, вытекающими из общенациональной проблемы противодействия коррупции.

5. Наделение Генерального прокурора Российской Федерации правом обращения в Конституционный Суд Российской Федерации для защиты нарушенных конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также проверки конституционности федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, законов субъектов Российской Федерации и правовых актов глав субъектов Российской Федерации, внеся

соответствующие дополнения в статью 125 Конституции Российской Федерации.

Источники и литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г.: в редакции от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View> (дата обращения: 13.12.2021).

2. Байкин И. М. Статус прокуратуры и законодательная ветвь власти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>

3. Вахитова Р. Р. Прокуратура в механизме государства: историко-правовое исследование. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003. – 122 с.

4. Шалумов М. С. Прокурорский надзор и государственный контроль за исполнением законов: разграничение компетенции и ответственности // Государство и право. – 1999.

5. Казанник А. И. Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации: мифы и реальность // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 5.

6. Сорокина А. А. Конституционный статус прокуратуры Российской Федерации // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 4-4; URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13694> (дата обращения: 14.12.2021).

7. Иващенко М. А. Место и роль прокуратуры в системе органов государственной власти // Молодой ученый. – 2014. – № 8.

8. Данилина В. Е. Право на труд и роль органов прокуратуры в защите трудовых прав граждан Российской Федерации // Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: проблемы реализации и защиты: материалы межвузовской (ежегодной) студенческой конференции / отв. ред. В.Н. Шутова. - М., 2020. - С. 47-51.

9. Евдокимов К. Н. Особенности участия Генерального прокурора Российской Федерации и нижестоящих прокуроров в конституционном судопроизводстве // Конституция: воплощение

ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. - М., 2019. - С. 38-45.

10. Муниципальное право России / под ред. А. В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 429 с.

11. Носырев Р. В. Деятельность органов прокуратуры по защите информационных прав несовершеннолетних, а также по проверке исполнения законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию (на примере органов прокуратуры Приморского края) // Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: проблемы реализации и защиты. Материалы межвузовской (ежегодной) студенческой конференции / отв. ред. В. Н. Шутова. - М., 2020. - С. 95-101.

12. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности / под ред. А. В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 299 с.

Тользак Алексей Евгеньевич
студент 3 курса юридического факультета (уровень
специалитета)
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

Чугун Данил Александрович
студент 1 курса юридического факультета (уровень
магистратуры)
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Кузьмин Игорь Александрович
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОХРАНЫ
ПРАВ НА ЗДОРОВЬЕ ГРАЖДАН
DOI: 10.47905/e7518-7479-0616-e**

Аннотация. В статье анализируются проблемы правового регулирования отношений в сфере охраны прав на здоровье граждан, изучаются особенности публично-правовых режимов и их законодательная регламентация, выясняется роль публично-правовых режимов в борьбе с коронавирусной инфекцией.

Ключевые слова: правовое регулирование, охрана прав на здоровье граждан, COVID-19, публично-правовые режимы, режим повышенной готовности.

Tolzak Alexey Evgenievich
3rd year student of the faculty of law (specialist level)
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

Chugun Danil Alexandrovich
1st year student of the faculty of law (master's level)
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Kuzmin Igor Alexandrovich
PhD in Law, associate professor
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

TO THE QUESTION ABOUT THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE SPHERE OF PROTECTING THE RIGHTS TO THE HEALTH OF CITIZENS

Abstract. The article analyzes the problems of legal regulation of relations in the field of protecting the rights to the health of citizens, studies the features of public law regimes and their legislative regulation, clarifies the role of public law regimes in the fight against coronavirus infection.

Key words: legal regulation, protection of the rights to health of citizens, COVID-19, public law regimes, high alert mode.

Одним из ключевых составляющих процветания и благополучия государства и человечества является здоровье как всего населения, так и отдельно взятого индивида. Необходимо постоянно и тщательно подходить к соблюдению всех мер предосторожности, планированию политики в области охраны здоровья и поддержанию на должном уровне состояния его защищенности от различных угроз. Охрана здоровья населения и

обеспечение стабильного функционирования системы здравоохранения являются приоритетными социальными задачами государства. Поскольку основы закрепления и осуществления субъективных прав определены в законодательстве, то настоящая работа будет посвящена актуальным проблемам правового регулирования в сфере охраны прав на здоровье граждан в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Новая коронавирусная инфекция 11 марта 2020 года была объявлена Всемирной организацией здравоохранения пандемией, поразившей за два года население России и других стран мира. За этот короткий срок им заразилось более 240 млн. человек в мире. Вирус унес жизни свыше 4.8 млн. человек. На территории Российской Федерации, согласно официальным данным, зафиксировано около 8 млн. заразившихся COVID-19 и 220 тыс. смертей от данной инфекции [8]. Подобная массовость распространения явилась основанием для включения COVID-19 в перечень социально значимых заболеваний, утверждённый постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715, что указывает на ориентированность государства на борьбу со столь стремительным распространением инфекции. В целях защиты здоровья граждан государства вводят ограничительные меры, направленные на снижение распространения заболеваемости среди населения, а также ослабление нагрузки на систему здравоохранения. В Российской Федерации правовое регулирование в период распространения коронавирусной инфекции осуществляется в основном актами делегированного законодательства, что подтверждается содержанием указов Президента Российской Федерации.

Первым документом, обозначившим проблему, связанную с распространением новой коронавирусной инфекции на федеральном уровне, стал указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней», согласно которому с 30 марта по 3 апреля 2020 года устанавливались нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы [7].

Наряду с федеральным правовым регулированием субъекты во исполнение ст. 72 Конституции РФ постепенно вводили ограничительные меры с учетом региональной обстановки в целях

предотвращения распространения коронавирусной инфекции. Так, например, указом Губернатора Иркутской области от 18 марта 2020 г. № 59-уг [2] в Иркутской области был введен режим «функционирования повышенной готовности», указом мэра г. Москвы от 29 марта 2020 г. № 34-УМ [4] в Москве был введен режим самоизоляции для всех жителей города Москвы, а уже 31 марта 2020 г., вслед за Москвой, 26 регионов России также объявили о введении режима самоизоляции на своей территории. Решениями высших должностных лиц или высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, наряду с введением неизвестного на тот момент режима повышенной готовности на территории субъекта, ограничивались права граждан свободно передвигаться, собираться мирно, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование; право обращаться лично в государственные органы и органы местного самоуправления; право на труд; право на образование.

Принимаемые меры были различны в каждом регионе в зависимости от санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения COVID-19. Отсутствие согласованного правового регулирования режима повышенной готовности между федерацией и субъектами послужило причиной установления довольно большого количества разнообразных, несбалансированных ограничений в отношении граждан и организаций, что повлекло за собой судебные производства, в которых оспаривалось введение режима самоизоляции, а также системы цифровых пропусков на передвижение по городу. Так, например, в отношении мэра г. Москвы С. С. Собянина было подано сразу 6 исковых заявлений, в которых подчеркивалось, что указ мэра незаконно ограничивает права и свободы граждан [12]. Истцы заявляли, что подобные действия, согласно федеральному законодательству, допускаются лишь при введении карантина по решению главных государственных санитарных врачей и их заместителей, а также при введении режимов чрезвычайного или военного положения, однако суд отклонил сразу все иски.

Схожая ситуация наблюдалась и в Иркутской области. В отношении врио губернатора Иркутской области И. И. Кобзева было подано два иска об оспаривании указов о введении режима функционирования повышенной готовности и режима

самоизоляции с запретом покидать места проживания за некоторыми исключениями – работа, покупка еды, вынос мусора, выгул питомцев и получение неотложной медицинской помощи [10]. Иркутский областной суд отказал в иске жителям региона, которые требовали признать незаконным введенный в области режим самоизоляции.

Точку в данном вопросе поставил Конституционный суд Российской Федерации (далее – Суд) в своем постановлении от 25 декабря 2020 г. № 49-П [9]. Фабула дела: Протвинский городской суд Московской области направил в Суд запрос о проверке конституционности пп. 3 п. 5 постановления губернатора Московской области от 12 марта № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности ...», ограничивающих, по мнению граждан, право на свободу передвижения. В своем постановлении Суд опирается на положения Конституции и федеральных законов, согласно которым ограничение свободы передвижения и иных конституционных прав граждан должно производиться законодательными актами федерального уровня. По итогу Суд приходит к выводу о том, что оспариваемое положение не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку введение ограничений было продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную опасность распространения коронавирусной инфекции, угрожающей базовому праву граждан на охрану здоровья. Суд отметил, что возможность установления ограничений получила своевременное подтверждение в федеральном законодательстве, речь о котором пойдет далее.

Пробел буферного правового регулирования общественных отношений, предшествующих возможной чрезвычайной ситуации, был устранен Федеральным законом от 01.04.2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (далее – Закон № 98-ФЗ), закрепляющим новый вид правового режима – режим повышенной готовности. Однако на практике до сих пор остается много вопросов [3].

Согласно ст. 10 обозначенного выше Федерального закона, Правительство России получило следующие дополнительные права:

1) принимать решение о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части в случае угрозы возникновения и (или) возникновения чрезвычайной ситуации федерального или межрегионального характера;

2) устанавливать обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.

Отметим, что ни режим повышенной готовности, ни режим чрезвычайной ситуации высшим органом исполнительной власти страны не вводились и не объявлялись. 85 субъектов Российской Федерации самостоятельно разрешали обострившуюся обстановку, вводя режим повышенной готовности на своей территории. На наш взгляд, одним из альтернативных путей разрешения противоречий могло бы стать введение режима повышенной готовности на всей территории государства с установлением общих правил, направленных на предупреждение распространения коронавирусной инфекции. В свою очередь, субъекты РФ после установления режима повышенной готовности, исходя из складывающейся обстановки, вводили бы дополнительные ограничения, которые в совокупности с основными могли бы продемонстрировать высокую эффективность.

2 апреля 2020 г. Правительством РФ было принято постановление № 417, установившее правила поведения обязательные для исполнения гражданами и организациями при введении режима повышенной готовности. Тем не менее, данные правила не содержат конкретного перечня прав и свобод, которые ограничиваются или могут быть ограничены при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.

Мы полагаем, что возможность установления режима повышенной готовности с юридической точки зрения создало некий диссонанс в части соотношения последнего с иными режимами, закрепленными в рассматриваемом законе, и чрезвычайным положением. Регулирование вопросов, связанных с введением чрезвычайного положения, осуществляется федеральным конституционным законом от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (далее – ФКЗ № 3) и этот режим также относится к числу особых [6].

С учетом изложенного, мы отмечаем ряд правовых коллизий. Так, согласно ФКЗ № 3 чрезвычайное положение вводится лишь при наличии определённых обстоятельств, к которым закон относит «чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии...» (ст. 3). Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (далее – Закон № 68-ФЗ) чрезвычайную ситуацию определяет как «обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» [5]. Чрезвычайная ситуация является основанием для введения сразу трёх режимов – повышенной готовности, чрезвычайной ситуации в соответствии с Законом № 68-ФЗ и чрезвычайного положения в соответствии с ФКЗ № 3. Проблема разграничения рассматриваемых режимов представляется очевидной. Чёткие основания (критерии) введения того или иного режима отсутствуют в законодательстве и определяются исходя из всех сложившихся обстоятельств, что влияет на тот орган, который будет вводить данный режим, а также оперативность принятия решения.

На наш взгляд, такое положение создает некоторую неопределённость в применении рассматриваемого законодательства. Возникает вопрос об уточнении статуса и границ режима повышенной готовности и устранении противоречий в основаниях введения схожих правовых режимов, поскольку общее указание на эпидемии и эпизоотии явно недостаточно.

Рассмотрим характерные черты чрезвычайного положения, режима чрезвычайной ситуации и режима повышенной готовности.

Во-первых, целями режима повышенной готовности и чрезвычайной ситуации согласно ст. 2 Закона № 68-ФЗ являются «предупреждение возникновения и развития чрезвычайных ситуаций; снижение размеров ущерба и потерь, а также их

ликвидация. В то время как для чрезвычайного положения характерна следующая цель: «устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации».

Во-вторых, органами, которые уполномочены вводить режим повышенной готовности и режим чрезвычайной ситуации, являются: Правительство РФ и иные федеральные органы исполнительной власти (вводят один из указанных режимов на всей территории РФ или ее части), органы государственной власти субъектов и органы местного самоуправления (вводят режим на территории согласно их юрисдикции). Чрезвычайное положение согласно ст. 4 ФКЗ № 3 вводится Указом Президента РФ «на всей территории РФ или в отдельных ее местностях», что не позволяет учесть всей специфики регионов в случае введения на всей территории страны.

В-третьих, перечень ограничительных мер (обязательных правил поведения) вследствие введения режима повышенной готовности и чрезвычайной ситуации устанавливаются Правительством РФ, а дополнительные обязательные правила – органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления. В то время как при чрезвычайном положении такой перечень строго регламентирован ФКЗ № 3, а список ограничений определен исчерпывающим образом.

В-четвертых, режим повышенной готовности, чрезвычайной ситуации не предусматривает предельных сроков их действия. Чрезвычайное же положение ограничено продолжительностью в 30 суток на всей территории и в 60 суток в отдельных местностях, однако оно может быть продлено Указом Президента РФ в случае недостижения целей введения такого положения.

В-пятых, ФКЗ № 3 предусматривает в случае введения и прекращения чрезвычайного положения необходимость информирования ООН и Совет Европы. Закон № 68-ФЗ такой обязанности не предусматривает, что говорит о внутригосударственном характере режима повышенной готовности и чрезвычайной ситуации.

В связи с этим нами видится логичным урегулирование ситуации с коронавирусом в соответствии с Законом № 68-ФЗ, а не

ФКЗ № 3, поскольку он в этом плане предусматривает большую мобильность, разумный срок действия ограничительных мер (введение и отмена происходят по мере необходимости), установление конкретного перечня обязательных правил, которые не исчерпываются законом, а определяются исходя из сложившейся ситуации и специфики эпидемиологической обстановки в регионах.

Режим же чрезвычайной ситуации по отношению к режиму повышенной готовности представляется крайней мерой, которая предполагает более жесткие ограничительные меры, применяемые для достижения целей, установленных законом. Данная позиция находит свое отражение и в научных трудах ученых, таких как А. И. Донскова, М. А. Юркин, К. П. Латышенко и иных [1, 13]. На наш взгляд, существующее в настоящее время регулирование режима повышенной готовности не лишено недостатков, данные режимы в Законе № 68-ФЗ не разграничены, что требует внесения соответствующих уточнений. Кроме того, в законодательстве целесообразно закрепить развернутое и полное определение понятия «режим повышенной готовности», а также предусмотреть общий комплекс мер, которые могут применяться в рамках данного режима. Отдельного исследования заслуживает вопрос о процедуре и основаниях принятия решения о введении специального режима (в частности, режима повышенной готовности). Согласованная организация и правовое регулирование ситуации с COVID-19 как на федеральном уровне, так и на региональном уровне позволят преодолеть эту проблему без введения режима чрезвычайной ситуации, обойдясь только введением режима повышенной готовности в масштабах всей страны.

Таким образом, в Российской Федерации правовое регулирование в период распространения коронавирусной инфекции осуществляется в основном актами делегированного законодательства, федеральный законодатель определил лишь общие правила, действующие в период пандемии на территории РФ, режим повышенной готовности не был введен на федеральном уровне, что обусловило отсутствие согласованного правового регулирования указанного режима между федерацией и субъектами. Это, на наш взгляд, свидетельствует о децентрализации в решении столь значимой для государства проблемы. Поэтому в целях устранения проблем правового регулирования отношений в сфере

охраны прав на здоровье граждан считаем необходимым, во-первых, внести соответствующие изменения в Закон № 68-ФЗ в части возложения обязанности на Правительство РФ по введению режима повышенной готовности и установления на федеральном уровне общего комплекса мер, которые могут применяться субъектами в совокупности с дополнительными в рамках данного режима. Во-вторых, необходимо закрепить развернутое и полное определение понятия «режим повышенной готовности», а также отграничить его от режима чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения.

Источники и литература:

1. Донскова А. И. Российская система чрезвычайных ситуаций: режимы, их особенности и отличия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 4-2. – С. 45–49.

2. О введении режима функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: указ Губернатора Иркутской области от 18 марта 2020 г. № 59-уг. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98: [в редакции от 11 июня 2021 г.]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменений в указ мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ: указ мэра Москвы от 29 марта 2020 г. № 34-УМ. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68: [в редакции от 11 июня 2021 г.]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3: [в редакции от 3 июля 2016 г.]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Оперативные данные // Стопкоронавирус.рф: сайт. – URL: <https://стопкоронавирус.рф/information/> (дата обращения: 15.10.2021).

9. По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области "О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области" в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области: постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Суд в Иркутске отказал в признании режима самоизоляции незаконным // Коммерсантъ: Урал. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4337234> (дата обращения: 12.10.2021).

11. Уманская В. П. Правовое регулирование режима повышенной готовности в условиях эпидемии коронавирусной инфекции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 12. – С. 7–11.

12. Шесть исков о незаконности московского режима самоизоляции отклонили за одно заседание // Коммерсантъ: Урал. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4333841> (дата обращения: 12.10.2021).

13. Юркин М. А. Предупреждение чрезвычайных ситуаций с применением современных информационных технологий // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2019. – С. 40–45.

Фомичева Арина Юрьевна
курсант 2 курса юридического факультета (уровень
бакалавриата)
Академия права и управления ФСИИ России
г. Рязань, Россия

Научный руководитель:
Курдюкова Елена Александровна
преподаватель кафедры,
Академия права и управления ФСИИ России
г. Рязань, Россия

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С
ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ И
ОБЪЕДИНЕНИЯМИ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ,
НАХОДЯЩИХСЯ С ОСУЖДЕННЫМИ МАТЕРЯМИ В
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**
DOI: 10.47905/u0737-4977-3652-o

Аннотация. В статье описываются существующие в настоящее время проблемы порядка содержания детей, находящихся с осужденными матерями в исправительных учреждениях, меры, применяемые государственными органами и общественными организациями, направленные на улучшение условий содержания осужденных.

Ключевые слова: право, государственный контроль, общественный контроль, осужденные матери, дети, закон, исправительное учреждение, условия содержания.

Fomicheva Arina Yurievna
2nd year student of the faculty of law (bachelor's level)
Academy of law and management of the Federal penal service
of Russia
Ryazan, Russia

Scientific curator:
Kurdyukova Elena Alexandrovna
lecturer at the department,
Academy of law and management of the Federal penal service
of Russia,
Ryazan, Russia

**INTERACTION OF THE BODIES AND INSTITUTIONS OF THE
PENAL SYSTEM WITH PUBLIC ORGANIZATIONS AND
ASSOCIATIONS, IN RELATION TO CHILDREN WHO ARE
WITH CONVICTED MOTHERS IN CORRECTIONAL
INSTITUTIONS**

Abstract. The article describes the current problems of the order of detention of children with convicted mothers in correctional institutions, the measures applied by state bodies and public organizations aimed at improving the conditions of detention of convicts.

Key words: law, state control, public control, convicted mothers, children, law, correctional institution, conditions of detention.

Осуществление общественного контроля в системе исполнения наказаний является чрезвычайно важным условием в сфере отправления наказаний, ведь данный вид контроля призван защищать интересы общества, следить за тем, чтобы потребности граждан были выявлены и предпринимались меры к их удовлетворению.

Обращение к важности осуществления общественного контроля в деятельности уголовно-исполнительной системы обусловлено тем, что таким образом поддерживается демократический строй Российской Федерации, также данный вид контроля является тем механизмом, который позволяет обществу контролировать деятельность государственной власти и добиваться

поставленных целей, решения задач и проблем в пользу осужденных.

Таким образом, общественный контроль является одним из основных элементов жизнедеятельности государства, имеет значительный прикладной аспект. Также важно отметить, что институт общественного контроля не только отражает степень совершенства демократических преобразований, но и служит инструментом для полноценного функционирования развивающегося в России гражданского общества [3, с. 3-5].

Изучив данную тему, мы выяснили, что со стороны государства проводится большое количество мероприятий, направленных на преодоление проблем, касающихся вопроса условий содержания детей с их осужденными матерями в исправительных учреждениях. К таким мероприятиям относится разработка проекта «Дорожная карта», в рамках которого проходит проверка исправительных учреждений на выявление соответствия условий содержания малолетних детей с их матерями, отбывающими наказания в исправительных учреждениях; в рамках государственной политики выделяются средства на строительство дополнительных исправительных учреждений, в которых будет возможно проживание детей с их матерями. Это делается для того, чтобы психологическая связь между ребенком и матерью не угасала, а также для того, чтобы осужденная мать смогла приспособиться к возможности воспитания своего ребенка в установленных условиях. На данный момент федеральной службой исполнения наказания был разработан проект стандартов проживания матери и ребенка в местах лишения свободы, а также проводятся проверки существующих на территории РФ женских колоний, в ходе которых выясняют, соответствуют ли данные исправительные учреждения заявленным стандартам. Так же было принято решение о строительстве новых исправительных учреждений, в которых совместное проживание матерей и детей будет возможным. Общение осужденной матери с ее ребенком должно оказывать положительно влияние как на ребенка, так и на саму мать, ведь материнство является основным предназначением для женщины, поэтому непосредственное общение матери с ребенком является важным условием для ее исправления.

Так же в ходе исследования была определена роль общественных организаций в вопросе содержания детей с их осужденными матерями, отбывающими наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях. На примере деятельности благотворительной организации «Фонд помощи заключенным» мы выяснили, какую роль они играют в уголовно-исполнительной системе. Основной задачей данного фонда является реализация личных и социально-экономических прав и интересов осужденных. Приоритетом работы данного фонда является забота об осужденных женщинах и детях, находящихся в домах матери и ребенка при женских исправительных учреждениях, а также о детях подросткового возраста, воспитывающихся в исправительных колониях. Сотрудники фонда ставят перед собой важную задачу-превращение исправительных учреждений в реабилитационные центры с квалифицированным персоналом. Миссией таких благотворительных общественных организаций является содействие в развитии уголовно-исполнительной системы, формирование культуры помощи в обществе.

Данные организации оказывают следующие виды помощи осужденным: юридическую, материальную, социальную, воспитательную.

Рассматривая роль общественного контроля, стоит изучить историю его зарождения в России. Институт общественного контроля начал зарождаться в 1917 году в форме рабочего контроля, общие положения которого были изложены в работах В. И. Ленина. Большие изменения претерпели пенитенциарные учреждения, в данный период истории в России царил хаос, участились побег из исправительных учреждений, массовые дебоши, пожары. Все это привело к принятию ряда мер, направленных на ужесточение порядка содержания заключенных в местах отбывания наказания. Этот период стал довольно трагическим в истории пенитенциарных учреждений, так как моральный и физический ущерб был нанесен не только осужденным, но и руководителям лагерей, тюрем и других исправительных учреждений [7, с. 167-169]. Законодательства советского времени очень часто терпели изменения, поэтому в 1924 году тюремная система перешла в исправительно-трудовую, в результате этого мерой наказания устанавливался срок работ. Была создана новая нормативно-правовая основа, которая

предусматривала условия отработки для женщин, находящихся в положении, а также для тех, кто имел малолетних детей. Так, женщины, находящиеся на последних сроках беременности и те, у кого были младенцы, не посылались на работы в другие города и поселения, а оставались на месте жительства.

С 1934 года был определен порядок размещения несовершеннолетних детей, у которых единственный родитель отбывал наказание в местах лишения свободы. Этот порядок регламентировался принятым 10 ноября 1934 года постановлением «О порядке устройства детей лиц, находящихся под стражей». Для преодоления проблемы беспризорности детей, родители которых отбывали наказания в местах лишения свободы государственными органами, органами местного самоуправления принимались различные меры, направленные на устройство детей в специальные воспитательные учреждения.

Наиболее активно общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы стал осуществляться в конце 80-х годов. Был принят Закон СССР от 9 октября 1990 г. № 1708-1 «Об общественных объединениях». Из-за отсутствия в СССР единой нормативно-правовой базы, регламентировавшей бы организацию взаимодействия гражданских общественных институтов с учреждениями и органами, исполнявшими уголовное наказание в виде лишения свободы, данная проблема решалась в регионах Советского Союза неоднозначно.

На протяжении 90-х годов общественный контроль за деятельностью УИС часто осуществлялся произвольно. В условиях правовой неопределенности отсутствовали согласованность и системность в действиях его субъектов, при этом нередко под видом общественного контроля предпринимались попытки оказания давления на администрацию учреждений и органов уголовно-исполнительной системы [3, с.5].

Таким образом, мы можем заметить, что с изменением и развитием России, изменялась и уголовно исполнительная система. С момента ее зарождения, в начале становления советской власти, и до конца существования СССР было множество реформ, положение осужденных то улучшалось, то ухудшалось, данная система не была устойчивой. Что касается вопроса содержания в местах лишения свободы женщин, находящихся в положении и женщин, имеющих

малолетних детей, нельзя сделать однозначного вывода. Преобразования, касаемо данного вопроса, не привели к окончательному решению. Однако, проведя статистическое исследование, было выявлено, что в настоящее время, благодаря взаимодействию государственных органов и общественных организаций, в данном направлении был сделан прогрессивный шаг: с каждым годом число учреждений, предполагающих возможность содержания в них осужденных женщин с их малолетними детьми возрастает, теоретики прогнозируют к 2022 году 100% возможность проживания детей с их осужденными матерями. Все это показывает, что Российское законодательство развивается, осуществляется гуманизация и демократизация по отношению к осужденным и это не может не радовать. Если государственная политика будет и дальше развиваться в таком направлении, то есть вероятность в ближайшее время преодолеть существующие проблемы пенитенциарной системы.

Контроль со стороны общества за тем, как соблюдаются и обеспечиваются должные условия в местах отбывания наказания, благотворно сказывается на законности и эффективности деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания; способствует снижению уровня недоверия населения к правоохранительным органам; ориентирует российское законодательство на приведение его в соответствие с международными стандартами.

При написании данной работы была изучена деятельность Общественных Наблюдательных комиссий, которые являются разновидностью некоммерческих организаций. Эти комиссии имеют непосредственное отношение к деятельности органов уголовно-исполнительной системы, так как основой деятельности ОНК является обеспечение возможности контроля за государственными институтами, в задачи которых входит обеспечение и соблюдение прав и свобод граждан, отбывающих наказания в местах лишения свободы. Данными комиссиями очень часто рассматриваются жалобы граждан, касаемо вопроса содержания детей с матерями в исправительных учреждениях.

Существует живой пример, показывающий эффективность общественного контроля в области защиты прав осужденных женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет.

В 2011 году в ОНК по Калининградской области обратилась мать осужденной женщины с заявлением о том, что права ее дочери, отбывающей наказание в колонии, были нарушены. В своем обращении женщина рассказала о том, что ее дочь, отбывающая наказание в виде лишения свободы в одной из колоний Калининградской области, родила ребенка, после чего сама осужденная была переведена в больницу при ИК, а ее новорожденный ребенок был оставлен в роддоме.

Согласно законодательству РФ женщинам, имеющим детей до 3 лет, предоставляется право выбора на помещение ребенка в дом ребенка при исправительном учреждении или с согласия осужденной на передачу родственникам, или по решению органа опеки и попечительства иным лицам, либо по достижении детьми трехлетнего возраста - направление в соответствующие детские учреждения. Права осужденной были грубо нарушены. Так же ее адвокат подавал ходатайство в районный суд о предоставлении осужденной отсрочки от отбывания наказания в соответствии со ст. 82 УК РФ, однако суд района отказал в удовлетворении ходатайства. На данный момент в России существует около 10 специализированных учреждений, в которых отбывают наказания осужденные женщины, имеющие малолетних детей или находящихся в положении беременности.

В результате проверки членами ОНК было подготовлено заключение, которое было приобщено адвокатом к материалам дела при рассмотрении в кассационной инстанции. По окончании разбирательства, на основании 82 ст. УК РФ осужденной была предоставлена отсрочка от отбывания наказания [2].

После проведенной проверки данного региона России, членами комиссии было отправлено обращение в адрес ФСИН России, с просьбой принять меры по созданию в регионе специализированного учреждения, в котором будет возможно содержать беременных и кормящих женщин, а также женщин с детьми до 3-х лет. Органами ФСИН России были приняты меры по решению данного вопроса, был создан специальный участок для содержания таких осужденных [5].

Итак, рассмотрев деятельность общественных организаций, осуществляющих общественный контроль за исполнением прав и свобод осужденных, мы можем прийти к выводу, что их

существование и деятельность благоприятно сказывается на деятельности исправительных учреждений. Существование таких организаций в России подтверждает наличие гражданского общества в стране и то, что оно эффективно функционирует.

Что касается принятия мер, направленных на рассмотрение и решение ряда проблем, касающихся темы содержания женщин в местах лишения свободы, в этом большую роль играют принятые на международном уровне документы, провозглашающие равенство прав и свобод для всех людей, независимо от пола, расы, возраста и так далее. Такими документами стали: Конвенция о политических правах женщин, Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с осужденными, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Однако, в данных документах не разобран вопрос, касающийся условий содержания женщин, находящихся в местах отбывания наказания, но т.к. данная проблема все еще не была решена, в 2010 году был создан особый акт, регламентирующий правила, касающиеся обращения женщин-заключенных и мер наказания для женщин-нарушителей, не связанных с лишением свободы.

В Российском законодательстве особое внимание уделяется положению детей и их матерей, находящихся в исправительных учреждениях, это вызвано тем, что данная группа населения является социально-экономически незащищенной. Хотя властями и принимаются все возможные меры для создания благоприятных условий содержания детей с их матерями в исправительных учреждениях, проблемы все же существуют:

- имеет место не всегда положительное отношение женщин к материнству, довольно часто, женщины сами не хотят поддерживать связь со своими детьми, а многие и вовсе лишены материнских прав. Зачастую, женщины редко посещают своих детей в домах ребенка при исправительных учреждениях, что плохо сказывается на эмоциональном и психическом состоянии как детей, так и самих осужденных;

- использование материнства с целью улучшения условий содержания в исправительном учреждении;

- недостаточное финансирование УИС;

- проблема взаимодействия ФСИН России с органами опеки и попечительства;
- проблемы проведения с осужденными женщинами воспитательных работ в части воспитания детей;
- недостаточность квалифицированных работников в ИУ с педагогическим и психологическим образованием [4].

Для разрешения данных проблем российскими государственными органами принимаются различные меры: пересматривается законодательство, регламентирующее содержание осужденных в местах лишения свободы, принимается во внимание международный опыт.

Подводя итоги проделанной работы, мы можем прийти к выводу, что роль общественного контроля в деятельности пенитенциарного ведомства огромна, особенно в вопросе содержания малолетних детей с их осужденными матерями, отбывающими наказание в местах лишения свободы, ведь связь ребенка с матерью играет чрезвычайно важную роль, как в развитии ребенка, так и в процессе перевоспитания осужденной. Поэтому, своей деятельностью общественные организации помогают всем без исключения осужденным женщинам, имеющим малолетних детей добиваться того, чтобы их права на совместное проживание с детьми были реализованы.

Таким образом, проделанная работа освещает существующие пробелы в сфере содержания детей с их осужденными матерями, отбывающими наказание в исправительных учреждениях. Изучив ее, можно разработать дополнительные планы мероприятий на преодоление данных пробелов с помощью не только государственных органов, но и организаций, осуществляющих общественный контроль. Действуя сообща, мы сможем создать плацдарм для дальнейшего развития исправительной системы Российской Федерации.

Источники и литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ

от 30 декабря 2008 г. № 6–ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7–ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2–ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11–ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

3. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы: учеб. пособие / под ред. Н. И. Полищука. – Воронеж: Научная книга, 2020. – 176 с.

4. Медико-санитарное обеспечение осужденных женщин и детей, находящихся в исправительных учреждениях УИС России. – URL: <http://prisonlife.ru/analitika/4551-mediko-sanitarnoe-obespechenie-osuzhdennyhzhenschin-i-detey-nahodyaschihsya-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah-uis-rossii.html>

5. Минюст разрабатывает законопроект об УДО для беременных женщин. – URL: <https://gia.ru/20181016/1530727216.html>

6. Официальный сайт ФСИН России. – URL: <http://www.fsin.su/>

7. Курдюкова Е. А. Общественный контроль оказания помощи осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе малолетних детей. Дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019.

Шарынов Кирилл Альбертович
студент 1 курса юридического факультета
Иркутский юридический институт (филиал)
Университет прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Евдокимов Константин Николаевич
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университет прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

**РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ**
DOI: 10.47905/g8733-2811-2341-с

Аннотация. В настоящее время киберпреступность и преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий, представляют угрозу национальной безопасности Российской Федерации. В связи с этим возрастает роль органов прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с киберпреступностью.

В статье анализируется организация и деятельность Генеральной прокуратуры Российской Федерации по противодействию киберпреступности, и предлагаются меры по борьбе с киберпреступлениями.

Ключевые слова: Генеральная прокуратура Российской Федерации, информационно-коммуникационные технологии, киберпреступность, координация деятельности правоохранительных органов, органы прокуратуры, правоохранительные органы, противодействие киберпреступности.

Sharyov Kirill Albertovich
1st year student of the faculty of law
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Evdokimov Konstantin Nikolaevich
PhD in Law, associate professor
Irkutsk Law Institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN COORDINATING THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES TO COMBAT CYBERCRIME

Abstract. Currently cybercrime and crimes committed using information and communication technologies pose a threat to the national security of the Russian Federation. In this regard, the role of the Prosecutor's office in coordinating the activities of law enforcement agencies to combat cybercrime is increasing.

The article analyzes the organization and activities of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation to counter cybercrime and suggests measures to combat cybercrime.

Key words: Prosecutor General's Office of the Russian Federation, information and communication technologies, cybercrime, coordination of law enforcement agencies, prosecutor's offices, law enforcement agencies, countering cybercrime.

XXI век – это век информационных технологий. Развитие и совершенствование компьютерных технологий, увеличение производства технических устройств и сферы их применения, широкая доступность компьютерной техники способствуют появлению новых видов преступных посягательств, объектами которых являются: а) информация; б) информационно-телекоммуникационные ресурсы; в) денежные средства,

находящиеся в обращении глобальных и локальных компьютерных сетей [1].

Исходя из этого, важно подчеркнуть необходимость прокурорского надзора за расследованием преступлений в сфере компьютерной информации, поскольку раскрываемость таких преступлений крайне низкая (20-25%).

Отметим, что в действующем законодательстве нет понятия «киберпреступление», однако, в повседневной жизни данный термин имеет место быть. Киберпреступление – это преступная деятельность, целью которой является неправомерное использование компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства [2].

В основном киберпреступления – это сфера деятельности хакеров, которые зарабатывают на этом денежные средства. Иногда исполнители (хакеры) являются одновременно организаторами преступных деяний, а иногда в качестве инициатора киберпреступлений могут быть различные организации.

Среди наиболее часто совершаемых киберпреступлений можно выделить следующие: а) мошенничество; б) кража денежных средств, данных, в том числе данных банковских карт; в) кибершантаж (вредоносное программное обеспечение (Malware), фишинг, SQL-внедрение, межсайтовый скриптинг (XSS), кибератаки (DoS и DDoS); г) криптоджекинг; д) кибершпионаж.

В настоящее время сфера преступлений, совершаемых с помощью информационно-коммуникационных технологий, регулируется уголовным законодательством Российской Федерации, а именно: ст.ст. 272-274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [3]. Кроме того, к данной сфере относятся ст.ст. 158, 159.3, 159.6, 228.1.

Безусловно, преступники всегда действуют на опережение, а основной задачей правоохранительных органов является «догнать» их.

За 2017 год было зафиксировано более 90 тыс. преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий. За 2018 год было зафиксировано более 170 тыс. таких преступлений. За 2019 год, исходя из приведённой статистики, было совершено более 290 тыс. киберпреступлений. За 2020 год по статистике было совершено

более 510 тыс. преступлений в сфере компьютерной информации [4].

Обращаясь к статистике преступлений за 2021 год, нужно сказать, что на данный момент имеются сведения Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) за январь-октябрь текущего года. За текущий период было совершено более 450 тыс. преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или с в сфере компьютерной информации. При этом, если сравнить эти статистические данные с таким же периодом прошлого года, то за январь-октябрь 2020 года было совершено более 420 тыс. киберпреступлений [5].

Анализируя предоставленные данные МВД РФ, можно однозначно сказать, что в Российской Федерации, к великому сожалению, наблюдается рост киберпреступности. Это свидетельствует о потребности правоохранительных органов увеличить эффективность своей работы, что, собственно, и было сказано в 2020 году на заседании Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации, председателем которого был Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Викторович Краснов [6].

На сегодняшний день Генеральной прокуратурой Российской Федерации применяются все необходимые меры по противодействию киберпреступности в государстве, среди них: а) анализ взаимодействия оперативных служб с центрами выявления случаев совершения киберпреступлений; б) обеспечение максимально продуктивного сотрудничества сотрудников аппарата прокуратуры с сотрудниками других правоохранительных органов (Министерство внутренних дел Российской Федерации, Следственный Комитет Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации); в) международное сотрудничество с правоохранительными органами зарубежных стран.

Стоит отметить, что при выявлении случаев киберпреступности необходимо использование компьютерной обработки больших объемов данных о цифровых следах преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также лиц их совершивших. В идеале, необходимы государственные компьютерные программы с

использованием элементов искусственного интеллекта, которые могли бы сравнивать «цифровые» следы с места преступления с компьютерными вирусами (программами), созданными конкретными вирусмейкерами (физическими лицами) и позволять идентифицировать киберпреступников (по аналогии с отпечатками пальцев).

Кроме того, нужно отметить, что в настоящее время прокурорские работники руководствуются «Методическими рекомендациями по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации» [1], утвержденными Генеральной прокуратурой.

В заключении хотелось бы отметить, что ежегодно хакеры разрабатывают новые способы совершения киберпреступлений. Жертвами таких преступлений могут стать как обычные граждане, так и различные организации (юридические лица или государственные учреждения). При этом следует, к сожалению, констатировать низкую эффективность расследования преступлений в сфере компьютерной информации и судебного рассмотрения таких дел. В таких случаях не стоит недооценивать роль органов прокуратуры Российской Федерации в координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с киберпреступностью.

Поэтому анализ научной и учебной литературы [7, 8, 9, 10, 11] позволяет автору выдвинуть ряд предложений по предупреждению киберпреступлений и минимизации вредных последствий от их совершения.

В частности, мы предлагаем на федеральном, региональном и муниципальном уровне создать систему молодежных волонтерских движений, по аналогии с «Лигой безопасного Интернета», члены которых регулярно проводили бы мониторинг сети Интернет и социальных сетей с целью выявления сайтов и веб-страниц с противоправным контентом (сбыт наркотических средств, продажа оружия, порнография, проституция, организация и проведение азартных игр, информация экстремистского и террористического характера, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность или побуждение их к суициду).

При этом органы прокуратуры могли бы наладить тесное взаимодействие с данными молодежными движениями, получая от них сообщения о выявленных сайтах, веб-страницах, интернет-ресурсах, содержащих запрещенную к распространению на территории Российской Федерации информацию и лица ее распространяющих, для дальнейшего привлечения виновных физических и юридических лиц к уголовной, либо административной ответственности.

Источники и литература:

1. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации: утв. Генпрокуратурой. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Советы по защите от киберпреступников // Лаборатория Касперского. - URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime> (дата обращения: 02.12.2021).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 мая 1996 г.: в редакции от 01 июля 2021 г. № 293-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 02.12.2021).

4. Форма федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за 2017-2020 годы // Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. - URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 02.12.2021).

5. Статистика и аналитика // МВД России. - URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 02.12.2021).

6. Генпрокурор России Игорь Краснов провел совещание по теме борьбы с преступлениями, связанными с посягательствами на безопасность в сфере использования информационно-коммуникационных технологий: новости // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=56766040> (дата обращения: 02.12.2021).

7. Евдокимов К. Н. О системе противодействия компьютерной преступности в Российской Федерации // Обеспечение национальной безопасности в свете глобальных вызовов современности: материалы Международной научно-практической конференции. - Иркутск, 2021. - С. 51-60.

8. Евдокимов К. Н. К вопросу о совершенствовании системы противодействия технотронной преступности в Российской Федерации // Российский следователь. - 2021. - № 10. - С. 69-72.

9. Криминология / под общ. ред. О. С. Капинус. – 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – 1132 с.

10. Криминология. Особенная часть. В 2 т. Т. 2 / под общ. ред. О. С. Капинус. — М.: Изд-во Юрайт, 2016. — 311 с.

11. Носырев Р. В. Деятельность органов прокуратуры по защите информационных прав несовершеннолетних, а также по проверке исполнения законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию (на примере органов прокуратуры Приморского края) // Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: проблемы реализации и защиты: материалы межвузовской (ежегодной) студенческой конференции / отв. ред. В. Н. Шутова. - М., 2020. - С. 95-101.

12. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности / под ред. А. В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 299 с.

РАЗДЕЛ IV.
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ:
ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЁНОГО

Вершинина Маргарита Константиновна
студент 3 курса юридического факультета (уровень
специалитета)
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия,
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Зарубаева Евгения Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия,
г. Иркутск, Россия

ПРАВО И МОРАЛЬ:
ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ ГАРМОНИИ
DOI: 10.47905/t2993-8295-1535-x

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема мирного существования и взаимодействия права и морали. Данная проблема достаточно актуальна, поскольку на данный момент не существует конкретной точки зрения по поводу соотношения данных категорий. Они либо всегда противопоставляются, либо одно имеет господство над другим.

Также в результате исследования были выявлены основные пути, применение которых крайне необходимо для достижения гармонии между правом и моралью.

Ключевые слова: право, мораль, социальный регулятор, правовая норма, моральные нормы, законность.

Vershinina Margarita Konstantinovna
3rd year student of the faculty of law (specialist level)
East Siberian branch
Russian state university of justice,
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Zarubaeva Evgeniya Yurievna
PhD in Law, associate professor
East Siberian branch
Russian state university of justice,
Irkutsk, Russia

LAW AND MORALITY: WAYS TO ACHIEVE HARMONY

Abstract. This scientific article deals with the problem of peaceful existence and the interaction of law and morality. This problem is quite relevant, since at the moment there is no specific point of view about the ratio of these categories. They are either always opposed, or one has dominion over the other.

Also as a result of the study the main ways were identified, the use of which is extremely necessary to achieve harmony between law and morality.

Key words: law, morality, social regulator, legal provisions, moral provisions, legality.

В настоящее время, достаточно сложно представить нашу жизнь без таких разноплановых, на первый взгляд, категорий, как право и мораль. Несомненно, как право, так и мораль играют одну из главных ролей в жизни общества, поскольку право является гарантом организованности и порядка в обществе, а мораль, в свою очередь, представляет собой особый жизненный ориентир для каждого человека, который стремится к самосовершенствованию, а также формирует нравственный облик личности. Вопрос о соотношении и взаимодействии права и морали как двух главных социальных регуляторов общественных отношений является одним из наиболее трудных в социальной философии, этике и философии права.

Так, чтобы наиболее точно разобраться в данной проблеме и найти те самые пути, способствующие достижению гармонии между данными понятиями необходимо рассмотреть определения таких терминов, как «право» и «мораль», а также выявить их сходства и различия.

Под правом понимается «система общеобязательных, формально определенных норм, обеспеченных принудительной силой государства и регулирующих общественные отношения посредством установления прав и обязанностей субъектов» [4, с. 40]. То есть, право – это система правил поведения, способных регулировать общественные отношения. Кроме этого, несоблюдение данных правил приводит к определенным санкциям со стороны государства. Мораль же представляет собой «систему внешне заданных обязательных норм и совокупности персональных качеств, необходимых для следования им и вытекающих из их обязательности» [2, с. 13]. В данном случае необходимо учитывать тот факт, что обязательность моральных норм распространяется только на отдельных людей в зависимости от их внутренних представлений, убеждений касательно своего и чужого поведения, а также внутреннего самоконтроля, ведь носителем моральных взглядов всегда является отдельная личность. То есть, обязательность таких норм напрямую зависит от нравственного развития отдельного человека.

Исходя из вышеперечисленных определений, можно выделить несколько сходных моментов между правом и моралью:

1. Право и мораль являются основными способами регулирования сознания и поведения людей. Наличие таких социальных регуляторов крайне важно, ведь в любом обществе исторически складывается и действует система социальных регуляторов, которые в совокупности оказывают воздействие на развитие общественных отношений;

2. Право и мораль имеют один объект регулирования, то есть общественные отношения. Кроме этого, объекту регулирования придаётся заранее заданное социально необходимое, желаемое состояние, определяемое правилом;

3. Как право, так и мораль учитывают интересы и потребности людей;

4. Право основано на общих принципах справедливости и ценностях, уважаемых в обществе, что так же тесно связано с моралью.

К основным же различиям необходимо отнести:

1. Момент возникновения. Ни для не секрет, что право появилось в период возникновения государства. Данный факт объясняется тем, что право и государство призваны обеспечивать эффективность действия друг друга. Как невозможно существование государства без права, так и права без государства. Говоря же о морали, она возникла намного раньше появления государства и такой необходимости в нём нет. Мораль возникает «по мере обособления индивидов внутри общества, формирования их особых групповых бытийных статусов» [2, с. 2]. Но, стоит отметить, что мораль возникла не одновременно с обществом, а только в момент становления общественного сознания как самостоятельного мировоззренчески ориентированного регулятивного комплекса;

2. Общеобязательный характер правовых норм. Это один из основополагающих признаков, отличающих мораль от права. То есть, право действует на всех без исключения, а мораль представляет собой добровольный выбор того или иного поведения;

3. Сфера регулирования общественных отношений. Мораль по своей сути способна охватить почти все общественные отношения, что нельзя сказать о праве. Право регулирует только наиболее значимые общественные отношения;

4. Форма выражения. мораль содержится в сознании общества, а право – в нормативных актах, которые имеют письменную форму;

5. Способ обеспечения исполнения норм права и морали. Контроль за выполнением норм морали осуществляют все люди без исключения и каждый человек в отдельности [3, с. 51]. То есть, в морали нет четкого разделения субъекта и объекта регулирования. Но, существуют так называемые внутренние и внешние факторы, являющиеся специфическими средствами обеспечения соблюдения норм морали. К внутренним факторам можно отнести убеждения человека и его совесть, а к внешним - общественное осуждение. Говоря же о праве, следует отметить, что

в случае нарушения норм права виновное лицо будет нести установленную законом ответственность;

6. Характер однородности. Так, в рамках одного государства допустимо существование исключительно одной нормы права, но целого ряда норм морали, как мораль общества в целом, так и мораль отдельных социальных групп.

На основе выделенных сходств и различий права и морали, можно сделать предварительный вывод о том, что данные категории являются более разноплановыми, что усложняет процессы их взаимодействия и нормального совместного существования в современном мире. Достижение гармонии между правом и моралью крайне необходимо, поскольку таким социальным регуляторам, обладающим значительной автономией сложно ужиться вместе.

Так, в условиях современного и постоянно развивающегося общества возможно воплотить в жизнь такой путь достижения гармонии, как путь равенства права и морали. Право ни в коем случае не должно возвышаться над моралью, либо мораль над правом. Ведь когда приоритет отдаётся только праву или только морали, то их эффективное взаимодействие невозможно. «Поскольку очевидно, что, не нарушая законов и нравственных норм, прожить невозможно, человек должен стремиться к недопущению повторения допущенных ошибок, связанных с законом и моралью, постоянно развивать себя и расти» [6, с.55], и только после этого можно будет говорить о равенстве морали и права;

Кроме этого, следующим эффективным путём может стать путь чёткого определения границ права и морали. Следует понимать, что право и мораль различные и достаточно самостоятельные категории. Право регулирует внешнюю свободу человека и имеет принудительный характер, а мораль регулирует внутреннюю свободу и опирается на голос совести каждой отдельной личности. «Хотя они родственны и ведут к одной и той же цели, они тем не менее вполне независимы друг от друга, так как движутся разными путями и при помощи различных средств» [1, с. 9].

И наконец, достижение полной гармонии между правом и моралью возможно при стремлении к «гуманистическому праву». Данный путь является одним из спорных, поскольку обществу будет

необходимо полностью переориентироваться на такое право, которое будет полностью соответствовать морали. То есть, такое право, которое являлось бы «искусством добра и справедливости» [5, с. 12]. Но, в таком случае появляется приоритет морали над правом, что абсолютно недопустимо, поэтому основной гарантией именно гуманности права можно считать его рациональность. Право чётко фиксирует правовые параметры жизнедеятельности людей, детально регламентирует наиболее значимые общественные отношения. Данное качество право обеспечивает недопущение произвола во всех сферах жизни общества, а также соблюдение и невмешательство в нормы морали.

Таким образом, можно сделать вывод, что право и мораль безусловно являются одними из самых важных регуляторов общества почти на всех этапах его развития. Без права и мораль наша жизнь была бы наполнена несправедливостью, беспорядком и полной девиацией сознания и поведения. И для того, чтобы право и мораль выполняли свои функции еще эффективней, необходимо разрешить все существующие между ними конфликты, а также воплотить в жизнь тот или иной путь достижения гармонии.

Источники и литература:

1. Гусейнов А. А. Мораль и право: линия разграничения // Lex Russica. – 2018. – № 8 (141). – С. 7-22.
2. Гусейнов А. А. Нравственная философия и этика // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — Томск, 2019. — С. 1-32.
3. Иванников А. И. Моральная и юридическая ответственность // Северо-Кавказский юридический вестник. — Ростов-на-Дону, 2017. — № 3. — С. 49-53.
4. Исаков В. Б. Теория государства и права: практикум. — М.: Норма, 2020. — 488 с.
5. Самигуллин В. К. О степени нравственности права (к постановке вопроса) // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2017. – С. 8-12.
6. Сивцев Н. И. Социально-философские аспекты соотношения права и морали // Вестник Северо-Восточного

федерального университета им. М. К. Амосова. – Якутск, 2018. – С. 49-55.

Воробьева Елена Юрьевна
*студент 1 курса юридического факультета (уровень
магистратуры)
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия*

Научный руководитель:
Кузьмин Игорь Александрович
*кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия*

**КАТЕГОРИЯ «МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД»
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИЛОСОФИИ ПРАВА
DOI: 10.47905/w3248-3481-2111-i**

Аннотация. Автором анализируются понятия «мораль» и «вред». Через философско-правовые аспекты рассматривается категория «моральный вред», ее сущность. Используются материалы судебной практики.

Делается вывод о сущности института морального вреда, подходах государства к его компенсации.

Ключевые слова: мораль, вред, право, моральный вред, философия права.

Vorobieva Elena Yurievna
1st year student of the faculty of law (master's level)
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Kuzmin Igor Alexandrovich
PhD in Law, associate professor
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

THE CATEGORY OF "MORAL HARM" THROUGH THE PRISM OF THE PHILOSOPHY OF LAW

Abstract. The author analyzes the concepts of "morality" and "harm". Through the philosophical and legal aspects, the category "moral harm", its essence is considered. Materials of judicial practice are used.

The conclusion is drawn about the essence of the institution of moral harm, the approaches of the state to its compensation.

Key words: morality, harm, law, moral harm, philosophy of law.

Мораль (от лат. *moralis* – нравственный) – это область этических ценностей, которая, прежде всего, признается каждым взрослым человеком. Размеры и содержание этой области общественных отношений меняются с течением времени, различны у разных народов и слоев населения [1, с. 275–276].

Мораль – это совокупность представлений людей о добре и зле. В свою очередь, правила поведения, вытекающие из этих представлений, являются нормами морали. Нормы морали регулируют человеческое поведение во всех сферах общественной жизни, представляют собой представления о добре и зле, возвышаются над фактическим бытием человеческих отношений. В зависимости от того, соответствует ли поведение конкретным общественным нормам, в определенных социально-исторических условиях, оно будет считаться соответствующим или противоречащим нормам морали.

Н. А. Пьянов называет следующие признаки норм морали [2, с. 467]:

1) это правило поведения, обладающее свойством нормативности.

2) это правило поведения общего характера.

3) это основной регулятор общественных отношений.

4) нормы морали обусловлены экономическими, политическими, социально-культурными и иными факторами.

5) нормы морали являются сознательно-волевым продуктом деятельности людей.

6) нормы морали выступают в качестве меры свободы и определяют ее границы.

Моральные нормы возникают стихийно в процессе взаимодействия между людьми, которые выразили признание этим нормам и намерение ими руководствоваться в своей деятельности. Моральные нормы не имеют выражения вовне, они содержатся в сознании людей и представляют собой некие принципы, линию поведения. Нормы морали обеспечиваются внутренним убеждением людей и общественным мнением. Моральные нормы являются общими и обязательными для всех, однако, есть такие моральные нормы, которые устоялись в определенных социальных группах.

Моральные нормы содержат в себе некие предписания, отступление от которых воспринимаются, как зло (уклонение от добра – недолжное поведение), а всеобщее исполнение – как благо. За исполнение или неисполнение нормы морали предусмотрена моральная санкция, которая обладает «идеальным» характером и осуществляется посредством суждений, выражающихся в положительной или отрицательной оценке поведения (например, одобрение или порицание) [3, с. 13]. Оценка поведения должна быть истинной, оправданной, как и для лиц, оценивающих чье-либо поведение, так и для лица, чье поведение оценивается. В этом значении оценка поведения с точки зрения добра и зла несет в обязующий смысл при выборе лицом определенной линии поведения.

Характеристиками термина «моральный» являются слова «внутренний», «душевный» [4, с. 586]. Несоблюдение моральных норм, способствующих взаимодействию между людьми в обществе, влечет за собой зло, которое противопоставляется добру. Так, под

злом можно понимать причинение ущерба общечеловеческим ценностям, таким, как жизнь, здоровье, свобода и т.д. Соответственно, поведение, основанное на нарушении моральных норм, влечет за собой «последствия всякого повреждения, порчи, убытка, вещественного или нравственного, всякое нарушение прав личности или собственности», которые выражают сущность понятия «вред» [5, с. 260].

Моральный вред – это душевные переживания личности, причиняющие ей физические и (или) нравственные страдания вследствие причиненного действием или бездействием нарушения нематериальным благам. Ценность морального вреда с точки зрения философской аксиологии, заключается в том, что общество заинтересовано в предупреждении и компенсации морального вреда в различных сферах общественных отношений, включая и правовую.

Понятие «моральный вред» является также юридической категорией. Сущность его в юридическом, гражданско-правовом смысле, закреплена в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (далее – постановление № 10). Согласно данному пункту, «под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина» [6].

Нематериальные блага являются предметом правовой охраны гражданского законодательства. Защищаются жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, имя гражданина, авторство, а также иные нематериальные блага.

По своей природе нематериальные блага являются непередаваемыми и неотчуждаемыми от личности. Гражданин от рождения, в силу своего существования обладает ими и может осуществлять личные неимущественные права вне рамок правового поля. Например, может своим поведением формировать мнение окружающих о себе. Гарантия защиты прав и свобод каждого, в том числе принадлежащих нематериальных благ, входят в основы правового статуса личности, что обуславливает их приоритетный порядок защиты. В связи с этим, нематериальные блага занимают особое, социально-значимое место в аксиологии права, поскольку они являются смыслообразующим основанием человеческого бытия [7, с. 147].

Лицо, в случае причинения ему морального вреда (физических или нравственных страданий), в соответствии со ст. 151 Гражданского кодекса РФ [8] имеет право на денежную компенсацию морального вреда. Определение размера компенсации морального вреда устанавливается судом.

Сущность морального вреда связана со сферой эмоциональных проявлений человеческой психики, когда «огромное множество различных сочетаний и комбинаций, в которые способны соединиться эти органические сдвиги, делают в принципе возможным, что каждому, даже слабо выраженному оттенку эмоций, соответствует свой, уникальный, если его рассматривать в целом, комплекс изменений в теле» [9, с. 86]. Ввиду этого моральный вред, выражающийся в физических или нравственных переживаниях, не имеет стоимостной оценки. Он несоизмерим с благом, которое может быть предоставлено взамен. В связи с этим, моральный вред невозможно возместить – привести нарушенное нематериальное благо в исходное состояние, до имевшего места нарушения. Однако, в этих целях возможно попытаться найти относительно соразмерную компенсацию морального вреда, что способствует наиболее полной защите интересов человека и гражданина [10, с. 84].

Указанные положения можно подтвердить примером из судебной практики [11]. Истец обратился в суд с иском к Минфину (Ответчик) о компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности, в размере 4.049.700 руб. В отношении Истца возбуждены уголовные

дела, частично прекратившиеся в связи с отсутствием в деяниях состава преступления; признано право на реабилитацию. При частичном удовлетворении иска суд первой инстанции исходил из того, что в результате незаконного уголовного преследования и применения процессуальных мер принуждения были ограничены права истца на свободу передвижения, выбор места пребывания, ограничены трудовые права, его участие в общественной жизни, в связи с чем истцу причинены нравственные страдания и имеются основания для компенсации морального вреда в размере 50.000 руб. Суд апелляционной и кассационной инстанции с выводами согласились.

При рассмотрении требований о компенсации причиненного гражданину морального вреда необходимо учитывать, что размер компенсации зависит от характера и объема причиненных истцу нравственных или физических страданий, степени вины ответчика в каждом конкретном случае, иных заслуживающих внимания обстоятельств и не может быть поставлен в зависимость от размера удовлетворенного иска о возмещении материального ущерба, убытков и других материальных требований (п. 8 Постановления № 10).

В соответствии с постановлением ЕСПЧ от 18.03.2010 г. по делу «Максимов (Maksimov) против Российской Федерации (жалоба №43233/02) [12] суд подтвердил, что не существует стандарта, позволяющего измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство и нравственное страдание и тоску. Национальные суды всегда должны в своих решениях приводить достаточные мотивы, оправдывающие ту или иную сумму компенсации морального вреда, присуждаемую заявителю. В противном случае отсутствие мотивов, например, несопоставимо малой суммы компенсации, присужденной заявителю, будет свидетельствовать о том, что суды не рассмотрели надлежащим образом требования заявителя и нарушили принцип адекватного и эффективного устранения нарушения.

Следовательно, если суд пришел к выводу о необходимости присуждения денежной компенсации, то ее сумма должна быть адекватной и реальной. В указанном примере, суды при назначении компенсации в 50.000 рублей не учли, что Истец на протяжении срока преследования не мог участвовать в выборах в депутаты областной Думы, в выборах Главы города, что существенно

ограничило права Истца, отразилось на его общественно-политической деятельности.

По этой причине моральный вред подлежит компенсации, поскольку душевная составляющая лица, претерпевшего физические или нравственные страдания, не подлежат восстановлению. Универсальных формул, способных рассчитать размер подлежащей компенсации морального вреда при нарушении определенного нематериального блага не существует. В данном случае целесообразно говорить о денежном вознаграждении лица, претерпевшего душевные переживания, о выплате компенсации за причиненный вред, которая, возможно, немного, сгладит причиненные страдания.

На основании вышеизложенного, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, моральный вред представляет собой душевные переживания личности, причиняющие ей физические и (или) нравственные страдания вследствие причиненного действием или бездействием нарушения нематериальным благам.

Во-вторых, официальные правовые позиции относительно института компенсации морального вреда закреплены в законодательстве и детализированы в судебной практике. Так, при принятии решения о компенсации морального вреда учитывается множество факторов, влияющих на размер выплат. Детальной методики расчета, способной определить размер компенсации морального вреда, не существует, потому что физические и (или) нравственные страдания в каждом конкретном случае необходимо оценивать индивидуально.

В-третьих, при принятии решения о выплате компенсации морального вреда нужно оценивать каждый конкретный случай исходя из разных подходов: не только юридических, сложившихся в практике, но и психологических. Необходимо в ходе разрешения дела знать важные ключевые аспекты, которые позволяют узнать, насколько глубоко человек испытал физические и (или) нравственные страдания, поскольку для каждого они являются субъективными.

Источники и литература:

1. Краткая философская энциклопедия. – М.: Прогресс, 1994. – 574 с.
2. Пьянов Н. А. Теория государства и права. – 2-е изд. – Иркутск: Изд-во Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (Российской правовой академии Минюста Российской Федерации), 2015. – 528 с.
3. Смирнская Е. В. Компенсация морального вреда как деликтное обязательство. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000. – 219 с.
4. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. В. Даля. – 8-е изд. – М.: Русский язык, 1981–1982. – Т. 1. А-З. – 1981. – 699 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 100.000 слов, терминов и выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд. – М.: Мир и образование, 2015. – 1375 с.
6. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года. № 10. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Смирнова И. Г. Ценность как основная категория аксиологии и ее значение в праве // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 5. – С. 144–148.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации: принят 30 ноября 1994 г.: [в ред. от 28 июня 2021 г. № 225–ФЗ]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Психология эмоций / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гипшенрейтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 287 с.
10. Гладышева О. Ю. Философский и правовой аспект понятия морального вреда // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире. Сборник статей Международной научно-практической заочной конференции. – Минск: Типография Федерации профсоюзов Беларуси, 2016. – С. 83–85.
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08 июня 2021 года по делу № 82-КГ21-3-К7 // Электронная

справочная Верховного Суда Российской Федерации: база данных.
– URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2006856 (дата обращения:
13.10.2021).

12. Постановление ЕСПЧ от 18 марта 2010 года по делу «Максимов (Maksimov) против Российской Федерации (жалоба №43233/02). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Драгун Оксана Витальевна
курсант 2 курса, рядовой внутренней службы (уровень
специалитета),
Кузбасский институт ФСИИ России
г. Новокузнецк, Россия

Научный руководитель:
Малышева Инна Викторовна
кандидат юридических наук, доцент,
Кузбасский институт ФСИИ России,
г. Новокузнецк, Россия

**ВЗГЛЯДЫ МЫСЛИТЕЛЕЙ И СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ
ВОПРОСА О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И МОРАЛИ
DOI: 10.47905/j3242-6015-1999-1**

Аннотация. Данная статья посвящена соотношению морали и праву. Автор приводит разные понимания морали мыслителями разных эпох. Так, например, в работе приведен облик морали в современности и представлены яркие примеры их столкновения. Подробно описываются особенности данных социальных регуляторов.

Автор говорит о необходимости объединить данные понятия, чтобы более эффективно влиять на общественное поведение.

Ключевые слова: право, мораль, нравственность, социальные регуляторы.

Dragun Oksana Vitalievna

*2nd year cadet, private of the internal service (specialist level),
Kuzbass institute of the Federal penitentiary service of Russia
Novokuznetsk, Russia*

Scientific curator:

Malysheva Inna Viktorovna

*PhD in Law, associate professor,
Kuzbass institute of the Federal penitentiary service of Russia,
Novokuznetsk, Russia*

LAW AND MORALITY IN THE MODERN WORLD

Abstract. This article is devoted to the relationship between morality and law. The author cites different understandings of morality by thinkers of different eras. For example, the paper presents the appearance of morality in modern times and presents vivid examples of their collision. The features of these social regulators are described in detail.

The author speaks about the need to combine these concepts in order to more effectively influence public behavior.

Key words: law, morality, morality, social regulators.

На сегодняшний момент остается актуален вопрос о соотношении правовых норм и морали. Многие специалисты на протяжении долгого времени спорят об этом, так как это один из самых главных регуляторов поведения людей. Возникают противоречия и в нашем законодательстве из-за чего нередко возникают конфликты в обществе. Считается, что мораль охватывает более широкие границы общественных отношений, нежели право, которое строго ограничено в сфере своей деятельности.

Стоит отметить, что право по себе четко сформулировано, действует на принципах законности, справедливости, которые не учитывают индивидуальность личности. Мораль же основывается на более глубоких качествах человека, учитывая все обстоятельства случившегося. Стоит отметить еще одну особенность, мораль складывается на основании общественных мнений, которые

действуют на момент оценивания ситуации. Она, как регулятор общественных отношений, основывается на вере в доброе или злое, справедливого, либо несправедливого. А законы должны, в свою очередь, действовать объективно, чтоб избежать, например, незаконности и несправедливости. И порой весьма затруднительно найти «золотую середину».

Мораль является более ранней формой социальных норм, чем право. Под моралью понимают совокупность исторически складывающихся и развивающихся жизненных принципов, взглядов, оценок, убеждений и основанных на них норм поведения, определяющих и регулирующих отношения людей друг к другу, обществу государству, семье, коллективу, окружающей действительности [4, с. 105]. Многие века люди отводили морали значимое место, так например философ, Аристотель, называл моралью нравственность. Она в свою очередь состояла из добродетелей, благодаря которым человек совершает добрые поступки. Эти добродетели не давались людям просто так, их необходимо было выработать в себе, то есть это могло проявиться в том, чтобы быть справедливым, необходимо было совершать справедливые дела [6, с. 120].

Нередко мораль совпадала с взглядами нынешнего времени, что и отражалась на действующих законах. Так, законы Соломона были составлены в соответствии с моральными установками, например, запрещалось человека обращать в рабство за долги, отменяли жестокие законы Драконта, которые заключались в применении смертной казни. Данные нововведения отражали моральные черты, что говорит о взаимодействии морали и право в Античные времена. Однако исследованием морали продолжались длительное время, так Кант длительно изучал мораль в своих трудах и выделил отдельно науку, занимающиеся учением о нравственности – этика. Иммануил Кант считал, что право и мораль нельзя отделять друг от друга, однако мораль более значимый элемент регулирования общественного поведения, из которой и образуется право. Кант говорит о том, что индивид должен быть самозаконотворителем, то есть жить по принципу хорошего, должного законодательства, однако для этого необходимо, чтоб существовало правовое государство [5, с. 199].

Что касается своевременного государство, ситуация

обратная. На сегодняшний момент нередко право и мораль имеют расхождения. И перед законодателем встают трудности в том, чтобы найти золотую середину. Стоит отметить, право само по себе более консервативное, оно довольно часто не успевает за развитием общества, что нельзя сказать о морали, которое является более активным, изменяющимся элементом общественного регулирования, также у данных «регуляторов» требования к поведению субъектов отличается. Мораль более требовательна к субъектам, она определяет тот идеал поведения, который надо придерживаться всем, право же в свою очередь не может заставить человек, например, быть всегда отзывчивым. Приведу несколько примеров, подтверждающие мои слова. Так, например, согласно приказу Минтранса РФ от 25 июля 2007 г. № 104 "Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров" следует, что сотрудник авиационной службы обязан осуществить предполетный досмотр после регистрации пассажиров. С точки зрения права, это делается для обеспечения безопасности пассажиров. Однако с моральной с позиции это весьма некрасиво, когда обыскивают личные вещи. Так, например, ещё Гегель писал, что позволительно с точки зрения права, моралью всячески осуждается.

Часто общественность «занимает два лагеря» по поводу данных расхождений, которые часто встречаются в обществе. Порой даже поступки и наказания за них различаются у этих общественных регуляторов. Одним из примеров, является недавняя ситуация с известным актером. 8 июня 2020 года в городе Москве, находясь в состоянии алкогольного опьянения, актер Ефремов за рулем дорогого автомобиля выехал на встречную полосу, тем самым нарушил правила ПДД, в результате чего врезался в фургон "Лада", водитель которого Сергей Захаров умер от полученных травм в больнице. Большое количество знаменитостей поддерживали актера, и в какой-то мере старались найти оправдания. Ефремов нанял адвокатов, которые находят различные, порой до ужаса нелепые оправдания, содеянного Михаилом, часто менялась тактика. Сам Ефремов изначально даже каялся, но вскоре все изменилось. Так, например, Пашаев - адвокат актера, рассказывает, что семье было предложены денежные средства за моральный ущерб, но данное предложение было отвергнуто и даже предъявлен

упрек о том, что личных извинений потерпевшим принесено не было. На сегодняшний момент актер отбывает наказание, но всячески становятся известны моменты о том, что Ефремов ищет разные возможности выйти по условно-досрочному или же настаивает о пересмотре приговора. По сути, согласно морали и праву, неважно какое лицо совершило общественное опасное деяние, все равно необходимо нести ответственность.

Нельзя ни говорить и о том, что данные социальные нормы не имеют ничего общего. Так, они оба являются регуляторами общественного поведения, которые относятся к правонарушениям - отрицательно. И право, и мораль стремятся к тому, чтобы соблюдались их предписания, а в случаи неисполнения применяются различные санкции. В современном государстве необходимо, чтоб данные регуляторы действовали одинаково мало того, они должны взаимодействовать друг с другом. Так, если будут действовать нормы только морали, повысится рост преступности, ибо потому что ни один человек способен поступать нравственно, признавать свои ошибки, нести за них ответственность так далее. С моральной точки, в случае нарушения, какого опасного преступления нет необходимости отбывать весь срок, достаточно того, что наказание уже поступило, закон же считает, что необходимо отбыть все в полной мере.

Следует отметить, что мораль изменчива, и как было уже сказано «идет в ногу» с временем. На её формирование оказывает влияние общество, оно и формирует данную модель поведения. Право же выступает нечто плавным, медленным, что не успевает за активным развитием. Однако, все бы ничего с формированием общественной морали, но у современного общества моральные нормы немного отличаются, что порой непонятно ни для законодателя, ни для отдельных граждан. На это оказывают влияние различные факторы, например, неустоявшаяся жизненная позиция. Нынешнему законодателю приходится весьма сложно, ведь не всегда легко найти ту «золотую середину», где будут сложены все свойства морали и права, но попробовать стоит.

Источники и литература:

1. Приказ Минтранса РФ от 25 июля 2007 г. № 104 «Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru/>
2. Взаимодействие права и морали: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. -262 с.
3. Гусейнов А. А. Мораль и право: линии разграничения // Lex Russica. – 2015.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государство и право. – М. Юристъ, 2004. -245 с.
5. Нерсесянц Вл. С. Кант и Сократ: концепции морали // Историческая психология и социология истории. – 2015. – С. 198-216.
6. Рунаев Р. Ю. Учение Аристотеля о добродетелях и его социальные перспективы // LOGOS ET PRAXIS. – 2019. – С. 118-124.
7. Сорокина И. В. Соотношения права и морали в современной философии права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – С. 75-96.

Егоров Виталий Олегович
*студент 2 курса факультета непрерывного образования
(уровень среднего профессионального образования)
Российский государственный университет правосудия,
г. Казань, Россия*

Научный руководитель:
Краснов Эдуард Владимирович
*кандидат юридических наук,
Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия,
г. Казань, Россия*

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МОРАЛИ И ПРАВА
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
DOI: 10.47905/b1081-7636-5358-w**

Аннотация. Основное внимание в работе акцентируется на проблеме взаимоотношений права и морали, их роли как ведущих социальных регуляторов. В статье раскрываются общие черты и различия между этими понятиями.

На примере социальных сетей и интернета рассматривается духовный кризис в сферах общественной жизни.

Ключевые слова: мораль, право, взаимодействие, социальные нормы, современный мир.

Egorov Vitaliy Olegovich
2nd year student of faculty of continuing education
(level of secondary vocational)
Russian state university of justice,
Kazan, Russia

Scientific curator:
Krasnov Eduard Vladimirovich
PhD in Law
Kazan branch of the Russian state university of
justice Kazan, Russia

PROBLEM OF RELATION OF LAW AND MORALITY IN THE MODERN SOCIETY

Abstract. The main attention of the work is focused on the problem of relationships between law and morality, their role as leading social regulators. The article reveals the general features and differences between these concepts.

Using the example of social networks and the Internet, the spiritual crisis in spheres of public life is considered.

Key words: morality, law, interaction, social norms, contemporary world.

Главным регулятором человеческого поведения на всех этапах общественного развития являются моральные и правовые нормы.

Актуальность темы заключается в том, что проблема взаимодействия права и морали имеет особое значение в связи с растущим признанием основных прав и свобод человека, ценностей и достоинств человеческой личности в настоящий период, требующий изменения идеологических установок в связях между гражданином и обществом, обществом и государством и, следовательно, правом и моралью.

Мораль — это исторически сложившаяся в общественном сознании система принципов, понятий, норм поведения, основанная на идеалах добра и зла, должного и справедливого в отношениях

людей [1, с.137]. Мораль бывает индивидуальной (формируется в сознании отдельного индивида), групповой и общественной (приемлемой для большинства членов общества).

Право – это система общеобязательных формально определённых норм, выражающих меру свободы человека, принятых или санкционированных государством и охраняемых от нарушений [1, с.114]. Право носит сознательно-волевой характер, обеспечивается силой государственного принуждения. Нормы права официально закрепляются в законах и иных нормативно-правовых актах.

Взаимодействие морали и права является одной из актуальных тем философии, этики и теории государства и права. Данная тема находится в центре внимания исследователей самого разного плана и раскрывается в каждую эпоху по-разному. Она занимает важное место в системе общественного мировоззрения и правового регулирования. Теоретическое осмысление данной проблемы может способствовать как развитию теории морали и теории права, так и повышению их роли в морально-правовом воспитании человека, становлении гражданского общества, базирующегося на моральных и правовых ценностях.

Мораль и право являются разновидностью социальных норм, поэтому необходимо отметить, что они обладают общими чертами: они возникают в сознании людей и направлены на организацию общественных отношений. Правовые и моральные нормы формируют в сознании человека нравственную и правовую культуру. Единство права и морали в цивилизованном обществе также сводится к утверждению общечеловеческих ценностей, таких как приоритет жизни человека, справедливость, развитие и обогащение личности, защита её интересов. Нормы морали и права должны способствовать их становлению и упрочению. И хотя реализуется ими это по-разному - мораль убеждает, право же принуждает, тем не менее, они преследуют общую цель.

Однако между этими понятиями есть и существенные различия. Прежде всего, они различаются по способу закрепления. Нормы права содержатся в законах, постановлениях, кодексах, уставах, приказах и других нормативно-правовых предписаниях государства. Нравственные нормы передаются из поколения в поколение в виде общепринятых представлений о добре, зле, о

благородстве, безнравственности и т.д. и существуют в сознании людей, либо находят воплощение в произведениях искусства. Моральные нормы отличаются от норм права и по сфере действия. Они охватывают гораздо более широкую область отношений, нежели правовые нормы. Так, всякое нарушение норм права является одновременно аморальным поступком, но не всякое посягательство на моральные нормы является непременно противоправным. Более того, многие нормы права наполнены нравственным содержанием, что также свидетельствует о более широкой сфере действия моральных норм. По способам обеспечения различие между моральными и правовыми нормами сводится к тому, что осуществление нравственных норм обеспечивается силой общественного мнения, а правовых норм - государственным принуждением, применяемым правоохранительными органами. По формам ответственности их различия заключаются в том, что нарушение норм морали влечет за собой применение общественного порицания, а норм права - штраф, лишение свободы, конфискацию имущества.

Причины противоречий между правом и моралью заключаются уже к их специфике, в том, что у них разные методы регуляции, различные подходы, критерии при оценке поведения субъектов. Имеет значение неадекватность отражения ими реальных общественных процессов, интересов различных социальных слоев, групп, классов. Расхождения между правом и моралью вызываются сложностью и противоречивостью самой жизни, бесконечным разнообразием возникающих в ней ситуаций, появлением новых тенденций в общественном развитии, неодинаковым уровнем нравственного и правового сознания людей, изменчивостью социальных условий и т.д.

Тесное взаимодействие между правом и моралью не исключает наличия в некоторых случаях между ними противоречий, расхождений, несогласованностей. Для возникновения таких противоречий, несогласованностей имеется несколько причин. Одна из них - это большая подвижность, динамизм морали, достаточная гибкость ее принципов. Она движется как бы впереди права, которое более консервативно в силу своей формальной природы, необходимости оформлять свои требования в официальных правотворческих актах. Другая причина - конъюнктурные,

политические, лоббистские и иные факторы, которые всегда присутствуют в правотворческой работе, а также и просто ошибки законодателя. Эффективность законодательства будет несравненно выше, если его предписания будут опираться не только на власть, но и на общечеловеческие моральные постулаты и принципы. Известно положение, обоснованное еще русским дореволюционным философом В. С. Соловьевым, что право есть минимум нравственности, равно для всех обязательный. Чем выше нравственная обоснованность права, чем ближе ее содержание к моральным постулатам, выработанным мировой цивилизацией на протяжении веков, тем оно более демократично, гуманно, справедливо.

Противоречия между правосознанием и моральным представлением могут быть в определении преступления, административного проступка, мер уголовной, административной, имущественной ответственности. Эти противоречия преодолеваются, как путем выработки новых нравственных принципов и норм в ходе развития общества, так и путем внесения корректив в действующее законодательство. И для права, и для морали их тесная связь оказывается с течением времени неудобной; обе сферы отношения стремятся к отдалению друг от друга. Отделение права от морали вызывается развитием общественной жизни, когда более сложные отношения и более частые столкновения отдельных лиц заставляют позаботиться об установлении более твердых основ юридического оборота.

Роль морали и права как ведущих социальных регуляторов, как средств упорядочения общественных отношений в современности принципиально изменились. Многие требования морали закреплены нормами права, но механизмы их реализации не работают в реальных условиях современной действительности. Ярким примером могут быть социальные сети, которые, по сути, не поддаются эффективному правовому регулированию. С помощью интернета мы можем получить доступ почти к любой интересующей нас информации, которая не всегда для нас безопасна. В социальных сетях активно пропагандируются аморальные модели поведения: повсеместно можно встретить группы, призывающие к самоубийству, насилию, убийствам, унижениям и оскорблениям. Например, в последние года в социальных сетях огромную

популярность приобрела группа «Синий кит», с помощью которой детям с неокрепшей психикой навязывали культ самоубийства как высшей ценности. Данные группы, используя игровой и развлекательный формат, деформируют психику ребенка и формируют в его сознание «ложные» представления о том, каким должен быть человек и мир вокруг него. Это происходит из-за того, что в наше время родители уделяют мало времени воспитанию ребенка и заменяют реальное общение с ним на гаджеты с доступом в интернет. Также в наше время широко распространена социальная сеть «Телеграм». Безусловно, многие люди используют её как средство общения с друзьями и близкими, как ресурс для обмена полезной информацией. Однако данная социальная сеть является полностью анонимной, то есть практически невозможно отследить источник информации, а значит, невозможно принять какие-либо правовые санкции к правонарушителям. Зачастую преступники используют это для того, чтобы пропагандировать свои взгляды. Например, в наше время активно происходит вербовка людей в террористические группировки, которые призывают к уничтожению людей, народов и культурных ценностей. Также существуют различные порталы, на которых можно без труда приобрести практически любой товар: оружие, наркотики, запрещённую информацию. И это далеко не единичные случаи, подобных примеров множество. Если раньше доступ к персональной информации человека имело ограниченное количество человек, то сейчас, с развитием социальных сетей и интернета, о человеке можно узнать практически любую информацию, даже не общаясь с ним. В условиях безнаказанности в интернете, мы зачастую нарушаем личные права других людей, не задумываясь об этом. В интернете стирается большинство рамок и нормы морали и нравственности уже не несут для нас былой ценности. Ведь в социальных сетях мы запросто можем заблокировать человека, обидеть, унижить, оскорбить. При этом с большой вероятностью никаких правовых последствий для нас за это не наступит. Это является проблемой не только с точки зрения права, но и с точки зрения морали.

Проблема соотношения морали и права в современном мире является одной из самых актуальных. На примере социальных сетей и интернета видно, что во многих сферах общественной жизни

наблюдается духовный кризис. Безусловно, существует множество причин: рост политической напряжённости, экономические кризисы, дифференциация между бедными и богатыми слоями населения. На фоне этих явлений происходит искажение духовных ценностей, падение общей правовой культуры населения, рост преступности и коррупции. Совершенно очевидно, что ни право, ни мораль не могут самостоятельно бороться с подобными общественными аномалиями. Мы должны стремиться к тому, чтобы в обществе формировались правильные представления о таких явлениях, как доброта, справедливость, честность. Формирование нравственных ценностей в сознании людей приведёт не только к преодолению духовного кризиса, но и к развитию правовой культуры населения и повышению уровня правосознания. Нормы морали и права неотъемлемо связаны друг с другом и способны эффективно функционировать только в совокупности. Именно поэтому, совершенствование законодательства и развитие правовой системы должно опираться не только на представления о праве как социальном регуляторе, но и на моральные и нравственные нормы. Только в процессе гармонизации этих двух явлений мы можем говорить об успешном развитии того или иного общества.

Источники и литература:

1. Перевалов В. Д. Теория государства и права. – 3-е изд. – М.: Норма, 2005. -137 с.
2. Проблемы соотношения права и морали: [сайт]. – 2015. – URL: https://studwood.ru/1210251/pravo/problemy_sootnosheniya_prava_morali (дата обращения 06.11.2021)
3. Проблемы соотношения права и морали: [сайт]. – 2018. – URL: https://revolution.allbest.ru/law/00534265_0.html (дата обращения 08.11.2021)

Зубакина Мария Владиславовна
студент 4 курса юридического факультета (уровень
бакалавриата)
Российский государственный
университет правосудия,
г. Иркутск, Россия

Болдохорова Екатерина Николаевна
студент 4 курса юридического факультета (уровень
бакалавриата) Российский государственный
университет правосудия,
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Джура Виктория Владимировна
кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный
университет правосудия,
г. Иркутск, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ФУНКЦИИ ПРАВА

DOI: 10.47905/q6128-4210-9300-k

Аннотация: Право является неотъемлемой частью существования правового государства, поэтому оно имеет ряд ценностей, которые оно представляет. Так, важную роль играет социальные ценности, которые существуют в большей степени для того, чтобы удовлетворять растущие потребности, как отдельных людей, так и общества в целом. Также данные ценности реализуются с помощью определенных средств, которыми являются функции.

Данная статья посвящена взаимосвязи социальных ценностей и функций в современном законодательстве.

Ключевые слова: право, социальная ценность права, функции права, общественные отношения.

Zubakina Maria Vladislavovna
4th year student of the faculty of law (bachelor's level)
Russian state university of justice
Irkutsk, Russia

Boldokhonova Ekaterina Nikolaevna
4th year student of the faculty of law (bachelor's level)
Russian state university of justice
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Djura Viktoria Vladimirovna
PhD in Law, associate professor
Russian state university of justice
Irkutsk, Russia

SOCIAL VALUES AND FUNCTIONS OF LAW

Abstract. Law is an integral part of the existence of the rule of law; therefore it has a number of values that it represents. So, an important role is played by social values, which exist to a greater extent in order to meet the growing needs of both individuals and society as a whole. Also these values are realized using certain means, which are functions.

This article will focus on the relationship between social values and functions in modern legislation.

Key words: law, social value of law, functions of law, social relations.

Как нам известно, основной целью права является упорядочение, организация общественных отношений.

Социальная ценность – это те явления, которые способны удовлетворять определенные потребности социального субъекта, необходимые для его существования и развития.

Ценность права – это способность права служить целью и средством для удовлетворения социально справедливых, прогрессивных потребностей и интересов граждан, общества в целом.

Таким образом, можно сказать, что социальная ценность права для общества заключается в урегулировании спорных и конфликтных вопросов. Без четко поставленного и конкретного права не может существовать правовое государство как таковое. Право может не только регулировать правоотношения, но и предупреждать их возникновение в спорных ситуациях (например, в возникшем споре гражданин указывает другому на его неправоту и тот не обращается в суд, а решает вопрос мирно).

Сам индивид может пользоваться правом для предотвращения спорных вопросов и для доказательства своей правоты в таковых. Зная о правонарушениях, гражданин с меньшей вероятностью совершит преступление и постарается предотвратить совершение преступлений другими гражданами. В случае если другие граждане действуют против закона в отношении себя, индивид сможет защитить свои права и интересы с помощью средств, предусмотренных действующим законодательством.

Понять социальную ценность права – значит уяснить, раскрыть его положительную роль для личности и общества, которая может быть выражена в следующих аспектах:

1) С помощью права обеспечивается устойчивый порядок в общественных отношениях между субъектами права. Так, право, воплощая общую волю участников общественных отношений, способствует развитию тех отношений, в которых заинтересованы как отдельные индивиды, так и общество в целом.

Высшая общественная ценность права заключается в том, что оно оказывает воздействие на поведение и деятельность людей посредством согласования их специфических интересов. Ценность права будет тем выше, чем полнее оно будет отображать своим содержанием эти специфические или частные интересы.

2) Благодаря праву должна быть определена точность таких общественных отношений. Таким образом, можно сказать, что право обладает в первую очередь инструментальной ценностью. Оно придает действиям людей организованность, устойчивость, согласованность, обеспечивает их подконтрольность, с помощью которого обеспечивается всеобщий устойчивый порядок в общественных отношениях.

3) Право является выразителем и определителем свободы личности субъектов отношений в обществе. То есть ценность права

состоит в том, что оно не обозначает свободу вообще, а определяет границы этой свободы. Нужно отметить, что право и свобода неотделимы друг от друга. Справедливо утверждение о том, что право по своей сущности – это исторически определенная и объективно обусловленная форма свободы в реальных отношениях, мера этой свободы.

4) Благодаря праву достигается определенность, точность в самом содержании общественных отношений. Правовое регулирование способно охватить социально полезные формы правомерного поведения, отделить его от произвола и несвободы.

5) Право в цивилизованном обществе обеспечивает оптимальное значение «свободы» и «справедливости». Это обусловлено тем, что право выступает критерием правильного (справедливого) распределения материальных благ, оно утверждает равенство всех граждан перед законом независимо от их происхождения.

6) Право обеспечивает возможность нормальных активных действий человека, препятствует незаконному вмешательству в сферу его правомерной деятельности с помощью механизмов юридической ответственности.

7) На правовой основе формируются принципы гражданского общества, к которым относят: демократический политический режим, наличие правового государства, равенство всех перед законом, политический и идеологический плюрализм, разделение властей на три ветви (законодательную, исполнительную и судебную), свобода СМИ, личная свобода граждан.

8) Сущность социального значения ценности права проявляются в его функциях.

Право, приобретая общесоциальную значимость, характеризуется тем, что своей целью видит удовлетворение прав и интересов общества. Данное положение будет достигнута с помощью функций, которые выполняет право. Отсюда вытекает понятие «функции права».

Функции права – обусловленные социальным назначением права направления правового воздействия на общественные отношения. В юридической науке понятие «функция» характеризует социальную роль государства и права.

Функции права в современном праве принято классифицировать по различным критериям. Например, по направленности действия (экономическая, социальная, политическая); по основным субъектам правоприменения (законодательная, исполнительная, судебная); по социальному назначению (воспитательная, культурная, информационная). Как основной регулятор общественных отношений право имеет три основные функции:

1) Регулятивно-статическую – обеспечивает упорядочение общественных отношений, и через правовые нормы устанавливает права и обязанности участников правоотношений.

2) Охранительную – нормы права предполагают меры охраны, защиты субъективных прав от нарушений, закрепляют способы, с помощью которых можно заставить лицо исполнить обязанность, понести ответственность в случае нарушения нормы.

3) Оценочную – она заключается в том, что оно выступает в качестве критерия для оценки поведения людей с точки зрения его правомерности и противоправности. Если человек не нарушает требований норм права, его поведение является правомерным, а если он нарушает требования норм права, то есть совершает правонарушение, – противоправным, и государство в данном случае вынуждено добиваться прекращения такого поведения и наказания данного лица.

При рассмотрении социального предназначения права важно подчеркнуть значение общесоциальных функций права, к которым можно отнести:

- Воспитательную – право формирует установки, мотивы поведения человека. Она направлена на формирование у граждан уважительного отношения к праву, понимание необходимости соотносить свои действия с установленными государством вариантами поведения;

- Культурную – выражается в том, что право аккумулирует и развивает духовные ценности, достижения народа, а также человечества в целом (права человека, демократию, социальную справедливость и т. д.);

- Информационную – это воздействие, направленное на осуществление правового информирования субъектов правоотношений, формирование социально-полезных стереотипов

поведения граждан, регламентацию общественных отношений, связанных с реализацией разнообразных способов использования информации.

Таким образом, социальная ценность тесно связана с функциями права, которые определяют основные направления деятельности, которые регулируют устройство общественных отношений. Социальная ценность права в современном механизме регулирования общественных отношений характеризуется расширением сферы правового регулирования и обеспечением реализации правовых методов воздействия, основанных на общесоциальных ценностях. Главенствующее значение имеют такие принципы, как равенство граждан независимо от пола, расы, национальной, языковой, религиозной принадлежности, места происхождения, пребывания и жительства, рода деятельности и иных критериев. Среди правовых ценностей приоритетным направлением является обеспечение законности этим и обуславливается взаимосвязь социальной ценности и функций права.

Источники и литература:

1. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Социальная ценность права на современном этапе развития правовой государственности // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 2 (20).

2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международные акты о правах человека: сборник документов. – 2-е изд. – М.: Изд-во Норма, 2002.

3. Супатаев М. А. Свобода и справедливость в российском праве (цивилизационный аспект) // Государство и право. – 2010. – № 4.

Колобынина Екатерина Алексеевна
студент 2 курса факультета непрерывного образования по
специальности «Право и судебное администрирование»
Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия,
г. Казань, Россия

Научный руководитель:
Краснов Эдуард Владимирович
кандидат юридических наук,
Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия,
г. Казань, Россия

МОРАЛЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА **DOI: 10.47905/r5683-3930-4815-u**

Аннотация. Мораль и право являются важнейшими социальными регуляторами любого общества, в том числе и в современном мире. Проблема соотношения и взаимодействие этих двух понятий вызывает вокруг себя много споров и дискуссий, и в настоящее время не существует единого мнения по этому поводу.

В данной статье мы попробовали рассмотреть мораль как часть сегодняшнего права и ответить на вопрос, что является причиной присутствия нравственных компонентов в современном законодательстве.

Ключевые слова: мораль, моральный ущерб, моральное право, моральные нормы, безнравственность, право.

Kolobynina Ekaterina Alexeevna
2nd year student of the faculty of continuing education
(specialty "Law and judicial administration")
Kazan branch of the Russian state university of justice,
Kazan, Russia

Scientific curator:
Krasnov Eduard Vladimirovich
PhD in Law
Kazan branch of the Russian state university of
justice Kazan, Russia

MORALITY IN THE CONTEXT OF MODERN LAW

Abstract. Morality and law are the most important social regulators of any society, including in the modern world. The problem of the correlation and interaction of these two concepts causes a lot of controversy and discussion around itself, and currently there is no consensus on this.

In this article we tried to consider morality as part of today's law and answer the question of what is the reason for the presence of moral components in modern legislation.

Key words: morality, moral damage, moral law, moral norms, immorality, law.

В последнее время я начала замечать, что всё чаще встречаюсь с такими понятиями, как мораль, моральный ущерб, моральное право. Эти термины можно услышать в самых различных ситуациях: в разговоре студентов, когда один говорит другому: «ты не имеешь морального права так общаться со мной», при вынесении приговора, когда судья оглашает, что виновный должен выплатить компенсацию морального ущерба, на студенческом собрании, когда директор зачитывает отдельные положения «Морального кодекса студента» о том, какое поведение является порочащим моральный облик будущего юриста и во многих других ситуациях. Действительно, эти понятия играют важную роль в жизни каждого человека; все, так или иначе, сталкиваются с ними. Но что же они, в

сущности, означают? Какую роль играют в современном мире? Что говорит об этом законодательство РФ? И почему мораль как предмет этики (философской науки) становится юридическим термином и закрепляется в правовых документах? Осмелюсь выдвинуть следующую гипотезу о том, что падение морали, безнравственность общества приводят к необходимости закрепления правил «человеческого общежития» в юридических документах.

Итак, думаю, начать следует собственно с определения самого термина «мораль». Мораль – (лат. *moralis* – нравственный, от *mos*, множественное число *more*s – обычаи, нравы, поведение) нравственность, один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе; особая форма общественного сознания и вид общественных отношений (моральные отношения); предмет специального изучения этики [4].

Говоря иными словами, мораль - это исторически сложившаяся в общественном сознании система принципов, понятий, норм поведения, основанная на идеалах добра и зла, должного и справедливого в отношениях людей [11, с. 137]. С помощью морали человеческие поступки оцениваются самим человеком и окружающими как хорошие и плохие, справедливые или несправедливые, и, в конечном счете, как правильные и неправильные. Одна из главных составляющих морали – моральные принципы. По моему мнению, это то, что отличает человека от животного, эти принципы нигде не прописаны, но каждый знает их с детства и каждому необходимо их соблюдать. На первый взгляд, может показаться, что если нарушить их, то ничего не произойдет, ведь моральные нормы – это не законы, и никакой ответственности за их преступление не предусмотрено, но это не совсем так, ведь после совершения аморального поступка последует негативная реакция общества или угрызания собственной совести, что и будет являться наказанием, в отдельных случаях даже более серьезным, чем наказанием от государства.

Также стоит отметить, что моральные нормы зависят от конкретного общества, в котором находится человек. Так, например, в первом веке до нашей эры в Израиле люди закидывали камнями тех, кто нарушал заповеди Божьи, и это считалось признаком высокой морали. Сейчас в гуманном обществе, люди, конечно,

оценили бы такой жестокий поступок как безнравственный и аморальный. С течением времени мораль изменялась, но всегда играла важную роль в жизни людей.

Долгое время мораль выступала в качестве социального регулятора и заменяла собой право. Ведь право появилось намного позднее морали, лишь с зарождением первых государств, когда возникла необходимость, чтобы каждый член общества соблюдал определенные нормы, независимо от того будет он делать это добровольно или под угрозой применения государственной силы [5, с. 25-26]. В этом и есть главное отличие права от морали. Моральные нормы выполняются добровольно, а за несоблюдение норм права предусмотрены санкции [12, с. 528]. Конечно, мораль и право имеют немало и общего, например, такие безнравственные с точки зрения морали поступки как воровство и убийство оцениваются и правом как уголовные преступления [15]. А некоторые категории морали закреплены и в современных источниках права, например, в Гражданском, Трудовом и Семейном кодексах РФ есть статьи, предусматривающие компенсацию лицам, которым был нанесен моральный вред [1, 13, 14].

Также стоит упомянуть и о некоторых законопроектах, которые несут в себе нравственные начала. В первую очередь, это поправки к Конституции 2020 года. В частности, в ч. 2 ст. 67.1 указано, что «Россия, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». В ч. 3 ст. 67.1 говорится, что «РФ чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». В ч. 4 ст. 67.1 подчеркивается, что «государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» [3]. Кроме этого, не так давно Государственная Дума приняла в третьем чтении законопроект, который связан с моралью и направлен на то, чтобы уменьшить моральный вред, причиняемый «по закону». Этот законопроект запрещает высаживать из общественного транспорта пассажиров моложе 16 лет, не оплативших проезд [9]. А в марте

2020 года сенатор Ирина Рукавишникова провела «круглый стол», посвященный совершенствованию законодательства РФ о возмещении морального вреда, все участники единогласно подтвердили как насущную необходимость установление критериев для такого вида компенсаций [8].

Почему же в последнее время государство стало уделять все большее внимание нравственности и морали, стало закреплять традиционные ценности и нравственные категории, казалось бы, не относящиеся к праву и соблюдающиеся всеми как само собой разумеющееся, в различных источниках права?

На этот вопрос, как мне кажется, помогает ответить следующая статистика:

- В России в 2018 году зафиксировали 567 тыс. абортот. Уполномоченная по правам ребенка Анна Кузнецова привела данные Росстата, согласно которым рождаемость в стране составила более 1,5 миллиона детей. «То есть примерно третья часть от количества рожденных в прошлом году детей не появится на свет», — сказала она и добавила, что «это целое поколение» [6].

- Всего, по данным за прошлый год, в России зарегистрировано около 460 тыс. наркозависимых. Мировая статистика по наркотикам говорит, что каждый двадцатый человек пробовал наркотические препараты. Это примерно 250 миллионов человек. Из них 78% — это действующие наркоманы. Средний возраст наркозависимых находится в диапазоне 15-19 лет. Среди них: 20% — это школьники от 9 до 14 лет, всё чаще появляются и дети более раннего возраста; 60% молодежи от 16 до 24 лет; 20% — люди 25-30 лет и старше [10].

- По данным Генпрокуратуры, в 2019 году несовершеннолетними совершено 41,5 тыс. уголовно наказуемых деяний, по сравнению с 2018 годом, это на 3,4% больше, количество преступлений увеличилось с 96,1 тыс. примерно до 99,4 тыс. Пострадали 107 тыс. 571 ребенок, в том числе в возрасте до 14 лет – 66 тысяч. К дисциплинарной ответственности привлечено около 64 тыс. человек. Направлено в суды более 16 тыс. заявлений. К административной ответственности привлечено более 2 тыс. лиц [7].

- Каждый год от жестокости родителей страдают 2 млн. детей, а 50 тыс. – убегают из дома;

- насилие над жёнами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвёртой семье;
- более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в России;
- около 1,5 млн. российских детей школьного возраста вообще не посещают школу;
- детское и подростковое "социальное дно" охватывает не менее 4 млн. человек;
- темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности;
- в современной России насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключённых, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов [16, с. 70-86].

Итак, изучив эту поистине ужасающую статистику, нетрудно догадаться, что она как нельзя лучше свидетельствует о страшном падении нравственности в современном обществе, причем такая тенденция наметилась уже достаточно давно и с каждым годом она лишь только ухудшается.

На основании всего вышесказанного, могу сделать печальный вывод о том, что сейчас люди выполняют моральные нормы и любые иные правила, в большинстве случаев, только из чувства страха наказания. В качестве примера приведу статистику снижения количества преступлений, как результат мер по ужесточению наказания за них. К 2000-ым годам было огромное количество правонарушений, связанных с ездой в нетрезвом виде, тогда властями были приняты резонансные меры по ужесточению наказаний: в 2004 году был установлен срок лишения прав в 1,5 - 2 года, в 2007 было введено лишение прав на срок до 3 лет за повторное нарушение; в 2009 году ввели уголовную ответственность на срок до 9 лет. И наконец, в 2013 году к лишению прав был добавлен штраф в размере 30 000 рублей. И с каждой более суровой мерой наказания, по данным ГИБДД, количество нетрезвых водителей уменьшалось каждый год на 10-14% [2]. Также ужесточились наказания за незаконный оборот наркотиков, и как следствие этого количество преступлений сократилось в прошлом году на 5% и составило чуть более 190 тыс., об этом говорится в статистических данных МВД России. А вот наказания за аборты в

законодательстве РФ не предусмотрено, и как показывает вышеприведенная мной статистика количество этих «законных преступлений» увеличивается каждый год. Отсюда напрашивается вопрос: «Неужели женщине, чтобы не убивать своего собственного ребенка, нужен закон?» К сожалению, как показывает практика, да. Так же, как и кондуктору, чтобы не высаживать маленького ребенка, не оплатившего проезд, из автобуса. На мой взгляд, законопроект, запрещающий это делать, настоящий сигнал о бедствии, он показывает, насколько сильно пало наше общество, насколько не сострадательны и абсолютно безнравственны люди в наше время, насколько аморален стал наш мир. Наша гипотеза подтвердилась, действительно, падение морали, безнравственность общества приводят к необходимости закрепления правил «человеческого общежития» в юридических документах, чтобы хоть как-то предотвратить процесс аморализации общества, и, конечно, снизить количество преступлений в нем. Увы, современный человек усыпил свою совесть и забыл все принципы морали и нравственности, его необходимо запугивать тяжелыми наказаниями, чтобы он жил, не причиняя вреда другим.

Но как же хочется верить в лучшее, надеется на то, что может быть, хоть когда-то в далеком будущем люди поймут, что, садясь в автомобиль в нетрезвом виде, они могут задавить своего же близкого; что аборт - это не что иное, как убийство; что поднимать руку на женщину и ребенка просто недопустимо! И для этого совсем необязательно должен существовать закон, необходима лишь любовь к окружающим и нежелание навредить кому-либо. Ведь «золотое» правило морали так и гласит: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Если бы каждый исполнял это правило, мы могли бы жить без единого свода законов, но это, кажется, уже утопия.

Источники и литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 151.

2. Иванов И. Г. Ответственность за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения

[Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации города Челябинска – URL: <https://cheladmin.ru/ru/oficialnaya-informaciya/prokuror-goroda-chelyabinska-razyasnyaet/otvetstvennost-za-upravlenie-transportnym-sredstvom> (дата обращения: 7.11.2021)

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 31. - Ст. 67.

4. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского и В.Д. Перевалова. — М.: Издат. группа ИНФРА М-НОРМА, 1997.

5. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд. – М.: Юристъ, 2001.

6. Официальный сайт Lenta.ru / интервью с уполномоченной по правам ребенка Анной Кузнецовой [Электронный ресурс] // – URL: <https://lenta.ru/news/2019/05/15/abortion/> (дата обращения: 5.11.2021).

7. Официальный сайт Новостного портала Московский Комсомолец. – URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/09/23/v-genprokulture-ozvuchili-statistiku-detskoj-prestupnosti.html> (дата обращения: 6.11.2021).

8. Официальный сайт Общероссийской Общественной Организации «Ассоциация Юристов России» – URL: <https://alrf.ru/news/v-sovete-federatsii-sostoyalsya-kruglyy-stol-posvyashchennyu-sovershenstvovaniyu-zakonodatelstva-rf/> (дата обращения: 8.11.2021)

9. Официальный сайт советского и российского государственного информационного агентства федерального уровня ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10658107> (дата обращения: 7.11.2021)

10. Официальный сайт Центра профессионального лечения и реабилитации «Здравница» – URL: <https://narcorehab.com> (дата обращения: 9.11.2021).

11. Перевалов В. Д. Теория государства и права. – 3 изд. – М.: Норма, 2005. – 137с.

12. Пьянов Н. А. Теория государства и права: учеб. пособие. – 2-е изд. – Иркутск: Изд-во ИрИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста РФ), 2015. – 528 с.

13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 30.

14. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 01.04.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – Ст. 237.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25.

16. Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственность в современной России // Социологический журнал. – 2009. – № 1. – С. 70-86.

Кряжевских Ксения Александровна

студент 2 курса

(уровень специалитета)

Уральский государственный юридический университет

им. В. Ф. Яковлева,

г. Екатеринбург, Россия

Научный руководитель:

Плетников Виктор Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

Уральский государственный юридический университет

им. В. Ф. Яковлева

г. Екатеринбург, Россия

МОРАЛЬ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

DOI: 10.47905/f9281-3989-4720-1

Аннотация. Целью работы является рассмотрение понятия «мораль» и её значения для правового регулирования. Выделены определенные проблемы, связанные с регулированием моралью правоотношений. Выявлено значение морали для правового

регулирования. Подчеркнута важность изучения законодателем понятия «мораль».

Рассмотрено значение влияния морали на правосознание человека.

Ключевые слова: мораль, право, совесть, правовое регулирование, правосознание.

Kryazhevskikh Ksenia Alexandrovna
2nd year student (specialist level)
Ural state law university
Ekaterinburg, Russia

Scientific curator:
Pletnikov Viktor Sergeevich
PhD in Law, associate professor
Ural state law university
Ekaterinburg, Russia

MORALITY AND ITS IMPORTANCE FOR LEGAL REGULATION

Abstract. The aim of the work is to consider the concept of "morality" and its meaning for legal regulation. The article highlights certain problems associated with the regulation of morality of legal relations. Revealed the importance of morality for legal regulation. The importance of the study by the legislator of the concept of "morality" was emphasized.

The significance of the influence of morality on the legal consciousness of a person is considered.

Key words: morality, law, conscience, legal regulation, legal awareness.

Духовно-нравственные процессы достаточно сильно влияют на правосознание, правотворчество и правоприменение. Не раз была отмечена двойственность природы человека: человек является единством биологического и социального [1].

В ходе исследования правосознания российских граждан было выявлено, что оно базируется на духовно-нравственных

ценностях, представлении людей о добре и зле, правде и справедливости. Социальные нормы позволяют людям жить в мире и гармонии, они, несомненно, влияют на законность и правопорядок в обществе [2].

Социальные регуляторы - это сложившиеся в процессе общественного развития, устойчивые, признаваемые и поддерживаемые определенными социальными группами образцы поведения участников социального общения.

Мораль, безусловно, является важнейшим внутренним социальным регулятором общественных отношений. Поскольку правовое регулирование - это целенаправленное воздействие на отношения между людьми [3, с. 146], следует отметить, что мораль является средством правового регулирования, так как психологические и эмоциональные процессы достаточно сильно влияют на совершаемые субъектом правоотношений действия. Влияние морали на поступки человека вызывает необходимость подробнее изучить специфику понимания понятия «мораль», но вместе с тем вызывает некоторую сложность дать конкретизированное определение данному понятию, ведь для каждого человека понятие «мораль» будет иметь свое значение, свою эмоциональную окраску. В целом можно сказать, что мораль - это система внутренних убеждений человека, выработанных им в процессе самостоятельного размышления. Мораль действует как внутренний регулятор, где главным определителем нравственного и безнравственного выступает собственная совесть.

Мораль является фундаментальной этической категорией. Следует заметить, что мораль и совесть как этические категории тесно связаны между собой.

Мораль, являясь некоей совокупностью правил поведения, влияет на поведение человека. Совесть же некоторым образом заставляет не только задуматься о наших поступках, но и производить оценку совершаемых нами действий. В случае нарушения социальных норм, совесть может заставить человека сожалеть о неверном выборе, почувствовать вину за совершенные действия. Таким образом, под влиянием норм морали формируются психологические установки человека, мотивы его поведения.

Если говорить о соотношении норм морали и права, то мораль охватывает своим регулированием те общественные

отношения, которые не входят в предмет регулирования правовых норм. Следует отметить, что взаимодействие права и морали обеспечивается однородностью регулируемых ими отношений — общезначимых для данного общества, что призывает и правовые, и моральные нормы обеспечивать целостность общества [4, с. 58].

Л. И. Петражицкий в рамках научного исследования о различии правовых и моральных норм относил к праву все нормы, содержащие притязания (“императивно-атрибутивные” эмоции), а к морали – только “императивные” эмоции, поскольку в этой области нет права притязания (например, нельзя требовать предоставления милостыни) [5]. Также следует упомянуть о том факте, что нормы морали не связаны с государством и их реализация обеспечивается только самим обществом.

Мораль имеет большое значение при формировании правосознания. На содержание профессионального правосознания особенно активно воздействует нравственное сознание, поскольку нравственные требования и категории пронизывают все сферы жизни и деятельности. Свидетельство этому — постоянно обсуждаемая тема о профессиональной этике [6]. Например, "Обзор судебной практики по рассмотрению Дисциплинарной коллегией Верховного Суда Российской Федерации административных дел о привлечении судей к дисциплинарной ответственности в 2017 - 2018 гг. и первом полугодии 2019 г." (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019 г.) обращает наше внимание на то, что Судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи.

Однако нельзя сказать, что мораль в равной степени регулирует отношения между людьми. Прежде всего, следует отметить, что у каждого человека разные понятия о «добре» и «зле», «долге» и «справедливости». То, что для одного человека покажется нормой поведения, для другого может оказаться лишь одним из возможных вариантов поведения [7]. Все зависит от воспитания человека, его убеждений и ценностей. Поэтому, конечно же, нельзя говорить о полноценном влиянии норм морали на человека.

Следует также отметить, что мораль во многом зависит от убеждений субъекта правоотношения и данные убеждения могут

быть ему навязаны посредством психического воздействия на сознание субъекта. Значение свободы совести, как конституционного права человека, для правового регулирования состоит, прежде всего, в нравственном выборе человека, в демократичности и гуманизме, в том, что на субъекта не будет оказано психологическое и эмоциональное давление. Каждый волен сам выбирать для себя границы исполнения моральных норм.

Таким образом, мораль играет огромную роль в правоприменительной и правоохранительной деятельности. Мораль является одним из средств правового регулирования: она оказывает влияние не только на поступки граждан, но и на эффективность и добросовестность работы правоохранительных органов. Хотелось бы пожелать, чтобы в будущем законодатель изучил и нашел применение в нормативно-правовых актах определению понятия «мораль».

Источники и литература:

1. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Сочинения. – М., 1994.
2. Казанцева Д. Б., Ивентьев С.И. Правосознание личности в современном обществе// Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информационного российского общества: сборник материалов Междунар. науч-практ. конф. Ставрополь, 2020. – Т. 1. – С. 83-90.
3. Алексеев С. С. Теория государства и права. – М.: Норма, 2005. –486 с.
4. Голубева Л. А. Право, мораль и справедливость // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции в 2-х частях. Санкт-Петербург, 20–21 марта 2015 года / сост.: Калиновский К. Б., Зашляпин Л. А. – СПб.: Северо-Западный филиал Российской академии правосудия, ИД «Петрополис», 2016. – С. 56-65.
5. Петражицкий Л. И. Очерки философии права (1900–1903); Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии (1908) // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избранные труды. – СПб., 2010.

6. Барышева А. А., Зеленская В. Н. Особенности современного профессионального правосознания (на примере правосознания работников правоохранительных органов) // Герценовские чтения — 2005. Актуальные проблемы юриспруденции. – СПб., 2006.

7. Фролова Е. А. Право и мораль (критическая философия права и современность) // Государство и право. – 2013. – № 1. – С. 13-23.

Кужлев Кирилл Иванович

*студент 3 курса факультета по подготовке специалистов
судебной и прокурорской деятельности (уровень бакалавриата)*

Восточно-Сибирский филиал

*Российского государственного университета правосудия,
г. Иркутск, Россия*

Научный руководитель:

Зарубаева Евгения Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент

Восточно-Сибирский филиал

*Российского государственного университета правосудия,
г. Иркутск, Россия*

СООТНОШЕНИЕ МОРАЛИ И ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

DOI: 10.47905/t4335-7478-9485-1

Аннотация. Данная статья занимается рассмотрением сложившейся в аналитической традиции, представленной преимущественно англо-саксонскими странами системы взглядов на соотношения этических и метаэтических категорий и права. Раскрываются взгляды Джона Финниса. Раскрываются взгляды классика неопозитивизма Герберта Харта. Раскрываются этические и правовые взгляды Лона Фуллера с развернутым пояснением его авторской типологии права.

Поднимаются вопросы о необходимости связи морали и права их возможные соотношения. Анализируются сильные и слабые стороны подходов. Дается введение в метаэтику и

производится попытка проанализировать различные философские и правовые подходы.

Ключевые слова: мораль, право, позитивизм, *ius naturale*, аналитическая юриспруденция, метаэтика.

Kuzhlev Kirill Ivanovich

3rd year student (bachelor's level)

East-Siberian branch of the

Russian state university of justice,

Irkutsk, Russia

Scientific curator:

Zarubaeva Evgeniya Yurievna

PhD in Law, associate professor

East Siberian branch of the

Russian state university of justice,

Irkutsk, Russia

RELATIONSHIP OF MORALITY AND LAW IN THE MODERN ANALYTICAL TRADITION OF JURISPRUDENCE

Abstract. This article examines the system of views on the relationship of ethical and metaethical categories and law that has developed in the analytical tradition, represented mainly by the Anglo-Saxon countries. The views of John Finnis are revealed. The views of the classic of neopositivism Herbert Hart are revealed. The ethical and legal views of Lon Fuller are revealed with a detailed explanation of his author's typology of law.

Questions are raised about the need for a connection between morality and law and their possible correlation. The strengths and weaknesses of the approaches are analyzed. An introduction to metaethics is given and an attempt is made to analyze various philosophical and legal approaches.

Key words: morality, law, positivism, *ius naturale*, analytical jurisprudence, metaethics.

Перед началом рассмотрения предмета данной статьи хотелось бы обмолвиться двумя словами об общеизвестных

положениях, для разъяснения посылок, из которых автор исходит. Из курса теории государства и права следует, что хронологически мораль предшествовала праву, была одним из его источников, наравне с традициями, обычаями и волей власть имущих. В зависимости от различных теорий возникновения мы можем говорить, о воли отца семейства, класса, позже именуемого буржуазией, волей суверена. Исторический генезис права в данной статье следует опустить. Нам известно и что право отличает от морали его сила, поддерживаемая государством структура права более устойчива, существующая же в обществе этическая парадигма поддерживается традициями, обычаями, некоторыми институтами, например, институтом церкви или семьи.

Теперь об непосредственной теме данного исследования. А как соотносится право и этика? На данный вопрос существует множество ответов, формировавшихся в различных странах, разрабатываемых различными теоретиками. Рассмотрению сейчас подлежат мыслители, принадлежащие к англо-саксонской или аналитической школе философии права. В классической философии существует традиция разделения аналитической и континентальной философии, которая имеет отражение и в философии права. Основателями аналитической традиции юриспруденции называют И. Бентама, Дж. Ст. Миля, Дж. Остина, Г. Харта, их труды и методологии в противовес выступает традиция континентальная, в лицах Г. Кельзена, А. Росса, Р. Иеринга, Л. Петражицкого.

Теперь стоит отметить в каких отношениях может состоять право и этика. Сегодня, учитывая историческое происхождение закона и доминантную этическую норму ныне существующую, о которой ещё далее будет сказано, противоречия закона и нравственности, встречаются не так часто и в большинстве своем, этика является однозначным подспорьем и дополнением к нормам права, если даже не руководством. Но, вопрос соотношения, проблемным от того быть не перестает, и я бы поставил его не иначе как в некотором как некоторого рода конкуренцию. Этика имеет в основе своей два направления: этику описательную или дескриптивную и предписательную - прескриптивную. И если дескриптивная описывает имеющееся положение дел и отлично подходит, например, для исторического анализа, прескриптивная говорит о должном и вопросе поведения агента в той или иной

ситуации. Право же в свою очередь является тоже регулирующей системой и учитывая её содержание, может относиться: к этическим-рассуждающим о вопросах должного поведения, к системе, прескриптивной - предписывающей и даже обязывающей выполнять определённые действия или от некоторых воздерживаться. И существуют, следовательно, два прескриптивных измерения в обществе одновременно, что и порождает их взаимные прения. На этом, можно сделать как минимум три предположения о их соотношении. Первое, что в случае конкуренции социальных норм- закон стоит выше этики. Второе эти понятия соотносятся как равнозначные и любой выбор в такой конкуренции может быть рассмотрен равнозначным. Третий вариант — это превалирование закона внутреннего над законом юридическим. Теперь же, раскрывая взгляды аналитических философов права и данные формы соотношения права и этики, постараемся их соотнести и распределить.

Мораль выше закона. Данный вывод будет скорее всего ближе большинству обывателей, по той простой причине что и право, в их представлении и есть формализованная, приведённая в определённый порядок этическая система. И по сути дела, здесь оно находится на поле философии, когда мы начинаем его разбирать потому данный подход может обладать некоторыми дополнительными плюсами. Для нас, право, не имеющее строгого соответствия принципам нравственности, и не является правом, в сути своей или подобное несоответствие наделяет нас уже новым правом, уклонится от исполнения юридических норм. Подобный взгляд будут разделять с большой вероятностью юснатуралисты. Однозначно, подобный подход будет разделять Джон Финнис, австралийский философ права, видный апологет естественного права. Так в своей книге «Естественное право и естественные права» Финнис декларирует факт необходимости моральной оценки юридических норм следующей цитатой: «однако развитие современной юриспруденции наводит на мысль, а методологическая рефлексия всех общественных наук подтверждает, что теоретик не способен дать теоретическое описание и анализ социальных фактов, если он в, то же время не участвует в деятельности по оцениванию, по выработке понимания того, что на самом деле хорошо для

человека и чего действительно требует практическая разумность» [2, с. 2].

Здесь, как мы видим, Финнис декларирует факт того, что даже описание и анализ факт с выработкой понимания сущности требует оценки с вовлечением очевидно метаэтических категорий «хорошо», вводится и требование «практической разумности». Если пытаться оценить то, каких этических позиций придерживается Финнис в частности и юснатуралисты в целом можно сделать следующие предположения. Генеалогическая база естественного права христианский менталитет. Но, в силу пережитого, вернее это будет оценить, как постхристианская социальная этика с редукцией этических норм христианства в современную секулярную этику. И потому, требование наличия Бога в данной системе более не является необходимым и потому в равной мере существует светское естественное право и естественное право католических философов неотомистов. Можно сказать, о том, что сильно в праве и веяние этического интуитивизма Джорджа Мура. В тех случаях, когда судья сам разрешает некий нравственный вопрос он не будет использовать какие-то сложные этические и метаэтические концепции, последовательного судью утилитариста, даже уровня Миля, найти не просто, не говоря уж о непримиримом Бентаме. Судья будет опираться на свои «нормальные» довольно распространенные и с большой вероятностью всеми разделяемые моральные воззрения «здравого смысла». Если говорить о доктринальном правовом закреплении утверждаемая законом высокая ценность прав и свобод человека и гражданина, имеет под собой две причины, первая это глобализм, стремящийся универсализировать ценностные категории разных народов, пока ещё существующих; вторая это развивавшаяся с периода просвещения и в следствии подчерпнутая законодательством доктрина гуманизма, доктрина человеколюбия с философским налетом антропоцентризма.

Закон выше морали. Альтернативная точка зрения, которой придерживается Герберт Харт, американский аналитический философ права, неопозитивист. Для Харта правовая система не является этической, а лишь методом реализации какой бы то ни было политической или моральной доктрины, наблюдаемый факт реализации общественной власти. Харт противник выведения из

права некоторых моральных тезисов, это он считает просто не существенным. Сила права в его нейтральности и обеспеченности государством. К суду мы можем обратиться как нейтральному посреднику способному разрешить наш спор, не прибегая к каким-то нашим этическим позициям. Иначе, мы и руководствовались бы ими как нормами разрешения вопроса, справедливость, конвенционально определённая сторонами спора и стала бы тем инструментом, который разрешал споры, и мы фактически бы отказались от права. Но такой метод, сильно уступает правовому методу, так как право имеет более строгое толкование для каждого отдельного вопроса, понятия, используемые в законах определены строго, и являются базовой безусловной конвенцией для всех, на кого закон распространяется, и судья - специалист своего дела, способен решать возникающие споры значительно эффективнее и обычно с первого раза. А если стороны и не согласны существуют вышестоящие инстанции для пересмотра дела. Используя данные доводы, Герберт Харт фактически возрождает тезисы и позиции, высказанные ещё Джоном Остином, отцом американского позитивизма. Именно он сформулировал формулу «закон есть закон». В таком подходе сущность права понимается однозначно и, например, разрешение дела без опоры на закон, а методом судейского усмотрения не будет считаться Хартом вопросом права, так как законом судья не руководствуется, а соображениями справедливости, разумности и всем тем, что выходит за рамки права. А от подобного Харт стремится строго дистанцироваться. Очевидный же изъян данного подхода — это возникающее в следствие безразличия к содержанию права, что в следствии может вести к оправданиям и подкреплениям преступлений. В данном случае право может быть инструментом условного «зла». Так, например, для строго последовательного позитивиста действующее в нацистской Германии законодательство, подвергавшее дискриминации миллионы человек и ставшее инструментом содействия репрессивному аппарату, имело совершенно легитимный и правовой статус. Это стало одной из проблем Нюрнбергского трибунала. Если мы рассматриваем право в отрыве от его содержания, обвиняемые в совершении преступлений холокоста, строго говоря не были виновными в чем бы то ни было, так как не нарушали норм законодательства, в рамках которого

действовали. Но, на интуитивном уровне ясно, а на политическом установлено- что совершаемые действия являются преступлением.

Что делать? Для разрешения этой проблемы была, в частности, создана Формула Радбруха. Сам Густав Радбрух, до войны являлся министром юстиции и последовательным позитивистом, но после неё, уже во время Нюрнбергского процесса сменил свою позицию или можно сказать, что во всяком случае смягчил: «конфликт между справедливостью и надежностью закона должен быть разрешен в пользу позитивного закона, закона, принятого надлежащими полномочиями и властью, даже в тех случаях, когда он несправедлив с точки зрения содержания и цели, за исключением случаев, когда несоответствие между позитивное право и справедливость достигают такого невыносимого уровня, что статут должен уступить место справедливости, потому что его следует рассматривать как “ошибочный закон”» [1, с. 107].

Оценка даваемая Радбрухом в словосочетании «unrichtiges Recht», «ошибочный закон», говорит всё же, что мы должны опираться на мораль. Правда и в этом разрешении вопроса, мы не получаем некоторого окончательного ответа. Как разграничить и определить в какой момент законодатель пересекает ту самую линию, что закон становится на столько «невыносимого уровня» что должен уступить место справедливости? Ответ нам не известен и видимо является как раз предметом судейского усмотрения.

Стоит отметить, что и не все сторонники естественного права осуждают действия антигуманных режимов прибегая к моральной оценке. Таков, например, Лон Фуллер. Подход господина Фуллера к естественному праву не стандартен и в сути своей представляет что-то весьма альтернативное устоявшимся со времён Джона Локка и Гуго Гроция понятиям. В своей книге «Мораль права» Фуллер говорит, что законодательство Германии при Гитлере противоречило естественному праву и сущности законодательства не по причине его антигуманности, а по тому, что оно нарушало основные принципы существования закона. Например, нарушался принцип опубликования, ряд законов нацистской Германии не подлежали публикации. Нарушался и принцип того, что закон не имеет обратной силы, суды Германии того периода часто подвергались чрезмерно частой ревизии и пересмотру задним числом. Положение гражданина в тот период Фуллер сравнивает с

избирателем, чей голос не просто не учитывался, а ещё и применялся в пользу иного кандидата. То есть, не подчинение закону приводило к ответственности, но если ты его соблюдаешь, в будущем существовала вероятность, что за совершение предписанных действий тебя все равно привлекут к ответственности [3, с. 55-56]. В целом, следует отметить нестандартный подход как к содержанию естественного права у Фуллера, так и его не стандартную авторскую классификацию морали, делающую если и не невозможной, то затруднительной попытку отнесения взглядов философа к определённой этической школе.

Для Фуллера существуют два типа этических норм: Мораль стремления и мораль долга. Тут стоит отбросить попытки проведения параллелей с устоявшимися академическими способами деления. Мораль (стремления) - это форма одобрения поведения, направленного к устремлению человека, здесь этическим считается устремление к достижению некоторого идеала и совершенства. Мораль долга- категория, состоящая в обязательстве соблюдать и находиться на определённом уровне, не опускаясь ниже него. Вводится и разъясняется соотношение этих систем, так по мнению автора концепции для понимания лучше всего соотносить моральные воззрения греческих классиков как мораль стремления, стремления к соответствию идеальной сущности вещей и самого человека у Платона; и стремление к эвдемонии (εὐδαιμονία) или счастью, у Аристотеля. Примером же морали долга становятся «правила грамматики», которым нужно следовать для сохранения языка, а морали долга- для сохранения общества [3, с. 16-15]. Инструментом классификации Фуллер вводит мысленную шкалу, в верхней части которой располагается мораль стремления, внизу же- мораль долга. Задача законодателя по мнению Лона Льюиса состоит в том, чтобы сохранять тот хрупкий, тяжело уловимый баланс, нарушение которого оберётся тем, что железная рука навязанной обязанности задушит эксперимент, вдохновение, спонтанность, или тем, что поэт утопит в реке жену, уверенный в том, что без неё будет более продуктивен [3, с. 40].

Из этих же данных, теперь, можно сделать предположение о этических взглядах Лона Фуллера. Учитывая обосновываемую им потребность в умеренности и оценке важности интенций законодателя, считаю возможным предположить, что Фуллер

является сторонником Аристотелевской этики добродетели. Да, сам он отнес Аристотеля к когорте сторонников морали стремления, по разделяемой им классификации. Но, это не мешает сделать выводы о том, что для Фуллера является важной и ценной добродетель умеренности в действиях меж двумя этими различными этосами. Но есть и серьезный аргумент против- далее Фуллер будет приводить пример, в котором методом мысленного эксперимента демонстрирует основные принципы, на которые должен опираться законодатель [3, с. 47]. И в данном случае, очевидно несогласие Фуллера с тем, что благие устремления делают благими и поступки. И потому, если учесть, все те принципы, которые отстаивает Фуллер в своей книге, можно говорить, например, об определенном прагматизме Лона Льюиса. Закон должен быть эффективным, а для этого соблюдать ключевые принципы: Всеобщность, Обоснованность, Отсутствие обратной силы (с некоторыми оговорками), Ясность, Непротиворечивость, Реалистичность в достижении целей, Согласованность.

Усилия по классификации этических позиций, принятая в этой статье, очевидно, не имеет за собой гарантий точности и во многом лишь попытка. Интенция, которую можно применять и к другим направлениям и мыслителям. И подобные попытки исследования вижу решительно необходимыми. Как и любая другая сфера знания, юриспруденция имеет под собой глубинную философскую основу, исследование которой, её сути и связи с иными направлениями необходимо для понимания её природы, а, следовательно, правильного применения, как инструмента.

Источники и литература:

1. Radbruch G. Gesetzliches Unrecht und übergesetzliches Recht // Süddeutsche Juristenzeitung 1 (1946). – S. 105-108, zitiert nach dem Neuabdruck in: ders., Rechtsphilosophie, 8. Aufl., hrsgg. von E. Wolf / H.-P. Schneider, 1973.
2. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. – М., 2012.
3. Фуллер Л. Л. Мораль права / пер. с англ.; под ред. А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2007. -308 с.

Макарова Юлия Андреевна
студент 3 курса юридического факультета (уровень
специалитета)
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Деревскова Валентина Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Россия

**ВЕРОИСПОВЕДАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД
С 1865 ПО 1905 ГОДЫ
DOI: 10.47905/k4525-9543-6338-e**

Аннотация. В данной работе проводится анализ политики Российской империи в период 1865–1905 гг. Начавшееся во время царствования Петра Великого реформирование Русской Православной церкви, влекущее усиление контроля государства за делами церкви, в указанный период достигло своего пика.

Автор приходит к выводу, что описываемые события вызвали закономерное стремление к изменениям курса государственной политики в данной сфере.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, православие, Российская империя, конфессии, вероисповедание, политика.

Makarova Yulia Andreevna,
3rd year student of the faculty of law (specialist level)
Irkutsk law institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russia

Scientific supervisor:
Derevskova Valentina Mikhailovna,
PhD in Law, associate professor
Irkutsk law institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russia

RELIGIOUS POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE PERIOD FROM 1865 TO 1905

Abstract. This paper analyzes the policy of the Russian Empire in the period 1865-1905. The reformation of the Russian Orthodox Church, which began during the reign of Peter the Great, entailing increased state control over the affairs of the church, reached its peak during this period.

The author comes to the conclusion that the described events caused a natural desire to change the course of state policy in this area.

Key words: Russian Orthodox Church, Orthodoxy, Russian Empire, confessions, religion, politics.

На протяжении десяти веков одним из главных факторов, влияющих на историю русского народа, было существование Русской православной церкви и православия. Особенную актуальность это приобретает в контексте предшествующих эпох, когда высота духовности и нравственности населения страны, воспитанного, в основном, православием являла миру примеры святости и подвижничества.

Церковно-государственные отношения от крещения Руси князем Владимиром до падения монархической власти в результате революции 1917 г. складывались по-разному. Но сам процесс сближения политической и религиозной сферы стал возможным еще в эпоху преобразований и реформ Петра I, который упразднил

патриаршество в 1701 г. Одна из его реформ затронула и Православную церковь. Идея создания органа государственного контроля за делами церкви, которая воплотилась в формировании Синода, стала импульсом для секуляризации. Дальнейшая политика государственной власти развила заданный импульс, и обмирщение приобрело более массовый характер. В последние годы самодержавной власти и в первый год революционных преобразований церковная жизнь в России претерпела ряд изменений. Усиливавшийся на протяжении десятилетий контроль за деятельностью Русской православной церкви вызывал стремление к изменениям курса государственной политики в данной сфере.

Представляется возможным рассмотреть причины нарастающего влияния государства на Русскую Православную церковь более подробно.

В начале царствования Александра II был поставлен вопрос о церковных преобразованиях. Государственную политику в отношении церкви в царствования Александра II, Александра III и Николая II (до 1905 г.) осуществлял К. П. Победоносцев.

Обер-прокурор Победоносцев стремился расширить влияние духовенства на народ через развитие системы церковно-приходских школ, при государственной поддержке их число быстро росло: если в 1882 г. всех церковных школ в империи насчитывалось 4590, то к 1900 г. – уже 42,6 тыс. с 1,6 млн. учащихся. В 1884 г. был введен новый устав духовных академий, который отменял действие прежнего либерального устава 1869 г., предусматривавшего выборность ректора, относительную автономию духовных академий от правящего архиерея и научную специализацию студентов старших курсов. К. П. Победоносцев при осуществлении возложенных полномочий все вопросы решал в основном единолично. Н.А. Бердяев писал о нем: «Победоносцев – мыслитель не глубокий и не индивидуальный, идеи его – сверхличны, слишком типичны, он разделяет их с теми историческими силами, которым служил, которые подпирал. Победоносцев вызывал к себе жгучую ненависть, он был надеждой темных сил, долгие, тяжкие годы был он кошмаром русской жизни» [1, с. 200]. Однако все проводимые мероприятия по поднятию религиозности в обществе имели обратный результат: престиж церкви падал. Кроме того, К. П. Победоносцев препятствовал взаимодействию Церкви и

интеллигенции, боясь вольномыслия, которое могло привести к протестантизму. В 1896 г. вышел «Московский сборник» Победоносцева, где он изложил свои общественно-политические и религиозные взгляды: «Православная церковь красна народом. Как войдешь в нее, так почувствуешь, что в ней все едино, все народом осмыслено и народом держится» [1, с. 209].

Изменения в общественно-политической жизни приводили и к изменениям политики государства в отношении сектанства. В 1860-70-ые годы, местная власть и судебные органы воздерживались от преследования штундистов (*протестантское движение, близкое к баптизму*) и других, близких к ним сообществ. «Утверждалось, что иноверцы, по преимуществу гражданских законов не нарушают, сложившемуся порядку в государстве угрозы не представляют, что гонения на них, с одной стороны ожесточают сектантов и провоцируют столкновения и конфликты, а с другой, как правило, оказываются бесполезными, зато создают вокруг последователей, ореол мучеников» [7, с. 58]. Соответственно, в указанный период между государственными властями и церковью наблюдалось своеобразное противостояние: органы государственной власти смягчили политику по отношению к сектантским движениям, церковь, в свою очередь, продолжала миссионерскую деятельность в отношении сектантских групп.

Тенденция к общей либерализации общественно-политической жизни в этот период отразилась и на законодательной политике в отношении сектантов и инаковерующих. В конце 1870 г. власти даровали русским протестантским движениям права, которыми пользовались баптисты. Закон от 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» предоставил всем инославным (*неправославным христианского исповедания*) и иноверным (*исповедующим нехристианскую религию*) ряд гражданских прав. В частности, были дарованы: право в целях молитвы организовывать общественные собрания по правилам своей веры, если соответствующие богомоления, не нарушали «общие правила благочиния и общественного порядка» [4, с. 219-221]. Согласно данному закону «паспорта на отлучки внутри империи выдаются раскольникам всех сект, за исключением скопцов, на общем основании, тем самым даровалось одно из важнейших гражданских

прав, право на передвижение, хотя как следует из общего смысла и буквы данного закона, это право оставалось в значительной степени очень ограниченным, так как осуществлялось под строгим контролем Министерства внутренних дел». Помимо этого, инаковерующим с разрешения губернатора или начальника области дозволялось занимать общественные должности, ремонтировать часовни и молитвенные здания, пришедшие в ветхое состояние, а в местностях, где сектанты и раскольники, составляют значительное число населения при отсутствии своих молитвенных зданий и часовен было разрешено использовать для богомолений существующие строения [2, с. 9].

Предоставив определенные гражданские права отдельным конфессиональным группам, государство, в первую очередь, руководствовалось не желанием распространить свободу совести на все вероисповедания, а стремилось создать правовое поле для их деятельности, как подданных империи, при этом строго определить их правовой статус в целях стабилизации отношений. Помимо этого, закон 1883 г. содержал ряд коллизионных норм, что при реализации его норм приводило к определенным сложностям.

Во-первых, действие норм рассматриваемого закона не распространялось на большую часть русских сект. В частности, закон не распространялся на хлыстов и скопцов, которые, согласно общей классификации имперской религиозной политики, продолжали считаться «особо вредными», в отношении них осуществлялось преследование в уголовном и административном порядке. Государство продолжало рассматривать данные религиозные группы, как изуверские секты, «последователи которых посягали на жизнь свою и чужую, и занимались фанатическими противонаравственными, гнусными действиями» [3, с. 158].

Во-вторых, данный закон противоречил многим правовым актам, и в целом политике государства по отношению к инаковерующим. Это приводило к тому, что нормы закона фактически не работали. Местные духовные и светские власти, как правило, относились к сектантам по-прежнему довольно жестко и руководствовались в отношении них нормами уголовного и административного законодательства.

В-третьих, данный законодательный акт входил в противоречие с политикой Православной церкви и духовных властей, которые, несмотря на принятие данного акта, продолжали рассматривать все сектантские движения как «зловредные ереси», представляющие угрозу устоям государства и церкви, и в отношении которых продолжала проводиться активная миссионерская политика [10, с. 47].

Указанные противоречия создавали препятствия для реализации норм данного закона на местах, а правоприменительная практика в отношении данных религиозных групп больше опиралась не на нормы рассматриваемого акта, а на сложившиеся устои государственной политики в отношении сектантов в целом [8, с. 605].

Смерть императора Александра II и воцарение Александра III, и впоследствии так называемая политика «контрреформ» не способствовала дальнейшей либерализации курса в отношении сектантов и инаковерующих в целом. Вскоре после убийства отца Александр III опубликовал манифест «О призыве всех верных подданных к служению верую и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России», ставший более известным как манифест «О незыблемости самодержавия» [6, с. 53-54]. Этот документ, составленный при участии обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, фактически обозначил направления политики всего царствования Александра III. Конфессиональная политика империи в период правления императора Александра III, носила консервативно-охранительный характер. Победоносцев видел свою главную задачу в распространении и укреплении православия, как главной опоры государства, усилении единения Церкви, государства и народа. Ожидаемо, что в условиях такой политики все иные вероисповедания, а тем более религиозные движения сектантского типа, не могли надеяться на существенную либерализацию политики по отношению к ним.

Контрреформы Александра III также затронули сферу образования и повлияли на численный состав духовного сословия.

В 1865 г. в Санкт-Петербурге учреждено православное Миссионерское общество (переведенное затем в Москву) для координации деятельности внутренних и зарубежных миссий, подготовки миссионеров, помощи миссиям книгами, утварью, деньгами на содержание церквей, школ, больниц.

В 1867 г. выработано положение, отменяющее наследственные права на церковные места, а 21 марта 1871 г. вышел указ, вносивший радикальные перемены в положение приходского духовенства. Из духовного сословия исключались певчие, звонари, церковные сторожа, сверхштатные псаломщики и все взрослые дети клириков, которым присваивались высокие сословные права (например, сыновья священнослужителей получали личное дворянство или потомственное почетное гражданство, им предоставлялось право поступать на военную, гражданскую службу, вступать в купеческие гильдии и др.). В духовном чине остались лица, состоявшие на действительной церковной службе. По штатам 1869 г. в Русской церкви состояло 38075 священников, 11144 диакона и 68461 причетник [3, с. 98].

Вступление на престол императора Николая II первоначально не привело к каким-либо существенным изменениям в вероисповедальной политике государства. Первое десятилетие его царствования вплоть до 1905 г. характеризовалось приверженностью курсу Александра III. Обер-прокурором Синода оставался К. П. Победоносцев, который неуклонно проводил политику усиления влияния Православной церкви, выступал против попыток реформирования государственно-конфессиональных отношений в империи. Однако к концу XIX – началу XX веков становилось очевидным, «что Синодальная система управления Православной церковью, переживала глубокий кризис, связанный, с подчиненностью церкви государству, превращению ее в бюрократическое ведомство, что соответственно, делало необходимым проведение реформ как в сфере церковно-государственных отношений, так и государственно-конфессиональной политики в целом» [9, с. 55].

26 февраля 1903 г. император Николай II издал манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который провозглашал незыблемость и неизменность политического строя империи, а в вопросах веры, хотя и утверждал

следование законам империи, все же подтверждал, что инославные и иноверные пользуются религиозной свободой в той степени, в которой это установлено законом [5, с. 113-114]. Манифест подтверждал господствующее положение Православной Церкви и стремления государства, способствовать улучшению ее положения: «Продолжать деятельное проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения православного сельского духовенства, усугубляя плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы» [5, с. 114]. Способом усовершенствования государственного порядка стало укрепление веры и строгое следование законам империи. Инославным и иноверным исповеданиям предоставлялась свобода в отправлении культа в соответствии с действующим законом и по своему вероучению: «Мы ..., признали за благо укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным Нашим, инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной» [5, с. 114].

Из вышесказанного следует, что власти с одной стороны провозглашали господствующее положение Православной церкви, а с другой признавали за инославными и иноверными вероисповеданиями возможность свободно исповедовать свое вероучение. Однако, манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» не затронул положение сектантов, в отношении них по-прежнему действовали ограничительные нормы. Фактически данный манифест только подтвердил стремление государства поддерживать установленную законами империи веротерпимость. Государство, в вопросе конфессиональной политики продолжало отстаивать положения, закрепленные в законодательстве в предыдущие десятилетия, хотя становилось очевидным, что к началу XX века назрела необходимость коренных изменений в вопросах вероисповедальной политики.

Таким образом, вероисповедальная политика Российского государства в период с 1865 по 1905 гг. имеет достаточно противоречивый характер. В период царствования Александра II государственная политика носила либеральный характер: воздержание от преследования штундистов, дарование инославным и иноверным ряда гражданских прав. Этим государство пыталось создать правовое поле для деятельности указанных групп, тем самым добиться стабилизации отношений. Все же акты, регулирующие отношения вероисповедания тех времен содержали определенные противоречия, в частности, не распространялись на значительную часть русских сект, вступали в конфликт с административным и уголовным законодательством. После воцарения на престол Александра III политический курс сменил направление на консервативно-охранительный. Православие рассматривали как опору самодержавия, однако реформы коснулись и его – сократился численный состав духовенства. Николай II также видел в православии государствообразующую религию, а иные конфессии в большей степени ограничивались законом.

Политический курс в рассматриваемый период во многом зависел от опасений властей за дальнейшую судьбу государства. Православию, издавна сопутствовавшему царской, а затем и императорской власти отводилось значительное предпочтение, в нем видели опору и стабильность. Однако стремление контролировать сферу вероисповедания, вмешиваться в ее устои вызывало закономерное недовольство. Политический курс в отношении отправления веры требовал перемен.

Источники и литература:

1. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. – М.: Изд-во Канон +, 1998. – 400 с.
2. Законы о вере и веротерпимости: с приложением Свода разъяснений по кассационным решениям Сената. – СПб.: Изд-во Я. А. Канторович, 1899. – 287 с.
3. Миссионерская памятка по вопросам православной веры и церкви, пререкаемым сектантами, с краткими историческими сведениями о русских сектах и их вероучении. – СПб.: Изд-во Свет, 1911. – 238 с.

4. О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб: Высочайше утвержденное положение Государственного Совета от 3 мая 1883 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание третье. – Т. III. – 1883. – № 1545. – С. 219–221.

5. О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка: Высочайше утвержденный манифест от 26 февраля 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание третье. – Т. XXIII. – Отделение I. – № 22581. – С. 113–114.

6. О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России: высочайше утвержденный манифест от 29 апреля 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание третье. – Т. I. – № 118. – С. 53–54.

7. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. – М.: Изд-во Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.

8. Секирин А. А. Конфессиональная политика государства в отношении сектантства и старообрядчества в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков // Молодой ученый. – 2016. – № 1 (105). – С. 600–612.

9. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М.: Изд-во Духовная Библиотека, 2002. – 639 с.

10. Яцкевич В. И. Краткие сведения о Старообрядческом расколе и сектах в Русской церкви с изложением действующего о них законодательства. – М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1900. – 86 с.

Осадчая Екатерина Витальевна
студент 3 курса факультета истории и права (уровень
бакалавриата)
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета
г. Новокузнецк, Россия

Научный руководитель:
Горбуль Юлия Александровна
кандидат юридических наук, доцент
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета
г. Новокузнецк, Россия

**СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И МОРАЛИ
КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ ПРАВА
DOI: 10.47905/w1030-2279-7271-d**

Аннотация. В статье исследуется вопрос о соотношении права и морали с позиции философии права. Рассматривается происхождение терминов «право» и «мораль», а также анализируются точки зрения отдельных авторов о взаимосвязи данных понятий.

Среди всего многообразия политико-правовых концепций и идей особое внимание уделяется позиции итальянского ученого А. Менегетти.

Ключевые слова: право, мораль, moralitas, jus, принцип эмерджентности, принцип декомпозиции.

Osadchaya Ekaterina Vitalievna
3rd year student of the faculty of history and law (bachelor's level)

*Kuzbass humanitarian and pedagogical institute
Kemerovo state university
Novokuznetsk, Russia*

*Scientific curator:
Gorbul Yulia Alexandrovna
PhD in Law, associate professor
Kuzbass humanitarian and pedagogical institute
Kemerovo state university
Novokuznetsk, Russia*

RELATIONSHIP OF LAW AND MORALITY AS A CENTRAL QUESTION OF THE PHILOSOPHY OF LAW

Abstract. The article examines the question of the relationship between law and morality from the standpoint of the philosophy of law. The origin of the terms "law" and "morality" is considered, as well as the points of view of individual authors on the relationship of these concepts are analyzed.

Among the variety of political and legal concepts and ideas, special attention is paid to the position of the Italian scientist A. Meneghetti.

Key words: law, morality, moralitas, jus, the principle of emergence, the principle of decomposition.

Одним из главных вопросов, который на протяжении веков и по сей день привлекает внимание многих философов и теоретиков права, является вопрос о соотношении права и морали.

Если рассматривать лингвистический аспект происхождения понятий право и мораль, то можно установить, что термин, обозначающий слово мораль, возник позже, чем таковой, отражающий сущность понятия право. Латинским аналогом древнегреческого слова *ethos* (этика) являлся термин *mos*, от которого в IV веке н.э. образовалось прилагательное *moralis* (относящийся к характеру, обычаям), часто используемое

Цицероном в своих трудах, а затем от него — термин *moralitas* (мораль) [5, с. 45]. Возникновение же слова право связано с понятием справедливости, которое обозначали латинским словом *ius* — справедливо, законно или *justitia* — законность, правосудие, причём это понятие имеет древнейшее индоарийское происхождение от имени верховного божества римского языческого пантеона *Jupiter* (Юпитер) [8, с. 89].

В связи с этим возникает вполне логичный вопрос о смысле, который вкладывали античные мыслители в данные слова. Цицерон определял *moralis* как принятые в обществе представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупность правил поведения, исходя из этих представлений [5, с. 45]. Как отмечает О. А. Омельченко, слово *ius* предназначалось для обозначения общего понятия права во всем его многообразии и, в частности, во властной обязательности, опирающейся на подчинении силе [8, с. 90]. Таким образом, первые представления о власти, справедливости и порядке сложились раньше, чем о правильном или неправильном поведении в соответствии с нравственными установками. Исходя из чего можно выдвинуть гипотезу о том, что право имеет приоритет над моралью.

Но тем не менее, среди ученых распространены различные точки зрения о соотношении морали и права. Так, российский юрист и теоретик права XIX—XX вв. И. В. Михайловский выделял следующие группы концепций по данному вопросу:

1) Между правом и нравственностью отсутствуют какие-либо различия, это два синонимичных понятия. И. В. Михайловский полагал в таком случае, что право и мораль можно обозначить как два совпадающих круга (множества).

2) Право и мораль не пересекаются. Эти политико-правовые идеи И. В. Михайловский иллюстрировал как два рядом изображенных круга права и морали.

3) Мораль является частью права либо право включено в множество, обозначающее мораль.

4) Мораль и право являются пересекающимися множествами. У данных явлений имеется достаточно точек соприкосновения, но при этом они остаются независимыми регуляторами общественных отношений [3, с. 132].

В современной науке систематизация политико-правовых идей по вопросу разграничения права и морали выглядит несколько иным образом. Наиболее распространенной и имеющей много общего с разработкой И. В. Михайловского представляется классификация, предложенная Н. И. Сивцевым. Автор условно разделяет все теории на три группы: первая опирается на приоритет права над моралью, вторая основана на примате морали, а третья представляет собой некую «золотую середину», определяя право и мораль как равноценные и самостоятельные регуляторы общественных отношений [9, с. 50].

Первая группа мыслителей полагала, что человек не может существовать вне государства, а следовательно, на первый план выходят именно правовые, а не моральные нормы. Так, Аристотель утверждал, что право – это мерило справедливости, и человек, который живет вне права, противоречит своей природе и является наихудшим из людей. Т. Гоббс склонялся к тому, что закон необходим, чтобы ограничивать страсти человека, благодаря чему можно прийти к справедливости и свободе. Н. Макиавелли видел в праве возможность защиты от произвола, утверждая, что справедливый государь сможет обеспечить достойное существование народа, руководствуясь законами [9, с. 51].

Авторы, которые придерживаются концепций о главенствующем положении морали, рассматривают право через философско-этическую призму. Теоретики данного подхода обосновывают свои идеи на необходимости следовать моральным нормам во избежание узурпации власти и появления диктатуры. Именно от этой мысли отталкивался в своих рассуждениях древнегреческий мыслитель Платон, который полагал, что государи должны с помощью морали заставлять себя следовать законам. Широко известно высказывание Платона: «я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» [9, с. 51]. Фактически философ признавал два вида права: первое находится под властью правителя, а второе призвано руководить его действиями, ограничивать произвол и ориентироваться на нравственность.

Именно второе право полностью зависит от морали и является ее неотъемлемой частью.

Аналогичным можно рассматривать подход некоторых идеологов естественного права, которые полагали, что мораль является необходимым и достаточным условием законности. Так, немецкий правовед, социолог XIX—XX вв. Г. Радбрух в своей работе «Законное неправо и надзаконное право» отмечал, что закон становится неправовым, если законодатель при принятии законов попирает важнейшие моральные принципы справедливости и равенства.

Признавали приоритет морали над правом и другие теоретики, акцентируя внимание на таких важных категориях, как правосознание и принципы правотворчества [4, с. 13]. По мнению И. Канта, фундаментом идеального государства является свобода каждого из его граждан, и правотворчество должно следовать этому принципу. В свою очередь, И. А. Ильин в своей работе «Путь к очевидности» высказал идею о том, что поступки человека определяют его правосознание [9, с. 52].

Идеи третьей группы философов занимают промежуточное положение между сторонниками примата одного из регуляторов (права или морали). Приверженцы такого подхода утверждают, что право и мораль в целом автономны, но могут иметь общие точки соприкосновения. Так, известный российский теоретик права С. С. Алексеев полагал, что «право и мораль – два своеобразных, самостоятельных института социального регулирования». Но при этом он отмечал, что мораль не всегда бывает положительной, встречаются и ее отрицательные характеристики ввиду многообразия человеческих культур. Например, некоторые архаичные моральные представления племён могут противоречить общепринятым нравственным ориентирам [3, с. 132].

Считаем, что отдельного внимания заслуживает теория итальянского философа и психолога Антонио Менегетти. Он исходил из того, что общество подобно системе, где каждая личность индивидуальна, причем иногда сильно отличается от другой, а закон призван сбалансировать эти различия между индивидами. При этом свои поступки личность должна соотносить с нравственностью, так как закон не может урегулировать все стороны общественной жизни. Но, с другой стороны,

нравственность индивида может быть деформирована. Так, философ приводит пример типичного человека общества потребления. И вот тогда обеспечить порядок призван закон, действующий при помощи разума и насилия [9, с. 52]. Таким образом, Менегетти проводит параллель между правом и моралью по линии внутреннего и внешнего контроля за поведением индивида: по его мнению, личность должна руководить своими внутренними побуждениями, развиваться и совершенствоваться самостоятельно, а закон устанавливает рамки приемлемого и должного поведения, выражая интересы коллектива, то есть стремится к достижению общего блага, императивно регулируя общественные отношения извне.

Обращаясь к философии А. Менегетти, стоит заметить, что его теория построена на некоторых кибернетических законах. Например, согласно принципу декомпозиции, систему можно рассматривать как объект, состоящий из независимых друг от друга подсистем. Чтобы наиболее эффективно управлять такой системой, нужно воздействовать на каждый элемент, входящий в единое целое [7, с. 45]. Как можно заметить, Менегетти отдавал руководящую роль в возможности управлять каждым отдельно взятым индивидом морали. Но при этом, обращаясь к принципу эмерджентности, который гласит, что чем больше система, тем выше вероятность существенных различий между свойствами целого и его частей, можно сделать вывод о ключевой роли права [7, с. 45]. Фактически философ уравнивает право и мораль по степени влияния на общественные отношения, поэтому его теория представляет собой «золотую середину» всех противоположных точек зрения, провозглашая некоторый баланс между правом и моралью.

Предположим, что никакого равновесия между правом и нравственностью не существует. А индивиды руководствуются исключительно чем-то одним: только правовыми или только моральными нормами. В таком случае, сложно объяснить существование таких важнейших принципов уголовного наказания, как гуманность, справедливость, которые представляют собой единство морали и права [2, с. 34]. Сказанное позволяет утверждать, что данная концепция имеет достаточно оснований, чтобы считаться рациональной.

Если обратиться к теории примата морали над правом, то можно отметить, что главным аргументом в ее пользу является тот

факт, что не все общественные отношения могут быть урегулированы правом, а мораль распространяется на абсолютное большинство общественных отношений. Следовательно, сфера действия морали более широка по сравнению с областью правоприменения. Так, современный исследователь Е. В. Зарубина приводит пример того, что в Семейном кодексе Российской Федерации отсутствует норма о запрете внебрачных связей, хотя обществом такие поступки порицаются. Таким образом, некоторые ситуации остаются за рамками правового поля [6, с. 165]. Но в то же время, если сравнивать не предмет регуляции, а последствия применения норм, то нормы морали не ведут к возникновению юридической ответственности, которая может выражаться, к примеру, в назначении уголовного наказания и последующем состоянии судимости. В таком случае с правоприменением связано наступление более серьезных последствий, чем при использовании моральных норм. Но данный аргумент можно назвать относительным ввиду того, что не все моральные нормы соответствуют современным реалиям и могут быть архаичными, как было замечено С. С. Алексеевым [1, с. 131].

Если прокомментировать идеи сторонников превалирующего положения права над моралью, то можно согласиться с ними в той части, что зачастую конфликт «моралей» можно решить только силой государственного принуждения, опираясь на закон. К примеру, ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрено более строгое наказание за убийство по мотиву кровной мести, которая поощряется моралью некоторых народов [10]. К тому же, как уже было отмечено ранее, именно право, а не мораль обеспечивается силой государственного принуждения, что позволяет сделать вывод о преимущественном положении права по отношению к морали. Но можно заметить, что не все законы оправданы с точки зрения морали. Так, как отмечал Г. Радбрух, наглядным примером тому может послужить право Германии в период национал-социализма, когда государство поощряло убийство политических противников, представителей другой расы и др. [4, с. 13]. Следовательно, не всегда право может быть выше морали.

Таким образом, любая концепция или теория, затрагивающая вопросы соотношения права и морали, имеет свои

достоинства и недостатки, что объясняет актуальность данной проблемы и непрекращающиеся споры вокруг нее. Наиболее рациональной и заслуживающей внимания среди всех рассмотренных, на наш взгляд, является концепция А. Менегетти ввиду своей научной обоснованности и максимальной приближенности к современным реалиям.

Источники и литература:

1. Алексеев С. С. Избранное. — М.: Статут, 2003. — 478 с.
2. Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // *Lex Russica*. — 2016. — № 8 (117). — С. 33—47.
3. Бетильмерзаева М. М., Чемурзиева Е. М. Генезис права и морали в философско-культурологическом контексте // *Общество: философия, история, культура*. — 2021. — № 6. — С. 129—133.
4. Бородин Е. П. Надзаконное право: современные концепции // *Право, общество, государство: проблемы теории и истории: материалы Международной студенческой научной конференции (Москва, РУДН, 27—28 апреля 2018 г.)* / науч. ред. Е. Н. Трикоз. — М.: Изд-во РУДН, 2018. — С. 12—15.
5. Душенко К. В. Макинтайр А. После добродетели // *Культурология*. — 2001. — № 3. — С. 45—56.
6. Зарубина Е. В. О соотношении морали и права // *Наука и современность*. — 2015. — № 40. — С. 163—167.
7. Новиков Д. А. Законы, закономерности и принципы управления // *Инновации в менеджменте*. — 2016. — № 1. — С. 44—53.
8. Романов А. А. Определение понятия "правовая информация" // *Право.by*. — 2016. — № 5. — С. 89—94.
9. Сивцев Н. И. Социально-философские аспекты соотношения права и морали // *Педагогика. Психология. Философия*. — 2018. — № 1 (09). — С. 49—55.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // *Официальный интернет-портал правовой информации*. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 24.10.2021).

Смоликов Дмитрий Дмитриевич
студент 2 курса исторического факультета
(магистратура)
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Смирнов Алексей Евгеньевич
доктор философских наук, профессор,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

**О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ТЕОРИИ СУБЪЕКТА ДЛЯ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ**
DOI: 10.47905/j9779-9040-1762-x

Аннотация. В докладе обосновывается необходимость создания концепции религиозной субъективности. Такая теория позволила бы избежать однозначности в трактовках религиозного поведения, способствовала раскрытию его многогранность, распознаванию его сущности, а также сделала возможной классифицировать типы религиозной субъектности в зависимости от конкретных религиозных традиций.

Актуальность подобной теории также диктуется особенностями современной религиозной ситуации в мире вообще и в России в частности.

Ключевые слова: теория религиозного субъекта, религиоведение, структура субъекта религиоведения, человек религиозный, новые религиозные течения, Конституция РФ, свобода вероисповедания.

Smolikov Dmitriy Dmitrievich
2nd year student of the faculty of history (master's level)
Irkutsk state university,
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Smirnov Alexey Evgenievich
Doctor of Philosophy, professor,
Irkutsk state university,
Irkutsk, Russia

ON THE NEED TO STUDY THE THEORY OF THE SUBJECT FOR RELIGIOUS STUDIES

Abstract. The report substantiates the need to create a concept of religious subjectivity. Such a theory would make it possible to avoid unambiguity in the interpretations of religious behavior, contributed to the disclosure of its versatility, recognition of its essence and also made it possible to classify the types of religious subjectivity depending on specific religious traditions.

The relevance of such a theory is also dictated by the peculiarities of the modern religious situation in the world in general and in Russia in particular.

Key words: theory of a religious subject, religious studies, structure of the subject of religious studies, religious person, new religious movements, Constitution of the Russian Federation, freedom of religion.

Религиозному человеку свойственна определенная организация субъективности, поддерживаемая религиозной практикой. Содержание этой специфической субъективности проявляется в поведении, речи, мироощущении, определении своей роли в жизни, общении, восприятии и осознании себя как личности [1, с.179-180]. Следовательно, человек религиозный – человек в некотором смысле особенный, и причины, влияющие на специфику организации его субъективности, требуют изучения.

Задача исследования такого рода отнюдь не заключается в том, чтобы свести всё многообразие религиозной жизни к так называемой наивной теории субъекта, т.е. к представлению о субъекте как о самопрозрачном, однородном и предсказуемом, или субъекте сознания. Мы полагаем, что, используя антропологические, психоаналитические, философские и другие концепции субъективности, можно начать приближаться к разработке теории *homo religiosus*, как важного метаэпистемологического концепта в общей теории религиоведения, процессы субъективации [5]. Такая теория позволила бы избежать однозначности в трактовках религиозного поведения, способствовала раскрытию его многогранности, распознаванию его сущности, а также сделала возможной классифицировать типы религиозной субъектности в зависимости от конкретных религиозных традиций.

Следует понимать, что человек религиозный может проявлять себя по-разному, в зависимости от типа религиозной практики, его специфических ролей и функций [6]. Так, например, субъект может быть «активный» и «пассивный» (проповедующий, а порой «навязывающий» религию и принимающий, «поддающийся»). «Пассивному» субъекту в меньшей степени присущи черты субъекта сознательного, так как религиозность подавляет проявления сознательного и берёт верх над эго, что выражается эксплицитно в поведенческих и вербальных привычках и имплицитно — внутренне в мироощущении и осознании себя как личности. Поэтому вопрос понимания субъекта религиозного стоит весьма остро, а выработка концепций и структуры субъективности человека религиозного сегодня как никогда актуальны. Нижеследующие соображения призваны подтвердить эту точку зрения.

Так, в Конституции РФ определена свобода вероисповедания. В соответствии с этим каждый человек волен исповедовать любую религию. Проблема, однако, может заключаться в том, что человек не всегда понимает, что это не вполне его выбор и в так называемую «религию» он оказывается именно вовлечен посредством совокупности специфических манипулятивных средств. В данном случае имеется ввиду существование политических религиозных течений, финансово-религиозных (культы личностного роста, поклонение культу денег,

псевдоэкологические и т.д.), деструктивных Интернет-религий (колумбайн, скулшутинг, группы суицидальной и аморальной направленности) и иных. Религия очень тесно граничит и с политикой, и с экономической сферой, и с интернетом [2]. Современные реалии создают по сути дела нового, нетрадиционного «религиозного человека» со своей новоявленной религией, никак не связанной с классической религиозной традицией. Может ли он считаться религиозным человеком в привычном смысле слова? Можно ли считать безопасными новые формирующиеся религиозные движения? Или это искусственно создаваемые «религии», цель которых формирование нового, подверженного манипуляциям, человека? Эти вопросы в существенной степени могут быть прояснены при наличии специальной модели или теории религиозной субъективности [7]. Данная тема, безусловно, является сложной и требует глубокого анализа.

Создание познавательной модели, позволяющей понимать основания мотивов, реакций, оценок и действий религиозного субъекта с учетом современной религиозной ситуации представляется настоящей необходимостью. Мы хотели бы быть правильно понятыми: речь не идет о попытке посягательства на права и свободы вероисповедания, и тем более не о создании неких строгих «легал» человека религиозного. Мы размышляем о возможности изучения субъективности религиозного человека, которая формируется «классическим» опытом религиозной традиции.

Разработка теории религиозного субъекта, предполагающая слаженную работу научного сообщества, необходима не только для религиоведения; это нужно, прежде всего, для страны, так как уже очевидно, что идет «перепрошивка» всего традиционного, классического, в том числе и религии [4]. Все это заставляет задуматься о необходимости сохранения религиозного опыта традиционных религий России. Пренебрежение этим фактом несет в себе угрозу и может привести к дестабилизации общества и деградации самого человека.

Источники и литература:

1. Арзуманов И. А., Камедина Л. В., Смирнов А. Е. Байкальский регион — дрейфующий остров «Середины Земли»: социокультурные, религиозно-философские и конфессионально-правовые границы. - Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. - 235 с.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. - СПб.: Алетейя, 2005. - 567 с.
3. Пьянов Н. А. Теория государства и права. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2013. – 457 с.
4. Пономарева Е. Г. Секреты «цветных революций»: современные технологии смены политических режимов // Свободная Мысль. – 2012. – № 3–4 (1632). – С. 43 – 59.
5. Смирнов А. Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты. - Иркутск: НЦРВХ СО РАМН, 2012. - 306 с.
6. Смирнов А. Е. Религиозный опыт. Религиозная традиция. Религиозное обращение. - Иркутск: ИГУ, 2013. - 105 с.
7. Смирнов А. Е. Теоретические модели субъективации: Л. Альтюссер, С. Жижек, А. Бадью // Вестник Бурятского государственного университета. -2009. - № 14. - С. 96-100.
8. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020 г.).

Тилигузова Александра Алексеевна
студент 2 курса юридического факультета
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Евдокимов Константин Николаевич
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
DOI: 10.47905/m8482-2899-4308-n**

Аннотация. В настоящее время коррупция, представляет одну из системных угроз национальной безопасности Российской Федерации. В связи с этим возрастает роль органов прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционными преступлениями.

В статье анализируется современное состояние коррупции в сфере образования и автором предлагаются меры по противодействию коррупции в образовательных организациях высшего образования.

Ключевые слова: Генеральная прокуратура Российской Федерации, высшее образование, взятка, коррупция, коррупция в сфере образования, коррупционные преступления, предупреждение коррупции, противодействие коррупции.

Tiliguzova Alexandra Alexeevna
2nd year student of the faculty of law
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

Scientific curator:
Evdokimov Konstantin Nikolaevich
PhD in Law, associate professor
Irkutsk law institute (branch) of
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia

PROBLEMS OF COMBATING CORRUPTION IN THE FIELD OF EDUCATION

Abstract. Currently corruption is one of the systemic threats to the national security of the Russian Federation. In this regard, the role of the Prosecutor's office in coordinating the activities of law enforcement agencies to combat corruption crimes is increasing.

The article analyzes the current state of corruption in the field of education and the author suggests measures to combat corruption in educational institutions of higher education.

Key words: Prosecutor General's Office of the Russian Federation, higher education, bribery, corruption, corruption in education, corruption crimes, prevention of corruption, anti-corruption.

Одной из самых коррумпированных сфер жизни нашего общества является сфера предоставления образовательных услуг. Негативное влияние данного явления можно проследить в работе неквалифицированных кадров, изменении моральных установок молодежи в сторону убеждений о том, что коррупция является проверенным методом устранения проблем. Она также создает отрицательный образ власти в глазах населения [1], а формируется с детских садов, продолжается в школе и во время поступления в вузы [2]. С учетом сказанного, следует выделить некоторые проблемы в указанной сфере.

Во-первых, многие преподаватели, отвечающие за приём абитуриентов, занимаются репетиторством тех же самых абитуриентов за определенную плату. Это может считаться определенной формой взятки в случае зачисления абитуриента в вуз. Потому что при этом плата за репетиторство, не запрещаемая законом, превращается в незаконную плату за помощь при зачислении [3]. Во-вторых, контроль за сдачей ЕГЭ различается качеством в разных образовательных учреждениях. Если в крупных населенных пунктах используются металлодетекторы и камеры, то в менее населенных пунктах встречается использование электронных технологий при сдаче экзамена. В-третьих, остро поставлен вопрос распределения бюджетных мест в вузах. В качестве примера можно привести скандал, произошедший в 2011 году в Национальном исследовательском медицинском университете имени Н. И. Пирогова.

По словам председателя комитета по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. Е. Шудегова, «черные» обороты в высшем образовании нашей страны составляют около 1 миллиарда долларов в год. По данным ЮНЕСКО, в России эта сумма равна 520 миллионов долларов в год (доклад ЮНЕСКО о ситуации в образовании 2007 года). Средняя сумма взятки в Москве составляет 4,2 тысячи долларов, по России (кроме Москвы) - 1 тысяча долларов. Расходы семей на репетиторство во многих вузах составляют 10 - 15 тысячи долларов в год [4].

Высшая школа экономики проводила мониторинг российской системы образования. Результаты показывают, что в среднем в РФ взятки зачастую берут взятку около 10 % преподавателей, а дать готовы более 20 % родителей [5].

Четверть российских студентов дают взятки в университетах, чтобы сдать сессию, свидетельствуют результаты опроса, который был проведён порталом для молодых специалистов Career.ru. Оказалось, что 23% опрошенных студентов хотя бы раз давали взятку — за сдачу зачёта или экзамена или за пропуски занятий. Чаще всего, по словам опрошенных, преподаватель вынуждал дать взятку, впрочем, некоторые признавались, что им «просто не хотелось готовиться». При этом, показал опрос, только

12% студентов готовы пожаловаться на преподавателя, если он попросит взятку.

Однако профессиональных, фундаментальных исследований данной проблемы в настоящий момент никем не проводится - в силу провокационности и непрозрачности темы, поэтому точных данных об объемах взяточничества в сфере образования нет [6].

Также нередки случаи подкупа преподавателей, что проявляется в подарках за экзамен, зачет, курсовую работу. Происходит и продажа чужих дипломных работ и диссертаций, которая называется специальным термином в научной среде - диссертационный бизнес. Профессор П. А. Скобликов определяет его как «совокупность нелегальных коммерческих отношений, складывающихся по поводу подготовки и защиты диссертаций» [7].

Согласно статье 1 ФЗ РФ «О противодействии коррупции» под противодействием коррупции понимается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий [8].

Деятельность органов прокуратуры по надзору - это мера профилактики коррупционных преступлений. Выявленные в процессе надзорной деятельности прокуратуры правонарушения, а также осуществление мер для их устранения позволяет предупредить совершение новых преступлений. Установив причины коррупции, а также принимая меры прокурорского реагирования, прокурор осуществляет предупреждение новых правонарушений.

Борьба с коррупцией – задача на уровне всего государства, поэтому Национальные планы противодействия коррупции утверждаются указами президента Российской Федерации. Национальная стратегия — это определенная система мер организационного, экономического, правового, информационного и кадрового характера, направленная на устранение коренных причин коррупции в обществе [9].

Одним из механизмов противодействия коррупции в сфере образования является качественный подбор педагогических кадров и руководства учебных заведений, так как высшее руководство учебных заведений должно служить примером для подчиненных

лиц, потому что приверженность руководства к честной работе является важной составляющей минимизации коррупционной деятельности. Следует также внедрять антикоррупционное образование, которое основывается на прозрачности процесса обучения, изучении юридических, и этических аспектов коррупции. Потому что в ходе учебного процесса необходимо формировать у учеников неприятие к коррупционным проявлениям, а также объяснять, что за совершение данных действий следует наказание.

Для того, чтобы предупредить коррупционные преступления в сфере образования необходимо ввести определенные локальные нормативные акты в образовательных организациях. Например, в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина действует Этический кодекс преподавателей, работников и обучающихся, устанавливающий необходимость противодействия коррупционным действиям. В университете утвержден особый Регламент организации работы по сообщению работниками о получении подарка в связи с исполнением ими должностных обязанностей, сдаче подарка, выкупе и зачислении средств, вырученных от его реализации [10].

Следует отметить, что большое количество преподавателей, получающих взятки, идут на этот шаг из-за небольшой оплаты своего труда, поэтому целесообразно поднять заработную плату преподавателям.

Также в университетах возможно проведение регулярного анонимного анкетирования студентов по вопросам коррупционных действий [11]. Полученным на основе анонимного опроса сведениям о коррупционных деяниях следует придать силу повода для возбуждения уголовного дела, что предусмотрено ч. 3 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников), путем введения исключения в ч. 7 ст. 141 УПК РФ, подчеркнув, что анонимное заявление не может служить поводом для возбуждения уголовного дела за исключением заявлений, содержащих сведения о коррупционных преступлениях в образовательных организациях.

Необходимо активизировать деятельность региональных и муниципальных общественных палат в русле антикоррупционной деятельности [12, 13]. Также следует организовывать работу

телефона доверия и онлайн приемной по вопросам коррупции в сфере образования. Прокуратура должна производить проверку, имеющихся у данных организаций фактов правонарушений.

Источники и литература:

1. Образовательное законодательство России: новая веха развития / отв. ред. Н. В. Путило, Н. С. Волкова. – М.: ИД Юриспруденция, 2015. - 480 с.

2. Аванесов В. С. Основные инструменты коррупции в образовании // Социология коррупции: материалы научно-практической конференции. – М.: РНОПЭ, 2003. - С. 201-205.

3. Аванесов В. С. Противодействие коррупции и бюрократии в сфере образования // Женщины в борьбе против коррупции. - М.: Торгово-промышленная палата, 2008.

4. Бабаев С. Н. Об особенностях и проблемах организации координационной деятельности прокуратуры в борьбе с коррупцией // Прокуратура: вчера, сегодня, завтра (Сухаревские чтения): сборник материалов II Международной научно-практической конференции. - М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2017. - С. 384-391.

5. Корзун И. Г. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции: по материалам Дальневосточного федерального округа. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 192 с.

6. Родочева Е. А. Криминологическая экспертиза проектов нормативно-правовых актов как мера общей профилактики правонарушений и предупреждение коррупционных преступлений // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. -2015. - № 1. - С. 35-39.

7. Скобликов П. А. Диссертационный бизнес. Коррупция в науке: словарь неформальных терминов и понятий // Юридическая газета. - 2011. - № 20.

8. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

9. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 гг.: указ Президента Российской Федерации от 16

августа 2021 г. № 478 [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978/>

10. Рогожкин Н. А. Проблемы совершенствования законодательства о противодействии коррупции в сфере высшего образования и науки // Государственная служба и кадры. - 2019. - № 3. - С.235-238.

11. Гишинский Я. И. О противодействии коррупции в высшем учебном заведении // Вестник Герценовского университета. - 2010. - № 9. - С. 65-70.

12. Муниципальное право России / под ред. А. В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 429 с.

13. Криминология. Особенная часть. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. О. С. Капинус. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 312 с.

Шуплецов Никита Сергеевич

*студент 1 курса юридического факультета (уровень
магистратуры)
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия*

Научный руководитель:

Кузьмин Игорь Александрович

*кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия*

ПОТРЕБНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В ТОВАРАХ, РАБОТАХ И УСЛУГАХ С ПОЗИЦИИ АКСИОЛОГИИ ПРАВА

DOI: 10.47905/i4178-8341-0523-g

Аннотация. В настоящей статье автором предпринята попытка исследовать аксиологический аспект потребности государства в товарах, работах и услугах.

Через аксиологический подход рассматривается категория «потребностей и их реализация», ее сущность и взаимосвязь с существующими принципами контрактной системы. Приводятся примеры из практики.

Ключевые слова: потребность, интерес, принципы, закупки, контракт, общество.

Shupletsov Nikita Sergeevich

1st year student of the faculty of law (master's level)

Irkutsk law institute (branch) of

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Irkutsk, Russia

Scientific curator:

Kuzmin Igor Alexandrovich

PhD in Law, associate professor

Irkutsk law institute (branch) of

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Irkutsk, Russia

THE NEED OF THE STATE FOR GOODS, WORKS AND SERVICES FROM THE POSITION OF THE AXIOLOGY OF LAW

Abstract. The author consistently defines and analyzes the axiological aspect of the state's need for goods, works and services.

The category of "needs and their implementation", its essence and relationship with the existing principles of the contract system are considered through the axiological aspect. An example from practice is given.

Key words: need, interest, principles, purchases, contract, society.

В современном капиталистическом обществе всё большее значение приобретает эффективный механизм удовлетворения потребностей государства в товарах, работах и услугах. Возникающие запросы со стороны общества и необходимость их удовлетворения определяют актуальность выбранной темы.

Потребность – надобность, нужда в чем-нибудь, требующая удовлетворения [1, с. 791]. Следовательно, потребность равнозначна понятию «нужда». В ранее действовавшем Федеральном законе от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставку товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд» под государственными нуждами понимается «обеспечиваемые за счет средств разных уровней бюджета и внебюджетных источников финансирования потребности Российской Федерации, государственных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий Российской Федерации, государственных заказчиков (в том числе для реализации федеральных целевых программ), для исполнения международных обязательств Российской Федерации, в том числе для реализации межгосударственных целевых программ, в которых участвует Российская Федерация» [2]. Государство – это политический, территориальный союз людей, представляющий собой принципиально новый тип общества, который управляется специальным аппаратом публичной власти [3, с. 47]. Потребность государства можно определить как нужду, возникающую у государства в конкретных товарах, работах и услугах, необходимых для нормального его функционирования и реализации интересов общества, определяемых уполномоченными органами и организациями в ходе выявления, изучения и анализа собранной информации.

Сущность государства заключается в создании и поддержании общественного правопорядка при помощи государственного аппарата. Достижение правопорядка невозможно без удовлетворения единых возникающих публичных потребностей, таких как: безопасность, здравоохранение, образование и т.д., что в свою очередь свидетельствует нам о том, что уполномоченные органы и организации должны определять потребности на основании реальных запросов общества.

Механизм определения запросов общества несовершенен и фактически сведён к самостоятельному определению заказчиками своих потребностей в рамках контрактной системы. Однако существуют институты, позволяющие членам общества заявить и обозначить свои запросы. Так, запросы могут выражаться в различных формах, таких как:

1. бюрократически-правовая – запросы поступают в уполномоченные органы и организации на прямую либо направляются в общественные организации.

2. политико-общественная – запросы направляются в общественные приемные политических партий.

3. медиа-общественная – обращение граждан в СМИ.

4. публичная – запросы высказываются на демонстрациях, митингах и шествиях. Такая форма запроса свидетельствует об острых потребностях общества.

5. опосредованная – запросы общества выявляются в ходе опросов общественных мнений, осуществляемых уполномоченными на то органами [4, с. 5–6].

Всё сказанное выше обуславливает необходимость правового регулирования вопросов определения и реализации потребностей государства в товарах, работах и услугах, а также оценки с позиции аксиологии права, выстроенного механизма (раздел философии права, занимающийся исследованием ценностей как базисом человеческого существования [5, с. 13]).

С целью удовлетворения потребностей государства в товарах работах и услугах в Российской Федерации был создан институт контрактной системы, который основывается на принципах: открытости, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок, стимулирования инноваций, ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, единства контрактной системы в сфере закупок, эффективности осуществления закупок [6]. От реализации принципов, которые связаны с соблюдением требований законодательства, направленных на обоснование потребностей и планирования закупок, зависит реальность удовлетворения потребностей государства в товарах, работах и услугах и как следствие потребностей общества. Все это указывает на значимую ценностную характеристику всей контрактной системы и его правового регулирования [7, с. 116].

Действующим Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) в ст. 18 предусмотрена необходимость обоснования

закупок, оценка которых проводится в ходе внешнего государственного контроля (аудита) органами, указанными в ст. 98 Закона № 44-ФЗ, и контроля в сфере закупок. Как аудит, так и контроль осуществляются в преобладающем большинстве на этапе исполнения контрактов, заключенных в ходе закупки, либо на этапе завершения исполнения контракта, что свидетельствует о борьбе с последствиями. В результате это приводит к неудовлетворению реальных потребностей государства в лице уполномоченных органов и организаций, и неправильному расходованию средств, понижая ценность действующего правового регулирования.

Устранить эту проблему был призван план-график (как способ планирования) – структурированный перечень закупаемых заказчиком товаров, работ и услуг на срок, соответствующий сроку действия федерального закона о бюджете на очередной финансовый год и плановый период (до двух лет), являющийся основанием для осуществления закупок. Именно в план-график заказчик включает необходимые для него закупки, то есть определяет потребности в товарах, работах и услугах, необходимых ему для выполнения публичных функций, и в дальнейшем обладает правом внесения изменений пределах лимита бюджетных обязательств. Заинтересованностью в подобном правовом институте обладают субъекты, участвующие в закупках, так как они заранее могут определить примерный перечень закупок, в которых они предполагают участвовать и подготовить материальную базу для надлежащего исполнения обязательств, а также сам заказчик. Это обстоятельство демонстрирует ценность института плана-графика как составной части контрактной системы и его регулирования не только для государства, но и для всех остальных субъектов, принимающих участие в закупке.

Однако, план-график не смог в полной мере решить проблему отсутствия реального контроля на этапе планирования и обоснования закупок, так как он утверждается при внесении его в систему «Электронный бюджет» для заказчиков федерального уровня, и в автоматизированную систему закупок для региональных и местных заказчиков по формальным критериям при отсутствии реального первичного контроля, необходимого для удостоверения действительности указываемых в плане-графике потребностей. Это, в свою очередь, препятствует реализации таких принципов как:

эффективности осуществления закупок и ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд (до момента выявления несоблюдения обоснованности закупки), и противоречит интересам государства, приводя к уменьшению реальной ценности института и к необходимости совершенствования его правового механизма.

Проблематика института плана-графика подтверждается примером из практики прокурорского надзора. Так, заказчик ОГАУЗ «ААА» с целью исполнения плана-графика провел три последовательные закупки, каждая из которых проводилась после исполнения контракта предыдущей закупки. Предметом всех трех закупок является возведение забора на одном и том же месте с одинаковыми параметрами, в двух последующих случаях с демонтажем предыдущего [8]. Указанный пример свидетельствует о явной недостоверности обоснования закупок, утвержденных по формальным признакам в плане-графике, на основании критериев, регламентированных в Закона № 44-ФЗ, приводящих к умалению имущественной сферы государства и невозможности перенаправить освободившиеся средства в иные отрасли.

Реализация обозначенных принципов связана с соблюдением требований законодательства в части обоснования потребностей, то есть необходимость закупок, и их планирования. Закупка считается обоснованной, если применяются «правила определения требований к закупаемым заказчиками отдельным видам товаров, работ, услуг, и планирования закупок» и определена начальная цена контракта (начальная сумма цен единиц товара, работы, услуги).

В части применения правил определения требований к закупаемым заказчиками отдельным видам товаров, работ, услуг, и планирования закупок вопросов не возникает, поскольку они императивно установлены компетентными органами и направлены на действительное удовлетворение потребностей государства в товарах, работах и услугах. Акцентируя внимание в части определения начальной цены контракта, заинтересованных субъектов становится больше, и от реализации интересов и потребностей всех зависит итоговый результат, что также указывает на большую ценностную характеристику правильного правового

регулирования и определения критериев в сфере обоснования закупки.

Если начальная цена определена ниже рыночной, то уменьшается заинтересованность субъектов, готовых участвовать в аукционе, что впоследствии ограничивает конкуренцию (не реализуется принцип обеспечения конкуренции), неблагоприятно влияющую на эффективное удовлетворение потребностей государства в товарах, работах и услугах при оптимальной цене [9, с. 21]. То есть, прослеживается прямая связь между заинтересованностью субъектов, участвующих в закупке, и итоговым удовлетворением потребностей. Однако, определение начальной цены выше рыночной препятствует реализации принципа эффективности осуществления закупок, ввиду чрезмерного расходования средств, которые могли бы быть реализованы с целью удовлетворения иных потребностей государства.

Подведем краткие итоги:

1) удовлетворение потребностей государства в товарах, работ и услуг и сам правовой механизм их удовлетворения имеют огромную ценность, как фактическую, так и правовую, для всех субъектов, включая итогового получателя товаров, работ и услуг – общества.

2) существующая контрактная система и её правовое регулирование несовершенны: остаются пробелы в законодательстве, большое усмотрение заказчика, его заинтересованность, которая может заключаться совершенно в ином, нежели том, что декларируется.

3) не в полной мере получилось у законодателя реализовать провозглашенные принципы контрактной системы, призванные удовлетворить потребности государства в товарах, работах и услугах, о чем свидетельствует практика. С возрастанием потребностей государства, усложнением капиталистических отношений возрастает ценность полного и правильного регулирования, и как следствие, необходимость совершенствования действующего законодательства.

Источники и литература:

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд. – М.: Мир и образование, 2015. – 1375 с.
2. О размещении заказов на поставку товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ: [утратил силу]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права: учеб. пособие / изд. 2-е. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. – 571 с.
4. Тарусин М. А. Общественные запросы и реакция власти // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – № 4 (92). – С. 5–25.
5. Горобец К. В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс. – Одесса: Фенікс, 2013. – 218 с.
6. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ: [в ред. от 02 июля 2021 г.]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Исайчев М. А. Правовая аксиология П. И. Новгородцева // Философия права. – 2015. – № 2. – С. 115–119.
8. Единая информационная система в сфере закупок: официальный сайт. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 26.10.2021).
9. Силаева М. В. Спрос и предложение: учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский филиал ВШЭ, 2006. – 31 с.

Подписано в печать 31.03.2022.
Формат 90x60 1/16. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 24,82.
Тираж 100 экз. Заказ № 226.

«Издательство Межрегиональной ассоциации теоретиков
государства и права»
Отпечатано в ООО «Типография «ИРКУТ»,
г. Иркутск, 664020, ул. Новаторов, 3,
664007, ул. Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел. 203-523.